Григорій Раковскій.

КОНЕЦ БѢЛЫХ.

ОТ ДНѢПРА ДО БОСФОРА.

(Вырожденіе, агонія и ликвидація.)

Прага.
Издательство „Воля Россіи“
1921 г.

Григорій Раковскій.

КОНЕЦ БѢЛЫХ.

ОТ ДНѢПРА ДО БОСФОРА.

(Вырожденіе, агонія и ликвидація.)

---*---

Прага.
Издательство „Воля Россіи“
1921 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Восьмимѣсячный крымскій період борьбы с большевиками, наступившій послѣ новороссійской трагедіи, является періодом агоніи и вырожденія того антибольшевистскаго движенія, которое представляет собою наиболѣе яркую и характерную особенность великой русской революціи въ 1917—1920 г.г.

Разгромом арміи адмирала Колчака в Сибири и арміи генерала Деникина на Югѣ Россіи был предрѣшен дальнѣйшій исход борьбы между красными и бѣлыми. Сравнительно длительное существованіе послѣдняго оплота бѣлых в Крыму объясняется не столько силой инерціи антибольшевистскаго движенія, сколько пассивностью большевиков, не придававших Таврическому полуострову серьезнаго значенія, удачно сложившейся и умѣло использованной стратегической обстановкой, а также и весьма благопріятными для Крыма событіями международнаго характера.

То, что происходило в теченіе восьми мѣсяцев в Крыму, представляет огромный интерес не с точки зрѣнія борьбы русскаго народа в лицѣ его наиболѣе активных представителей за установленіе нормальнаго демократическаго государственнаго правопорядка, а с точки зрѣнія вырожденія антибольшевистскаго движенія, с точки зрѣнія безнадежной попытки представителей старой до-революціонной Россіи, опираясь на крымскую базу, возстановить свое прежнее положеніе, хотя бы и цѣной максимальных уступок революціи и временнаго, конечно, приспособленія к ней.

Участіе демократических масс казачества в этой борьбѣ об'ясняется стремленіем казаков найти выход из того тупика, в котором они очутились послѣ Новороссійска, их страстным желаніем вернуться к себѣ на родину в условія сноснаго человѣческаго существованія, в лучшем случаѣ с возстановленіем своей государственной независимости. Что же касается правительственных органов Дона, Кубани и Терека, то, будучи оторваны от родной почвы, поставлены в условія эмигрантскаго существованія, эти демократическіе по своему происхожденію органы власти также переживают період рас-

пада, вырожденія и, в сущности, являются плохо сохранившимися реликвіями казачьей государственности.

Мнѣ, как журналисту по профессіи, пришлось близко наблюдать, в каких условіях начался крымскій період борьбы с большевиками и затѣм, уже не будучи в станѣ бѣлых, я мог прослѣдить за дальнѣйшими этапами и деталями этой борьбы. Многочисленныя бесѣды с цѣлым рядом лиц, занимавших в Крыму отвѣтственные посты, дали мнѣ возможность излагать событія путем стенографической передачи этих бесѣд, дополняя их нѣкоторыми наиболѣе интересными документами, личными впечатлѣніями, переживаніями и нѣкоторыми матеріалами, помѣщенными по поводу этого періода в крымских и заграничных русских газетах.

Задача моя заключается в том, чтобы, соблюдая хронологическую послѣдовательность, отдѣльными, порой не связанными между собой штрихами, возстановить, хотя бы в самых общих чертах, фактическую обстановку восьмимѣсячной борьбы съ большевиками в Крыму, выявить наиболѣе яркія и характерныя особенности этой борьбы, показать, въ чем заключалось вырожденіе антибольшевистскаго движенія бѣлых и почему заранѣе обречены на неудачу всякія попытки под какими бы то ни было масками возстановить и реставрировать то, что всѣм ходом русской исторіи обречено на гибель. Я хочу, наконец, прослѣдить за послѣдним фазисом этой борьбы, — окончательной ликвидаціей остатков вооруженных сил Юга Россіи послѣ грандіозной эвакуаціи их морским путем из Крыма к берегам Босфора, а также за идейным сдвигом в умах и сердцах противников большевизма из стана бѣлых, происшедшим послѣ крымской катастрофы.

Сохраняя возможный об'ективизм, я стремился прежде всего к тому, чтобы изложить общій ход событій с точки зрѣнія непосредственных свидѣтелей, и, главным образом, активных участников. В этом смыслѣ книга моя в значительной своей части является своеобразным сборником, воспроизведенных по стенограммам „показаній“ виднѣйших дѣятелей, стана бѣлых в період его вырожденія, агоніи и ликвидаціи. Этим объясняются многія из литературных дефектов моей работы, в частности, ея „газетный“, „репортерскій“ характер.

Но в этом и ея достоинство, ибо ясно, что нельзя игнорировать уроков недалекаго прошлаго. Возможно точное воспроизведеніе фактов, относящихся к этому прошлому, для

их использованія в настоящем и будущем, является необходимым условіемъ благопріятнаго разрѣшенія задачи государственнаго строительства великой демократической Россіи...

Григорій Раковскій.

Константинополь
1-го Марта 1921 года.

ГЛАВА I.
ПОСЛѢ НОВОРОССІЙСКА.

В мартѣ мѣсяцѣ 1920 года остатки вооруженных сил Юга Россіи в кошмарных условіях трагической эвакуаціи покинули Новороссійск и, погрузившись на корабли, переѣхали въ Крым — послѣдній оплот антибольшевистских сил Юга Россіи. Кубанская армія и часть Донской арміи, отрѣзанныя послѣ оставленія Екатеринодара от главных сил, горными тропинками в ужасных условіях совершали свой, так называемый, „грязный поход,“ двигаясь по направленію к берегам Чернаго моря в район Сочи и Туапсе.

Эвакуировавшіяся из Новороссійска войска и бѣженцы высадились в Крыму, главным образом, в Феодосіи и Севастополѣ.

Положеніе вооруженных сил Юга Россіи было поистинѣ безвыходным. Армія, послѣ тяжелаго отхода от Орла до Новороссійска, послѣ ужасной эвакуаціи, находилась в состояніи полнѣйшаго матеріальнаго и моральнаго разложенія. Не было снаряженія, не было продовольствія. Остатки грандіозных складов с предметами снабженія были захвачены большевиками в Новороссійскѣ. Не успѣвшія погрузиться воинскія части, десятки тысяч брошенных на произвол судьбы лошадей, огромнѣйшіе обозы,—все это было богатой добычей для противника.

Тяжесть и безвыходность создавшагося положенія заключалась, впрочем, не в этом. Армія была разгромлена морально. В оставленном Новороссійскѣ оставлена была та идея, которая воодушевляла вооруженныя силы Юга Россіи в их борьбѣ с большевиками. У добровольцев и казаков исчезла вѣра в правоту своего дѣла. В войсках нарождались новыя настроенія, пока смутныя и неопредѣленныя, но в основѣ своей носившія характер моральной капитуляціи перед большевизмом. Армія пришла в Крым с опустошенной душой. Апатія, мрачный, безнадежно-пессимистическій взгляд на дѣло дальнѣйшей борьбы с большевиками, одинаково наблюдались как среди представителей команднаго состава, так

и среди рядовой массы. Старые пути оказались негодными, а новых путей пока не намѣчалось. Идеологи антибольшевстскаго движенія, в частности наиболѣе вліятельные при Деникинѣ представители партіи к. д.— всѣ они в теченіе послѣдних мѣсяцев эвакуировались за границу. Эвакуація фактически была превращена в эмиграцію и матеріальный разгром тѣм самым заблаговременно усугублялся разгромом моральным.

Уѣзжая из Новороссійска, немногіе из эвакуировавшихся знали о том, что они ѣдут в Крым. Казалось, что послѣ общаго пораженія главных сил, судьба Крыма предрѣшена стихійным ходом событій. Казалось, что ѣхать в Крым нѣт никакого смысла и что вслѣд за высадкой снова придется погружаться на корабли и куда то эвакуироваться.

Общее настроеніе как низов, так и верхов можно было-бы охарактеризовать словами:

— Борьба с большевиками в тѣх формах, в каких она происходила до сего времени,—теперь немыслима. Нужно или капитулировать, или идти какими то новыми, пока неизвѣстными путями . . .

Видные представители генералитета уже открыто высказывались в том смыслѣ, что наиболѣе стойкія части арміи нужно эвакуировать за границу, примѣрно, в славянскія страны, гдѣ онѣ могли-бы передохнуть, и затѣм дѣйствовать в зависимости отъ создавшейся обстановки.

Выгружаясь в крымских портах, войска были настроены панически. Из уст в уста передавали содержаніе совѣтскаго радіо, в котором говорилось, что „остатки деникинских бандъ переправились в Крым, гдѣ будут уничтожены в теченіе десяти дней.“ Самой злободневной темой среди офицеров и генералов был вопрос об эвакуаціи за границу. Скупали валюту, запасались визами, устраивались матросами на пароходах, а многіе в складчину пытались даже нанимать шхуны и фелюги, считая, что эвакуація в Крыму пройдетъ еще в болѣе тяжелой обстановкѣ, чѣм эвакуація в Новороссійскѣ. Говорили также о необходимости переговоров с большевиками, об условіях, как будто бы, неизбѣжной капитуляціи.

Казалось совершенно невозможным привести в порядок то, что недавно еще именовалось вооруженными силами юга Россіи, всѣ эти дезорганизованныя банды, озлобленныя, разочарованныя, пережившія страшную душевную трагедію в Новороссійскѣ.

Лучше других частей арміи сохранился Добровольческій корпус. Руководимый Кутеповым, этот корпус, — все, что осталось на югѣ Россіи от Добровольческой арміи, — захватил

в Новороссійскѣ корабли и, оставив на произвол судьбы Донскую армію, прибыл в Крым почти в полном составѣ со всѣми тылами в количествѣ 30.000 человѣк и расположился в раіонѣ Симферополя и Севастополя. Остатки Донской арміи в количествѣ 15.000 человѣк, выгрузившись в Феодосіи, в виду их небоеспособности, в виду того, что казаки были безоружны и без лошадей, перевозились в Евпаторію на отдых и переформированіе.

Необходимо, однако, отмѣтить, что прибывшіе в Крым добровольческія части измѣнились до неузнаваемости и лишь по названію напоминали прежних добровольцев. „Цвѣтныя войска", как их теперь называли, — корниловцы, марковцы, дроздовцы,—сохраняя внѣшнюю дисциплину, вѣрнѣе ея видимость, в дѣйствительности являлись разнузданными кондотьерами, развращенными грабежами и насиліями до послѣдних предѣлов. Это не были энтузіасты времен Корнилова, Маркова, Алексѣева, Каледина, беззавѣтно шедшіе за своими вождями. Это были скорѣе преторіанцы, склонные в любой момент под тѣм или иным предлогом выступить против своих высших руководителей. Пьянство, разгул, грабежи, насилія и, что особенно угнетало населеніе, безсудные разстрѣлы, и своеобразныя мобилизаціи, выражавшіяся в том, что добровольцы хватали на улицах всѣх мужчин, и тащили к себѣ в полки, — вот аттрибуты, с которыми прибыл в Крым Добровольческій корпус. Севастопольскій и Симферопольскій районы, наводненные „цвѣтными войсками", переживали тяжелые дни. Особенно плохо пришлось Симферополю, гдѣ размѣстился штаб Кутепова. Улицы города сразу же покрылись трупами повѣшенных. Не удивительно, что даже „совершенно секретная" сводка штаба главнокомандующаго констатировала:

— В городѣ Симферополѣ—общее подавленное настроеніе всѣх слоев населенія, вызванное рядом смертных приговоров, вынесенных военно- полевым судом. Подавленность усиливается с каждым днем, так как аресты, производимые чинами контрразвѣдки, не прекращаются. В населеніи распространяются слухи о крайне предосудительном характерѣ и способѣ веденія слѣдствія в контр-развѣдках и военно-полевом судѣ ...

При таких условіях жизни в Крыму не удивительно, что даже запуганные и приниженные органы мѣстнаго самоуправленія выступали с протестами против эксцессов бѣлаго террора, доходивших до того, что смертной казни подвергались пятнадцатилѣтніе мальчики, почти дѣти. Как относились представители высшей власти к таким протестам в первые мѣсяцы крымскаго періода, — об этом лучше всего свидѣтельствует письмо помощника главнокомандующаго генерала Шатилова на

имя предсѣдателя симферопольской городской думы. В этом письмѣ он, между прочим, писал:

— Упраздненіе военно-полевых судов противорѣчило бы вѣрно понятым интересам арміи, правопорядка и законности. Командованіе считает, что нареканія на дѣятельность контр-развѣдок коренятся в самой атмосферѣ гражданской войны и политическаго розыска...

В концѣ письма говорилось: „о безпочвенной критикѣ и партійных интересах“.

Добровольческія части находились в состояніи развала. На печальныя размышленія наводило и состояніе казачьих частей. Там тоже наблюдался развал. Главную массу казаков составляли донцы. В Евпаторію они пришли в ужасном настроеніи. Они оставили позади свои семьи, свои родныя станицы. Они потеряли своих лошадей и оружіе. Они пришли почти в одном том, в чем их застал печальный день двѣнадцатаго-тринадцатаго марта 1920 года.

Армія Донская, по словам командовавшаго арміей генерала Сидорина, находилась в ужаснѣйшем моральном состояніи, состояніи страшной физической усталости, в состояніи полной необезпеченности ни оружіем, ни лошадьми, ни вообще всѣм необходимым.

В противоположность собравшимся со всей Россіи добровольцам, казаки были органически связаны со своей территоріей—Доном и потому перед ними особенно остро стоял вопрос: что же будет дальше? Придется ли возвращаться на Дон, с оружіем в руках? Придется ли сдаваться на милость побѣдителей—большевиков, или же, быть может, Крым будет эвакуирован, и придется уходить в иноземныя страны?..

Особенно отягощало положеніе казаков то, что они потеряли вѣру в свое дѣло, идею борьбы. Идея эта олицетворялась Донским Войсковым Кругом, который теперь совершенно утратил свое политическое лицо и превратился в толпу людей, думавших только о собственном спасеніи и о матеріальных благах, но никак не о борьбѣ с большевиками. Уже в Новороссійскѣ можно было наблюдать, как всѣ помыслы народных избранников были направлены исключительно на то, чтобы уѣхать, как можно скорѣе. Политическіе вопросы, положеніе фронта, все это их не занимало. В настроеніи членов Круга преобладали двѣ руководящія мысли: как бы не распыляться и быть всѣм вмѣстѣ, а затѣм, как бы устроиться так, чтобы находиться поближе к правительству, атаману, а, главное, к матеріальным средствам войска, к деньгам и товарам. В слабой степени можно было усмотрѣть здѣсь желаніе сохранить идею Донского Войскового Круга до послѣдней возможности.

Над всѣм, однако, преобладал инстинкт самосохраненія. Личные, шкурные интересы заглушали всѣ идейныя побужденія... Этим об'ясняется непрерывная возня вокруг донского серебра, вокруг войсковых товаров, причем члены Круга не скрывали своего недовѣрія к аппаратам власти исполнительной.

Депутаты неудержимо стремились за границу. В період своего недѣльнаго пребыванія в Феодосіи, они были озабочены исключительно этой мыслью и усиленно хлопотали перед главным командованіем и атаманом о валютѣ, визах и суднѣ для перевозки их в Константинополь. Таким судном они намѣтили себѣ пароход „Дунай", на котором были погружены войсковыя цѣнности. Атаман и главное командованіе не пытались задержать Круг в Крыму, так как, будучи громоздким учрежденіем, расхлябанным, пестрым по настроеніям,—донской парламент потерял совершенно свое политическое лицо, вѣру в себя и в ту идею, которую он до сих пор олицетворял.

Круг поэтому всячески старались поскорѣе сплавить за границу, избавиться от него, как от обузы, а потому всѣ просьбы членов круга были удовлетворены и им разрѣшили на пароходѣ „Дунай" выѣхать в Константинополь, который должен был явиться матеріальной базой Войска Донского.

Числа 20 марта „Дунай" отошел из Феодосіи. По дорогѣ, во время остановки в Ялтѣ, разыгрался весьма показательный инцидент, характеризовавшій отношеніе к Кругу со стороны донских воинских частей. На ялтинском рейдѣ члены Круга встрѣтились с пароходом, который везъ из Феодосіи в Евпаторію донскія части генерала Гусельщикова. Когда казаки и офицеры узнали о том, что члены Круга „с товарами" ѣдут за границу, они прислали на „Дунай" делегатов. Представители казаков заявили своим избранникам, что они видят в этом позорное проявленіе трусости, измѣну общему дѣлу и предательство.

— Не за границу, а в Евпаторію вы должны будете поѣхать,—заявили делегаты. Вы обязаны раздѣлить нашу участь... Без вас нас оставят там на произвол судьбы, и мы погибнем. С вами легче будет выѣхать...

Разыгрался тяжелый инцидент, который обнаружил всю оторванность Круга от казаков, полное отсутствіе связи с низами, в частности с воинскими частями, которыя, в виду многочисленных переформированій, уже не имѣли в Кругу своих представителей. Значительная часть депутатов состояла из людей, выбранных в хаотической обстановкѣ первых времен освобожденія Дона теперь уже не существовавшими частями.

Президіуму Круга стоило больших усилій уговорить казаков отказаться от своих притязаній увезти Круг в Евпаторію. Депутаты увѣряли, что Круг уѣзжает не только с вѣдома, но и по приказу донского атамана, который яко-бы задается цѣлью сохранить его для будущаго... К счастью, во время переговоровъ раздались сигналы объ уходѣ парохода съ казаками и послышались крики:

— Команда, садись, отъѣзжать...

Парламентаріи здѣсь схитрили. Они воспользовались моментом и пустили слух, что „хорошо, мол, „Дунай" пойдет за вами в Евпаторію"... Конечно, как только казаки уѣхали, Круг продолжал свой путь на Константинополь.

В момент оставленія Новороссійска Крым оборонялся малочисленным корпусом генерала Слащева. На фронтѣ было затишье, так как главныя силы большевиков находились на Кавказѣ и стягивались на польскій фронт, а тѣ малочисленныя части, которыя дѣйствовали против Перекопа, вынуждены были, послѣ неудачных для них февральских боев на юшуньских позиціях, отойти к сѣверу, так как в тылу у них начали дѣйствовать повстанческіе отряды, и вообще вся Украина находилась в состояніи антисовѣтскаго броженія.

Защита Крыма создала генералу Слащеву исключительную популярность, как в войсках, так и среди той части интеллигенціи и буржуазіи, которая опредѣленно связала свою судьбу с судьбой Добровольческой арміи. Пользуясь этой популярностью, эксцентричный, неуравновѣшенный, самовлюбленный генерал добился диктаторской власти в Крыму и совершенно затушевал командующаго войсками главноначальствующаго Новороссійской области генерала Шиллинга, прибывшаго в Севастополь послѣ январской эвакуаціи Одессы.

В Крыму установился „слащевскій" режим, основанный исключительно на своеобразно-понятом лозунгѣ: „Все для фронта". К тылу огульно примѣнялся Слащевым термин „сволочь". Можно, конечно представить какой тяжелой атмосферой безправія и самодурства был окутан в это время Крым. Слащев упивался своей властью, упивался тѣм „отважным" фиміамом, который курили ему за военный успѣх и, в буквальном смыслѣ слова, измывался над несчастным и забитым населеніем полуострова. Никаких гарантій личной неприкосновенности не было. Слащевская юрисдикція, процвѣтавшая на ст. Джанкой, гдѣ находился штаб крымскаго диктатора, сводилась к разстрѣлам. Горе было тѣм, на кого слащевская контр-развѣдка обращала вниманіе...

При таком режимѣ говорить о какой бы то ни было общественной и политической жизни в Крыму, конечно, не при-

ходилось. Оживленіе наблюдалось лишь в правых кругах, среди монархистов и черносотенцев. В этих кругах уже сорганизовалась вокруг находившагося не у дѣл Врангеля, и, конечно, Слащева серьезная оппозиція главному командованію. Нашедшіе себѣ прибѣжище в Крыму старые бюрократы, аристократы, черносотенное духовенство, реакціонеры из среды мѣстнаго татарскаго населенія,—всѣ они интриговали, сплетничали, наушничали и создавали ту заговорщицкую атмосферу, которой в это время дышал Крым, и которою, особенно послѣ Новороссійска, не мог дышать Деникин. Почва для его ухода была приготовлена заблаговременно.

Еще до паденія Новороссійска Врангель энергично добивался того, чтобы командованіе крымскими войсками было передано ему, а не Шиллингу. В этом смыслѣ представители групп, поддерживавших Врангеля, возбудили ходатайства перед Деникиным. В дѣйствительности же вопрос о Врангелѣ ставился шире.

— В мой штаб,—разсказывал мнѣ Слащевъ, — неоднократно пріѣзжали представители всяких народностей, гражданских организацій, а также и духовенства. Они спрашивали, не буду ли я препятствовать тому, чтобы генерал Врангель занял пост главнокомандующаго. Они убѣждали меня стать опредѣленно на сторону Врангеля и поддержать его. Я находился тогда между двух огней—мажду Шиллингом и Врангелем. . .

Дѣйствительно, отношенія между этими генералами, сильно обострились, особенно послѣ того, как Шиллинг подробно сообщил Деникину о домогательствах Врангеля.

— Можно было ожидать приказа об арестѣ Врангелем Шиллинга и Шиллингом Врангеля,—разсказывал Слащев.

Не удивительно, что атмосфера, которой дышал Крым, оказалась смертельной для недавно сформированнаго из представителей казачества и главнаго командованія южно - русскаго правительства. Власть этого правительства в Крыму оказалась фикціей. Попытки обуздать Слащева и прекратить вопіющіе разстрѣлы, закончились тѣм, что через нѣсколько дней послѣ прибытія правительства, Слащев начал публично в своих приказах третировать министров. Во избѣжаніе всяких эксцессов, Деникин, спустя недѣлю послѣ сдачи Новороссійска, вынужден был расформировать коалиціонное правительство и поручить министру финансов Бернацкому составить упрощенный орган гражданскаго управленія, нѣчто в родѣ канцеляріи по гражданским дѣлам при главнокомандующем.

Врангель в это время уже находился в Константинополѣ, так как Деникин, по прибытіи в Крым, через начальника англійской военной миссіи генерала Хольмена приказал ему выѣхать

за границу. Перед своим от'ѣздом Врангель написал Деникину очень рѣзкое письмо, гдѣ обвинял его в личном пристрастіи, в в политических и военных ошибках, которыя он, Врангель, предвидѣл и своевременно от них предостерегал. Письмо это быстро распространилось по Крыму, в большом количествѣ экземпляров попало за границу, в эмигрантскіе и дипломатическіе круги и, если не сдѣлало Врангеля болѣе популярным, то во всяком случаѣ, сыграло извѣстную роль в дискредитированіи и так подорваннаго престижа генерала Деникина.

От'ѣзд Врангеля не разрядил сгущенную крымскую атмосферу и лишь побудил представителей оппозиціи проявить большую активность в поддержкѣ своего лидера. Тот-же Слащев через графа Гендрикова сообщил от'ѣзжавшему в Константинополь Врангелю:

— Ѣхать дальше вам нельзя. Возвращайтесь, но по политическим соображеніям соедините наши имена, а Шатилову дайте названіе, ну, хоть, своего помощника.

Вмѣстѣ с этим. Слащев вел усиленную агитацію среди высших военных начальников.

— Еще 16-го марта в Феодосіи,— разсказывал мнѣ командующій Донской арміей, генерал Сидорин, — генерал Покровскій и Юзефович пригласили меня на квартиру Покровскаго. Там я застал и бывшаго командующаго Крымским Особым Корпусом генерала Боровскаго. Послѣдній сообщил нам, что он пріѣхал из Симферополя по порученію Слащева, считавшаго не мыслимым дальше оставаться под командой Деникина, котораго нужно замѣнить новым главнокомандующим. Слащев просил Боровскаго переговорить по этому вопросу со старшими начальниками и предложить им при первом-же удобном случаѣ собраться у него, Слащева, на спеціальное совѣщаніе.

Предложеніе Боровскаго не встрѣтило возраженій, в частности и со стороны Сидорина, считавшаго не возможной совмѣстную службу с Деникиным, послѣ бурных с ним столкновеній по поводу оставленія без перевозочных средств донцов в Новороссійскѣ.

Однако, день созыва секретнаго совѣщанія у Слащева, совпал с днем созыва в Севастополѣ Военнаго Совѣта, который, по приказу Деникина, должен был выбрать ему преемника на пост главнокомандующаго.

А в это время адмирал де-Робек, верховный политическій комиссар Англіи в Константинополѣ, получил для передачи Деникину слѣдующее ультимативное предложеніе Великобританскаго правительства:

—Верховный Совѣт находит, что продолженіе гражданской войны в Россіи в настоящее время есть явленіе чрезвычайно

вредное для общаго европейскаго положенія. Правительство Великобританіи, с своей стороны, считаеть нужным обратить вниманіе генерала Деникина на то значеніе, которое имѣли-бы в настоящую минуту попытки установленія сношеній с совѣтским правительством, дабы достигнуть гарантіи безопасности для населенія Крыма и Добровольческой арміи. В полном убѣжденіи, что в ностоящую минуту самое лучшее—оставить неравную борьбу, Великобританское правительство предлагает взять на себя веденіе переговоров с совѣтским правительством с согласія на это генерала Деникина и предлагает послѣднему и его ближаишим сподвижникам убѣжище в Великобританіи. Британское правительство, оказавшее ему в широкой мѣрѣ свою помощь, благодаря которой только и было возможна до сего времени эта борьба, считает себя в правѣ ожидать, что его предложеніе будет принято. Если же генерал Деникин призналбы необходимым отклонить предложеніе и продолжать свое безнадежное дѣло,—Великобританское правительство признало-бы необходимым снять с себя отвѣтственность за могущія в дальнѣйшем послѣдовать событія и прекратить какую-бы то ни было дальнѣйшую помощь.

20 Марта 1920 года де-Робек вручил этот ультиматум находившемуся в Константинополѣ генералу Врангелю. Одновременно с этим он передал ему телеграмму начальника англійской военной миссіи при ставкѣ Деникина генерала Хольмена с приглашеніем от имени главнокомандующаго прибыть в Севастополь на засѣданіе Военнаго Совѣта для выборов замѣстителя генералу Деникину.

Самым фактом приглашенія в Крым высланнаго оттуда по его же приказу лидера оппозиціи Деникин как бы предрѣшал вопрос о своем замѣстителѣ.

Так Врангель и оцѣнил это приглашеніе.

—Ознакомившись с ультиматумом,—разсказывал он мнѣ,—я счел для себя обязательным откликнуться на призыв прибыть к находящейся почти в безвыходном положеніи арміи. Я прибыл в Севастополь 22 Марта и застал там Военный Совѣт, засѣдавшій под предсѣдательством генерала Драгомирова. Отклонив от себя выбор главнокомандующаго, члены Военнаго Совѣта ограничились лишь указаніем на желательнаго кандидата, предоставив его назначеніе самому Деникину.

—Прежде чѣм из'явить согласіе на принятіе должности главнокомандующаго, я счел нужным ознакомить членов Военнаго Совѣта с содержаніем ноты англійскаго правительства, указав с своей стороны, что прекращеніе помощи Англіи ставит нас в невозможность расчитывать на успѣшный исход борьбы.

—По моему мнѣнію,—говорил Врангель членам Военнаго Совѣта,—единственно, о чем приходится думать, это о том, чтобы с честью выйти из создавшагося положенія и сохранить по возможности армію для дальнѣйшей борьбы, сохранить всѣх тѣх, кого эта армія собой прикрывала, не допуская в то же время никаких переговоров с большевиками. Нужно дѣлать все для продолженія борьбы и выигрыша времени, нужно расчитывать на измѣненіе общей политической обстановки, буде таковое продолженіе борьбы оказалось-бы невозможным, на что, впрочем, нѣт надежды.

Нота англійскаго правительства и заявленіе Врангеля произвели на всѣх удручающее впечатлѣніе. Ясно было, что о продолженіи дальнѣйшей борьбы с большевиками не приходилось думать. В этом смыслѣ и был составлен виднѣйшими участниками совѣщанія слѣдующій акт:

—На засѣданіи старших начальников, выбранных из состава Военнаго Совѣта, собраннаго по приказанію Главнокомандующаго в Севастополѣ, 22 Марта 1920 года для избранія замѣстителя генералу Деникину, предсѣдателем Совѣта генералом от инфантеріи Драгомировым было оглашено ультимативное сообщеніе Британскаго правительства генералу Деникину с указаніем на необходимость прекращенія неравной, безнадежной борьбы с тѣм, чтобы правительство Великобританіи обратилось бы к совѣтскому правительству об амнистіи населенію Крыма, в частности войскам юга Россіи, причем, в случаѣ отклоненія генералом Деникиным этого предложенія, Британское правительство категорически отказывается впредь от всякой поддержки и какой бы то ни было помощи,

—При этих условіях совѣщаніе выразило желаніе просить главнокомандующаго о назначеніи его замѣстителем генерала Врангеля, с тѣм, чтобы он, приняв на себя главное комадованіе, добился бы неприкосновенности всѣм лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболѣе благопріятныя условія для личнаго состава вооруженных сил Юга Россіи, именно для тѣх, кто не найдет для себя возможным принять обезпеченіе безопасности от совѣтскаго правительства.

Этот акт подписали слѣдующіе генералы: Драгомиров, адмирал Герасимов, Богаевскій, Сидорин, Кельчевскій, Вязмитинов, Шатилов, Турбин, Боровскій, Покровскій, Топорков, Юзефович Шиллинг, Кутепов, Ефимов, Улагай, адмирал Евдокимов, Стогов, Махров.

Скрѣпляя своей подписью документ, Врангель написал на нем:

—Я дѣлил с арміей славу побѣд и не могу отказаться испить с нею чашу униженія. Черпая силы в поддержкѣ моих ста-

рых соратников, я соглашаюсь принять должность главнокомандующаго.

Так произошла смѣна главнокомандующаго. Генерал Деникин немедленно выѣхал за границу, отдав приказ о назначенiи своим преемником генерала Врангеля.

Событiя развертывались с огромной быстротой. Нельзя было терять ни одной минуты. В первую очередь необходимо было немедленно высказать свое отношенiе к предложенiю англiйскаго правительства.

—Когда я вступил на свой пост,—разсказывал мнѣ Врангель,—передо мною стояла вполнѣ опредѣленная задача. Нужно было, во исполненiе возложеннаго на меня Военным Совѣтом порученiя, принять всѣ мѣры к тому, чтобы сохранить честь русскаго знамени. Однако, в то же время я ясно сознавал, что было почти невозможно разсчитывать на такое разрѣшенiе вопроса, которое бы позволило нам сохранить армiю... В день своего вступленiя на пост главнокомандующаго я послал англiйскому правительству слѣдующую ноту:

— Приказом ген. Деникина я назначен главнокомандующим вооруженными силами Юга Россiи, и вступил в исполненiе своей должности. Категорическое требованiе Британскаго правительства прекратить борьбу ставит мою армiю в невозможность ее продолжать. Возлагая на Великобританское правительство всю отвѣтственность за послѣдствiя его рѣшенiя и категорически отвергая всякую возможность непосредственных переговоров с врагами, я отдаю участь армiи, флота и населенiя, занятых нами областей, также, как и участь тѣх, кто шел с нами в настоящей борьбѣ, на справедливое рѣшенiе Великобританскаго правительства. Долг чести для тѣх, кто в самую критическую минуту отказал в помощи русской армiи, оставшейся незыблемо вѣрной общесоюзническому дѣлу, — принять мѣры к обезпеченiю неприкосновенности армiи, населенiя занятых нами районов, всѣх бѣженцев, которые пожелали-бы вернуться в Россiю, всѣх тѣх, кто сражался на нашей сторонѣ, а равно и тѣх, кто томится в застѣнках Совѣтской Россiи. Я в правѣ требовать от своих подчиненных, чтобы они жертвовали жизнью для спасенiя Родины, но я не могу требовать от них принятiя пощады от врага, ежели они считают это для себя безчестным. При этих условiях я считаю для себя совершенно необходимым, чтобы Британское правительство, предложившее главнокомандующему и его ближайшим помощникам убѣжище внѣ Россiи, распространило-бы эту мѣру на всѣх тѣх, кто предпочтет изгнанiе пощадѣ от врага. Само собой разумѣется, что в этом спискѣ я прошу первым поставить мое имя.

Засѣданiя Военнаго Совѣщанiя происходили в большом се-

крете. Вопрос об ультиматумѣ, равно как и вопрос о замѣстителѣ главнокомандующаго, обсуждались лишь среди наиболѣе отвѣтственных представителей военнаго командованія, которые выдѣлились из состава Военнаго Совѣта, и образовали нѣчто вродѣ „Малаго Совѣта".

Во время этих секретных совѣщаній обсуждался и вопрос о перемѣнѣ оріентаціи. Германофилы возлагали в этом отношеніи на Врангеля большія надежды, считая, что союз с Германіей даст возможность быстро ликвидировать большевизм. Однако, надежды их не оправдались. На вопросы представителей командованія о возможности сдѣлать ставку на Германію, Врангель сообщил, что ознакомившись через довѣренных лиц с положеніем в Германіи, он пришел к совершенно опредѣленному заключенію, о невозможности в каком бы то ни было отношеніи разсчитывать на нѣмцев.

Итак, Врангель должен был содѣйствовать ликвидаціи вооруженных сил Юга Россіи. Это было рѣшено совершенно опредѣленно вплоть до того, что, когда на совѣщаніи старших начальников затронули вопрос о судьбѣ русскаго черноморскаго флота, то командующій Донской арміей ген. Сидорин, поддержанный другими начальниками, совершенно категорически высказался за то, чтобы передать флот большевикам, а не союзникам:

— Ибо, — говорил он, — мы все же сдаем наши суда русским, а не иностранцам...

В военных, общественных и политических кругах, а также среди обывательских массы, об англійском ультиматумѣ циркулировали самые разнообразные и противорѣчивые слухи.

— С большевиками ведут мирные переговоры, — вот тот вывод, который сдѣлал из всѣх этих слухов обыватель.

— Нужно готовиться к предстоящей эвакуаціи, — вот тот вывод который сдѣлали для себя представители командованія, лица, занимавшія отвѣтственные посты как в органах военнаго, так и в органах гражданскаго управленія.

С соблюденіем строжайшей тайны они начинают выправлять себѣ иностранные паспорта, на которых заранѣе отмѣчалось, что паспорт выдается „на случай эвакуаціи".

В ставкѣ разрабатывались и обсуждались планы эвакуаціи, измышлялись тѣ или иные выходы из создавшагося положенія. 8-го апрѣля начальник штаба главнокомандующаго ген. Махров представляет Врангелю даже свои соображенія по поводу мѣр „на случай необходимости оставленія Крыма".

— В виду выгоды обороны перешейков между Геническом и Перекопом, — писал он, — оставленіе нами линіи Сиваша может имѣть мѣсто лишь при большом превосходствѣ сил со стороны

противника, почему разсчитывать на успѣх боя в Крыму не приходится. Поэтому приняты мѣры к выясненію страны, которая может пріютить армію и сдѣланы всѣ подготовительныя соображенія по сосредоточенію войск в портах, посадкѣ их на транспорта и продовольствію во время переѣзда морем.

— Нужно теперь чаще напоминать союзникам и славянским правительствам, — указывал Махров, — о необходимости учесть возможность оставленія нами русской территоріи и, слѣдовательно, заблаговремннаго указанія страны, куда могут переѣхать наши войска.

— Главнѣйшей мѣрой успѣшности морской перевозки является срочная добыча угля для чего нельзя жалѣть никаких средств.

— Однако, приготовляясь к худшему, и изыскивая пути укрыть армію заграницей, необходимо опредѣленно установить, что это есть крайній, весьма нежелательный и исключительный случай, к которому придется прибѣгнуть при полном отсутствіи у нас территоріи.

— Полагаю, что надлежащая работа на Кубани, соотвѣтствующая политика в Грузіи и Украинѣ и новый внутренній курс могут дать нам возможность, на случай оставленія Крыма, переброситься в предѣлы Кавказа, Кубани или Одессы для продолженія борьбы с большевиками.

— Имѣя флот, морской транспорт и уголь, мы можем по сосредоточеніи красными большого кулака в одном мѣстѣ быстро перемѣщаться в другое, и, продолжая борьбу, выждать окончательнаго паденія большевизма в Россіи.

— Для осуществленія сего, кромѣ изложенных выше мѣр, нужно тщательно наблюдать за положеніем на Кавказѣ, чтобы принять отвѣчающее обстановкѣ рѣшеніе.

— Для свободы дѣйствій необходимо в трюмах всѣх кораблей теперь же в видѣ балласта погрузить как валютные грузы, так и (кромѣ расходнаго запаса) боевое и иное военное имущество.

Скрытая подготовка к эвакуаціи шла усиленнымъ темпом. Рядовые офицеры, казаки, солдаты инстинктом чувствовали, что верхи к чему-то готовятся, что происходят какія-то важныя событія в смыслѣ установленія новых взаимоотношеній с большевиками. В виду полной неосвѣдомленности о планах и перспективах высшаго командованія, в виду остраго ощущенія матеріальнаго и моральнаго разгрома, — они нервничали, волновались, шумно обсуждали создавшееся положеніе, а офицеры даже посылали к высшим начальникам делегаціи с просьбами освѣтить обстановку. В частях наростало озлобленіе против команднаго состава, яко-бы умышленно скрывавшаго истинное положеніе вещей. Начинается слежка за начальниками, которым опредѣленно не довѣряют и считают, что в один прекрасный день они,

бросив солдат и казаков на произвол судьбы, сядут на корабли и уѣдут за границу.

В связи с этим все чаще и чаще раздавались угрозы:

— Все равно никого не выпустим. Погибать будем, — так всѣ вмѣстѣ...

Командный состав был поставлен в безвыходное положеніе. Офицеры знали смутно о том, что идут какіе-то переговоры о судьбѣ Крыма между англичанами и большевиками, но сами не имѣли об этом никаких точных свѣдѣній. Нельзя было, однако, сидѣть сложа руки. Нужно было что-то дѣлать, и, конечно, в первую очередь приводить в порядок разрозненныя, разгромленныя, дезорганизованныя части, так как ясно было, что успѣх переговоров и безопасность командного состава тѣсно связаны с боеспособностью частей.

В силу этих соображеній, а также в виду чисто технической необходимости, — непосредственно послѣ оставленія Новороссійска в войсках начинается энергичная работа по приведенію в порядок и поднятію боеспособности прибывших в Крым остатков вооруженных сил юга Россіи.

Затишье на фронтѣ создавало увѣренность, что переговоры англичан с большевиками идут нормально и теперь отдѣльные освѣдомленные начальники не скрывали от своих подчиненных содержанія англійскаго ультиматума и отвѣта на этот ультиматум.

В такой обстановкѣ прошел конец марта и начало апрѣля.

6-19 апрѣля англійскій адмирал Сеймур вручил Врангелю слѣдующую телеграмму англійскаго адмиралтейства:

— Англійское адмиралтейство увѣдомляет, что лорд Керзон послал господину Чичерину в субботу 19 апрѣля (н. ст.) телеграмму, в которой сообщил ему, что, несмотря на пораженіе вооруженных сил Юга Россіи, нельзя допустить их окончательной гибели. Поэтому, если господин Чичерин не согласится на посредничество лорда Керзона и на прекращеніе дальнѣйшаго наступленія, которое могло-бы послѣдовать со стороны Совѣтов,—правительство его величества будет обязано направить свой флот для защиты крымской арміи от безпрепятственнаго захвата со стороны Совѣтов послѣдняго убѣжища русской арміи.

— Получив эту телеграмму,—разсказывал мнѣ Врангель,— я сейчас-же отдал соотвѣтствующій приказ по войскам. Сообщая в этом приказѣ о начавшихся переговорах, я в то-же время призывал их дѣятельно готовиться к продолженію борьбы в случаѣ необходимости и раз'яснял войскам, что надѣяться на

благопріятный исход переговоров нельзя, что, в концѣ концов, мы можем разсчитывать только на самих себя.

Этот противорѣчивый казуистическій приказ с опубликованіем того факта, о котором знали лишь военные верхи, произвел конечно, огромное впечатлѣніе и способствовал новой вспышкѣ того эвакуаціоннаго настрсенія, которое так было характерно для начала крымскаго періода. Было совершенно не понятно, в силу каких соображеній и разсчетов главное командованіе из факта переговоров с большевиками о капитуляціи, переговоров, которые начаты при посредствѣ англичан,—приходит к заключенію, что „необходимо сдѣлать все, дабы удержать с помощью наших союзников в наших руках послѣднюю пядь земли русской и вырвать побѣду из рук врага".

Говорить о побѣдѣ над большевиками послѣ новороссійской катастрофы казалось нелѣпым. Неудивительно, что представители казачества, дѣлая надлежащіе выводы из создавшейся обстановки, выдвинули тот проект, который уж давно был выдвинут на Кубани черноморской группой кубанских политических дѣятелей, возглавляемым первым предсѣдателем краевого правительства, а затѣм Краевой Рады Бычем. Сущность этого проекта сводилась к тому, чтобы добиться от Антанты признанія самостоятельности Кубани, буде Антанта признает совѣтскую Россію.

— Послѣ выступленія лорда Керзона с предложеніем капитулировать, — разскзывал мнѣ донской атаман генерал Богаевскій,—наше донское правительство составило особый меморандум, который был разослан представителям иностранных держав. В этом меморандумѣ мы указывали на историческое право казаков на самостоятельное существованіе, на их свободолюбіе и республиканскія убѣжденія. С насильственно навязанным совѣтским строем казачество не примирится никогда. В виду этого, донское правительство настаивало на том, что, если вопрос о борьбѣ с большевиками бсзповоротно будет рѣшен в отрицательном смыслѣ,— независимость донской территоріи должна быть гарантирована Антантой. Взаимоотношенія совѣтской Россіи и донцов должны быть только договорными.

Меморандум подавался от имени донского правительства, но в нем выражалась увѣренность, что к донцам присоединятся и всѣ остальные казаки—терцы, астраханцы. Кубанцы-же еще до Новороссійска подавали аналогичное заявленіе.

Меморандум был препровожден „для ознакомленія" Врангелю.

— Представляя из себя послѣднія два с половиной года самостоятельныя государства с опредѣленными территоріями и населеніем,—писал ему Богаевскій.—Войско Донское и при ли-

квидаціи борьбы не может быть безгласным свидѣтелем переговоров. Оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинныя вольности, донское казачество не может помириться с поглощеніем его Совѣтской Россіей и перед правительством Дона встает вопрос об обезпеченіи интересов казачества дипломатическим путем. В случаѣ катастрофы, казачество не может разсѣяться, так как оно привязано к своей территоріи.

— Эти соображенія,—заканчивал Богаевскій,—и побудили меня обратиться к союзным державам с просьбой о посредничествѣ и защитѣ в тот момент, когда начнутся общіе переговоры о ликвидаціи гражданской войны . . .

Никаких практических результатов меморандум не имѣл.

В теченіе цѣлаго мѣсяца со дня пред'явленія ультиматума, свѣдѣній о результатах мирнаго посредничества Великобританіи не поступало. В военных и политических кругах ходили лишь смутные и неопредѣленные слухи о том, что переговоры уже начались, что они очень замедляются непримиримостью большевиков, отвергающих всякое посредничество и требующих полной капитуляціи. У всѣх, однако, была надежда на то, что мирные переговоры идут и, в концѣ концов, приведут к опредѣленным результатам,—окончанію гражданской войны, что, казалось всѣм, естественным, неизбѣжным и единственным выходом из создавшагося положенія.

Но этим надеждам не суждено было осуществиться.

В концѣ апрѣля мѣсяца Врангель получил оффиціальное письмо от генерала Перси, представителя Англіи при ставкѣ, в котором указывалось, что „лорд Керзон увѣдомил адмирала де-Робека, верховнаго политическаго комиссара Англіи в Константинополѣ, о том, что отвѣт господина Чичерина на его предложеніе до сего времени не дает надежды на благопріятное разрѣшеніе вопроса. В виду этого, англійское правительство предлагает Врангелю лично начать переговоры с совѣтским правительством. При этом лорд Керзон вновь указывает на то, что продолженіе борьбы генералом Врангелем может имѣть лишь один отрицательный результат и англійское правительство не может поддерживать эту борьбу и оказывать Врангелю какую-бы то ни было помощь“.

— В этот же день,—разсказывал мнѣ Врангель,—я отвѣтил на это письмо нотою, в которой подчеркивал, что рѣшительно отвергаю всякіе непосредственные переговоры с большевиками. В то же время я указывал, что не могу допустить мысли, будто англійское правительство имѣет нынѣ намѣреніе отказаться от того самаго посредничества, которое оно предлагало на себя взять. Теперь оно хочет потребовать от меня непо-

средственных переговоров с врагом, а это, как извѣстно было англійскому правительству, я считал для себя невозможным . . .

Вопрос о переговорах с большевиками послѣ этого продолжал оставаться в неопредѣленном положеніи и до конца мая никаких отвѣтов и новых сообщеній от англійскаго правительства в Крым не поступало.

ГЛАВА II.

КРЫМСКІЕ ПУТИ ВОЗРОЖДЕНІЯ РОССІИ.

В то время, когда в строжайшем секретѣ происходили эти переговоры, положеніе Крыма, как будто бы, начинало улучшаться. На западном фронтѣ Совѣтской Россіи разыгрывались событія первостепенной важности. Заключив союз с украинским правительством, возглавляемым Петлюрой, поляки вели энергичное наступленіе на юго-западныя и сѣверо-западныя области Россіи. На Украинѣ они уже подходили к Кіеву, паденія котораго нужно было ожидать со дня на день. Отовсюду поступали и усиленно муссировались слухи о том, что населеніе южных областей и Кавказа никак не может примириться с большевиками, что стихійныя вспышки народных возстаній парализуют всѣ усилія коммунистов установить совѣтскій строй на югѣ Россіи.

Красной арміи было теперь не до Крыма. Уже упущен был удобный момент для захвата полуострова, когда он защищался ничтожными в численном отношеніи частями генерала Слащева. Впрочем, совѣтскіе главковерхи не придавали этому послѣднему оплоту бѣлых никакого серьезнаго значенія. Против Крыма дѣйствовали лишь слабые заслоны, своего рода небольшіе сторожевые отряды.

Нужно было использовать благопріятную обстановку. Мало было надежд на удачный исход переговоров о мирѣ. И представители главнаго командованія, и отвѣтственные начальники склонны были думать, что красные откажутся от всяких соглашеній и будут требовать полной капитуляціи.

Трудно было примириться с таким выходом. Немногіе осознали значеніе новороссійской катастрофы, как факта, который завершал собою трехлѣтнюю борьбу с большевиками. Сила инерціи антибольшевистскаго движенія продолжала оказывать давленіе на психику добровольцев и казаков, очутившихся в Крыму. Звѣриные навыки гражданской войны, недовѣріе ко всяким гарантіям безопасности, сомнѣніе в дѣйствительном осуществленіи той амнистіи, на которую в лучшем случаѣ могли-бы разсчитывать казаки и добровольцы—все это создавало в воин-

ских частях настроеніе, которое можно было-бы использовать для продолженія борьбы.

К тому же кадры добровольческих частей, состоявшіе из офицеров, принимавших самое близкое участіе в борьбѣ с большевиками еще со времен Корнилова, Алексѣева и Каледина, являлись элементом, не связанным с какой-либо территоріей, с профессіональными и кондотьерскими навыками, элементом, находившемся в безвыходном положеніи, а потому и представлявшим собою благодатный матеріал для всяких новых военных предпріятій и авантюр.

Что касается казаков, то, очутившись в Крыму, они, конечно, ни о чем другом не могли думать, как только о возвращеніи на родину. Однако, они органически не могли примириться с коммуной. Являясь участниками многочисленных возстаній и упорнѣйшей борьбы с красными, казаки сознавали, что в родных станицах и хуторах, гдѣ каждый хорошо знает друг друга, гдѣ иногороднее населеніе сочувствовало большевикам,—они могут очутиться внѣ закона. Волей-неволей, а казаки должны были думать о том, что вернуться на родину легче всего с оружіем в руках. Из всѣх зол приходилось выбирать наименьшее, т. е. снова, как бы это ни было безнадежно, принять участіе в вооруженной борьбѣ.

Что же касается населенія „буржуазнаго" Крыма, то, во-первых, с мнѣніями и настроеніями этого населенія никто не считался, во вторых,—это населеніе, в сущности, одинаково чуждалось и бѣлых, и красных, и желало только одного—спокойствія и скорѣйшаго прекращенія гражданской войны. Населеніе соблюдало нейтралитет и своей пассивностью как-бы санкціонировало дѣйствія наиболѣе активной стороны.

Такой активной стороной в данный момент являлась та группа, которая сплотилась вокруг Врангеля и выдвинула его на пост главнокомандующаго. Честолюбивый, энергичный, темпераментный Врангель, обуреваемый жаждой власти и желаніем играть первенствующую роль, тѣ, кто сгруппировался возлѣ него,—не могли так легко примириться с мыслью о ликвидаціи Крыма. Как можно было разстаться с властью, когда в теченіе столь продолжительнаго времени всѣ они стремились к тому, чтобы играть руководящую роль, отодвинуть на задній план либеральные кадетскіе круги, на которых главным образом базировался Деникин, и, принимая во вниманіе всѣ ошибки этих кругов, сдѣлать рѣзкій крен вправо, попытаться продолжать борьбу с большевиками, новыми силами методами, и средствами...

Еще во времена Деникина, когда Врангель находился в интенсивной перепискѣ с предсѣдателем „Совѣта Государственнаго

Об'единенія" Кривошеиным и с другими членами этой монархической организаціи, состоявшей, главным образом, из аграріев, крупных промышленников и старых реакціонеров-бюрократов, —еще тогда разрабатывался новый план возрожденія Россіи. В основѣ этого не оформленнаго плана лежала мысль о том, что русскій народ пойдет не за большевиками, не за соціалистами, и не за либералами. Он пойдет за тѣми, кто правил им до революціи. Нужно только, приняв надлежащій курс, сумѣть привлечь этот народ на свою сторону.

С уходом Деникина кандидат этой группы, генерал, пользовавшійся популярностью, как в арміи, так и среди вліятельных тыловых групп, оказался у власти. Ни Врангелю, ни тѣм, кто его поддерживал, терять было нечего. Почему не попытаться, пользуясь благопріятной обстановкой, провести в жизнь свой план борьбы с большевиками? В прочность и устойчивость совѣтской власти никто не вѣрил. Общее положеніе, в особенности международная обстановка, могут быстро измѣниться. Быть может, попутный вѣтер надует паруса Врангеля . . . В крайнем случаѣ, почему не забаррикадироваться в Крыму, не использовать стратегических выгод его мѣстоположенія? Примѣр Слащева, с горстью людей отстоявшаго Крым,—на лицо...

Всѣ эти мотивы и соображенія приводили к тому, что среди крымских верхов, возглавляемых Врангелем, все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль о возможности не только продлить агонію, но и продолжать вооруженную борьбу с большевиками во всероссійском масштабѣ.

В воинских частях тѣм временем шла уже полным темпом напряженная работа по приведенію в порядок дезорганизованных казаков и добровольцев. Нужно было возстановить в первую очередь дисциплину, утраченное довѣріе к командному составу. Дорога была каждая минута. Уже начались пероговоры с противником. Долго ли будет продолжаться затишье на фронтѣ—не извѣстно. Войска—не надежны. Крым находится в состояніи неустойчиваго равновѣсія. Малѣйшій толчек и... все может превратиться в бушующее море анархіи, когда офицеры и генералы в первую очередь станут жертвой озлобленных масс. Представители командованія сознавали это и работали, не покладая рук, готовясь ко всему:—к капитуляціи ли, к эвакуаціи ли, а может быть, и к новой борьбѣ. Реорганизуя части, нельзя было игнорировать и находившихся в хаотическом состояніи органов гражданскаго управленія.

Вопросы общеполитическаго характера занимали пока второстепенное мѣсто.

—Первый мѣсяц моего управленія,—розсказывал мнѣ Вран-

гель,—всюду был такой хаос, такой всеобщій развал, такое озлобленіе против главнаго командованія, что, отбросив всѣ остальные вопросы, я свою энергію направил исключительно на приведеніе в порядок всего разрушеннаго, на поднятіе престижа главнаго командованія.

Послѣднее обстоятельство внушало Врангелю самыя серьезныя опасенія. Он упивался властью. Он хотѣл быть кумиром толпы. Ему, как воздух, необходимы были безпрекословные исполнители его предначертаній. Та власть, которая была у Деникина и Колчака Врангеля не удовлетворяла. Необходимость сосредоточенія всей полноты военной и гражданской власти в однѣх руках Врангель оправдывал слѣдующими соображеніями:

—Расчитывать на военный успѣх можно лишь при наличіи единой военной власти, коей должны быть подчинены также и гражданскія функціи государственнаго организма. В гражданской войнѣ это особенно важно, ибо здѣсь, болѣе чѣм гдѣ-либо, перепутаны военные и гражданскіе вопросы. Диктатура не может и не должна быть слѣпа и проводимая ею политика должна быть той равнодѣйствующей, которая выражает собою чаянія масс. Уловить эту равнодѣйствующую—искусство того военачальника, который в своем лицѣ об'единяет всю полноту власти. Диктатор выдвигается народом, потому что он уловил эту равнодѣйствующую. То, что было до меня—у Колчака и Деникина—это не диктатура. Тормазом у Колчака были соціалисты-революціенеры. У Деникина же существовали всякія „особыя совѣщанія,“ которыя связывали его по рукам и ногам...

Считая, что он является диктатором милостью Божіей и волей народа, Врангель об'являет себя высшим носителем всей полноты власти военной и гражданской. Предсѣдателем вновь формировавшагося правительства он назначает находившагося тогда в Парижѣ своего ближайшаго политическаго единомышленника и руководителя монархиста Кривошеина. Пост министра иностранных дѣл занимает входившій вмѣстѣ с Кривошеином в состав „Совѣта Государственнаго Об'единенія“ Струве. Министром финансов остается эластичный „чиновник“, профессор Бернацкій, еще со времен Деникина спеціализировавшійся на катастрофическом пониженіи рубля и на втираніи очков в отношеніи блестящих финансовых перспектив, как результата его мудрой финансовой политики. В вѣдѣніе дѣлами торговли и промышленности вступил один из крымских зубров Налбандов, министерство земледѣлія возглавил черносотенец Глинка. Остальные члены правительства были безцвѣтными исполнителями приказаній Врангеля и Кривошеина.

Вслѣд за формированіем правительства перед главнокоман-

донаніем в первую очередь встал вопрос о взаимоотношеніях с казаками. Еще в Екатеринодарѣ Верховный Казачій Круг вынес резолюцію о разрывѣ с Деникиным и с тѣх пор эти взаимоотношенія не имѣли под собой формальных основаній. Между тѣм, казаки и добровольцы послѣ Новороссійска заняли опредѣленно враждебную позицію друг к другу. Нужно было также и разрѣшить вопрос о судьбѣ находившихся на черноморском побережьѣ Кубанской арміи и остатков Донской.

По этому поводу и для выясненія обстановки в Севастополь в началѣ апрѣля прибыли с Черноморскаго побережья кубанскій атаман Букретов и предсѣдатель кубанскаго правительства Иванис.

Атаманы казазьих войск были на лицо, и Врангель использовал всѣ выгоды своего положенія. В Крыму не было представителей казачьей оппозиціи главному командованію, не было казачьих парламентов — Донского и Терскаго кругов и Кубанской Рады. Разговаривать пришлось только с казачьими атаманами, всегда по своей „генеральской" психологіи склонными поддерживать главное командованіе. К тому-же, казаки находились в Крыму в безвыходном положеніи, а потому им можно было диктовать свои условія,

В началѣ апрѣля между Врангелем и атаманами был заключен договор о совмѣстной борьбѣ с большевиками. Находившіяся в простраціи казачьи правительства в этом договорѣ участія не принимали. Врангель, в силу заключеннаго соглашенія, об'единял в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. Что касается казачьих вооруженных сил, то главнокомандующій являлся высшим военным начальником в отношеніи стратегическаго и тактическаго их употребленія и по другим вопросам, связанным с веденіем военных дѣйствій. В отношеніи внутренняго гражданскаго устройства казачьи войска и области должны были пользоваться полной автономіей. При сношеніи с правительствами иностранных государств никакія сепаратныя выступленія со стороны казаков не могли имѣть мѣста. Всякія сношенія должны были предприниматься по соглашенію с командованіем. В свою очередь, главнокомандующій при сношеніях с иностранными правительствами по всѣм вопросам, касающимся казачьих областей, предварительно должен был сноситься с казачьими атаманами.

— Текст соглашенія, — разсказывал мнѣ донской атаман, генерал Богаевскій, — был предложен нам Врангелем. Ни с моей стороны, ни со стороны терскаго атамана не было протестов. Кубанскій-же атаман Букретов внес в послѣдній пунк дополненіе о том, что не только мы без вѣдома главнокомандующаго не можем сноситься с иностранными державами, но и Врангель

также должен был совѣтоваться с нами по дѣлам иностранной политики,

Фактически соглашеніе это ставило казаков в положеніе полной зависимости от главнаго командованія. Особенно остро ощущалось это в Крыму, гдѣ никакими автономными правами казаки не пользовались, так как хозяевами здѣсь были добровольцы, а казаки находились на положеніи бѣдных родственников.

А на Черноморском побережьѣ в это время уже агонизировали остатки вооруженных сил юга Россіи—кубанцы и донцы. Ставка была занята крымскими дѣлами, и с полным индеферентизмом относилась к воплям, доносившимся с Черноморья. Это так бросалось всѣм в глаза, что в казачьих кругах открыто начинали говорить о предательствѣ, о том, что ставка опредѣленно желает ликвидаціи казачьяго фронта, дабы главное командованіе в полной мѣрѣ являлось бы хозяином положенія и не имѣло бы никакого дѣла с казачьей оппозиціей, оставшейся на Черноморьѣ.

Припертые к морю, окруженные большевиками, лишенные возможности интернироваться в Грузію, остатки казачьих вооруженных сил капитулировали перед Красной арміей. Ставка не прислала своевременно судов, а потому в Крым выѣхали лишь остатки Донской арміи и незначительные в численном отношеніи части кубанцев.

Таким образом, во второй половинѣ апрѣля в Крыму были сосредоточены всѣ антибольшевистскія силы юга Россіи. Украина, Дон, Кубань, Терек—все это находилось в руках большевиков. Наиболѣе устойчивая и организованная кавказская республика—Грузія, уже заключила мир с Москвой и, в дѣйствительности, ея существованіе находилось в полной зависимости от усмотрѣнія Совнаркома.

Закрѣпив соглашеніем с атаманами свои диктаторскія полномочія, Врангель рѣшил самым опредѣленным образом отмежеваться от своих предшественников и доказать всѣм и каждому, что он не будет повторять ошибок Деникина и Колчака, а пойдет какими-то новыми путями.

Нужно сказать, что над изысканіем этих новых путей ломали себѣ головы и отвѣтственные военные и гражданскіе дѣятели послѣдняго періода деникинскаго правленія. Ко времени вступленія Врангеля на пост главнокомандующаго в ставкѣ накопилось уже много проектов и докладных записок, составленных в духѣ переоцѣнки цѣнностей. Послѣ ухода Деникина, начальник штаба главнокомандующаго генерал Махров со своими помощниками попытался в особой докладной запискѣ, поданной Врангелю 8—21 апрѣля, подвести итог деникинскому періоду и

указать новые пути, методы и средства к тому, чтобы продолжать борьбу с большевиками с надеждой на успѣшное ея окончаніе.

Стоя на точкѣ непримиримой борьбы с большевиками, авторы записки доказывали, что достичь успѣха можно только при наличіи горячаго сочувствія, широкой поддержки крестьянской Россіи.

— Чтобы привлечь народныя массы на свою сторону, — читаем мы в запискѣ, — необходимо твердо знать чаянія этих масс, навсегда вкоренившіяся в народную душу. Они всѣм извѣстны и заключаются в слѣдующих лозунгах:

— „Народоправство", „Земля", „Рабочій вопрос", „Возстановленіе гражданскаго порядка и законности", „Долой гражданскую войну".

Крестьяне должны быть надѣлены дополнительно землею путем уничтоженія крупнаго землевладѣнія.

— Мы, – писал Махров, — должны привлечь на свою сторону среднее крестьянство и мелкое землевладѣніе, сохраняя незыблемым в противовѣс соціалистам принцип собственности и укрѣпив его всѣми мѣрами и столь ожидаемым крестьянином юридическим порядком (выкуп и „бумага с орлом").

— Только это рѣшеніе и будет первой реальной мѣрой, которая одна заставит населеніе повѣрить, что новая власть взяла новый курс и не уподобится старой в желаніи оттянуть дѣло и вернуть землю в полном об'емѣ прежним владѣльцам. Только это рѣшеніе даст правительству довѣріе, даст мобилизуемых, даст право потребовать от населенія всяких жертв для борьбы с врагом.

Автор записки понимает, что идею участія народа в управленіи страной нельзя искоренить никакими силами, а поэтому „необходимо стать на путь широкаго, разумно понимаемаго демократизма, отвергая всѣ лѣвыя искаженія этой идеи и продолжающіяся попытки крайних правых совершенно отвергнуть этот принцип. Поэтому, в деклараціи верховной власти необходимо подтвердить, что задачей внутренней политики ставится созыв Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Во исполненіе сего об'явить о выборах членов этого Собранія, положенных от Крыма, и немедленно к этим выборам приступить. Эти члены Учредительнаго Собранія должны быть привлечены к участію в работѣ правительства с предоставленіем им совѣщательнаго голоса. По мѣрѣ очищенія сосѣдних областей от большевиков, должны выбираться члены Учредительнаго Собранія.

Необходимо смѣло поставить лозунг федеративности и единства Россіи, призвать к работѣ органы самоуправленія.

Перечислив мѣропріятія по рабочему вопросу, Махров, од-

нако, подчеркивает, что „расчитывать на привлеченіе рабочих цѣликом на нашу сторону трудно,“ а поэтому „нужно прибѣгнуть только к палліативам.“

Доказывая необходимость реальной, а не идеалистической иностранной политики, авторы записки предлагают использовать против большевиков всѣ окраинныя образованія—Латвію, Литву, Бѣлоруссію, Украину, Грузію, Азербейджан и др.

— Нужно, — читаем мы в запискѣ, — об'явить лозунг „Долой гражданскую войну“, образовать единый противобольшевистскій фронт и угрозой затяжной гражданской войны и соотвѣтствующей пропагандой в Совдепіи снова толкнуть на возстаніе в Совѣтской Россіи.

— Надо побѣдить большевиков и большевизм не силой оружія (что не всегда дает полный успѣх). Надо побѣдить его идейно, использовав, пока не поздно, всѣ ошибки, всѣ политическіе и тактическіе промахи совѣтской власти.

Нужно вести разрушительную работу в самой Совдепіи бороться с большевистской пропагандой, усиленное вниманіе обратить на развитіе пропаганды, и, конечно, интенсивно продолжать вести открытую вооруженную борьбу с большевиками.

— В противоположность Добровольческой арміи в области политическо-стратегической должно быть положено в основу полное взаимодѣйствіе всѣх противобольшевистских сил. Всякая сила, так или иначе выступающая против совѣтской власти, должна имѣть право на нашу поддержку (явную, или тайную — это все равно).

— Район борьбы с большевиками должен быть расширен возможно больше. Надо стремиться создать очаги вооруженой борьбы там, гдѣ населеніе с большевистским режимом помириться не может. Такими очагами могут и должны быть: Сѣверный Казказ, Дон, Крым, Украина. Нужно укрѣпить Крым и затѣм захватить Сѣверную Таврію.

— С петлюровцами должен быть военный союз; их нужно поддерживать снарядами, патронами и денежными средствами и при их помощи в первую очередь освободить от большевиков правобережную Украину...

Хотя Врангель в бесѣдѣ со мною и назвал эту записку „фельетоном“, но, несомнѣнно, во многих отношеніях она наложила отпечаток на политику крымских верхов, особенно в первый період, когда только начинал разрѣшаться в положительном смыслѣ вопрос о том, чтобы „лѣвую политику дѣлать правыми руками“.

Что касается самого Врангеля, то в бесѣдѣ со мною, он охарактеризовал сущность новаго политическаго курса слѣдующим образом:

— Средства и возможности, которыя я получил, совершенно исключали всякую надежду на продолженіе борьбы с большевиками тѣми методами, какими она велась моими предшественниками, т. е. исключительно военной силой. Я ставил себѣ задачей прежде всего ясно показать, что на своих штыках несет русская армія, дабы весь мір и русскій народ, наблюдая эту борьбу, могли бы сравнить два порядка вещей и безпристрастно рѣшить, на чьей сторонѣ правда и справедливость. Я прежде всего стремился цѣлым рядом мѣр разрѣшить наиболѣе острые вопросы внутренней жизни, показать, что Русская армія несет с собою не однѣ слова... И в первую очередь я немедленно приказал разрабатывать земельный закон и закон о волостном земствѣ, дающій возможность народу снизу участвовать в государственном строительствѣ.

— Я ясно с самаго начала рѣшил подчеркнуть, что вопрос о будущей формѣ правленія должен подлежать рѣшенію самого русскаго народа. Я лишь обязан обезпечить ему возможность установленія того государственнаго строя, который он пожелает. С той минуты, когда волей судьбы я стал во главѣ русской власти, я отрѣшился совершенно от своих личных политических симпатій и рѣшил призвать к работѣ всѣх русских людей без различій политических убѣжденій, всѣх тѣх, кто искренне пожелал бы помочь мнѣ свергнуть большевистское иго. И я неоднократно предлагал людям самых разнообразных политических партій работать со мною. Я призвал на помощ себѣ Кривошеина, ближайшаго сотрудника Столыпина по земельному вопросу, знатока этого дѣла, который своим опытом во многом должен был облегчить мнѣ техническую работу по проведенію в жизнь намѣченных мною реформ по земельному вопросу. Я пригласил работать бывшаго революціонера Струве, наиболѣе из всѣх разбиравшагося в сложной политической обстановкѣ жизни запада. Я предложил сотрудничество со мною земскому дѣятелю Хрипунову, и с.-р. доктору Долгополову. Самое сопоставленіе всѣх этих имен достаточно показательно в том смыслѣ, что я не искал людей одной партіи и не от меня зависѣло, что не всѣ они откликнулись на мой зов.

— В противоположность моим предшественникам я иначе смотрѣл на вопросы централизаціи и децентрализаціи. В виду необ'ятности территорій, занимаемых бывшей Россіей, в виду этнографических и бытовых особенностей населенія этих территорій, я считал не цѣлесообразной централизацію управленія. Я полагал, что в разлагающемся тѣлѣ Россіи во время революціи постепенно оживали извѣстныя клѣтки. Было-бы преступленіем их убивать, если онѣ сохраняются самой жизнью. Если онѣ не жизнеспособны, они сольются с другими частями

организма. Здоровыя же клѣтки нужно сохранить, способствуя их возможно болѣе дружному совмѣстному существованію.

Такая казуистическая формулировка основных принципов новаго политическаго курса давала возможность Врангелю и его помощникам, скрывая истинныя свои намѣренія, как будто-бы охотно идти на встрѣчу пожеланіям представителей всѣх политических теченій, всѣх групп и направленій, начиная от Махно, самостійников, и кончая мракобѣсами-черносотенцами. С федералистами Врангель хотѣл казаться федералистом. Централисту он говорил о „единой, недѣлимой". Монархисту — о царѣ и республиканцу — о республикѣ. Наиболѣе же удобной формой для крымскаго диктатора была ссылка на то, что он, мол, не хочет предрѣшать воли народа.

В противоположность довольно ярко выраженному политическому индивидуализму Деникина, Врангель рѣшил не имѣть собственнаго политическаго лица, вѣрнѣе затушевать его двусмысленными формулами. В отличіе от своеобразной солдатской прямолинейности Деникина, не допускавшаго компромиссов, в основных вопросах строго соблюдавшаго чистоту политических риз Добровольческой арміи, правитель Крыма строил всю свою политику, выдвигая новый лозунг: — „Хоть с чертом, но за Россію и против большевиков"...

Крымская политика вся состояла из компромиссов. Крымскіе Талейраны и Макіавелли пытались скрыть свое истинное лицо, затушевать свои тайные планы и намѣренія, втереть всѣм и каждому очки и... втихомолку вести собственную линію, не стѣсняясь противорѣчіями между словами и дѣлами.

В Крыму хотят создать образцовое государство, устроить своего рода „опытную ферму" государственнаго строительства, здоровое государственное ядро, которое будет развиваться и притягивать к себѣ другія русскія области.

— Не тріумфальным шествіем из Крыма к Москвѣ, — заявляет Врангель в своей деклараціи, — можно освободить Россію, а созданіем хотя бы на клочкѣ русской земли такого порядка и таких условій жизни, которыя потянули-бы всѣ помыслы и силы стонущаго под большевистским игом народа.

Крымскіе „фермеры" стараются во всем отмежеваться от Деникина. Реорганизуется армія на новых началах, создаются новыя учрежденія, переименовываются старыя, намѣчаются новые методы борьбы с большевиками, усиленно обсуждаются способы привлеченія симпатій населенія к новой правящей группѣ.

Чтобы окончательно разорвать с прошлым, Врангель уничтожает термин „Добровольческая армія" и переименовывает ее в „Русскую армію".

—Слово „Добровольческая“,—пояснял Врангель,—не соотвѣтствовало тому принципу обязательнаго отбыванія воинской повинности, который фактически в ней проводился. Самый термин „Добровольческая“ был связан с цѣлым рядом мѣропріятій внутренняго характера, относящихся к опредѣленному періоду, так называемой, „добровольческой политики“. А эта политика, как показала исторія, была главной причиной отхода от Орла до Новороссійска...

Переименовывая армію, Врангель об'являет войну общей расхлябанности, грабительскому и преступному элементу. Переформировываются учрежденія, комплектуются части. Усиленное вниманіе обращается на организацію технических, в частности автомобильных и авіаціонных частей. В результатѣ, из остатков вооруженных сил Юга Россіи составляются четыре боеспособных корпуса. Первый находился под командой Кутепова, второй — Слащева, третій, состоявшій из кубанцев, терцев и астраханцев — под командой Писарева. Донская армія также переформировалась в Евпаторіи в отдѣльный корпус.

Одновременно с этим в ставкѣ усиленно обсуждаются многочисленные проекты об организаціи морских экспедицій к берегам Совѣтской Россіи для развѣдки, а главное, для всяческаго содѣйствія развитію повстанческаго движенія вплоть до созданія отдѣльных государственных образованій на первых порах даже независимых от Крыма. Проэкты реализуются и нѣсколько шхун отправляются в одесскій район, к берегам Дона и Кубани.

Вообще, на повстанческое движеніе в ставкѣ обращают исключительное вниманіе. Особенно интересуются „махновщиной“. Махно расматривается теперь уже не как бандит, а как выразитель крестьянских чаяній, как своего рода некоронованный крестьянскій царь.

Для того, чтобы найти поддержку в этом партизанском движеніи, Врангель рѣшил вступить в тѣсный контакт с „батькой“ Махно. Развѣдывательное отдѣленіе ставки указывало, что Махно стоит на аграрно - анархической позиціи и, по существу, является бандитом и что он вряд - ли может войти в соглашеніе с царским генералом. Врангель на эти указанія не обращал вниманія. В результатѣ агентурная часть контр - развѣдывательнаго отдѣленія направила на Украину нѣскольких офицеров, которым были даны письма от Врангеля к Махно. В этих письмах говорилось о том, что Махно будет пользоваться поддержкой со стороны Врангеля и что ему предоставляются права самостоятельнаго начальника. Он должен лишь продолжать энергичную борьбу в тылу у красных. Врангель писал также о том, что Русская армія идет освобождать крестьян и рабочих от

ига коммунистов, а это совпадает, по его мнѣнію, с лозунгами Махно.

Мечтая об этом союзѣ, крымскіе политики заигрывают с Петлюрой, с поляками, ведут с ними переговоры о союзѣ, посылают делегаціи, соглашаются на всякія уступки и компенсаціи, вплоть до отторженія от Россіи цѣлых областей с чисто русским населеніем, реставраціи польскаго помѣщичьяго землевладѣнія и т. д.

Населеніе Крыма относилось с полным индифферентизмом к широковѣщательным деклараціям о том, что в Крыму началась новая эра возрожденія Россіи. Тѣ, кто осмыслили значеніе новороссійской катастрофы, заранѣе считали, что все происходящее в Крыму нужно разсматривать только, как отголоски Новороссійска, как агонію и вырожденіе антибольшевистскаго движенія, что всѣ широковѣщательныя деклараціи ни что иное, как пустыя слова, что честолюбивый Врангель, являясь по существу лидером монархистов-реставраторов, стремится лишь к тому, чтобы возможно дольше удержаться у власти и, в концѣ концов, осуществить свои великодержавные реакціонные замыслы. Горячо поддерживали новую власть представители правых кругов, от которых старался отмежеваться Деникин, и которые работали при нем лишь за кулисами ставки и Особаго Совѣщанія. Теперь они не скрывали своего ликованія по поводу занятія Врангелем поста главнокомандующаго.

— Пора взяться за ум, — говорили они. Пора вернуть власть тѣм, кому она принадлежит по праву и у кого ее отняли революціонеры. Спасеніе Россіи — в монархіи. Дайте народу „хозяина“ и . . . большевизм разсѣется, как дым.

Наибольшую активность в этом отношеніи проявляли представители воинствующаго черносотеннаго духовенства во главѣ с епископом Веніамином, который дѣятельно поддерживал Врангеля еще тогда, когда он вел борьбу с Деникиным. Церковныя кафедры были превращены в митинговыя трибуны, с которых представители реакціоннаго духовенства восторженно прославляли Петра Врангеля, сравнивая его не только с Петром Великим, но даже и с апостолом Петром. Он явится, мол, тѣм камнем, на котором будет построен фундамент новой Россіи. . .

Уже и в это время усердіе духовных агитаторов доходило до того, что нѣкоторые из наиболѣе трезво смотрѣвших на общее положеніе военных начальников начинают горячо протестовать против этих своеобразных „проповѣдей“.

Вот образчик такой агитаціи по рапорту командира третьяго стрѣлковаго полка Дроздовской дивизіи, поданному на имя начальника дивизіи генерала Витковскаго.

В этом рапортѣ он указывал, что к нему в полк прибыли, ва священника, командированные епископом Веніамином для того, чтобы выступать с агитаціонными проповѣдями перед всѣми частями арміи.

Нарисовав картину моральнаго разложенія, проповѣдник, как пишет автор рапорта, сдѣлал вывод, что „уже наступило обѣщанное апостолом Павлом царство Антихриста“. Это царство можно уничтожить вѣрой и благочестіем. . .

— Мужики, воюющіе в Красной арміи, — утверждал один из прибывших священников—миссіонер Ставропольской губерніи Рудаков — воевать с нами не хотят, и, если бы не жиды, которые пулеметами заставляют их идти вперед, война давно-бы окончилась, и наступил бы общій мир,

— Сам по себѣ соціализм не так уже опасен, если бы его не возглавляли жиды. . .

— Надо проникнуться истинной вѣрой, — восклицал оратор. Надо собрать со всѣх концов всѣх вѣрующих и крестным ходом сообща пойти из Керчи в Феодосію, из Феодосіи в Симферополь, Севастополь, в Евпаторію и дальше к фронту. Пройти фронт, и, имѣя впереди себя священников с крестом в руках, идти все дальше и дальше, впредь до самой Москвы, зная навѣрное, что всѣ, кто встрѣтит этот ход, пойдут за ним, и этим окончится вся эта безсмысленная война. Теперь народ пойдет только за тѣм, кто на своих знаменах напишет: „ За Вѣру“.

Говоря о прошлых ошибках главнаго командованія, миссіонер так выразил свою мысль:

— И вот собрались наши генералы на совѣщаніе, чтобы рѣшить, какіе об'явить лозунги, дабы за ними пошел русскій народ. Один из них и предлагает:

— Напишем на наших знаменах: „За Единую Россію“.

— Что-ж, можно, — говорят.

Другой предлагает:

— Напишем: „За Великую“. . .

— И это можно. . .

— Третій: — „За Недѣлимую“. . .

Все это было принято собраніем.

Тогда один из присутствовавших на засѣданіи генералов сказал:

— А не прибавить ли нам к этому: „За Вѣру“ ? . . .

Деникин замялся и отвѣтил, что это неудобно, так как в рядах Добровольческой арміи сражаются не только православные христіане.

Предложеніе было отвергнуто.

— И не допустил Бог эту армію, идущую без вѣры, до

святой Москвы, — восклицал оратор. И оттолкнул ее обратно туда, откуда она пришла.

— Из представленных мнѣ рапортов, — доноситъ по командѣ дроздовец, — видно, что стрѣлки поняли эту проповѣдь, как призыв бросать оружіе и идти против таких же русских, как и они сами, не с винтовкой, как говорят офицеры, а с крестом, так как с большевиками оружіем все равно ничего не подѣлаешь; что всему виной одни „жиды" и что не будь их, никаких бы ужасов в Россіи не было, а давно уже был-бы мир и порядок. Приведенный проповѣдником эпизод военнаго совѣщанія генералов истолкован стрѣлками, как неспособность генералов быть вождями народной арміи.

— Дѣло так просто: написал на знаменах: „За Вѣру", „Бей жидов, спасай Россію"... и иди вперед без всяких потерь, а то писали: — „За Единую, Недѣлимую" и... очутились в Крыму.

— Донося о вышеизложенном, — заканчивает свой рапорт командир полка, — прошу вашего распоряженія в слѣдующій пріѣзд проповѣдников предложить им в своих проповѣдях не касаться способов веденія войны и оцѣнки дѣйствій наших начальников, напомнив им, что это меньше всего касается высоко-нравственных цѣлей, преслѣдуемых всякой христіанской проповѣдью.

Врангель, однако, весьма дорожил этой поддержкой духовенства и всемѣрно покровительствовал епископу Веніамину и его соратникам.

— Я считаю, — пояснил он, — что в числѣ тѣх основ, на которых была устроена Россія, одно из главных мѣст занимает православная церковь. Подрывая эти основы, большевики много вниманія удѣлили и церкви, стараясь всячески запоганить душу русскаго человѣка. Я сам человѣк вѣрующій, и придаю огромное значеніе правильно поставленному религіозному в спитанію...

Служители церкви типа Веніамина, черносотенные журналисты из отбросов русской печати, осколки аристократіи, гнѣздившіеся в Ялтѣ, озлобленные аграріи, истосковавшіеся по власти бюрократы — вот кто занял в Крыму мѣсто сбѣжавших за границу кадетов и членов Особаго Совѣщанія. В первые мѣсяцы борьбы, когда всякій намек на оппозицію был задавлен, когда не только соціалисты, но и весьма умѣренные либеральные политическіе и общественные дѣятели были загнаны в подполье, когда не была еще налажена связь с демократическим Западом, — только одни распоясавшіеся реакціонеры — реставраторы чувствовали себя в Крыму хозяевами положенія.

То, о чем раньше они могли лишь мечтать, теперь, как будто-бы, получало оффиціальную санкцію. Тайные планы, разработанные в тиши кабинетов, в маленьких кружках заговорщиков, впервые послѣ революціи начинали, казалось, реализовываться.

В противовѣс большевикам, в Крыму в первую очередь нужно было создать новую идеологію, придать „здоровому государственному ядру" опредѣленную политическую физіономію.

— Врангель, говорили в руководящих, т. е. правых политических кругах, — как реальный политик, как лицо, стоящее во главѣ возрождающейся Россіи, не может, конечно, прямо высказывать то, к чему он на самом дѣлѣ стремится. Зачѣм опережать событія? Зачѣм ему заранѣе раскрывать свои карты? . . Врангель вынужден лавировать . . . Достаточно того, что он с нами. Мы должны, взяв на себя боевую политическую работу, создать, оформить, выявить ту идеологію, которая должна лежать в основѣ новаго государственнаго строительства . . .

Выразителями этой идеологіи явились: Веніамины, Востоковы, Малаховы, Бурнакины, Ножины, „Національныя Общины" (выдвигавшія, кстати сказать, вмѣсто большевистскаго лозунга: „Вся власть совѣтам" свой лозунг: „Вся власть „Національным Общинам"), военныя организаціи типа офицерскаго ордена: „За Вѣру, Царя и Отечество" и т. д. Только они могли вести публичную агитацію, они задавали тон в печати, они считали себя единственными выразителями мнѣній и настроеній руководящих кругов.

На чем же базировались тѣ, кто считал себя строителями новой Россіи? О чем писалось в их газетах, какіе лозунги выдвигались на публичных собраніях и с церковных кафедр?

— Православіе, Самодержавіе и Народность, — вот основы русской государственности . . .

— Россія возродится, как „Святая Русь", или Россіи вовсе не будет. Святая Русь поднимется на развалинах Императорской Россіи. Там — православіе, самодержавіе, народность. . . тут — тѣ же понятія, но в болѣе сложной и тонкой формулировкѣ.

— Русскій ренессанс заключается в том, чтобы вызвать к жизни быт, величіе, дух нашей до-петровской Руси с ея сорока сороками церквей, сановитостью, прочностью, Земским Собором и „хозяином", избранным от „всея земли".

Монархизм, как реставрація, становится руководящим политическим теченіем. В издававшейся на средства, отпущенныя Врангелем, газетѣ „Святая Русь" епископ Веніамин неустанно доказывал, что:

— С уходом царя порвалась слабая связь народа с руководителями его. Это и нужно твердо помнить, чтобы понять прошлое. Это нужно ясно знать, чтобы строить прочное будущее. Православный царь мыслился и чувствовался в народном сердцѣ, как родной отец, и носитель Божьей правды, Божій помазанник. Горе наше, что его отняли у народа революціонеры...

Самодержавіе должно быть неразрывно связано с православіем. Церковь должна быть в неразрывном союзѣ с государством и играть в нем руководящую роль. Деникин и Колчак погибли, потому что хотѣли строить Россію без церкви.

— Теперь,—говорили авторы новой крымской идеологіи,— должно быть ясно, что русское возрожденіе требует активнаго участія церкви, ея возврата к историческому участію в государственном строительствѣ. Церковь должна ринуться в политическую борьбу и кипучее море національнаго боренія. Духовенство должно стать на стражѣ государственных интересов. Большевизм довершил собою работу русской революціонной интеллигенціи. Он окончательно оторвал церковь от государства и государства не стало.

Понятіе „народность“ отождествлялось в Крыму с антисемитизмом и выражалось в погромных проповѣдях и в лекціях Малахова о „жидомассонских кознях.“

Русская интеллигенція являлась об'ектом для наиболѣе ожесточенных выпадов, ибо, „ей принадлежит иниціатива разрушительной революціи“. Суд над русской интеллигенціей в печати и на публичных собраніях творили отбросы „Новаго Времени“ и „Вечерняго Времени“, об'единившіеся вокруг севастопольской газеты „Вечернее Слово“, редактируемой называвшим себя „большевиком справа“ Бурнакиным и пользовавшейся в это время особенным и матеріальным, и моральным покровительством ставки.

Реакціонеры являлись теперь полными хозяевами положенія и не встрѣчали противодѣйствія ни с чьей стороны. Широкаго общественнаго мнѣнія в Крыму не было. Но об этом никто и не печалился. Наоборот: в оффиціальных и оффиціозных кругах констатировалось с полным удовлетвореніем, что:

— Русская общественность ушла со своего поста. Образовалась пустота. И это хорошо, потому что общественность надоѣла нам до тошноты. Теперь, когда общественность дезорганизовалась и сбѣжала с своего поста, посмотрите: стало лучше. И власть окрѣпла, и фронт крѣпнет, и порядок крѣпнет. и творческія силы растут, и по Крыму разивается спокойствіе...

Не удивительно, что крымскіе кадеты во главѣ с кн. П. Д. Долгоруковым совершено капитулировали под бурным натиском пра-

вых и пошли у них на поводу. В резолюціи об отношеніи к власти, вынесенной на майской севастопольской конференціи членов кадетской партіи, говорилось о необходимости военной диктатуры, о вредѣ одной критики, о том, что нужно, мол, доводить до свѣдѣнія властей о злоупотребленіях отдѣльных представителей администраціи на мѣстах и т. д. Все это было вяло, мертво, и имѣло характер какой то нудной, безконечно надоѣвшей работы. Налет анемичности лежал на всѣх этих партійных отписках и не чувствовалось в них ни вѣры в правоту своего дѣла, ни общественной бодрости, ни энергіи, ни, вообще, какого-бы то ни было серьезнаго содержанія.

Работа по созданію крымской идеологіи и изысканію новых путей завершилась слѣдующим приказом Врангеля, опубликованным в специальном выпускѣ оффиціальной газеты „Военный Голос".

— Слушайте, русскіе люди, за что мы боремся?! За поруганную вѣру и оскорбленныя ея святыни. За освобожденіе русскаго народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разорившихъ Святую Русь. За прекращеніе междуусобной брани. За то, чтобы крестьянин, пріобрѣтая в собственность обрабатываемую им землю, занялся-бы мирным трудом. За то, чтобы честный рабочій был обезпечен хлѣбом на старости лѣт. За то, чтобы истинная свобода и право царили на Святой Руси. За то, чтобы русскій народ сам выбрал бы себѣ Хозяина. Помогите мнѣ, русскіе люди, спасите Родину...

— Слово „Хозяин" было напечатано крупными буквами. Ясно было, какое содержаніе вкладывалось в этот специфическій термин. Конечно-же, цензура сдѣлала строгій нагоняй редакціи самой лѣвой севастопольской газеты „Крымскій Вѣстник" за попытку напечатать статью, автор которой доказывал, что под „хозяином" нужно понимать Учредительное Собраніе. Одновременно с этим газеты типа „Вечерняго Слова" печатали восторженныя статьи о том, что „разсѣялись, наконец, учредительные туманы", и... отнынѣ возрожденіе Россіи пойдет быстрым темпом.

Теперь у лиц, занимавших отвѣтственные посты в Крыму, были окончательно развязаны руки. Черносотенцы, в особенности из аграріев, ликовали. Разработка аграрнаго закона затормозилась, ибо предсѣдатель земельной комиссіи сенатор Глинка откровенно заявил журналистам, что „только царь в полном об'емѣ может разрѣшить земельный вопрос".

Подхалимы и льстецы уже открыто выставляли кандидатуру „Петра Четвертаго" на царскій престол, и Врангель вынужден был выступить со скромным опроверженіем в печати.

— „Хозяином“,—говорил он,—я себя никоим образом не считаю . . .

Тихо было в Крыму в то время, когда там намѣчались и разрабатывались новые пути возрожденія Россіи. В удушливой атмосферѣ бѣлой военной диктатуры не слышно было ни одного протестующаго, смѣлаго, честнаго, независимаго голоса. Все было задушено, придавлено, загнано в подполье.

Бѣльмом на глазу у Врангеля с момента его вступленія на пост главнокомандующаго была лишь Евпаторія, гдѣ размѣстились донцы во главѣ с генералом Сидориным.

ГЛАВА III.

ДѢЛО „ДОНСКОГО ВѢСТНИКА".

Новороссійская трагедія, закончившаяся, как я уже отмѣтил, тѣм, что в Крым попала лишь малая часть Донской арміи, лишенной перевозочных средств, захваченных Добровольческим корпусом при содѣйствіи и попустительствѣ главнаго командованія, поселила в сердцах казаков чувство глубокой обиды и даже вражды к добровольцам. Этот антагонизм особенно остро выявлялся во взаимоотношеніях между главным командованіем и руководителями Донской арміи. Трудно было говорить о совмѣстной работѣ командующаго Донской арміей генерала Сидорина с генералом Деникиным послѣ того, как командующій готов был застрѣлить главнокомандующаго на новороссійской пристани.

Сидорин рѣшил уйти с своего поста, тѣм болѣе, что донской атаман генерал Богаевскій стоял на точкѣ зрѣнія необходимости тѣснѣйшей совмѣстной работы с Деникиным. На этом Богаевскій особенно энергично настаивал во время своего разговора по прямому проводу с Сидориным 19 марта, т. е. недѣлю спустя послѣ Новороссійска.

— В настоящее время, — говорил он Сидорину, — разрыва с Деникиным быть не может; иначе Донская армія, лишенная всякой помощи с его стороны, будет обречена на гибель, даже в Крыму.

— Военные начальники, — отвѣчал Сидорин, — не довѣряют сейчас руководству главнаго командованія. Подорвана не вѣра в дѣло, а вѣра в руководителей. Заявляю вам о том, что я больше под командой генерала Деникина и его штаба работать не могу...

Командующій Донской арміей рѣшил уйти с своего поста, как только будут приведены в порядок привезенныя в Крым части казачьей арміи. Он был убѣжден, что при условіи сохраненія старых порядков в управленіи вооруженными силами Юга Россіи, при условіи прежняго отношенія главнаго командованія к казачьим войскам, при наличіи тѣх же политических оши-

бок, — нечего было и думать о продолженіи дальнѣйшей борьбы с большевиками.

В свою очередь, и генерал Деникин чувствовал, что между главным командованіем и казачеством вбит большой клин, что послѣ Новороссійска трудно будет заполнить ту пропасть, которая образовалась между казаками и добровольцами. Еще в Феодосіи он прямо заявил донскому атаману Богаевскому:

— Ведите переговоры с Грузіей и перевезите туда, если хотите, донцов. У них теперь такое настроеніе, что я совершенно не увѣрен, против кого они употребят свое оружіе, если я его им выдам. Мнѣ такой помощи не нужно. Я обойдусь с одними добровольцами и прикрою Крым.

Уход Деникина помѣшал ему замѣнить Сидорина генералом Абрамовым и, когда Врангель занял пост Главнокомандующаго, донской штаб в Евпаторіи находился в состояніи рѣзкой оппозиціи к главному командованію. Взаимоотношенія между Врангелем и Сидориным не только не улучшались, но, наоборот, ухудшались с каждым днем, так как, в сущности, оба генерала, занимавшіе наиболѣе отвѣтственные посты, являлись политическими антиподами.

Демократическій радикализм Сидорина, независимость во взглядах и сужденіях, любовь к казачеству, как к наиболѣе здоровой, организованной, свободолюбивой части русскаго народа, критическое отношеніе к вырождавшимся добровольческим частям все это расцѣнивалось во врангелевских кругах с точки зрѣнія возможности самых неожиданных сюрпризов от евпаторійской оппозиціи в родѣ тѣх, какіе в свое время готовил Врангель Деникину.

Нужно было ликвидировать евпаторійское „осиное гнѣздо“, как выражались в Севастополѣ. Нужно было ловить удобный момент, чтобы с корнем вырвать казачью оппозицію из Крыма и обставить разгром донского штаба так, чтобы обезпечить себя от каких-либо новых выступленій. У Врангеля, который в свое время руководил разгромом Кубанской Рады, в этом отношеніи был опыт...

В Евпаторіи, между тѣм, все это время шла напряженная работа по приведенію в порядок остатков Донской арміи. Особенно много вниманія приходилось удѣлять моральному настроенію казаков, в сердцах которых катастрофа, постигшая вооруженныя силы Юга Россіи, оставила неизгладимый отпечаток. Казаки теперь не хотѣли даже и думать об освобожденіи Москвы. В лучшем случаѣ они могли лишь с оружіем в руках пробиваться на Дон. Чтобы заставить казаков снова начать вооруженную борьбу с большевиками, руководителям казачества

приходилось выдвигать новые лозунги, возстанавливать утраченное довѣріе к вождям и снова повести массу за собой.

Огромную помощь в этой работѣ должна была оказать печать и при донском штабѣ рѣшено было издавать оффиціальную газету — „Донской Вѣстник", — редактировать которую должен был начальник политической части штаба сотник граф дю-Шайля.

Редактор „Донского Вѣстника" составил себѣ совершенно ясный и опредѣленный план веденія газеты.

— Я, — разсказывал он мнѣ, — совершенно отрицал основы политической программы генерала Деникина и в своей идеологіи исходил из признанія мартовской реролюціи со всѣми ея завоеваніями, Учредительным Собраніем, землей и волей, и самоопредѣленіем народов Россіи в рамках федераціи. Большевизм я отрицал во имя идей мартовской революціи и считал, что в Крыму должно начаться политическое оздоровленіе антибольшевистскаго движенія. Послѣ Новороссійска грандіозная задача возрожденія Россіи вызывала в иностранных кругах весьма скептическое к себѣ отношеніе. Сидя послѣ полнаго разгрома в Крыму, казалось нелѣпым говорить о Москвѣ. Необходимо было примѣнить систему умолчанія, т. е. никогда не говорить, но все время об этом думать. Я считал, что с точки зрѣнія благопріятнаго разрѣшенія русской проблемы, нужно было стремиться к созданію казачьяго государства. Только эта идея могла быть в Крыму популярной среди казаков, составляющих главную массу антибольшевистских сил. Такой проэкт мог также встрѣтить сочувственное к себѣ отношеніе и со стороны союзных кругов, озабоченных тѣм, чтобы воспрепятствовать продвиженію большевиков через Кавказ в Азію к их владѣніям. Осуществленіе моей идеи было тѣсно связано с существованіем закавказских республик, а главное — созданіе казачьяго государства на юго-востокѣ со включеніем туда Дона, Кубани, Терека, Ставропольской и Черноморской губерній явилось-бы первым моментом в процессѣ возрожденія Россіи. Несомнѣнно, что созданіе на самом тѣлѣ Россіи дѣйствительно демократическаго государства вызвало-бы во всей странѣ стихійный творческій процесс государственнаго оздоровленія. Вот почему в своей газетѣ я ставил для казаков, находящихся в Крыму, первой задачей возстановленіе их боеспособности и затѣм поход на Москву и на Дон для созданія казачьяго государства.

Эта идеологія ярко выявилась в первых же номерах „Донского Вѣстника", занявшаго рѣзко враждебную позицію в отношеніи политических кругов и теченій, игравших руководящую роль среди тѣх, кто с оружіем в руках боролся против большевизма на Югѣ Россіи.

— Мы привѣтствуем эвакуацію тѣх, — писал автор статьи

„Эвакуація“, — кто вѣками смотрѣл на Русь, как на доходное помѣстье, а на народ, как на толпу рабов. Эти люди лишній раз показали высоту своих идеалов. Освободительная война казачества была использована ими для выгодных операцій на хлѣбѣ русскаго крестьянина, на трудѣ рабочаго, на крови казака. Народ отшатнулся от них, и они сами отвергли себя. Пусть эвакуируются и шумной толпой разбрасывают ворованныя народныя деньги в константинопольских притонах...

— Поход вооруженных сил Юга Россіи на Москву, — говорилось в статьях „Побѣда“ и „Исповѣдь“, — отличался от похода любой чужеземной арміи лишь худшими явленіями. Что же несли мы на остріях штыков? Свободу? Равенство? Братство? — Національное, политическое и соціальное порабощеніе... Мы стали в глазах народа хуже большевиков.

— В этом и ни в чем ином заключаются причины пораженія.

— У нас была сила, но правды не было: была борьба силы против силы, а не борьба правды против силы, а потому были успѣхи, но побѣды не было с нами.

Коренную причину этих отрицательных явленій и пораженія антибольшевистских сил в борьбѣ с большевиками „Донской Вѣстник“ усматривает в том, что по сущности своей и происхожденію своему политическая власть главнаго командованія не отличалась от власти совѣтской. В газетѣ проводилась параллель между произвольным образованіем в октябрѣ 1917 года в Смольном узко-классовой власти Совнаркома и не менѣе произвольным образованіем в 1918 году в Екатеринодарѣ узко-классовой власти — „Особаго Совѣщанія“.

— Казачество отвергло тѣх и других захватчиков народной власти, — читаем мы в статьѣ „Донцы в Крыму“, носившей программный характер. Оно высказалось против всякой диктатуры, как справа, так и слѣва, против монархистов и коммунистов — этих прирожденных врагов совѣтской власти.

Какіе же новые пути борьбы с большевиками намѣчались „Донским Вѣстником“?

— Созданіе правды внутри нас, в наших взаимоотношеніях и в нашем отношеніи к народной Россіи, — писалось в статьѣ „Побѣда“, — ознаменует организацію и обезпеченіе побѣды. Гражданская война — война лозунгов и настроеній. Наши части могут разбивать сколько угодно дивизій, но что же будет, если против нас будет вся народная Россія, а она непремѣнно будет против нас, если мы вновь явимся, как завоеватели.

Нужно оріентироваться на русскій народ. К этому призывала статья „Оріентація“.

— Торжество русской демократіи не должно быть в зависимости от лондонской или берлинской палки. В нашей тяжелой борьбѣ наш самый вѣрный союзник и, к сожалѣнію, слишком забытый, это — народная Россія, которая равным образом не желает снести ни помѣщиков, ни коммунистов.

Созданіе тріединаго казачьяго Доно-Кубано-Терскаго государства, исторически связаннаго с древними казачьими республиками, уничтоженными Петром Первым, разсматривается в „Донском Вѣстникѣ", как первый необходимый момент в процессѣ возсозданія государства Россійскаго.

— В февралѣ 1917 года (статья „Донцы в Крыму") восторжествовали не изжитые казачеством идеалы древне - русской вольницы. Нынѣ, очутившись в Крыму, казачество не откажется от своего права на самоопредѣленіе...

Самостоятельное существованіе казачьяго государства является средством, а не самоцѣлью.

— Грузія и Азербейджан, Крым и Украйна борются с большевиками. Значит, они наши друзья и мы с ними заключим союз (статья „Думы и планы").

Истинный смысл этого союза раскрывается в статьѣ „Украинское движеніе", гдѣ сказано, что союз этот является не только создающим единый казачій фронт, но и об'единит Украйну и казачество для достиженія завѣтной цѣли — Демократической Федеративной Республики.

То же говорится и о Кавказѣ в статьѣ „Задачи внѣшней политики на Кавказѣ".

— Об'единенный Кавказ должен был стать тѣм исходным основаніем, к которому придут всѣ атомы Государства Россійскаго.

А в статьѣ „Украинское Движеніе" раскрываются причины, так называемой, „самостійности".

— Причина „самостійности" была всегда в аггрессивности групп монархистов или коммунистов, — слишком смѣло взявших на себя роль выразителей воли русскаго народа. У лучших представителей украинства, как у нас, господствует сознаніе глубокой, кровной связи с народной Россіей.

Таким образом, подходя к общероссійским задачам, и признавая необходимость борьбы с совѣтской властью, „Донской Вѣстник" подчеркивает, что русскій народ не должен разсматриваться, как об'ект враждебных дѣйствій.

В статьѣ „Нѣчто о мирѣ", напечатанной по поводу англійскаго ультиматума главному командованію, послѣ заявленія, что мир с Совѣтской Россіей может быть заключен казачьими республиками только при условіи признанія полной их госу-

дарственной независимости под гарантіей казачьей вооруженной силы и санкціи „Лиги Народов“, — сказано:

— Уступки возможны с нашей стороны, но только в области торговых сношеній с совѣтской Россіей, потому что хлѣб, уголь и нефть нужны тѣм русским рабочим и крестьянам, от которых казачество оторвано не пріемлемой для его правосознанія формой власти.

Сообразно с этим сдѣлан был в программной статьѣ „Донцы в Крыму“ и прогноз в отношеніи возстановленія гражданскаго мира.

— Гражданская война завершится не порабощеніем одной части народной Россіи другой, а внутренним соглашеніем. Народ сумѣет, наконец, всѣх захватчиков народной власти заставить признать его право и его волю. У казаков, как и у русских народных масс, один и тот же идеал, выраженный в столь кратких, но зато содержательных лозунгах, за которые гибли на каторгѣ, и эшафотах, и в тундрах Сибири лучшіе сыны Россіи:

— „Земля и Воля“, „Народная власть во Всероссійском Учредительном Собраніи“.

— Казаки вѣрят, что этими лозунгами умиротворится многострадальная Русь, ибо ими удовлетворяется и тоска русскаго крестьянства по землѣ и требованія народов Россіи выявить свои національныя задачи в свободно созданном государственном союзѣ — Россійской Федеративной Республикѣ.

Такова была идеологія „Донского Вѣстника“, проводимая в газетѣ, носившей на себѣ штамп „Штаб Донского корпуса“. Как оффиціальный орган Донского Штаба, газета лишь формально проходила через военную цензуру главнаго командованія и, в сущности, являлась единственной, имѣвшей собственное политическое лицо, газетой в Крыму. Свѣжій, живой, независимый голос „Донского Вѣстника“ сразу-же обратил на себя усиленное вниманіе агентуры главнаго командованія, густой сѣтью покрывавшей собою Крым. В изолированной от Севастополя Евпаторіи наиболѣе видное мѣсто среди контр-развѣдчиков и агентов Врангеля занимал нѣкій журналист Ратимов, редактор уличнаго листка „Евпаторійскій Курьер“ и начальник мѣстнаго отдѣленія „Пресс-Бюро“, замѣнявшаго в Крыму пресловутый „Осваг“ (Отдѣл пропаганды Особаго Совѣщанія при Деникинѣ).

Евпаторійскіе осважники шумно обсуждали каждую статью „Донского Вѣстника“. Да и как им было не волноваться, когда в казачьей оффиціальной газетѣ они могли читать слѣдующія фразы:

— Мы устали, мы потеряли все свое имущество. Среди

донцов сохранилось еще нѣкоторое количество по внѣшнему виду боеспособных людей. Но это — послѣдніе бойцы и труженики Дона...

— Мы донцы — бойцы еще сможем драться с врагом по пути нашего движенія в родныя опустѣвшія станицы, но нѣт у нас сил для борьбы с врагом по пути и к сердцу русскаго народа — Москвѣ. Пусть по московскому пути идут русскіе люди, для привлеченія которых наши руководители обязаны создать соотвѣтствующій правопорядок.

— Казаки теперь думают: „Какое нам дѣло до Россіи? Хочет она себѣ коммуну — пусть себѣ живет с коммуной. Хочет царя — пусть наслаждается царем. А мы хотим жить так, как нам разум, совѣсть и дѣдовскій обычай велят. Дай Бог нам снова вернуться на Дон, очистить его от коммунистической нечисти. Мы ощетинимся штыками и потребуем, чтобы нас оставили в покоѣ"...

На восьмом номерѣ газета была закрыта.

Произошло это при слѣдующих обстоятельствах:

Газета „Донской Вѣстник" печаталась в ограниченном количествѣ экземпляров, быстро раскупалась и в Севастополь из Евпаторіи не попадала. В первые дни выхода газеты главное командованіе ничѣм на это не реагировало. Тогда начальник „Пресс-Бюро" Ратимов, возглавлявшій собою евпаторійскую агентуру, озабоченный к тому-же полным упадком тиража своей осважной газеты „Евпаторійскій Курьер" пишет донос и отправляется в Симферополь, гдѣ и передает свое произведеніе командиру Добровольческаго корпуса генералу Кутепову. 6 апрѣля Кутепов явился к Врангелю и передал ему донос Ратимова с соотвѣтствующими комментаріями по адресу Сидорина.

Врангель немедленно вызвал к себѣ в вагон Ратимова, получил от него комплект „Донского Вѣстника" и имѣл с ним в присутствіи Кутепова продолжительный разговор, послѣ котораго написал слѣдующій приказ:

— Бьет двѣнадцатый час нашего бытія. Мы — в осажденной крѣпости, Крыму. Успѣх обороны крѣпости требует полнаго единенія ея защитников. Вмѣсто этого находятся даже старшіе начальники, которые политиканствуют и сѣют рознь между частями. Примѣр этому — Штаб Донской арміи. Предо мною изданіе штаба — „Донской Вѣстник". Газета возстанавливает казаков против не-казачьих частей юга Россіи, разжигая классовую рознь в населеніи и призывая казаков к измѣнѣ Россіи.

— По соглашенію с донским атаманом, приказываю генералу Сидорину сдать должность генералу Абрамову. Отрѣшаю от должности генерала Кельчевскаго и генерал-квартирмейстера

генерала Кислова. Начальника политическаго отдѣла графа дю-Шайля предаю военно-полевому суду при комендантѣ главной квартиры. Слѣдователю по особо важным дѣлам приказываю немедленно произвести слѣдствіе над обнаруженіем прочих виновников и преданіем их суду. Газету закрыть. Впредь буду взыскивать безпощадно со всѣх тѣх, кто забыл, что в единеніи наш долг перед Родиной

В своем письмѣ к Сидорину от 7 апрѣля 1920 г. генерал Богаевскій так описывает обстановку; при которой был отдан этот приказ.

— Вчера, возвратясь с фронта, генерал Врангель вызвал меня вечером к себѣ, и передавая мнѣ пачку газет „Донского Вѣстника", глубоко возмущенным тоном заявил, что то, что пишется в этой газетѣ, явно ведет к полному разрыву с главным командованіем и добровольцами, дискредитирует самую идею возсозданія России в будущем, призывая казаков к измѣнѣ ей и не только не способствует единству дѣйствій, но, напротив, окончательно вырывает пропасть между ними. В виду всего этого, Главнокомандующій считает себя вынужденным принять самыя рѣшительныя мѣры против донского командованія, очевидно, поощрявшаго такое направленіе этой пропаганды.

—Всѣ мои попытки,—писал Богаевскій,—сгладить весь инцидент и разрѣшить его болѣе мирным способом, ни к чему не привели и я должен был согласиться на уже изготовленный приказ...

На слѣдующій день послѣ подписанія приказа к генералу Сидорину явился начальник гарнизона Евпаторіи генерал Добровольческой арміи Ларіонов и заявил:

—Мною получена от главнаго военно-морского прокурора генерала Ронжина телеграмма с приказаніем арестовать сотника графа дю-Шайля и опечатать типографіи и редакцію „Донского Вѣстника."

Не зная о приказѣ Врангеля, охраняя авторитет и права казачьих частей, Сидорин заявил Ларіонову:

— Арестовать чинов Донского корпуса и его учрежденій я никому не разрѣшаю.

Тогда Ларіонов вызвал из Севастополя по прямому проводу Ронжина и тот через военнаго слѣдователя по особо важным дѣлам снова повторил приказаніе. Сидорин запросил Врангеля. Ночью была получена телеграмма от донского атамана Богаевскаго слѣдующаго содержанія:

— Приказаніе главнокомандующаго должно быть исполнено. В Евпаторію выѣзжает генерал Абрамов.

Утром в Штаб был доставлен номер симферопольской газеты, гдѣ был опубликован приказ Врангеля. Вечером 8/21 ап-

рѣля прибыл Абрамов. Положеніе выяснилось. Дю-Шайля был арестован.

— Меня повезли на катерѣ в Севастополь, — разсказывал он мнѣ, — в сопровожденіи двух офицеров — одного из донского штаба и другого из штаба Врангеля. На морѣ была качка. Я сошел в каюту. Вдруг ко мнѣ спускается матрос из команды катера и, сильно волнуясь, сообщает:

—Я только что слышал слѣдующій разговор между командиром катера и комендантским офицером:

— Кого везут и за что арестован? — спрашивал командир катера.

— Везут нѣкоего дю-Шайля, — отвѣчал офицер. Это — большой негодяй, самостійник и большевик. Вмѣстѣ с Сидориным и Кельчевским он пытался поднять бунт в тылу у Добраарміи. С ним будет короткій разговор. В эту же ночь его разстрѣляют.

— Я знаю, что вы стоите за народ, и хочу вам помочь, — заявил затѣм матрос. Вы все равно будете разстрѣляны. Не лучше-ли вам самим покончить с собой? Вот вам мой револьвер...

— Должен сказать, — разсказывал дю-Шайля, — что еще в Евпаторіи, расцѣнивая положеніе, я пришел к заключенію, что сейчас у донцов повторяется „калабуховская исторія“, т. е. исторія разгрома Врангелем Кубанской Рады, закончившаяся повѣшеніем ея члена и делегата в Париж Калабухова. Я отлично знал крымскую обстановку, знал о массовых казнях, производимых Кутеповым, в Симферополѣ, о безсудных разстрѣлах, производимых Слащевым в Джанкоѣ. Не было у меня никаких надежд на то, что мое путешествіе в Севастополь не будет послѣдним.

— Слова матроса были окончательным толчком. Я взял револьвер и, когда он ушел, выстрѣлил себѣ в грудь. Выстрѣл оказался неудачным. По пріѣздѣ в Севастополь меня помѣстили в лазарет...

— Это спасло меня от немедленной расправы. Нѣсколько раз комендантское управленіе пыталось взять меня из севастопольскаго военнаго госпиталя, но врачи, указывая на мое тяжелое положеніе, категорически отказывались выполнить их требованіе. В противном случаѣ, как мнѣ неоднократно говорили караульные, меня взяли-бы и сейчас же разстрѣляли.

В Евпаторіи в день от'ѣзда дю-Шайля произошла смѣна командованія. Генерал Сидорин не без нѣкоторых колебаній подчинился приказу Врангеля, хотя он и считал этот приказ вопіющей несправедливостью. Был момент, когда эти колебанія едва не вылились в форму рѣшительнаго выступленія против Врангеля.

Как разсказывал мнѣ генерал Карпов, начальник учебной бригады, состоявшей из донских юнкеров, — Сидорин вызвал его к себѣ и спросил:

— Надежна-ли учебная бригада?

— Надежна, — отвѣтил Карпов, и добавил затѣм:

— Если дѣло идет только о личностях, я не хотѣл-бы подвергать ее риску для вашего и моего благополучія. Но, если это нужно для Дона, бригада выполнит всякій приказ без колебаній.

— Ну, конечно дѣло идет не о моем личном благополучіи, — отвѣтил Сидорин, рѣшая опредѣленно не создавать в этот острый момент новых осложненій и оставаться до конца лойяльным в отношеніи главнокомандующаго.

Горячо настаивал на этом и атаман Богаевскій.

— Вопрос кончен, — писал он Сидорину. Мнѣ очень тяжело писать тебѣ все это; пережить драму едва-ли легче, чѣм тебѣ и А. К. Кельчевскому. Но, так нужно, и, если личное настроеніе не возьмет у тебя верх над любовью к Дону, то я прошу вас обоих спокойно, по возможности, перенести все происшедшее. Всякое сопротивленіе главнокомандующему может привести к нежелательным послѣдствіям.

В Севастополѣ с живѣйшим интересом слѣдили за событіями, происходившими в Евпаторіи и крейсеру „Генерал Корнилов" приказано было приготовиться ко всяким случайностям, причем в ставкѣ, повидимому, опасались вооруженнаго выступленія донцов в Евпаторіи.

Когда Сидорин и Кельчевскій прибыли в Севастополь, для контр-развѣдки в Евпаторіи настало горячее время. Необходимо были во что бы то ни стало добыть матеріал, который скомпрометировал бы опальных генералов. То же происходило и в Севастополѣ. Стаи контр-развѣдчиков рыскали днем и ночью возлѣ вагона № 530, гдѣ жили Сидорин и Кельчевскій. Вокруг дѣла плелась сѣть гнуснѣйших инсинуацій. В той камарильѣ, которая играла главную роль при ставкѣ, усиленно муссировалась мысль о большевизмѣ Донского штаба, о том, что нужно раз навсегда уничтожить „гидру казачьей самостійности", что необходимо дискредитировать Сидорина, как опаснаго соперника Врангеля.

Пока производилось слѣдствіе, опальным генералам был запрещен выѣзд за границу.

В гнетущей, удушливой атмосферѣ сплетен, интриг, низкопоклонничества и подобострастія, происходило разслѣдованіе преступных дѣйствій чинов донского штаба. Нужно было обвинять, создавать дѣло, а матеріала для дѣла не было никакого.

А над опальными генералами начиналось форменное издѣвательство.

22 апрѣля ст. ст., вечером, в вагон № 530 прибыл комендант главной квартиры генерал Малышенко и сообщил Сидорину и Кельчевскому, что оба они по приказанію Врангеля подвергаются домашнему аресту с приставленіем часовых.

Слухи об этом, ни чѣм не мотивированном арестѣ разлетѣлись по городу. Утром в вагон явился глубоко возмущенный предсѣдатель Донского Войскового Круга Харламов, который в этот день, в качествѣ представителя Дона, вмѣстѣ со Струве должен был ѣхать в Париж. Послѣ его визита Сидорин под конвоем офицера с винтовкой был отправлен на допрос к слѣдователю.

— Ваше превосходительство, — спрашивал у генерала офицер, — что же это такое происходит? Раз'ясните, пожалуйста, мы ничего не понимаем...

Врангель сам увидѣл, что он перешел всѣ границы дозволеннаго даже для крымскаго диктатора. Арест вызвал единодушное осужденіе во всѣх кругах, а потому его отмѣнили, и аппарат власти был мобилизован, чтобы загладить этот промах. Газетам запретили печатать об арестѣ, а журналистам в штабном отдѣлѣ печати заявили:

— О каком арестѣ говорите вы, господа? Все это слухи... никакого ареста не было и быть не могло...

Мѣра пресѣченія была измѣнена и 22 апрѣля ст. ст. по распоряженію свыше военный слѣдователь Гирчич писал донскому атаману, что „обвиняемые в государственной измѣнѣ генералы Сидорин и Кельчевскій подлежат отдачѣ под ближайшій ваш надзор“...

Слѣдствіе шло ускоренным темпом: слишком много толков, нежелательных для Врангеля, оно возбуждало в обществѣ. Нужно было выпутаться из создавшагося положенія. Нужно было доказать, что скоропалительный приказ об отчисленіи донских генералов был отдан по самым серьезным побужденіям.

Сидорин и Кельчевскій, узнав о том, что их обвиняют в государственной измѣнѣ вплоть до содѣйствія большевикам, требовали в особых заявленіях назначенія над собою слѣдствія и суда.

— Ибо,—писал Сидорин,—нельзя допустить, чтобы, благодаря такому обвиненію, в сердцах десятков тысяч казаков, солдат и офицеров осталась хоть тѣнь сомнѣнія в том, что в теченіе полутора лѣт во главѣ их стоял не честный патріот, а генерал, измѣнившій своей родинѣ, или даже только способный совершить подобное преступленіе. Такое обвиненіе должно быть или неопровержимо доказано, или неопровержимо опровергнуто,

ибо, в противном случаѣ, подрывая вѣру в старшій командный состав, оно внесет смуту в умы и души людей, идущих во имя великой идеи за своими вождями.

— Главнокомандующій торопит, нужно кончать скорѣе слѣдствіе,—уговаривал генералов судебный слѣдователь Гирчич, отказываясь принять их заявленіе и ходатайство о допросѣ цѣлаго ряда свидѣтелей.

Однако, даже с точки зрѣнія людей, готовых на всякіе судебные эксцессы, пред'явленное обвиненіе было настолько нелѣпо, что оно теперь видоизмѣняется и в новом постановленіи судебнаго слѣдователя от 8—21 апрѣля формулируется так:

— Генералы Сидорин и Кельчевскій, имѣя свѣдѣнія о преступной дѣятельности обвиняемаго сотника Дю-Шайля, не приняли зависѣвших от них мѣр к прекращенію этой дѣятельности...

Дѣло затягивалось, вызывая крайне непріятные для Врангеля толки о том, что главное командованіе дѣлает суд орудіем для своих личных цѣлей. На фронтѣ к дѣлу начинали проявлять усиленный интерес. В казачьих частях шло глухое броженіе.

Сидорин и Кельчевскій дѣлают послѣднюю попытку предотвратить грязный процесс, дискредитировавшій прежде всего главное командованіе и пишут Врангелю предупредительное письмо.

— Подумайте спокойно, пока еще не поздно над тѣм,— указывали они, — нужен-ли этот суд для пользы и для успѣха той борьбы, на которую и мы, и вы затратили столько энергіи и столько сил.

В концѣ письма указывалось на то, что справедливой формой суда над сотником Дю-Шайля должен явиться не военно-полевой, а военно-морской суд.

В отвѣтном письмѣ Врангель через главнаго военнаго прокурора Ронжина сообщил, что вопрос о постановкѣ дѣла на суд рѣшен безповоротно, и что Дю-Шайля будет судим военно-морским судом.

28 апрѣля ст. ст. я был у Врангеля и, бесѣдуя с ним по поводу разных политических вопросов, между прочим, сказал:

— Неужели вы серьезно вѣрите в существованіе самостійности среди казаков?

— Никакой самостійности среди казаков нѣт,—отвѣтил Врангель, и я этого не опасаюсь.

— Но как же об'яснить возникновеніе того дѣла, которое возбуждено против Сидорина и Кельчевскаго?

Врангель встал с своего кресла и взволнованно заходил по комнатѣ. Видимо, вопрос коснулся больного мѣста.

— Вы не знаете сколько около этого дѣла велось интриг и всяких гадостей,—заявил он. Вы читали „Донской Вѣстник“, читали, конечно, и тѣ возмутительныя вещи, которыя в нем печатались. А вѣдь эта газета являлась оффиціальным изданіем донского штаба . . .

— Да, газету я читал, хотя сам в ней не работал, в виду принципіальных расхожденій с редакціей. Но, что же в газетѣ преступнаго? Неужели вы, зная лучше меня обоих генералов, серьезно допускаете, что им можно пред'явить обвиненіе в измѣнѣ и в содѣйствіи врагу?

На это генерал рѣзко отвѣтил:

— Ну, если не в измѣнѣ, то в самом опредѣленном попустительствѣ в отношеніи того, что разжигалась рознь между частями и вражда к главному командованію.

Видимо, желая подчеркнуть, что путь к отступленію у него отрѣзан, Врангель заключил этот разговор словами:

— Слишком много грязи накопилось около этого. Но, все равно ... гласный суд должен разобрать это дѣло и я буду рад, если они реабилитируются.

Ясно было, однако, что оправданіе Сидорина и Кельчевскаго поставило-бы Врангеля в крайне щекотливое положеніе и что обвинительный приговор предрѣшен заранѣе.

Когда накануне процесса я зашел к главному военному прокурору генералу Ронжину, чтобы получить билет на право входа в суд, прокурор притворился изумленным, что дѣло возбуждает интерес.

— Вѣдь политики мы совершенно не касаемся,—заявил он. Рѣчь идет о чисто военном преступленіи.

— По моему наоборот: дѣло это чисто политическое.

Ронжин тогда замахал руками и заявил:

— Повторяю и подчеркиваю, что мы политики не касаемся и всячески будем от нея изолироваться . . . Это самое обыкновенное военное преступленіе.

— А вы не опасаетесь того, что процесс создаст большія политическія осложненія, так как Сидорин и Кельчевскій должны быть судимы донским судом, а не судом Добровольческой арміи?

— Это мы предусмотрѣли,—улыбнулся Ронжин. Мы дѣйствуем в полном контактѣ с донским атаманом. Вы знаете, что замѣститель Сидорина, Абрамов, отдал приказ о функціонированіи донских военно-полевых судов для казаков? Я был по этому поводу у главнокомандующаго и у атамана. (Богаевскій, кстати сказать, очень сговорчив ... Он совершенно русскій человѣк ...) В результатѣ мы отдаем приказ, в котором предусматривается, что казаки, находящіеся в предѣлах Крыма, подчиняются только судам главнаго командованія.

— Но вѣдь это противорѣчит соглашенію с казаками и будет квалифицироваться, как нарушеніе прав и привиллегій и, вообще, конституціи войска Донского.

— О, мы в таких случаяхдѣйствуем осторожно,—засмѣялся Ронжин. Мы это предусматриваем и у нас в таких случаях фигурируют слова: „По соглашенію с донским атаманом".

— К чему-бы вы, будучи судьей, приговорили генералов?— спросил я на прощанье у Ронжина.

— Это дѣло серьезное, гораздо серьезнѣе, чѣм вы предполагаете . . .

— Что-же, примѣрно, грозит генералам?

— Разжалованіе, лишеніе мундира, чинов, орденов и т. д., — отвѣтил Ронжин.

Дѣло было назначено к слушанію в началѣ мая. Чтобы ускорить его, за свидѣтелями был послан в Евпаторію спеціальный корабль, так как военно-морской суд, вопреки настояніям слѣдователя и прокуратуры, признал необходимым допросить указанных Сидориным и Кельчевским свидѣтелей.

В состав особаго присутствія вошли: предсѣдателем—военный судья Селецкій, выгнанный с Дона за скандалы, учиненные в пьяном видѣ еще во времена атамана Краснова. Одним из членов—бывшій предсѣдатель Особаго Совѣщанія, генерал Драгомиров, дѣятельность котораго в „Донском Вѣстникѣ" подвергалась рѣзкой и ядовитой критикѣ. Другим членом присутствія был дряхлый генерал Экк. Обвинял прокурор севастопольскаго суда генерал Дамаскин. Нежелательная для главнаго командованія гражданская защита была устранена путем соотвѣтствующей формулировки обвиненія.

Сидорин и Кельчевскій обвинялись уже только в бездѣйстіи власти, которым воспользовался фактическій редактор газеты „Донской Вѣстник" Дю-Шайля, дѣло о котором было выдѣлено, в виду его пребыванія в госпиталѣ. Таким образом, в обвинительном актѣ было пред'явлено обвиненіе, не бывшее предметом предварительнаго слѣдствія.

В качествѣ свидѣтелей защиты фигурировали виднѣйшіе строевые генералы Донской арміи: Гусельщиков, Долгопятов, Сутулов, Карпов, донской атаман Богаевскій, генерал Покровскій и др.

Главным свидѣтелем обвиненія был вылощенный, выхоленный благообразный осважный журналист, редактор „Евпаторійскаго Курьера" и начальник евпаторійскаго отдѣленія контрразвѣдывательнаго учрежденія „Пресс-Бюро", Ратимовъ.

— По долгу завѣдующаго евпаторійским узлом освѣдомленія,—разсказывал он на судѣ,—я написал по начальству докладную записку, в которой, ссылаясь на газету „Донской Вѣстник",

доказывал, что она ведет проповѣдь розни и вражды к добровольцам, дискредитирует власть главнокомандующаго, готовит донцов к разрыву с ним, склоняет казаков к миру, доказывая безполезность борьбы, угождает и льстит рабочим . . .

Другой из главных свидѣтелей обвиненія, начальник евпаторійскаго гарнизона, генерал Добровольческой арміи, Ларіонов разсказывал о том, что он, бывая с докладами у генерала Сидорина, своевременно предупреждал его относительно газеты.

— Ваше превосходительство, — говорил Ларіонов, — не находите ли вы, что газета—слишком лѣваго направленія?

— Ну, так что-ж?—отвѣчал, улыбаясь, Сидорин, мы сами немножко лѣвые . . .

— Но она слишком критикует „добровольческую политику“ . . .

Здѣсь Кельчевскій, который находился в комнатѣ, по словам свидѣтеля, вскочил с своего мѣста, и рѣзко заявил:

— Довольно уж этой „добровольческой политики“: она то нас и загубила . . .

Всѣ свидѣтели защиты, т. е. командный состав Донского корпуса заявили в один голос, что газета не только не содѣйствовала разложенію среди казаков, но, выдвигая пріемлемые для них лозунги, способствовала поднятію боеспособности казачьих частей.

В отвѣт на главный пункт обвиненія Сидорин заявил.

— Обвиненіе казачества в самостійности и в попытках измѣнить Россіи — эта клевета. Никто так не любит общей матери и никто с таким уваженіем не относится к правам русскаго народа, как казачество. В борьбѣ за родину донское казачество только за время моего командованія потеряло 150.000 своих сынов. В то время, как борьба с большевиками в массѣ русских людей составляет только удѣл немногочисленных добровольцев, казачество эту борьбу вело поголовно, иногда даже с участіем женщин. Идеалы народа русскаго — Земля и Воля, Учредительное Собраніе — тождественны с идеалами казачества...

— Да, у донцов, оказавшихся в Крыму, очередная задача — освобожденіе Дона, а не завоеваніе Россіи. Только призывом к походу на Дон, в родныя станицы, гдѣ казаки могли пополнить свои ряды и тѣсно связать себя с домом, можно было поднять боевой дух казаков. Поход на Дон не являлся отказом казачества от борьбы за Россію... Донское командованіе имѣло основаніе усвоить именно эту тактику, ибо еще не так давно вся русская армія потерпѣла страшнѣйшее пораженіе. Для донских казаков, которых всего насчитывается около двух с половиной милліонов, борьба с большевиками теперь дѣйствительно отождествляется борьбой со всѣм русским народом, с Россіей... Ка-

заку нужно было говорить только про Дон. Двухлѣтній опыт борьбы под лозунгом „На Москву“, — борьбы, в которой казачество истекло кровью, привел к страшной катастрофѣ, которая надломила душу и вѣру казака. И не было нужды бросать в массу казачества этот печальный памяти лозунг похода на Россію, похода на Москву...

На судѣ, во время допроса свидѣтелей и преній сторон, наблюдалась странная картина. Прокуратура доказывала, что обвиняемые не знали содержанія инкриминируемых статей, что они виновны только в том, что не обратили своевременно вниманія на дѣятельность Дю-Шайля, а обвиняемые доказывали, что они знали содержаніе статей, сами просматривали наиболѣе отвѣтственныя мѣста, считали дѣло пропаганды очень серьезным и важным дѣлом, что они цѣликом принимают на себя отвѣтственность за газету, что Дю-Шайля являлся исполнителем их предначертаній.

Публика и присутствовавшіе в залѣ засѣданія, главным образом военные, не зная о тѣх метаморфозах, которыя претерпѣло дѣло на предварительном слѣдствіи, рѣшительно недоумѣвали. В публикѣ говорили, что прокурор старается спасти генералов, а они всячески себя топят, стараясь доказать, что готовы отвѣтить за каждое слово, напечатанное в газетѣ.

Получалось странное противорѣчіе между абстрактным утвержденіем обвинительнаго акта о том, что газета способствовала разложенію донских частей, а всѣ строевые начальники единодушно, под присягой свидѣтельствовали, что эти статьи, как раз наоборот, способствовали поднятію боеспособности казаков. Сам Врангель, который недѣлю спустя послѣ от'ѣзда Сидорина и Кельчевскаго сдѣлал смотр Донскому корпусу, в своем приказѣ констатировал, что донскія части находятся в блестящем состояніи.

Но, исходъ дѣла был предрѣшен заранѣе и апріорным утвержденіям обвинительнаго акта было отдано предпочтеніе.

Члены Особаго Присутствія вынесли слѣдующій приговор:

— Подсудимых приговорить к разжалованію, к лишенію всѣх прав состоянія и к ссылкѣ на каторжныя работы сроком на четыре года.

Курьезно однако, было то, что „каторжники“ были оставлены на свободѣ, и послѣ суда они отправились ужинать в севастопольское кафе „Bon Appetit“.

Инсценированный суд, как об этом заранѣе говорили в освѣдомленных кругах, должен был заключиться помилованіем со стороны Врангеля.

Положеніе осложнялось, однако, тѣм, что Сидорин и Кельчевскій, желая использовать всѣ права, предоставленныя им по

закону, рѣшили, по совѣту своего консультанта, присяжнаго повѣреннаго и журналиста Варшавскаго, подать кассаціонную жалобу.

Узнав об этом, предсѣдатель суда Селецкій об'являя на слѣдующій день подсудимым приговор в окончательной формѣ, обратился к Сидорину со словами, которыя я слышал:

— Приговоръ... это так... он будет аннулирован...

— Я никаких милостей не хочу. Я хочу только правосудія, — заявил Сидорин.

— Какая тут милость, — засуетился Селецкій, — вы понимаете, конечно, меня... Я говорю, что приговор будет аннулирован, сведен на нѣт. Это просто форма... Вам нечего безпокоиться и я совѣтую не подавать никакой кассаціонной жалобы...

Селецкій протянул на прощанье руку. Сидорин отказался ее пожать, повернулся и вышел из комнаты.

Была подана кассаціонная жалоба с указаніем на ряд вопіющих нарушеній формальнаго характера, и, в частности, на то, что судьей был генерал Драгомиров, предсѣдатель Особаго Совѣщанія, дѣятельность котораго в инкриминируемых статьях подвергалась ожесточенной критикѣ...

Однако, послѣ подачи жалобы, стало извѣстно, что період затишья в Крыму заканчивается, и что армія переходит в наступленіе, а также и о том, что, в связи с процессом, в Донском корпусѣ среди казаков и офицеров наблюдается сильное возбужденіе против главнаго командованія.

Сидорин и Кельчевскій приходят к заключенію, что в этот отвѣтственный момент они должны отказаться от своей жалобы, о чем и было подано соотвѣтствующее заявленіе.

Приговор пошел на утвержденіе к Врангелю, который в своем приказѣ вынес слѣдующее рѣшеніе:

— Во вниманіе к боевой доблести Всевеликаго Войска Донского и заслугам его в борьбѣ за общее дѣло возсозданія Россіи в бытность осужденных во главѣ Донской арміи, принимая во вниманіе ходатайство донского атамана, замѣняю назначенное судом генералам Сидорину и Кельчевскому наказаніе — увольненіем их от службы в дисциплинарном порядкѣ, лишая их, с согласія донского атамана, права ношенія в отставкѣ мундира.

Заключительным этапом процесса является письмо донского атамана Богаевскаго к находившемуся в Константинополѣ перед поѣздкой в Париж предсѣдателю Донского Войскового Круга Харламову:

— Многоуважаемый Василій Акимович! — писал Богаевскій. Я был очень огорчен, узнав, что, докладывая членам круга

о том, что дѣлается в Крыму, вы в таких непривлекательных красках очертили мою роль в процессѣ Сидорина и Кельчевскаго. Я далек от мысли сѣтовать на критику моих дѣйствій в чем бы то ни было, но, все же, я мог ожидать от вас, Василій Акимович, болѣе доброжелательнаго ко мнѣ отношенія. Я сдѣлал все, что был в силах, дабы не было этого ненужнаго и позорнаго процесса и вы знаете это. На судѣ, как свидѣтель, я говорил только хорошее о Сидоринѣ и только мнѣ обязаны он и Кельчевскій, что Врангель не утвердил приговора в полном об'емѣ. А зачѣм-же в докладѣ нужно было выставлять меня, как предателя казачества, в лучшем случаѣ, как безвольнаго, ничтожнаго человѣка, по ошибкѣ избраннаго атаманом. Я хорошо знаю, что Сидорин и Кельчевскій уѣхали заграницу моими врагами и будет время, когда я это жестоко почувствую. Но, будьте справедливы: вполнѣ ли правы и они? Вот уже два года, как мы работаем с вами на пользу Дона. Я вѣрил в то, что наши отношенія искренни. Грустно разочаровываться в этом, в особенности теперь, когда я так одинок.

Послѣдним аккордом в дѣлѣ „Донского Вѣстника" был суд над главным виновником „преступленія", редактором газеты Дю-Шайля. Его судили в концѣ сентября, когда окончательно была залечена рана, полученная во время покушенія на самоубійство. Защищал Дю-Шайля извѣстный защитник по политическим дѣлам, присяжный повѣренный Кобяков.

Суд вынес „главному виновнику" оправдательный приговор.

— Об'ясняю это тѣм, — разсказывал мнѣ Дю-Шайля, — что военный судья генерал Селецкій, предсѣдательствовавшій во время процесса Сидорина и Кельчевскаго, неожиданно заболѣл и должен был покинуть Севастополь. Тогда мое дѣло передали военно-морскому судьѣ полковнику Городысскому. Это был выдающійся по честности и гражданскому мужеству человѣк, фанатично преданный идеѣ сохраненія при самых тяжелых условіях основ правосудія. Он увидѣл, что все дѣло было искусственно создано, что статьи „Донского Вѣстника" были весьма патріотичны...

Конечно, это не прошло Городысскому даром и он получил соотвѣтствующее возмездіе.

Оправданіе Дю-Шайля послѣ приказов Врангеля, послѣ всей той шумихи, которая была поднята вокруг дѣла „Донского Вѣстника", ставило главное командованія в чрезвычайно щекотливое положеніе.

Дѣло, вѣроятно, было бы кассировано, если бы им не заинтересовался представитель Франціи в Крыму граф де-Мартель, указавшій Врангелю на дурное впечатлѣніе, которое производят в Парижѣ подобные процессы. Сыграло роль здѣсь,

по словам Дю-Шайля, и выступленіе митрополита Кіевскаго Антонія.

По возвращеніи Врангеля из Евпаторіи, куда он ѣздил с графом де-Мартель на открытіе Донского Войскового Круга, митрополит Кіевскій Антоній обратился к нему с просьбой прекратить гоненія на гр. Дю-Шайля и вообще не насиловать судейскую совѣсть.

На увѣщеванія митрополита Антонія Врангель отвѣтил:

— Да, я убѣдился в том, что мнѣ не удастся добиться от суда осужденія гр. Дю-Шайля, а потому я приказал прокурору взять обратно протест. Что касается Дю-Шайля, то ему предложено немедленно оставить предѣлы Крыма...

ГЛАВА IV.

ЗАВОЕВАНІЕ СѢВЕРНОЙ ТАВРІИ.

Конец марта, апрѣль и май были посвящены в Крыму созданію прочной в матеріальном и моральном отношеніях антибольшевистской базы. Казалось, что работа эта выполнена великолѣпно. Уже в началѣ мая в оффиціальных и оффиціозных кругах констатировали, что „реорганизація арміи закончилась. Настроеніе строевых частей, а также и тыла показывает, что опасный яд пессимизма, разочарованія и унынія растворился в новом морѣ восторгов, надежд и воодушевленія"...

Обстановка требовала активных выступленій. Продолжительное бездѣйствіе могло вредно отразиться на боеспособности арміи. Приходилось считаться и с тяжелым экономическим положеніем населенія Крыма, начинавшаго испытывать большія лишенія в связи с непомѣрно возраставшими цѣнами на предметы широкаго потребленія. Это обстоятельство ставилось в непосредственную зависимость от того, что один Крым не в состояніи прокормить такую массу войск и бѣженцев, которая была сосредоточена на полуостровѣ. Тревожныя настроенія нарастали и все чаще и чаще слышались разговоры, что, если армія засидится в Крыму, то начнется голод и крымское государство будет погублено изнутри.

В маѣ мѣсяцѣ в Крыму уже перестали говорить о мирѣ с большевиками, так как, в виду непримиримости обѣих сторон, никаких результатов от попыток Англіи прекратить гражданскую войну не получилось. В ставкѣ окончательно укрѣпилось воинственное настроеніе и теперь там усиленно разрабатывался план завоеванія хлѣбнаго района — Сѣверной Тавріи.

Еще в апрѣлѣ мѣсяцѣ была сдѣлана первая проба сил реформированных частей арміи. Однако, лично руководимый Врангелем дессант в Хорлах и Геническѣ, имѣвшій цѣлью облегчить выход из Крыма, не увѣнчался успѣхом. Операція окончилась разгромом дессанта, причем Алексѣевская дивизія была уничтожена почти цѣликом, а Дроздовская дивизія понесла огромныя потери — до тысячи человѣк убитыми и ранеными.

Врангель, однако, в бесѣдѣ с журналистами превратил по-

раженіе в побѣду. Оффиціальныя-же сводки умолчали о неудачѣ дессанта. Это послужило прецедентом. Таким методом ставка пользовалась и в дальнѣйшем. Неудачныя операціи замалчивались в сводках и раздувались в побѣды в бесѣдах Врангеля с журналистами.

Дессант в Хорлах и Геническѣ имѣл лишь эпизодическое значеніе, и не отразился на подготовкѣ плана общаго наступленія на Сѣверную Таврію.

— Главное Командованіе, — разсказывал мнѣ донской атаман Богаевскій, — исходило из тѣх соображеній, что, как-бы ни был богат Крым, он не в силах прокормить армію, бѣженцев и населеніе. Думали выйти за Перекопскій перешеек, захватить все, что возможно, и, если это окажется необходимым, скрыться опять в Крым, но, уже имѣя достаточные запасы. Главное командованіе в общем не предполагало в этом году идти дальше линіи Александровск — Маріуполь. Такой план, впрочем, не был принят окончательно, так как в Крыму возлагались большія надежды на украинское повстанческое движеніе и на то, что, имѣя обезпеченным лѣвый украинскій фланг, мы развяжем себѣ руки на правом флангѣ в направленіи на Дон . . .

Необходимость наступательных военных операцій диктовалась еще и тѣм, что большевики, как будто-бы, начинали проявлять все большую и большую активность. В срединѣ мая в штабѣ главнокомандующаго были получены опредѣленныя свѣдѣнія о готовящемся наступленіи красных. Ставка желает сохранить инициативу за собой. Спѣшно разрабатываются послѣднія детали задуманной операціи, заканчиваются послѣднія приготовленія, отдаются руководящія приказанія.

Начало операцій по завоеванію Сѣверной Тавріи было назнаачено на 25 мая ст. ст.

— Наканунѣ этой операціи, — разсказывал мнѣ Врангель, — я получил слѣдующую телеграмму от англійскаго правительства, переданную мнѣ через адмирала Хопа:

— До свѣдѣнія англійскаго правительства дошло, что генерал Врангель намѣчает переход в наступленіе против большевиков. Великобританское правительство указывает, что, в случаѣ перехода в наступленіе, оно слагает с себя всякія обязательства по принятію участія в дальнѣйших переговорах с совѣтским правительством, имѣющими цѣлью облегчить судьбу арміи, и, вообще, слагает с себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу вооруженных сил Юга Россіи.

— Вмѣстѣ с этим, — сообщает Врангель, — англійское правительство просило меня вновь указать, какой путь я же-

лал-бы выбрать для переговоров с большевиками и гдѣ согласен вести эти переговоры.

— В этот же день я отвѣтил, что, во первых, я по прежнему совершенно отказываюсь участвовать в каких бы то ни было переговорах с большевиками. Эти переговоры пожелало взять на себя англійское правительство, которое одно, как казалось бы, могло интересоваться выбором мѣста для переговоров. С другой стороны, тщетно прождавши отвѣта на ряд моих телеграмм, в которых указывалось на необходимость расширенія занятой мною зоны для довольствія арміи, теперь я вынужден был, во избѣжаніе продовольственнаго кризиса, расширить занимаемую мною зону и отдал приказ арміи перейти в наступленіе.

В отвѣт на эту телеграмму англійская миссія при ставкѣ была отозвана за исключеніем нѣскольких человѣк, оставленных, очевидно, с информаціонными задачами. Всякая поддержка вооруженных сил юга Россіи со стороны Англіи была прекращена.

Всѣ пути к соглашенію с большевиками были отрѣзаны. Врангель приступил к военным операціям.

На фронтѣ в это время дѣйствовали три корпуса: Кутепов с „цвѣтными войсками" (корниловцы, марковцы, дроздовцы)—на Перекопском перешейкѣ. На Чонгарском мосту, в районѣ станціи Сальково, дѣйствовал корпус Писарева из пѣших разрозненных частей кубанцев, терцев, астраханцев. Слащевскій корпус погрузился на корабли в Феодосіи, направился в Азовское море, и высадился в сѣверо западной его части у деревни Кирилловки в районѣ Геническа. Донской корпус в эти дни спѣшно перевозился на фронт из Евпаторіи.

Слащевскій корпус, безпрепятственно высадившись, начинает быстро распространяться на запад и на сѣвер. На разсвѣтѣ 25 мая в центральном направленіи на Перекопском перешейкѣ перешли в наступленіе добровольческія части Кутепова. На Чонгарском мосту наступает Писарев.

Слабые в численном отношеніи красные не оказывали упорнаго сопротивленія, сражались плохо, охотно сдавались в плѣн, и под давленіем отдохнувших, хорошо снаряженных крымских войск стали быстро откатываться от перешейков.

Кутепов в первый день доходит до деревни Чаплинки, казаки занимают Геническ, станцію Сальково, цѣлый ряд деревень и вступают в соприкосновеніе с дессантным корпусом Слащева.

Совѣтскія войска отступают главной массой к Днѣпру, меньшая часть — к Мелитополю.

Успѣх развивается. На разсвѣтѣ 28 мая Слащев занимает

Мелитополь — главную базу красных, столицу Сѣверной Тавріи. Туда-же вдоль желѣзной дорога направляется Писарев с казаками. Слащев и Писарев, продвигаясь к Сѣверу, занимают станціи Большой Токмак и Федоровку и устанавливают тѣсную связь с Кутеповым, который укрѣпляется на лѣвом берегу Днѣпра от устья до деревни Любимовки,

Прибывшіе на фронт донцы быстро втягиваются в боевыя операціи и скоро составляют себѣ репутацію лучшей части крымских войск. На фронт казаки вышли в пѣшем строю, так как лошадей своих они оставили в Новороссійскѣ. Настроеніе у донцов было бодрое. Главная цѣль их заключалась в том, чтобы поскорѣе пробиться на Дон.

О Крымѣ казаки вспоминали и говорили с отвращеніем. О нем не хотѣли и думать. Широкіе замыслы крымских верхов их совершенно не интересовали.

Первый бой в Сѣверной Тавріи оказался удачным для казаков.

— Это было числа 26/27 мая, — разсказывал мнѣ начальник второй донской дивизіи генерал Калинин. Пришли мы в Ново-Алексѣевку, и там расположились. С фронта поступали хорошія свѣдѣнія. Погода была великолѣпная. Всюду наблюдалось изобиліе продовольствія. Стоим, отдыхаем... Вдруг неожиданно нас атаковывает конная дивизія красных под командой Блинова. Кззаки вышли из села и в пѣшем строю отбили атаку. Это был первый наш бой на крымской территоріи. Но этот бой нам наглядно показал, что мы очень плохіе бойцы в пѣшем строю, и что мы можем воевать только сидя на лошадях. Еще больше я убѣдился в этом, когда красная кавалерія сдѣлала налет на стоявших рядом с нами пѣших кубанцев и астраханцев и потрепала их.

— Все это вмѣстѣ взятое заставило меня твердо рѣшить вопрос о посадкѣ казаков на коней во что бы то ни стало. Когда мнѣ была дана директива взять Рождественскую и Дагмаровку, я приказал выпрячь всѣх лошадей из обозных обывательских подвод и посадил на них казаков. Таким образом, у меня сразу появились конныя сотни. Когда нам были даны новыя боевыя задачи, я приказал реквизировать у крестьян лошадей. Конечно, это возбуждало недовольство, но у меня не было другого выхода, так как в пѣшем строю наша боеспособность была ничтожна. Я не ошибся в своем расчетѣ: только два села Рождественская и Дагмаровка дали мнѣ до тысячи лошадей и я сразу окрѣп настолько, что, через нѣсколько дней послѣ нашего выхода на фронт, наткнувшись на 42 пѣхотную дивизію, атаковал ее и набрал сразу много плѣнных, пулеметов, взял шесть пушек, отбил большой обоз и т. д. Настроеніе

у казаков было, повторяю, бодрое, ибо каждый час послѣ нашего выхода в Сѣверную Таврію приносил все новые и новые успѣхи.

В самый короткій промежуток времени значительная часть донцов сидѣла на лошадях. Правда, сѣдел не было, и казаки, подобно скифам, ѣздили без сѣдел, в лучшем случаѣ на подушках и попонах. Это была, однако, как говорили в ставкѣ, грозная конница.

Населеніе Сѣверной Тавріи, изнемогая под бременем самовольных реквизицій, крайне враждебно относилось к бѣлым

Правда, при первом появленіи арміи, к ней относились сердечно. Крестьяне встрѣчали войска хлѣбом солью, выставляли столы с угощеніем. Но, достаточно было пробыть арміи 2-3 недѣли в занятой мѣстности, как населеніе проклинало всѣх, начиная с самых высших начальников.

В ставку в огромном количествѣ поступали жалобы и ходатайства о прекращеніи безчинств, которыя окончательно разоряли крестьянство, ограбленное до этого красными. Жаловались на казаков, жаловались на добровольцев. Снова начались разговоры о том, что в моральном отношеніи армія не переродилась и гражданская война является по прежнему источником наживы.

Из ставки по воинским частям сыпались приказы о борьбѣ с грабежами. Однако, на самовольныя реквизиці лошадей главное командованіе смотрѣло сквозь пальцы, так как прирожденные конники, пѣшіе казаки, не представляли собою боеспособных частей. Жалобы и ходатайства населенія игнорировались. Суровые приказы оставлись приказами на бумагѣ.

5/18 Іюня Сѣверная Таврія совершенно очищается от большевиков. Врангель дает отдых своим войскам и прекращает наступательныя дѣйствія.

— Несмотря на успѣхи, — разсказывал мнѣ донской атаман Богаевскій, — Врангель не создавал себѣ иллюзій. Во всѣх разговорах моих с главнокомандующим, когда я спрашивал его о военных планах, он отвѣчал:

— Далеко в этом году мы не пойдем.

А с Украины в ставку продолжали поступать утѣшительныя свѣдѣнія о наростающих возстаніях против совѣтской власти, о том, что украинское крестьянство, будто бы, радуется успѣшному продвиженію бѣлых. Крупныя возстанія по полученным свѣдѣніям происходили в районѣ Одессы. Упорно циркулировали слухи о возстаніях на Дону и на Кубаи, о броженіи среди горцев, о развалѣ совѣтской арміи и т. д.

— Все шло великолѣпно, — разсказывает Богаевскій. Много раз я ѣздил на фронт к казакам. Сердце радовалось, глядя на

них, в особенности, когда вспоминались картины развала, связаннаго с первыми мѣсяцами нашего пребыванія в Крыму.

На красных, занятых на польском фронтѣ, успѣхи „чернаго барона", как они называли Врангеля, начинали производить непріятное впечатлѣніе Они увидѣли, что имѣют дѣло с частями боеспособными, с войсками, которых нельзя игнорировать. Несмотря на то, что всѣ силы у них были мобилизованы для польскаго фронта, совѣтскіе главковерхи начинают от времени до времени подтягивать к Крыму новыя, свѣжія части, чтобы воспрепятствовать продвиженію бѣлых на сѣвер.

Врангель не зарывается вперед, имѣя в виду прежде всего живую силу противника, которому нельзя было давать сосредоточиться и взять иниціативу в свои руки. К тому-же для широкаго наступленія у него было мало войск. Тыл снова распух. Сплошного фронта не было. Борьба велась исключительно маневром.

В первой половинѣ іюня, по оффиціальному сообщенію ставки, красные закончили перегруппировку своих войск. Завязав переброшенными, пополненными частями бои по всему фронту, под прикрытіем этих боев противник сосредоточил в районѣ Верхняго Токмака большую конную группу. Конница была сведена в одно цѣлое под начальством извѣстнаго еще по ставропольским и царицынским боям краснаго конника Жлобы. В половинѣ іюня эта группа начала энергичное наступленіе в общем направленіи на Мелитополь, стремясь к тому, чтобы выйти в тыл арміи Врангеля, отрѣзать ее от перешейков, разгромить, в худшем случаѣ для себя заставить отойти в Крым. В то же время производя на орѣховском и александровском направленіях сильный натиск на дѣйствовавшія здѣсь части бѣлых, а по теченію Днѣпра предпринимая во многих пунктах переправы, красные стараются и здѣсь добиться успѣха.

Благодаря удачно сложившимся обстоятельствам, хорошей перегруппировкѣ войск, стойкости и энергіи частей крымской арміи, задуманная красным командованіем операція не удалась и конница Жлобы была разбита на голову.

Вот как разсказывает об этом крупнѣйшем и самом удачном из крымских боев один из главных его участников, начальник донской конницы генерал Калинин.

— Мнѣ было приказано тревожить противника, чтобы лишить его возможности спокойно выполнять задуманный маневр. Вмѣстѣ с другими частями мы нападали на фланги и тыл Жлобы, в теченіи недѣли сдерживая его конницу, заставляя ее вертѣться на мѣстѣ. В это время сюда стягивались: Дроздовская дивизія, донская конница генерала Морозова и другія части.

20-іюня (3 іюля н. ст.) в тот день, когда Жлоба рѣшил взять Мелитополь, всѣ части арміи были сосредоточены против него и перешли в наступленіе. Послѣ короткаго, но ожесточеннаго боя, Жлоба принужден был бѣжать. Но, красная конница уже была окружена со всѣх сторон и находилась в мѣшкѣ.

— Жлоба, — разсказывал Калинин, — бросился на восток и наткнулся на Дроздовскую дивизію. В это время конница Морозова, не найдя противника, проскочила мимо. Я рѣшил, что это — большевики, аттаковали своих же, и сильно потѣснил их. Послѣ опроса плѣнных выяснилось, что это были свои же, донцы. Моментально я сообщил Морозову, что ему здѣсь дѣлать нечего, и нужно настигать Жлобу, а сам занял нѣмецкую колонію Гнадельфельд. В этот момент возлѣ колоніи появилась одна из дивизій красных. Я выслал против нея Назаровскій полк, а сам со всѣми силами бросился на Жлобу. Красная конница, стукнувшись о дроздовцев, получила отпор, отпрянула назад и налетѣла на корниловцев. Затѣм наступила страшная путаница. Корниловцы аттаковали дроздовцев, дроздовцы встрѣтили донскую конницу Морозова огнем... Жлоба стал искать выхода.. Часть красной конницы бросилась на сѣвер, но наткнулась на наши три бронепоѣзда, которые открыли ожесточенный огонь. Началось нѣчто невообразимое, какая то каша. Конница Жлобы превратилась в безпорядочныя банды...

— Ознакомившись с мѣстностью, я рѣшил, что единственным выходом из мѣшка для Жлобы является деревня Вальдгейм и устроил ему здѣсь западню.

— Когда большевики ринулись от бронепоѣздов на Вальдгейм, они нарвались на батареи, броневые автомобили, на стоявшій против улицы Платовскій полк. Паническая лавина красных кавалеристов налетѣла на нас. Это были не войска. Это не была паника частей. Это был дикій ужас... Лавина красных была так сильна, что они увлекали в своем бѣгѣ моих казаков и офицеров. Большевики летѣли мимо штаба, мимо моего автомобиля. Мои ординарцы бросались на них, стаскивали с лошадей. Никто не стрѣлял, не рубил шашкой...

— Здѣсь я набрал до дву хтысяч плѣнных. Этот день мнѣ дал до трех тысяч лошадей. Большевики не увезли отсюда ни одной пушки, ни одного пулемета, ни одной повозки. В общем из конной группы Жлобы удрало не болѣе тысячи конных. Все остальное или легло, или попало в плѣн.

На фронтѣ наступило затишье.

Удачные бои, в особенности разгром Жлобы, сильно подняли настроеніе крымских войск. Измѣнился и характер операцій. Начальники почувствовали, что они могут полагаться на свои части. Если военныя операціи до этого времени носили от-

печаток неувѣренности, нерѣшительности, то теперь, убѣдившись в превосходствѣ сил, главное командованіе дѣйствует с большой рѣшительностью и опредѣленностью.

Как бы то ни было, а завоеваніе Сѣверной Тавріи укрѣпило положеніе правящих кругов Крыма и создало увѣренность в правильности намѣченнаго курса. Ставка засыпает газеты побѣдоносными реляціями. Успѣхи раздуваются до размѣров „безпримѣрных в военной исторіи побѣд". Врангеля сравнивали в крымских газетах с Петром Великим, с Наполеоном и даже с Александром Македонским.

Крымская журналастика могла писать и писала о фронтѣ лишь казенным „подлым штилем", и, конечно, не могла даже намеками отражать подлинныя настроенія и переживанія тѣх, кто находился на фронтѣ.

Фронтовики-же, всѣ, кто не был только профессіоналом военнаго дѣла, кондотьером по духу, несмотря на военные успѣхи, хорошую погоду, изобиліе продовольствія, явный перевѣс в силах над красными,— несмотря на все то, что создавало внѣшнюю бодрость духа—чувствовали глубокую неудовлетворенность. У них не было вѣры в правоту своего дѣла, энтузіазма перваго періода антибольшевистскаго движенія. Они не чувствовали никакой связи с враждебно относившимся к ним населеніем и, в сущности, уже окончательно переставали вѣрить в успѣх борьбы.

Фронт не был одушевлен идеей. В арміи не было души.

— Воюем по разгону, по инерціи... За что воюем — сами не знаем.

Это говорили не рядовые фронтовики, а командиры добровольческих офицерских частей. О безыдейности борьбы в Крыму говорили старѣйшіе из добровольцев, первые сподвижники, сотрудники Алексѣева, Корнилова, Маркова, Каледина... На такой же точкѣ зрѣнія стояли и видные представители „касты" первопоходников. Об'единившись в корниловскій союз участников кубанскаго похода, они являлись наиболѣе устойчивым во всѣх отношеніях антибольшевистским элементом в станѣ бѣлых и, как заявил Врангель на благотворительном праздникѣ, устроенном союзом корниловцев, должны были служить ядром русской арміи. Но это ядро раз'ѣдалось ржавчиной скептицизма и пессимизма.

— Да и как мы могли быть оптимистами, — говорил мнѣ, например, генерал Корвин-Круковскій, замѣститель предсѣдателя корниловскаго союза донского атамана Богаевскаго — когда идейных борцов на фронтѣ осталось ничтожное количество. Казаки воюют, потому что они находятся в безвыходном положеніи и стремятся пробиться на Дон. Добровольцы же дерутся по инерціи, как люди опредѣленнаго ремесла, как хорошіе про-

фессіоналы. Что им и дѣлать, как не драться!.. Как это ни грустно, но приходится признаться, что в качествѣ боевого стимула огромную роль, как раньше, так и теперь, играет жажда наживы. Помимо грабежей и разбоев, теперь процвѣтают спекуляція и торгашество. Поставленные в тяжелое матеріальное положеніе офицеры путем спекуляціи и торгашества стараются обезпечить себя и свои семьи. Не даром же поѣзда, связывающіе Крым с Сѣверной Тавріей, переполнены военными спекулянтами, думающими только о том, как бы захватить что-нибудь на фронтѣ и отправиться в тыл. Войска растлѣваются этим еще в большей степени, чѣм при Деникинѣ, ибо на грабеж пойдет не всякій, на торгашество же почти каждый...

Дѣйствительно, хотя реорганизованныя войска с внѣшней стороны казались вполнѣ боеспособными, — в тлетворной крымской атмосферѣ быстро развивался начавшійся во времена Деникина гангренозный процесс вырожденія, разложенія того, что составляло основу Добровольческой арміи, вооруженных сил Юга Россіи.

Широковѣщательный термин — „Русская армія" — сохранялся лишь на бумагѣ. Казачьи части, как и раньше, оставались инородным тѣлом, в составѣ „Русской арміи". Не-казачьи войска по своей сущности, по духу, в полной мѣрѣ оставались „добровольческими" частями, „добровольем", которое шло не освобождать, а завоевывать Россію.

В арміи царила своеобразная „добровольческая дисциплина", но настоящей военной дисциплины не было. Об'яснялось это, между прочим, и тѣм, что высшіе представители командного состава, соперничая между собой в популярности среди войсковых масс и не желая вступать с ними в конфликты, в огромном большинствѣ случаев ограничивались только отдачей строгих приказов. Боясь потерять симпатіи войсковых частей, они не прилагали стараній, да и, в сущности, были безсильны добиться того, чтобы эти распоряженія осуществлялись на дѣлѣ.

Приказы о соблюденіи старшинства при назначеніи на командныя должности весьма часто не исполнялись. На вакантныя должности в полках назначались лица, служившія в этих-же полках, что дѣлалось независимо от того, были-ли они достойны этой должности. Назначенія дѣлались обыкновенно с вѣдома и согласія той части, гдѣ оказалась вакансія. Так как значительная часть офицеров состояла из зеленой молодежи, развращенной гражданской войной, привыкшей к попойкам и картежной игрѣ, бывшей поэтому не прочь пограбить, то естественно, что эта молодежь выдвигала на командныя должности кандидатуру тѣх офицеров, которые, помимо своих боевых

заслуг, вели такой же, как и они, образ жизни, и которые должны были в будущем прикрывать всякія безобразія.

Система выборнаго начала в арміи практиковалась не только в отношеніи низших, но и высших начальников, как это было, напр., правда, уже в сентябрѣ, с назначеніем начальника Дроздовской дивизіи. По желанію Дроздовской дивизіи, командующій первой арміи Кутепов вынужден был отчислить назначенных в качествѣ начальников генералов, сначала Кельнера, потом Непенина и назначить дроздовца же, генерала Туркула, прославившагося своими насиліями и смертными казнями. Все это вынужден был санкціонировать и сам Врангель...

Не удивительно, что высшіе начальники ничего не могли сдѣлать со своими подчиненными, если какой либо их приказ не нравился послѣдним.

Когда, например, безпрерывныя жалобы крестьян на, так называемыя, „реквизиціи" вынуждали Кутепова назначить офицеру какое либо дисциплинарное наказаніе, то он часто не в силах был достичь того, чтобы это наказаніе было приведено в исполненіе в части, гдѣ находился провинившійся, раз этого не желал командир полка. Даже приговоры корпусных и военно-полевых судов, вынесенные за грабежи и хулиганство, систематически не приводились в исполненіе.

Корниловцы, марковцы и дроздовцы третировали старших офицеров других дивизій, что вызвало вражду между дивизіями, и выливалось во взаимных оскорбленіях.

Придворная атмосфера севастопольской ставки налагает свой деморализующій отпечаток на командный состав. Вокруг ставки идет глухая, скрытая возня, в которой дѣятельное участіе принимают виднѣйшіе военные начальники, ведущіе между собою ожесточенную борьбу за первенство. Больше других волнуется Слащев, который никак не может помириться с тѣм, что его отодвигают на задній план. Слащев рвет и мечет, засыпает Врангеля рапортами, доказывая, что истинных защитников Крыма затирают, что его, Слащева, хотят „убрать" и т. д. Он доносит, что начальник штаба главнокомандующаго Махров и генерал-квартирмейстер Коновалов „подрывают обаяніе личности Врангеля". Он, видимо, никак не может примириться с крушеніем своих надежд на то, что „по политическим соображеніям Врангель соединил его имя со своим". Слащев пишет доклады, дает совѣты, грозит уходом в отставку, даже просит отдать его под суд... и добивается в концѣ концов того, что в ставкѣ начинают считать его не только безпокойным, но даже опасным человѣком. Вѣдь Слащев имѣет своих сторонников, которые не прочь выдвинуть его и на болѣе высокій пост. Об этом поговаривают не только в преторіанских офицерских кружках, но его

имѣют в виду „на всякій случай“ в правых монархических кругах.

Офицеры и даже отдѣльныя части втягиваются в эту закулисную борьбу за власть и первенство. В ставкѣ, поэтому, начинают обращать усиленное вниманіе на благонадежность фронтовиков. Щупальцы всемогущей крымской контр-развѣдки из центра протягиваются к периферіям и густая сѣть контр-развѣдчиков раскидывается по фронту. Агенты охранки внѣдряются в штабы корпусов, дивизій и полков.

Контр-развѣдка свирѣпствует не только в низах. Она имѣет огромное вліяніе и среди крымских верхов, устанавливая надзор за лицами, занимавшими в арміи самое отвѣтственное положеніе.

— Даже за мной было установлено наблюденіе, — разсказывал мнѣ бывшій в то время начальником штаба главнокомандующаго генерал Махров, вынужденный скоро в виду своей „лѣвизны“ оставить Крым. Он уѣхал в качествѣ представителя Врангеля в Варшаву, заявив на прощанье Шатилову:

— Вас погубят попы и жандармы...

Всѣ эти и многіе другіе признаки вырожденія и разложенія арміи окончательно убивали у искренних патріотов вѣру в успѣх борьбы и создавали в Крыму кадры апатично настроенных пессимистов.

Характерно, что завоеваніе Сѣверной Тавріи не произвело на широкіе круги населенія в Крыму никакого впечатлѣнія. Радовались этому лишь спекулянты, для которых с занятіем новаго богатаго района наступало золотое время, открывались огромныя перспективы в смыслѣ ввоза и вывоза. Населеніе Крыма равнодушно относилось к продвиженію арміи на сѣвер, и реагировало на ряд новых мобилизацій быстро разраставшимся зеленоармейским движеніем.

Все это, однако, игнорировалось.

Что касается восторженной оцѣнки военных успѣхов Врангеля, то весьма авторитетные представители военнаго міра, правда, под сурдинку, категорически утверждали, что завоеваніе Сѣверной Тавріи не является результатом высокой боеспособности арміи и искусно проводимых военных операцій, а об'ясняется исключительно тѣм, что второстепенныя по боевым качествам силы Красной арміи отличались плохой устойчивостью. Самая удачная операція за весь період — разгром Жлобы — не по плану, а по итогам оказалась блестящей.

ГЛАВА V.

НА НОВЫХ РУБЕЖАХ.

Завоеваніе Сѣверной Тавріи создало иллюзію побѣдоноснаго продвиженія на сѣвер и замедлило быстро развивавшійся послѣ новороссійской катастрофы процесс разложенія антибольшевистских сил. Снова политика приносилась в жертву стратегіи, и специфическіе „интересы фронта“ отодвигали на задній план всѣ другія соображенія. Положеніе главнаго командованія упрочилось. Терроризованные представители оппозиціонных демократических теченій были окончательно загнаны в подполье, заняли выжидательно-пассивное положеніе.

Правящіе круги Крыма, возглавляемые Врангелем и Кривошеиным, больше всего могли теперь опасаться лишь активных враждебных выступленій со стороны представителей казачьей демократіи. Разгром донского штаба исключал, казалось, возможность таких выступленій со стороны донцов. Политическое вліяніе и удѣльный вѣс терцев в Крыму были ничтожны. Вниманіе главнаго командованія обращается в стороны кубанцев, которые, как показал опыт Деникина и „Особаго Совѣщанія“, являлись в политическом отношеніи такой силой, с которой нужно было считаться самым серьезным образом.

Положеніе правящей группы в Крыму, однако, облегчалось тѣм, что кубанцы находились послѣ капитуляціи Кубанской арміи в состояніи полной дезорганизаціи. У них не было даже своего атамана, ибо Букретов фактически устранился от всяких дѣл. Вмѣсто него на первый план выдвинулся предсѣдатель кубанскаго правительства Иванис.

Когда, послѣ апрѣльской капитуляціи Кубанской арміи, Иванис ѣхал в Крым, озлобленіе против него у кубанцев было так сильно, что здѣсь-же на кораблѣ открыто говорили о необходимости повѣсить предсѣдателя правительства. Из Феодосіи Иванис первым долгом связался с Врангелем. Послѣдній очень удивился, каким образом Иванис очутился в Крыму, а не в Грузіи. В сущности, Врангель был доволен пріѣздом предсѣдателя кубанскаго правительства, который был ему необходим по военным, а главным образом, по политическим соображеніям. В виду этого, главнокомандующій лишь для формы назначил комис-

сію по разслѣдованію обстоятельств капитуляціи Кубанской арміи и, вообще, рѣшил использовать Иваниса для укрѣпленія своего положенія.

Находясь в Крыму, Иванис был весьма озабочен тѣм, чтобы связаться с Тифлисом, гдѣ находились члены правительства и ядро Кубанской Рады во главѣ с предсѣдателем ея Тимошенко. Там же проживал теперь и кубанскій атаман генерал Букретов.

Совмѣстная работа с Букретовым для Врангеля была немыслима. Что же касается Иваниса, то он ничего не имѣл против того, чтобы добиться ухода скомпрометированнаго атамана и взять в свои руки атаманскую булаву.

Получив, в концѣ концов, разрѣшеніе от Врангеля, Иванис выѣхал в Тифлис.

Тифлисская группа кубанских политических дѣятелей заняла уже в это время рѣзко враждебную позицію в отношеніи Крыма и энергично протестовала против апрѣльскаго соглашенія атаманов с Врангелем.

— Принципіально отрицательное отношеніе к главному командованію,—разсказывал мнѣ Тимошенко,—усугублялас у нас и персональным вопросом. Врангеля мы знали, как авантюристическую фигуру, как человѣка, неразборчиваго в средствах и, вообще, неспособнаго к положительной государственной работѣ.

Кубанцы теперь изыскивали способы для самостоятельной борьбы с большевиками. Больше других привлекала общія симпатіи перспектива совмѣстных дѣйствій с Петлюрой, который, в союзѣ с поляками отвоевывал в это время у большевиков Украину.

— Перебросить с помощью французов возможно большее количество кубанцев на Украйну, помочь Петлюрѣ, а затѣм с помощью украинцев освободить Кубань — вот проэкт, который в Тифлисѣ в это время противупоставлялся прежнему плану похода на Москву.

Однако, прибывшій в Грузію Иванис начал энергично отстаивать свой план соглашательства с Врангелем, доказывая, что из Крыма легче всего переброситься на Кубань.

Параллельно с вопросом об оріентаціи, в связи с пріѣздом Иваниса, был поставлен на окончательное разрѣшеніе и вопрос об уходѣ Букретова и реконструкціи правительства. Желая заручиться содѣйствіем членов тифлисской группы и получить атаманскую булаву, Иванис, как будто бы, готов был принять план „оріентаціи“ на Украйну.

Начались переговоры с Букретовым.

Члены кубанскаго правительства подали в отставку

В качествѣ замѣстителя предсѣдателя правительства, Бѣлашев довел об этом до свѣдѣнія Букретова, причем заявил:

— То, что относится к правительству, всецѣло относится и к вам.

Букретов сначала категорически отказался сложить свои полномочія.

— Когда мы возвратимся на Кубань, — заявил он, — я дам отчет перед тѣми, кто меня избрал.

— Дѣло ваше, — возразил Бѣлашев, — но, с своей стороны, я считал-бы ваш уход необходимым. Имя ваше — одіозное и скомпрометированное имя . . .

— Кто же примет мои полномочія? — спросил тогда Букретов.

— В силу нашей конституціи — предсѣдатель правительства Иванис.

— До каких же пор это будет продолжаться?

— До возвращенія на Кубань.

— Я тоже смогу там дать отчет?

— Да, сможете. Но важно, чтобы вы теперь сложили свои полномочія.

Послѣ уговоров, во время которых атаману доказывали, что он дискредитировал себя во всѣх отношеніях своими дѣйствіями, своим безволіем, нерѣшительностью, капитуляціей арміи и т. д.— Букретов, наконец, заявил:

— Если этого требуют интересы войска, то я сложу свои полномочія. Приходите завтра. Я передам вам булаву.

Атаманская булава, согласно 51 статьѣ кубанской конституціи, была передана предсѣдателю правительства Иванису. Послѣдній должен был в теченіи мѣсяца со дня ухода атамана созвать для новых выборов Краевую Раду. Но, большинство членов Рады оставалось на Кубани у красных. Кворума не было и Иванис очутился в положеніи безсмѣннаго атамана.

В період завоеванія Сѣверной Тавріи в Тифлисѣ в концѣ мая и в первой половинѣ іюня состоялся ряд совѣщаній кубанских политических дѣятелей, посвященных, главным образом, вопросу об отношеніи к Крыму.

Во время своих выступленій на этих совѣщаніях Иванис обрисовал обстановку, создавшуюся в Крыму, и сообщил, что у Врангеля теперь имѣется шесть тысяч кубанцев, сведенных в одну стойкую боеспособную дивизію под командой Бабіева.

— Нельзя нам игнорировать Крым, и этот вопрос нужно обсудить самым тщательным образом, — убѣждал участников совѣщаній Иванис.

Начались споры и пререканія. Попутно стали обсуждаться и общіе политическіе вопросы. В рѣчах ораторов рельефно вы-

явился тот идейный разброд, который переживали кубанскіе политическіе дѣятели.

— Нечего бояться крымской грязи, — говорили одни. Когда на улицѣ дождь, нужно брать зонтик, надѣвать калоши и этим спасаться от дождя и грязи.

— Необходимо вывезти кубанцев из Крыма. Если Врангель не позволит, можно их „украсть", на лодках и баркасах переправить через Керченскій пролив на Кубань.

— Но у нас и так много людей...

— Есть только два пути: или ѣхать в Крым, или идти за перевалы на Кубань поднимать возстаніе против большевиков...

В таком родѣ высказывались ораторы: Ламко, Аспидов, Горбушин и др.

Предсѣдатель Краевой Рады Тимошенко не только протестовал против контакта с Врангелем, но и настаивал на том, что с Крымом, как олицетвореніем реакціи, необходимо бороться самым энергичным образом. Борьбу с большевиками нужно вести совмѣстно с Украйной, Грузіей, горцами Сѣвернаго Кавказа и другими демократическими силами.

В том же духѣ высказывались и члены кубанскаго правительства Сулятицкій и Ивасюк.

Нужно покончить раз навсегда с оріентаціей на Великороссію, как это дѣлают „линейцы". Пользуясь благожелательным отношеніем Франціи к идеѣ образованія буферных государств, необходимо поддержать Украйну, которая, в свою очередь, поможет южно-русским государственным образованіям и, в частности, Кубани устроить свое самостоятельное государственное существованіе.

О необходимости использованія казаков, находившихся в Крыму, говорил лидер линейцев Скобцов, констатируя в то же время, что значительное число участников совѣщанія — живые трупы, и должны отказаться от всякой государственной работы. К категоріи политических мертвецов относил он Иваниса. членов кубанскаго правительства и, как поняли присутсвовавшіе, в первую очередь самого себя.

Горькое разочарованіе слышалось, наконец, и в словах одного из главных авторов кубанской конституціи — присяжнаго повѣреннаго Каплина.

— Очевидно, — говорил он, — Великую Россію не создать тѣм путем, каким мы шли до сего времени. Прочно об'единят Россію только большевики...

Считая дальнѣйшую борьбу безполезной, Каплин предлагал прекратить ее и ожидать эволюціи большевизма.

Между тѣм, Иванис, получив атаманскую булаву, мѣняет свою позицію.

По словам Тимошенко, он повел себя так безтактно с представителями иностранных миссій и украинцами, что сразу же рухнули всѣ надежды на возможность полученія кораблей и транспортированія на Украину на первый раз хотя бы тысячи кубанских казаков, находившихся въ Грузіи.

— В Грузіи работать нельзя. На Украину ѣхать невозможно. Что же прикажете дальше дѣлать?

Такіе вопросы задавал Иванис тифлисцам, доказывая, что Крымъ является неизбѣжным этапом в освобожденіи Кубани.

В результатѣ была принята компромисная, соглашательская точка зрѣнія.

Вопреки первоначальному рѣшенію не ѣхать в Крым, вновь сформированное Иванисом правительство признало необходимым вести работу на два фронта. С одной стороны, рѣшено было послать делегацію на Украйну, в Польшу и добиваться соглашенія с поляками, а при их помощи заручиться содѣйствіем иностранных держав. С другой стороны, члены правительства рѣшили ѣхать в Крым, добиваться там большей самостоятельности, чѣм та, которая была предоставлена казакам апрѣльским договором, оказывать на Врангеля давленіе, защищать казаков, настаивать на производствѣ на Кубань дессанта, состоящаго из одних кубанцев и принимать мѣры, чтобы дессант не мог быть использован Врангелем для своих цѣлей.

На тифлисских совѣщаніях признано было необходимым создавать на югѣ с Грузіей в центрѣ демократическую вооруженную силу, которая двинулась бы на Кубань одновременно с дессантом, и включила бы его в свой состав. Таким образом, тифлисцы хотѣли вбить демократическій клин между Крымом и Совѣтской Россіей.

— Предложеніе ѣхать в Крым,—передает Тимошенко, для меня и моих единомышленников было совершенно не пріемлемо, и мы от этого категорически отказались. Отказались, впрочем, не всѣ. Член президіума Краевой Рады Курганскій рѣшил ѣхать в Крым. Другой член президіума Бѣлый, вмѣстѣ с членами правительства Сулятицким и Ивасюком отправились в качествѣ делегатов в Польшу...

Предсѣдатель Краевой Рады Тимошенко очутился в нелѣпом положеніи.

— Считая, что оффиціальный кубанскій центр переносится в Крым,—разсказывал мнѣ он,—я передал дѣла Курганскому и сам остался в Тифлисѣ с другими членами Рады. Фактически, в виду двойственной политики правительства, между нами про-

изошел разрыв. Однако, не считая возможным выступить открыто проив правительства, мы замалчивали об этом...:

В то время, когда в Тифлисѣ пытались произвести переоцѣнку цѣнностей и закрѣпиться на новых идейных рубежах, в Крыму уже мечтали о завоеваніи Украйны, об освобожденіи Дона и Кубани, о походѣ на сѣвер, о возстановленіи деникинскаго фронта.

Правда, поход на сѣвер был возможен лишь при широкой поддержкѣ Запада. В Крыму отлично сознают это и стараются во всѣх отношеніях использовать международную обстановку.

— Ведя успѣшную борьбу в Сѣверной Тавріи, — разсказывал мнѣ Врангель, — я все время разсчитывал на помощь Запада.

Эти разсчеты теперь строились на том, что побѣдоносное наступленіе польских и петлюровских войск в глубь Россіи закончилось полной катастрофой. Использовав національное чувство населенія Украины и сѣверо западных областей, большевики стягивают на фронт большія силы, и сами переходят в энергичное наступленіе, быстро вытѣсняя поляков из предѣлов Россіи и заставляя их настойчиво просить помощи у держав-покровительниц.

Перед Антантой, таким образом, снова ребром становится вопрос о необходимости всемѣрной поддержки антибольшевистских сил в Россіи, дабы тѣм самым помѣшать попыткѣ Совнаркома пробить себѣ широкую брешь на Запад.

Война с поляками, создавшая выгодную для Врангеля международную политическую кон'юнктуру, мѣшает большевикам обратить на Крым серьезное вниманіе, что весьма облегчает положеніе главнаго командованія. Крымская армія все время пытается сохранить за собой инціативу, чему помогает пассивность противника. Военныя операціи послѣ разгрома Жлобы носят, однако, как и раньше, характер стычек отдѣльных отрядов, коротких ударов, быстрых маневров.

Скептически настроенные военные дѣятели характеризуют этот боевой період в слѣдующих выраженіях.

— Шаг вперед—большевистскій прорыв и... блестящая побѣдоносная сводка. Ликвидація каждаго такого прорыва сопровождается огромными потерями. Опять шаг вперед, опять та же исторія. Результат — уничтоженіе живой силы... Ни Крым, ни Сѣверная Таврія не дают пополненій. Пополненія так ничтожны, что о них серьезно говорить не приходится. Убыль в войсках комплектуется плѣнными красноармейцами, не перевоспитанными, не профильтрованными, а прямо вливавшимися в части...

‚Ставка однако, вѣрила в прочность положенія, и была настроена очень отпимистично.

— Планы глубокаго продвиженія в Совѣтскую Россію, — разсказывал мнѣ донской атаман Богаевскій, — возникли у нас по мѣрѣ того, как от перебѣжчиков и агентуры поступали новыя свѣдѣнія, что на Украинѣ, на Дону и Кубани очень не спокойно, и что там с нетерпѣніем ожидают прихода Русской арміи. Способствовало этому большое количество плѣнных красноармейцев, надежды, которыя возлагались на аграрный закон, увѣренность в благожелательном отношеніи к арміи населенія. Все это давало нам мысль не завоевывать, конечно, Россію, не доходить до Москвы, а, опираясь на возставшую Украину, занять Дон, освободить Кубань и Терек с прилегающими землями и на этом остановиться.

Еще в серединѣ іюня, отправляясь на фронт, Богаевскій заѣхал по пути на станцію Джанкой, гдѣ находился Врангель. Послѣдній был в очень приподнятом настроеніи и заявил Богаевскому:

— Ну, Африкан Петрович, дѣла идут отлично. Собирайте донцов. Пора на Дон идти...

— Почему Вы это говорите? — спросил Богаевскій.

— Потому что с Дона поступают очень хорошія свѣдѣнія. Есть полная надежда на то, что удастся поднять возстанія по всей области. Вы станете со своими донцами на Дону. Я буду держаться с лѣвой стороны и мы обопремся друг о друга. Будет у нас успѣх, — возьмем и большее пространство.

— Все это очень хорошо, Петр Николаевич, — возразил Богаевскій Врангелю, — но вы пока подождите отдавать распоряженіе о походѣ на Дон. Дайте мнѣ время съѣздить на фронт и ознакомиться с настроеніем донцов, арміи, переговорить с начальниками частей. Торопиться некуда. Время еще есть.

Богаевскій уѣхал на фронт, и оттуда написал Врангелю письмо, гдѣ указывал на нецѣлесообразность похода на Дон.

Атаман писал, что он говорил на фронтѣ с командирами корпусов Кутеповым, Абрамовым, с начальниками частей, с казаками. Всѣ стремились на Дон. Но старшіе начальники высказывались против этого похода, ибо было бы совершенно не цѣлесообразно бросать туда такую небольшую сравнительно боевую силу, как шеститысячная масса казаков. Казаки прошли бы по Дону церемоніальным маршем, так как красных войск там было очень мало. Казаки могли бы продержаться на Дону мѣсяц, два... но заранѣе можно было предвидѣть, что наступит осень с ея слякотью, зима с ея морозами и всѣ силы покатятся назад. Так было два года раньше, так будет и теперь.

Имѣя в виду, что Врангель уже отдал распоряженіе о переброскѣ казаков на Дон, о приготовленіи для этой цѣли запасов продовольствія, оружія, двух милліардов рублей денег, — Богаевскій настойчиво убѣждает главнокомандующаго в нецѣлесообразности намѣченнаго плана. Вспоминая исторію прошлой борьбы донцов с большевиками, он указывал на то, что раньше эта борьба происходила в болѣе благопріятных условіях и все-таки окончилась неудачей. В 1918 году среди донцов наблюдался очень большой под'ем и воодушевленіе. Было горячее желаніе борьбы, было сто тысяч человѣк бойцов. Нѣмцы оказывали казакам свое полное содѣйствіе и вооруженіем и снаряженіем и живой силой. Тыл был обезпечен сосѣдями — добровольцами. Но, все же, когда настала зима, Донская армія откатилась до Дона и Новочеркасска. Между тѣм, противник тогда представлял собою аморфную массу, вату... В красной арміи не было дисциплины, не было хороших начальников. В это время Совѣтской Россіи угрожали: Колчак, Деникин, Юденич, существовал Сѣверный фронт...

Весной 1919 года красные уже окрѣпли. Появились хорошіе начальники. Введена была суровая дисциплина. Не было теперь уже ни Колчака, ни Юденича... Ликвидирован был Сѣверный фронт. Меньше бойцов осталось на Дону... Настала осень и зима и...войска скатились до Новороссійска и Крыма.

— Теперь имѣется всего шесть тысяч бойцов. Противник воюет только с Польшей, с которой может заключить мир. Большевики настроены побѣдоносно. Они твердо стали на ноги, ввели у себя в войсках крѣпкую дисциплину, порядок, имѣют отличный командный состав. По теоріи вѣроятности заранѣе можно предвидѣть, что на Дону казаки продержаться до осени, а затѣм, не имѣя ни снаряженія, ни запасов продовольствія, ни хлѣба, ни одежды, — откатятся назад, и, вѣроятно, гораздо дальше, чѣм теперь можно себѣ представить...

— В силу этих соображеній, — разсказывал мнѣ Богаевскій, — я категорически высказался против переброски всѣх казаков на Дон. Скрѣпя сердце, Врангель согласился с моими доводами.

Несмотря на это, в началѣ іюля в ставкѣ все же было рѣшено поднять возстаніе на Дону, в крайнем случаѣ произвести крупную развѣдку в глубь области. В Крыму был с'организован так называемый „Назаровскій дессант". Сам полковник Назаров, молодой, энергичный и дѣятельный член Донского Войскового Круга, с'ѣздил на Дон еще в маѣ мѣсяцѣ, пробравшись туда через Азовское море на лодкѣ. Он побывал в приморских станицах, в Ростовѣ, ознакомился с обстановкой и на лодкѣ же вернулся в Крым, имѣя в головѣ разработанный план пред-

стоящей операціи. Врангель охотно пошел ему навстрѣчу, и оказал всяческое содѣйствіе в организаціи дессанта. Назаров собрал до 800 человѣк казаков и офицеров, получил снаряженіе, вооруженіе, вплоть до пушек и, погрузившись на каботажныя суда, отправился на Дон. 9 - 22 іюля дессант высадился около станицы Новониколаевской у устья Дона, захватил эту станицу и двинулся на сѣвер. Связь с Крымом прервалась. В теченіе мѣсяца никаких извѣстій от Назарова в Крым не поступало.

Между тѣм, період мелких боев и стычек на крымском фронтѣ заканчивался. В то время, когда Врангель пытаясь расчистить себѣ подступы к Украйнѣ, направил главные удары на Александровск, Жеребец, Пологи, без больших затрудненій продвигаясь в сѣверном направленіи, гдѣ особенно разрасталось повстанческое движеніе, — в это время на лѣвом флангѣ арміи, по всему теченію Днѣпра, гдѣ стояли слабыя части Слащевскаго корпуса, противник начал перебрасывать свѣжія силы со своего юго-западнаго фронта. Силы эти концентрировались на правом берегу Днѣпра и имѣли своей цѣлью переправиться через Днѣпр, разбить корпус Слащева и сразу броситься в тыл арміи, чтобы занять Перекоп.

Готовясь к предстоящим боям, Врангель рѣшил захватить устье Днѣпра, Очаков и Николаев. Однако, несмотря на уч стіе в этой операціи дредноута „Генерал Алексѣев" и крейсера „Генерал Корнилов", операція не увѣнчалась успѣхом.

В ночь с 24 на 25 іюля ст. ст. началась одновременная переправа красных через Днѣпр у Каховки, Корсунскаго монастыря и Алешек. Противник начал сильно тѣснить Слащевскій корпусъ. Положеніе создалось очень серьезное. Оно осложнилось еще тѣм, что личныя тренія между Врангелем и Слащевым приняли в это время особенно острый характер.

Для ликвидаціи прорыва были предприняты экстренныя мѣры, и мобилизованы резервы главнаго командованія. Задача по уничтоженію переправившихся через Днѣпр частей Красной арміи была возложена на Слащева и конный корпус Барбовича.

Каховская операція продолжалась с 25 іюля по 2 августа (ст. ст.). Непосредственная опасность была устранена. Однако, несмотря на полное напряженіе всѣх сил, уничтожить каховскую группу красных не удалось. Потери Врангель понес огромныя. Красные прочно закрѣпились на лѣвом берегу Днѣпра, в 80 верстах от Перекопа, на плацдармѣ у Каховки.

На фронтѣ наступило затишье. Общее вниманіе сконцентрировалось вокругъ весьма характернаго для Крыма конфликта между Слащевым и Врангелем.

Врангель рвал и метал, обвиняя во всем происшедшем Слащева. Послѣдній оправдывался тѣм, что он в точности исполнял директивы главнаго командыванія, что „условія борьбы были слишком не равны, что огромный перевѣс сил в пѣхотѣ, а также в артиллеріи противника позволял ему постоянно имѣть в руках свѣжіе резервы, ликвидируя первоначальные наши успѣхи.“

Конфликт закончился рѣзкой телеграммой Слащева Врангелю, гдѣ он писал, между прочим:

— Я уже свое дѣло сдѣлал и теперь являюсь лишним..

Врангель не возражал против ухода Слащева, а, чтобы этот факт не бросался в глаза, написал по типу высочайших рескриптов приказ, въ котором благодарил Слащева, выражал сожалѣніе, что он уходит, „по разстроенному здоровью“ и жаловал ему новый титул, разрѣшая именоваться впредь „Слащев—Крымскій“.

Слащев уѣхал в Севастополь, гдѣ написал Врангелю рапорт, в котором жаловался на интриги, на камарилью, окружавшую Врангеля во главѣ со „злым геніем Россіи“, ген. квартирмейстером ставки Коноваловым, заявлял, что „участвовать в сознательной работѣ на погибель Россіи он не может“, требовал суда над собою, над своим штабом, над ставкой и генерал-квартирмейстером Коноваловым.

В отвѣт на этот рапорт Врангель предложил Слащеву „полѣчиться в германских санаторіях“.

Слащев отклонил это предложеніе. Вслѣд за этим он был предан суду по обвиненію в цѣлом рядѣ преступленій, начиная от противозаконных, безсудных разстрѣлов, и кончая преступленіями денежнаго характера. Такія-же дѣла возникли и по поводу преступленій, совершенных чинами слащевскаго штаба.

Предстоящій громкій процесс взбудоражил военные и обывательскіе круги. Заговорили об открытых и тайных преступленіях чинов слащевскаго штаба. Вспоминали о фактах массовых звѣрских разстрѣлов. Разсказывали о том, как смертники ставились возлѣ ямы, пристрѣливались и засыпались землей — мертвые-ли, живые-ли—безразлично. Сообщали о случаях, когда пристрѣленные выползали из могил . . . Имя Слащева связывали теперь с именем начальника слащевской контр-развѣдки Шарова, занимавшагося вымогательствами у смертников. По рукам ходили разные документы, в родѣ собственноручной записки Слащева на клочкѣ бумаги слѣдующаго содержанія:

„Командиру роты военноплѣнных. Приказываю выдать пять евреев по указанію контр-развѣдывательнаго отдѣленія штакора подателю сего. Записку возвратить на руки начальнику отдѣленія. Слащев. 27. 5. 20“.

На всѣ эти обвиненія, на постановленіе военнаго слѣдователя Гирчича о примѣненіи к Слащеву в качествѣ мѣры пресѣченія надзора начальства — бывшій диктатор Крыма реагировал очень своеобразно. Когда судебный слѣдователь прислал ему повѣстку с предложеніем явиться в качествѣ обвиняемаго в его камеру для допроса, Слащев написал на повѣсткѣ два слова:

— Не пойду...

Сам же отправился к начальнику штаба главнокомандующаго и возмущенно заявил:

— За такія вещи я могу раздѣлаться по-свойски, а слѣдователя спустить с лѣстницы...

Дѣло было замято. Слащеву предложили заняться улучшеніем быта военнослужащих.

Конфликт был, как будто бы, сглажен, но нельзя было сгладить роковых итогов Каховской операціи, которая привела к тому, что в арміи Врангеля образовался болѣзненный нарыв— Каховскій плацдарм, откуда красные в любой момент могли ударить на Перекоп, и отрѣзать от перешейков всѣ силы Крымской арміи. Однако, связанные польским фронтом, большевики все еще не обращали особаго вниманія на Таврическій полуостров, считая, повидимому, что, если понадобится раздавить Крым, они смогут это сдѣлать в нѣсколько дней.

Гораздо больше их безпокоило повстанческое движеніе на Украйнѣ, с которым, несмотря на всѣ свои усилія, они никак не могли справиться.

В свою очередь, в связи с планами похода на Украйну и на Дон, в Крыму возлагают на повстанческое движеніе радужныя надежды. Реализація этого плана связывается с благопріятным разрѣшеніем вопроса о союзѣ с крупнѣйшим из украинских партизанов — Махно. Но всѣ попытки ставки при посредствѣ спеціальных агентов вступить в тѣсную связь с вождем украинских повстанцев, не дают благопріятных результатов. Каторжная совѣсть Махно не позволяет ему, повидимому, спровоцировать Врангеля. Он безпощадно вѣшает агентов, пріѣзжающих к нему из Крыма, и категорически отклоняет всѣ проекты о соглашеніи.

Ставка, однако не отказывается от своего плана использованія „махновщины“.

В военных, общественно-политических кругах, среди населенія Крыма и Сѣверной Тавріи, в русской и заграничной печати, усиленно муссируются сообщенія о том, что между генералом Врангелем и „батькой“ Махно заключен тѣсный союз.

— Махно подчинился Врангелю...

— Штаб Махно находится в руках врангелевских офицеров.

— Махно назначен Врангелем командующим арміей.

— Махно устроил торжественный пріем делегатам Врангеля, произносил тосты в честь главнокомандующаго...

Такими сообщеніями полны крымскія газеты. Такіе разговоры слышатся в штабах, на улицах и в ресторанах.

Мало этого: — в газетах уже появляются апокрифическіе приказы Махно, в которых он именует Врангеля своим „братом" призывает крестьян совмѣстно с Русской арміей „бить жидов". От времени до времени в газетах начинают печататься даже сводки штаба Махно.

От его имени в Крыму выступают разные проходимцы, авантюристы и просто бандиты, именовавшіе себя „отаманами" махновских отрядов. С этими „отаманами" главное командованіе заключает союзы, снабжает деньгами, разрѣшает формировать на территоріи Крыма партизанскіе отряды, в частности отряд „имени батьки Махно". В свою очередь, „отаманы" прославляют Врангеля и „Русскую армію", снабжают ставку и газетныя редакціи сфабрикованной ими же информаціей о дѣятельности Махно. От времени до времени они куда-то таинственно исчезают. Возвращаясь с важным видом сообщают, что были у Махно, и дают ряд сенсаціонных свѣдѣній об успѣхах повстанческаго движенія...

Намѣчая себѣ широкіе подступы к Дону и Украйнѣ, всячески привлекая на свою сторону повстанцев, руководящіе круги Крыма обращают усиленное вниманіе на организацію гражданскаго управленія в завоеванных областях. Этого требовали и политическія, и военныя соображенія. Сѣверная Таврія должна была явиться не только образцом государственнаго строительства. Эта богатѣйшая в продовольственном отношеніи область являлась также и матеріальной базой для Крымской арміи.

Задача привлеченія населенія на сторону антибольшевистских сил облегчалась тѣм, что в Сѣверной Тавріи процент бѣдных был крайне ничтожен, и большевизм среди мелко-буржуазных хозяев-собственников встрѣчал к себѣ так-же, как и в казачьих областях, рѣзко-отрицательное отношеніе.

Однако, лѣтніе мѣсяцы показали воочію, что тѣ, кто претендовал на роль освободителей Россіи, не только не привлекли симпатій населенія на свою сторону, но в этом отношеніи добились діаметрально противоположных результатов.

Крестьянство с необычайной стойкостью и упорством уклонялось от участія в гражданской войнѣ. Суровыя репрессіи, драконовскіе приказы о мобилизаціях, не могли парализовать

массоваго, чуть ли не поголовнаго дезертирства из рядов „Русской арміи“.

Вот что пишет, напримѣр, по этому поводу в своем рапортѣ начальнику штаба Донского корпуса начальник штаба Донской отдѣльной учебной бригады полковник Бородин.

— В Ново-Алексѣевкѣ из 207 принятых крестьян, мобилизованных Бердянскаго уѣзда, осталось в 18-VI 165. Остальные дезертировали. Перед выступленіем я обратился с рѣчью к мобилизованным. В своей рѣчи я обрисовал им сущность борьбы с большевиками и об'яснил, почему они призваны. Я осудил дезертировавших, сказав, что они понесут должное наказаніе, и выразил надежду, что больше никто из них не дезертирует.

— И что же, — констатирует Бородин, — в ночь на 19-VI бѣжало 63, а в ночь на 20-VI бѣжало 23.

Крестьяне уклоняются от подводной повинности, не желают продавать продукты войскам, высказывают неудовольствіе по поводу постоя войск, кормят и укрывают дезертиров, которые десятками и сотнями наполняют сады и рощи, камыши и огороды.

Если мобилизація и производилась сейчас же, как только мѣстность была занята крымскими войсками и жители не знали еще, с кѣм имѣют дѣло, то она проходила хорошо. Так было, напримѣр, в Днѣпровском уѣздѣ, гдѣ первоначально явилось 90% мобилизованных. Но, по донесенію начальника Марковской дивизіи, генерала Третьякова, на имя командира корпуса генерала Писарева, всѣ мобилизованные солдаты сейчас-же разбѣжались, как только узнали, что в деревнях, оставшихся в тылу, идет грабеж имущества их семейств.

В борьбѣ с уклоненіем от мобилизаціи и побѣгами из войсковых частей Врангелем был издан приказ о конфискаціи имущества у родственников бѣжавших и уклонившихся. Этот приказ, исполненіе котораго было возложено на карательные отряды, дѣйствовавших под командой строевых начальников, фактически был приказом, дозволявшим безнаказанно грабить населеніе. Обстановка исполненія этого приказа была так ужасна, что нѣкоторые офицеры отказывались ѣхать начальниками карательных отрядов, а генерал Зеленин, напримѣр, состоявшій в распоряженіи командира 1-го корпуса послѣ первой-же своей командировки в качествѣ начальника карательнаго отряда поспѣшил уйти в отставку, чтобы не видѣть этих ужасов.

Как можно было послѣ этого говорить серьезно о том, что аграрный закон тѣсными узами связал Врангеля с крестьянством?

Разработанный ближайшими сотрудниками и единомышленниками Столыпина аграрный закон, значеніе котораго в нѣкото-

рых крымских оффиціозах сравнивали с значеніем открытія шарообразности земли, встрѣтил среди населенія рѣзко отрицательное к себѣ отношеніе. В основу закона был положен принцип принудительнаго отчужденія и выкупа. Новые собственники земель должны были платить за них правительству одну пятую ежегоднаго урожая, или же соотвѣтствующую сумму в теченіе двадцати пяти лѣт. Этими платежами правительство хотѣло удовлетворять бывших землевладѣльцев. Закон составлен был очень казуистично, написан суконным канцелярским языком, для населенія совершенно непонятным. Весь смысл изданія этого закона заключался в тѣх купчих крѣпостях, которыя должны были получать крестьяне. Купчих этих, однако, им не выдавали. Крестьянин мог получить этот документ лишь послѣ оплаты земли в теченіе 25 лѣт. Такая форма разрѣшенія аграрнаго вопроса казалась крестьянину очень неудачной, и, во всяком случаѣ, не сулила немедленнаго закрѣпленія права собственности на землю.

— Раньше было лучше, — говорили крестьяне. Купил землю, заплатил и...все. Теперь же нужно закабалиться на всю жизнь, двадцать пять лѣт платить помѣщикамъ...

Крестьяне, ознакомившись по опыту с бренностью всякой власти, с особенным скептицизмом относились к прочности „шестнадцатой“ по счету врангелевской власти, заранѣе считая, что платежи, которые с них взыщут за землю, — дѣло пропащее.

Не удивительно, что населеніе настолько отрицательно отнеслось к этому аграрному закону, что во многих волостях, как в Крыму, так и в Сѣверной Тавріи, крестьяне совершенно уклонились от выборов в волостные земельные совѣты.

Что касается организаціи административнаго управленія, то послѣ Деникина положеніе не улучшилось, а ухудшилось. Как Крым, так и Сѣверная Таврія были наводнены отбросами старой царской администраціи. В этом отношеніи наблюдалась картина полной реставраціи, вплоть до того, что администраторы носили даже свою дореволюціонную форму.

Как относились к своим обязанностям эти администраторы об этом свидѣтельствуют оффиціальные рапорты отвѣтственных представителей командного состава. С этими рапортами, в частности с рапортом полковника Бородина на имя командира Донского корпуса, мнѣ пришлось ознакомиться.

— Надзиратели, стражники, — пишет он, — пьянствуют дебоширят, бьют морды крестьянам, берут взятки, обѣщая за это освобожденіе от мобилизаціи и освобожденіе от ареста. Под арест-же сажаются крестьяне не только без достаточных к тому поводов, но и с цѣлью вымогательств. Пристава смотрят сквозь пальцы на преступныя дѣянія низших органов адми-

нистративной власти, сами участвуя и в попойках и в сокрытіи преступленій. Пристава, надзиратели, стражники, волостные старшины и старосты бездѣйствуют и пристрастно относятся к зажиточным крестьянам, от которых можно кое что получить „дѣтишкам на молочишко". Это вызывает у крестьян в лучшем случаѣ безразличное, в худшем—ярко враждебное отношеніе вообще к власти генерала Врангеля.

— Чиновники высокомѣрны, продажны, неспособны и безчестны, — отмѣчают в своих корреспонденціях представители иностранной печати, благожелательно настроенные в отношеніи Крыма. Они ничего не поняли в совершившемся и в их глазах старая жизнь возобновляется послѣ нѣкотораго перерыва. Многіе из них не вѣрят в успѣх Врангеля, и смотрят на занимаемый ими пост исключительно, как на источник доходов. Во всяком случаѣ, всѣ демократическія предпріятія сознательно ими саботируются.

— Населеніе мѣстностей, занятых частями Крымской арміи — читаем мы в запискѣ, составленной чинами военно-судебнаго вѣдомства уже послѣ крымской катастрофы, — разсматривалось, как завоеванное в непріятельской странѣ. Приказы о пресѣченіи грабежей были пустым звуком. При наблюденіи того, что творилось по деревням, и как власть реагировала на это, можно было вынести только одно заключеніе, что требованіе о прекращеніи грабежей было основано на желаніи кого-то убѣдить, что все благополучно. В дѣйствительности населеніе буквально стонало от произвола комендантов, администраціи, от полной беззащитности, от распущенной ничѣм и никѣм не сдерживаемой офицерской и солдатской вольницы. Защиты у деревни не было никакой. Крестьянин был абсолютно безправным существом, находился, можно сказать, „внѣ закона".

— Приказы-то Врангеля хороши, да нам от этого не легче, — говорили крестьяне, не имѣя никакого представленія и не обнаруживая ни малѣйшаго интереса к личному составу правительства, возглавляемаго Кривошеиным, тѣм болѣе, что это правительство, с точки зрѣнія крестьян, ничѣм не облегчало тяжести их существованія.

Наоборот: своими мѣропріятіями оно, как будто бы, умышленно создавало себѣ среди населенія злѣйших врагов.

Кардинальным вопросом, например, для таврическаго крестьянства являлся вопрос о реализаціи хлѣба. Хлѣбная политика крымскаго правительства коренным образом затрагивала самые жизненные интересы населенія. В виду того, что с 1914 года никакого экспорта хлѣба не было, в Сѣверной Тавріи скопилось огромное количество зерна. Наряду с этим у населенія накопилась масса нужд в самых необходимых товарах.

Обосновавшись в Крыму, Врангель не имѣл никаких запасов и мог существовать лишь на валюту, получаемую от вывоза шерсти, табаку и, главным образом, хлѣба. Экспорт хлѣба за границу имѣл колоссальное экономическое и политическое значеніе. Понятно, что крымское правительство выколачивало все, что можно было у крестьян и везло за границу.

Вокруг вывоза хлѣба, которым расплачивались в Крыму за поставки и товары, царила вакханалія спекуляціи, в которой принимали участіе и лица, занимавшія самые отвѣтственные политическіе посты. В Крыму и за границей возникает ряд новых акціонерных предпріятій, под флагом которых дѣйствуют одни и тѣ же лица. В комерческих кругах открыто говорили о том, что цѣль, которая побуждала быть многоликими господ Кокаревых, Чаевых, Виноградовых и им подобных любимцев Кривошеина, заключалась в том, чтобы маскировать слишком бросавшееся в глаза пристрастіе к ним крымских администраторов в смыслѣ предоставленія им всяких концессій, в первую очередь хлѣбных. Характерно также, что такіе представители правящих верхов, как Кривошеин, занимая самые отвѣтственные посты, были в то же время вліятельными членами акціонерных предпріятій, которыя являлись поставщиками и контр-агентами крымскаго правительства.

Самый способ закупки хлѣба вызывал у крестьян глубокую ненависть к контр-агентам крымскаго правительства. Закупки велись разными способами. Главный способ заключался в том, что контр-агент правительства подписывал с ним контракт, покупал хлѣб и из закупленных запасов 80 % отдавал правительству, а 20 % оставлял себѣ. За хлѣб, который сдавался крымскому правительству, послѣднее платило крымскими деньгами по двѣ тысячи рублей за пуд.

Но, кромѣ этого способа, интендантство вело заготовку хлѣба самостоятельно. Конечно, интендантскій аппарат, как всякій казенный, не мог конкурировать с частными купцами, которые к тому же покупали за товары, а не за деньги. В результатѣ создалось такое положеніе, что крестьяне, которые ощущали острую нужду в товарах, отказывались продавать хлѣб интендантству, платившему деньгами по очень низким твердым цѣнам. Интендантство запротестовало. Правительство тогда издало закон, в силу котораго хлѣб можно было покупать только за деньги и лишь 25 % общей закупки можно было вымѣнять за товары. Деньги же крестьяне отказывались принимать, так как на них почти ничего нельзя было пріобрѣсти.

Итак, разрѣшалось купить на товары 25 % общаго количества хлѣбной закупки. Крестьяне набрасывались на эти товары, как изголодавшіеся звѣри. Скупщики хлѣба диктовали свои

условія, невыгодныя для крестьян по сравненію с мирным временем в 200 раз. Примѣрно: 13 вершков стекла обходились в Крыму для купца 96 рублей, а за них он покупал пуд ячменя, который стоил в Крыму 2000 рублей. Эта операція по товарообмѣну давала 1200 % барыша. Мало этого: такую прибыль имѣли кооперативы. Частные же торговцы получали пуд ячменя не за 13 вершков стекла, а за один. Вершок стекла в мирное время стоил 1/4 копѣйки. Таким образом, пуд ячменя стоимостью по мирному времени в 50 коп. крестьянин вынужден был отдавать за вершок стекла стоимостью в 1/4 коп.

В конечном итогѣ, не говоря уже о насиліях воинских частей и администраціи, у крестьян окончательно закрѣпилось убѣжденіе, что их грабят, как красные, так и бѣлые.

— Что это дѣлает правительство, почему оно не заботится о нас? — говорили крестьяне представителям командованія. Почему ваша власть установила цѣны на хлѣб и не устанавливает цѣны на товары? Вѣдь спекулянты дерут с нас шкуру также, как и коммунисты. Товаров много, а купить их невозможно.

— И коммунисты нас разоряли, и вы нас разоряете. Разница только в том, что коммунисты просто у нас забирали, а вы у нас забираете за большія деньги, но нам даете товар за такія деньги, что хоть ложись и помирай. Сил нѣту никаких... Одни грабили и другіе грабят. Только ваши грабители грабят не только прямо, но и через обман: и деньги дают, и товаров уйму показывают, а мы остаемся и без хлѣба и без денег...

ГЛАВА VI.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЫМА И ПРИЗНАНІЕ ФРАНЦІЕЙ КРЫМСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Несмотря на разрыв с Англіей, руководящіе круги Крыма совершенно исключали возможность международнаго признанія совѣтскаго правительства, вѣрили в то, что нерѣшительная, неопредѣленная политика державъ Запада в отношеніи большевиков должна измѣниться коренным образом. Міровая опасность большевизма будет, наконец, осознана, и тогда антибольшевистскія силы получат мощную иностранную поддержку, с помощью которой Крымская армія освободит Россію от большевиков.

Однако, дѣйствительное положеніе вещей внушало в этом отношеніи самыя серьезныя опасенія..

Въ теченіе лѣта 1920 года русскій вопрос, от котораго так старательно отмахивались на западѣ, занимает постепенно центральное мѣсто в ряду других вопросов міровой важности. Теперь наступает період переоцѣнки цѣнностей, період коренного пересмотра отношеній к совѣтскому правительству, политики санитарных кордонов, блокады Совѣтской Россіи.

Нуждаясь в экономической и организаціонной помощи заграничных государств для спасенія Россіи от полной катастрофы, большевики всѣми силами и средствами, а в особенности революціонной пропагандой, стараются добиться признанія совѣтской власти, стремясь заинтересовать державы Антанты, Германію и Соединенные Штаты экономическими выгодами мира.

Мирныя предложенія большевиков встрѣтились со стремленіем Англіи к завоеванію русскаго рынка. Под давленіем Англіи, при сопротивленіи Франціи и пассивности других держав, Антанта вынесла еще 24 февраля 1920 года рѣшеніе о возобновленіи торговых сношеній с Россіей. Она, однако, отказалась от формальнаго признанія совѣтской власти до выясненія дѣйствительнаго положенія Россіи и будущаго поведенія представителей совѣтской власти.

Такое постановленіе, конечно, являлось лишь временным компромиссом различных международных и внутренних теченій.

Оно не рѣшало русскаго вопроса, а лишь его отсрачивало. В сущности, никаких практических результатов от вынесеннаго постановленія не получалось и та же Англія, которая особенно жаждала установленія торговых сношеній с большевиками, никак не могла заключить с ними торговаго договора, о чем велись в Лондонѣ безконечные переговоры в теченіе лѣта 1920 года между Ллойд-Джорджем и совѣтским представителем Красиным.

Во всяком случаѣ, англійское правительство, послѣ новороссійской катастрофы, радикальным образом мѣняет свое отношеніе к бѣлым, в частности к вооруженным силам юга Россіи.

Для англійскаго правительства большевики казались теперь единственной силой в Россіи, с которой, конечно, нужно установить добрыя взаимоотношенія. В Лондонѣ, поэтому, прилагают всѣ усилія, чтобы скорѣе прекратить гражданскую войну между сѣвером и югом и вынудить Крым к капитуляціи.

Весенній ультиматум не достиг своей цѣли.

В іюлѣ мѣсяцѣ англійское правительство дѣлает послѣднюю попытку добиться заключенія мира между большевиками и Врангелем при условіи, что вооруженныя силы юга Россіи немедленно вернутся в Крым и что очищенная ими территорія во время перемирія будет считаться нейтральной зоной. Врангеля рѣшено было пригласить на конференцію в Лондон для обсужденія дальнѣйшаго вопроса о судьбѣ его арміи и района, находящагося под его властью, с тѣм, однако условіем, что правитель Крыма и главнокомандующій будет разсматриваться не как полноправный член конференціи, какими будут считаться представители Польши, Совѣтской Россіи, Галиціи, Сибири и др.

Проэкт этот не встрѣтил сочувствія ни среди большевиков, ни в Крыму.

Большевики отказались, как и раньше, от посредничества, требуя полной капитуляціи Крыма.

Что же касается Врангеля, то министр иностранных дѣл его правительства Струве, находившійся в іюлѣ мѣсяцѣ в Парижѣ, по поводу этого предложенія заявил:

— Правительство Врангеля считает пріемлемым посредничество Англіи и находит возможным участіе своих представителей на проэктируемой конференціи с тѣм, однако, обязательным условіем, чтобы ему было предоставлено полное равенство со всѣми другими членами конференціи, и чтобы участіе в конференціи не было обставлено непріемлемыми дла нас требованіями...

В общем новое предложеніе Англіи было квалифицировано крымскими правящими кругами, как вопіющая несправедливость, которая выражается в том, что Великобританія, будучи посред-

никомъ, отдавала всѣ преимущества одной из воюющих сторон, лишая в то же время другую элементарных способов защиты своего собственнаго существованія.

В свою очередь, правительство Врангеля в лицѣ Струве выдвинуло по тому же вопросу свой проэкт, сущность котораго сводилась к слѣдующим положеніям:

— Армія Врангеля не питает, мол, никаких наступательных планов в глубь Россіи и желает лишь оградить свое право на существованіе в мѣстностях, которыя она занимает. Французское правительство должно взять на себя иниціативу и предложить совѣтскому правительству установить границы между Совѣтской Россіей и территоріей, занимаемой Врангелем, чтобы послѣдній мог спокойно организовать экономическую и общественную жизнь на югѣ Россіи, не подвергаясь угрозам со стороны большевиков.

Но и этот проэкт не осуществился, так как Францiя отклонила предложеніе Струве и отказалась от посредничества, мотивируя это тѣм, что она не признает совѣтскаго правительства даже de facto и не может вступить с ним в ни в какіе дипломатическіе переговоры. Струве посовѣтовали в Парижѣ поѣхать в Лондон. Но Лондон очень холодно встрѣтил министра Врангеля и Струве не нашел там сочувствія своему проэкту.

Тѣм временем событія на русско-польском фронтѣ развивались с кинематографической быстротой. Большевики двигались в глубь Польши, брали город за городом и быстро приближались к Варшавѣ.

Становилось ясным, что, если наступленіе большевиков не будет остановлено, в санитарном кордонѣ, которым Антанта пыталась изолировать себя от Совѣтской Россіи, будет пробита большая брешь на Запад.

Международный престиж большевиков сильно подымается. Москва становится центром міровового революціоннаго пожара и туда, как в Мекку и Медину, тянутся со всего свѣта представители крайних политических теченій. Ко всему этому присоединяется безработица, перепроизводство, отсутствіе такого колоссальнаго рынка для сбыта, как Россія. Общественное мнѣніе Запада требует соглашенія с большевиками, возстановленія экономических сношеній с Россіей. Настаивать при этих условіях на активной борьбѣ с большевиками казалось нелѣпым, ибо удовлетвореніе такого требованія могло бы послужить поводом к внутренним осложненіям для страны, рѣшившейся на интервенцію.

В виду этого, в Европѣ охотно принимают положеніе, что большевизм при соприкосновеніи с сильным и здоровым капиталистическим строем должен переродиться.

Сторонники активнаго вмѣшательства в борьбу с большевиками теряют почву под ногами.

То, что казалось безспорным для них, было очень мало убѣдительным для руководящих политических кругов держав запада. Защитники интервенцій с горечью теперь заявляли:

— Мы взываем, призываем именно к тому, чтобы всячески поддержать антибольшевистское движеніе. Но, глядя на красную карту Россіи и бѣлую точку на ней — Крым, мы видим, как мало убѣдительны эти призывы. Нужно коренным образом измѣнить все существо политики Европы. Но, дипломатическіе жернова бѣлаго міра так медленно ворочаются. Большевики же так быстро наступают...

Положеніе усложняется с каждым днем. Уже Германія, жаждавшая разгрома Польши, в виду приближенія большевиков, об'являет в Восточной Пруссіи военное положеніе. Уже говорят о том, что в Германіи начинается мобилизація, яко-бы под предлогом опасности, угрожающей ей со стороны совѣтской Россіи. В печати, в общественных и политических кругах Антанты наблюдается большое волненіе по поводу возможности неожиданнаго выступленія на міровой аренѣ поверженной, жаждущей реванша Германіи в союзѣ с большевиками.

Своим наступленіем на Польшу Москва бросала теперь вызов всему міру и, в первую очередь, Франціи, тѣснѣйшим образом заинтересованной в существованіи государства-буфера Польши.

Занятыя своими внутренними дѣлами, связанныя общественным мнѣніем в отношеніи новых военных предпріятій, ставшія на путь соглашенія с большевиками другія державы Запада выжидательно слѣдили за событіями, разыгрывавшимися на русско-польском фронтѣ. Франція также не могла оказать полякам поддержки живой силой. Но, она не могла явиться и пассивной свидѣтельницей разгрома молодого польскаго государства, тѣм болѣе, что этот разгром явился бы для нея началом тягчайших международных осложненій и, в частности, несомнѣнно, сразу же снова выдвинул бы на міровую арену Германію.

Из Парижа энергично шлют на запад военное снаряженіе, оружіе и снаряды. Франція отправляет туда своих лучших военных спеціалистов. Но, этого всего не достаточно. Необходимо было отвлекать вниманіе большевиков от польскаго фронта, всячески поддерживая тѣх, кто боролся с ними. Необходимо было активно выступить против Англіи, ставшей на путь соглашенія с Совѣтской Россіей, что вызывало в руководящих кругах Франціи чувство глубочайшаго возмущенія и толкало их на всякіе эксцессы в борьбѣ с политикой Ллойд-Джоржа.

Вывод напрашивался сам собою. В противоположность пассивности Англіи, нужно было всѣми мѣрами и способами поддержать Крым, гдѣ с красными вели борьбу их наиболѣе стойкіе и непримиримые враги — бѣлые. Нужно было оказать Врангелю всемѣрную помощь и, в первую очередь, насколько возможно, поднять его международный престиж, заставить затѣм Москву прекратить посылку резервов в Польшу, обратить на Крым главное свое вниманіе и отвлечь тѣм самым большевиков от западнаго фронта.

Почва для этого и в печати, и в руководящих политических кругах Франціи усиленно подготавливается. Большую поддержку за границей оказывала Крыму и многочисленная масса консервативно и реакціонно настроенных русских эмигрантов, в особенности из бывших военнослужащих всевозможных антибольшевистских армій. При всем своем скептическом отношеніи к Крыму бѣлая эмиграція принципіально симпатизирует всякому антибольшевистскому движенію, даже в том случаѣ, если ея представители отказывались принять активное участіе в гражданской войнѣ.

Непримиримо враждебно настроенныя в отношеніи Крыма политическія теченія, в частности партія с. р., поставившая своею цѣлью еще в 1919 году на девятом партійном с'ѣздѣ не только борьбу с большевиками, но и борьбу с реакціей, которую несли с собою бѣлые, — эти теченія не имѣли еще большого вліянія на очутившіяся за границей бѣженскія массы. Крупную политическую роль в этих массах с. р. начали играть лишь с сентября мѣсяца, когда стала выходить „Воля Россіи" во главѣ с Зензиновым, Минором и Лебедевым. До этого времени бѣженскія и эмигрантскія массы находились все еще под идейным вліяніем стана бѣлых и питались специфической информаціей о Крымѣ издававшагося в Парижѣ „Общаго Дѣла" Бурцева и поддерживавших Крым, правда стремившихся к полной об'ективности парижских „Послѣдних Новостей", во круг которых начинали концентрироваться радикальныя группы русской общественности.

К тому же, эмигрантов, особенно в Турціи и на Балканах, самым тщательным образом оберегали от антиврангелевской пропаганды многочисленныя заграничныя русскія „предствительства", распоряжавшіяся судьбой бѣженцев и представлявшія за границей всевозможныя правительства, не существующій флот расхищенные финансы, развалившуюся армію и т. д.

Эти представительства, концентрировавшія вокруг себя всѣ реакціонныя силы эмигрантской среды, самым энергичным образом поддерживали Крым, боролись с „неблагонадежными" элементами в бѣженской средѣ методами административнаго

воздѣйствія, политическаго сыска, и вообще всѣми средствами стараго бюрократическаго правительственнаго аппарата.

Но и помимо административнаго воздѣйствія, тяжелая в матеріальном и моральном отношеніи заграничная жизнь, тоска по родинѣ, непримиримое отношеніе к совѣтской власти, — все это возбуждало среди бѣженцев-эмигрантов болѣзненный интерес к тому, что происходило в Крыму, к малѣйшим успѣхам антибольшевисткаго движенія. Эти же мотивы заставляли воздерживаться от активной антиврангелевской пропаганды многих из тѣх, кто был убѣжден в неизбѣжности пораженія бѣлых.

Вопрос о Крымѣ в связи с успѣхами большевиков на польском фронтѣ становится вопросом первостепенной важности. Не станет Крыма — окончательно рагромлено будет антибольшевистское движеніе, большевики торжествуют полную побѣду, а бѣженцам и эмигрантам останется только влачить жалкое существованіе. Особенно остро сознается это среди тѣх политических и общественных дѣятелей, как правых, так и кадетов, которые играли видную роль в станѣ бѣлых. Правыя группировки были представлены за рубежем очень всесторонне и постоянно пополнялись пріѣзжими из Крыма, гдѣ не только не ослабѣвала тяга за границу но, наоборот, усиленно создавались всякія синекуры, которыя и замѣщались болѣе пронырливыми и дальновидными сторонниками Врангеля, заранѣе готовившими себѣ теплыя мѣстечки за границей.

Моральный разгром, безнадежный пессимизм, апатія и тоска, чѣм характеризовалось настроеніе руководящих кругов русской эмиграціи послѣ Новороссійска, теперь замѣняются полным устремленіем в сторону Врангеля и его дѣла. Опасность, в которой очутился Крым, в связи с успѣхами большевиков на польском фронтѣ, об'единяет представителей руководящих политических теченій за границей начиная от крайних правых и кончая кадетами и тѣми смѣшанными группировками, которыя, подобно группѣ „Общаго дѣла“ с Бурцевым во главѣ, стояли на точкѣ зрѣнія борьбы с большевиками до конца и поддерживали всѣх, кто бы эту борьбу ни вел.

— В полной мѣрѣ нужно помочь Врангелю, — говорили представители этих кругов. Движеніе на югѣ Россіи растет и ширится, находя себѣ поддержку в возстающем против большевизма народѣ. Этому движенію должна быть оказана всякая поддержка и содѣйствіе.

В Англіи агитація врангелевцев не могла теперь имѣть никакого успѣха, и, убѣдившись в этом, русскіе политическіе дѣятели, махнули рукой на Ллойд-Джорджа, охарактеризовав его политику словом „подлая“. Не имѣла успѣха такая пропаганда и в других странах Запада, вступивших на тот же путь в от-

ношеніи большевиков, что и Англія. За то эта агитація, в силу тѣх причин, на которыя я указывал, давала весьма благопріятные результаты в Парижѣ, этом политическом центрѣ русской эмиграціи.

Больше всѣх шумѣло по этому поводу „Общее Дѣло". Сам Бурцев в бѣсѣдѣ со мною так характеризовал значеніе своей пропаганды среди французов.

— Вы знаете, что кромѣ „Общаго Дѣла" я редактирую еще и русскій отдѣл в газетѣ „Victoire" Густава Эрве. Также, как и я, он занял совершенно опредѣленную непримиримую позицію в отношеніи большевиков, и вообще, всецѣло проникся моими взглядами. Эрве-же являлся интимным другом Мильерана. И не раз, а много раз в кабинетѣ Мильерана мы втроем обсуждали вопрос о Врангелѣ...

Конечно, Бурцев со свойственным ему увлеченіем, вѣрнѣе, самомнѣніем преувеличивал свою роль и роль Эрве в отношеніи воздѣйствія на Францію на предмет помощи Врангелю. Сам он, повидимому, руководствовался принципом, что „на безрыбьи и рак рыба".

— Вы думаете, — говорил он мнѣ, — я не знаю, что дѣлаю, не знаю истиннаго положенія в Крыму... Повѣрьте, у меня есть такіе документы, что я мог-бы с большим успѣхом, скажу болѣе, — с полной гарантіей успѣха,—„взорвать Крым" в самый минимальный промежуток времени, быть может, в нѣсколько дней. Я их имѣю, но я их не опубликую, ибо нѣт никого кромѣ Врангеля, и его нужно во что бы то ни стало поддержать...

В концѣ іюля, когда Польша находилась в весьма тяжелом положеніи, и Ллойд Джордж особенно подчеркивал, что он неуклонно будет стремиться к соглашенію с большевиками, французское правительство, руководимое Мильераном, опредѣленно склоняется к мысли о необходимости оказать Врангелю всемѣрную поддержку.

Выступая в это время перед палатой депутатов, Мильеран неоднократно указывал на то, что в отношеніи Польши Франція готова исполнить принятыя на себя союзническія обязательства. В таких условіях всякая вооруженная сила полезна.

— Отмѣчаю также по этому поводу, — подчеркивает Мильеран, — положеніе генерала Врангеля, который ведет борьбу с большевиками. Он образовал правительство, которое своими аграрными реформами привлекло к себѣ симпатіи населенія. Когда образовавшееся в Крыму національное правительство пожелает быть признанным, ему поставят условіем признаніе прежних обязательств Россіи по отношенію к иностранным государствам.

Между тѣм, Польша в началѣ августа, казалось, доживала свои послѣдніе дни. Большевики уже начинали окружать Варшаву. Можно было ожидать со дня на день капитуляціи столицы Польши и торжественнаго въѣзда туда заблаговременно сформированнаго большевиками польскаго совѣтскаго правительства с предсѣдателем всероссійской „чрезвычайки“ Дзержинским во главѣ.

Катастрофическое положеніе Польши, пассивное поведеніе Англіи в отношеніи противодѣйствія большевикам на предмет спасенія Польши от гибели, завѣренія Врангеля, Кривошеина и Струве о готовности уплатить долги Россіи, желаніе нанести сильный удар представителям сочувствовавших большевикам лѣвых соціалистических теченій, политическія связи русских послов за границей, агитація и пропаганда врангелевцев — всѣ эти и другія причины вмѣстѣ взятыя, заставляют французское правительство, возглавляемое Мильераном, принять окончательное рѣшеніе о необходимости признанія фактическаго существованія правительства Врангеля. Не малую роль в этом отношеніи сыграли и настоянія представителей торгово-промышленных кругов, надѣявшихся в случаѣ успѣшнаго продвиженія Врангеля на сѣвер, и в особенности, в Донецкій бассейн, получить концессіи в Россіи.

Уже послѣ Крымской катастрофы в заграничной печати появились сообщенія, указывавшія на ту огромную роль, которую сыграло в признаніи Врангеля, так называемое, „Русско-Французское Общество для использованія Россіи и Крыма“.

В газетах послѣ признанія Врангеля был опубликован также проект финансоваго соглашенія между Франціей и Южно-Русским правительством. По этому проекту весь юг Россіи со всѣми его промышленными предпріятіями, желѣзными дорогами, таможнями т. д. поступал в полную непосредственную кабалу Франціи на долгіе годы. По этому проекту вся южная Россія, буквально, превращалась во французскую колонію, наводненную французскими инженерами, чиновниками и даже квалифицированными рабочими.

Правда всѣ „государственно - мыслящіе элементы“ единодушно опровергали эту „возмутительную клевету“. Характерно, однако, что, когда, уже послѣ крымской катастрофы, мнѣ пришлось бесѣдовать на эту тему с таким освѣдомленным дипломатическим представителем Врангеля в Константинополѣ, как Нератов, — то, не опровергая по существу этих сообщеній, он указывал только, что они были вѣрны, поскольку касались всевозможных не получивших реализаціи, проектов.

Сам генерал Врангель на мой вопрос о причинах признанія Франціей Крымскаго правительства, указал, что, по его мнѣ-

нію, здѣсь главную роль сыграло письмо Струве к Мильерану, содержаніе котораго сводится к слѣдующим положеніям:

— Главнокомандующій вооруженными силами Юга Россіи— писал Струве, — поручил мнѣ поставить Вас в извѣстность о его намѣреніях и взглядах на настоящее положеніе Россіи. Я имѣл уже случай изложить Вам словесно тѣ принципы, которые положены в основу его внутренней политики. Эти принципы всецѣло вытекают из того, что дала русская революція . . .

Далѣе в письмѣ говорилось о том, что за крестьянами закрѣпляется фактическое землевладѣніе. Из этого основанія исходит обширная аграрная реформа, которая должна обезпечить земледѣльцу владѣніе обрабатываемой им землей, и создать цѣлый класс мелких земльных собственников, что, по мнѣнію автора письма, соотвѣтствует пожеланіям глваной массы русскаго крестьянства.

— Будущее строительство Россіи, — писал Струве. — должно быть основано на добровольном соглашеніи существующих автономных государственных образованій, на широкой федераціи, основанной на общих, главным образом, экономических интересах этих образованій. Такая политика в корнѣ своем отвергает насильственное об'единеніе. Каково бы ни было соотношеніе в будущем разных частей бывшей Россіи, дальнѣйшее устройство отдѣльных государственных образованій предоставляется всему народу путем свободнаго волеиз'явленія.

— Великобританское правительство, — указывал Струве,— стремясь прекратить междуусобную борьбу, желает побудить силы, сосредоточившіяся вокруг генерала Врангеля, капитулировать перед Красной арміей. Ежели дѣйствительно Великобританское правительство желает прекращенія настоящей борьбы, то, едва ли можно считать достойным настаивать на капитуляціи наиболѣе доблестных и честных элементов, составляющих Русскую армію. Если вообще говорить о прекращеніи этой войны, то, в лучшем случаѣ, можно было бы настаивать на предоставленіи каждой из борющихся сторон занятых ими территорій, а ни в коем случаѣ не на капитуляціи одной стороны перед другой.

— Главнокомандующій вооруженными силами юга Россіи готов был бы согласиться на прекращеніе борьбы под этим условіем. Едва ли является достойным требовать капитуляціи наиболѣе стойких и честных элементов страны, ибо это является не посредничеством, а опредѣленной поддержкой одних против других.

— Что же касается возстановленія торговых сношеній с Совѣтской Россіей, то мнѣніе, будто таким способом можно

прекратить войну, ни на чем не основано. Всякія торговыя сношенія в нормальной обстановкѣ должны базироваться на двух началах: на правѣ собственности и экономической свободѣ. Это совершенно отрицается в Совѣтской Россіи, и не требуется, поэтому, доказательств, что возстановленіе торговых сношеній — не возможно. Признаніе будущих обязательств прежде всего должно исходить из признанія бывших обязательств, в том числѣ и всѣх долгов. В этом случаѣ признаніе совѣтскаго правительства, которое не считает себя связанным финансовыми обязательствами предыдущаго правительства, раз навсегда отрицательно разрѣшает вопрос о признаніи бывших долгов всяким новым правительством, которое бы появилось в Россіи.

— Полагаю, — пишет Струве, — что вы усмотрите в этих строках тѣ главныя начала, которыя главнокомандующій вооруженными силами юга Россіи ставит в основу своей политики, и которыя он считает нужным об'явить, как представитель арміи и всѣх тѣх, кто продолжает признавать свои обязательства в отношеніи союзников.

— Генерал Врангель сознает затруднительность своего положенія. Он совершенно ясно сознает, что выхода из этого положенія и возстановленія порядка в Россіи возможно достигнуть не только одним оружіем. Он отлично сознает, что требуется огромная работа для удовлетворенія нужд главной массы крестьянства, которое составляет большую часть русскаго населенія. Это населеніе не желает ни возстановленія стараго порядка, но в равной мѣрѣ не желает и продолженія коммунистической тираніи.

— Дать удовлетвореніе главнѣйшим нуждам населенія, прежде всего крестьянства, оздоровить моральную жизнь страны, возстановить экономическую жизнь, об'единить всѣ элементы порядка и вывести страну из состоянія анархіи, в которую ввержена она экспериментами большевиков, — таковы главныя задачи генерала Врангеля и правительства юга Россіи . . .

Двѣнадцатаго августа в Парижѣ состоялось оффиціальное признаніе Крыма.

Это рѣшеніе мотивировалось слѣдующим образом:

— Принимая во вниманіе военные успѣхи и усиленіе правительства Врангеля, а также его завѣренія относительно демократическаго характера его внутренней политики, французское правительство рѣшило признать правительство Врангеля фактическим правительством юга Россіи. Французскій дипломатическій агент будет послан в Севастополь со званіем верховнаго комиссара.

В оффиціальных и оффиціозных крымских кругах совершенно неожиданное признаніе правительства Врангеля было

встрѣчено с большим восторгом. Факт этот расцѣнивался, как поворотный пункт в общем ходѣ борьбы с большевиками. С удвоенной энергіей и настойчивостью в русской и заграничной печати муссировалась мысль о том, что населеніе юга Россіи с энтузіазмом встрѣтило эту новость, что, как заявлял Врангель в своей благодарственной телеграммѣ Мильерану, „всѣ наши усилія направлены на выполненіе нашей задачи по возстановленію Россіи на основѣ великих начал свободы и прогресса“...

В Крыму ставят теперь себѣ новую цѣль, которая так формулируется правящими кругами и выразителями мнѣній этих кругов газетами типа „Общее Дѣло“:

— Необходимо, чтобы примѣру Франціи послѣдовали остальные союзники, — признали правительство Врангеля и оказали ему всемѣрную поддержку. Необходимо, чтобы Врангель был признан всѣми нашими союзниками, как представитель антибольшевистской Россіи, оставшейся вѣрной им и чтобы он был поставлен во главѣ всѣх союзных сил в Россіи для борьбы с большевиками и чтобы ему со стороны союзников была оказана всякая поддержка для похода на Москву и Петроград, гдѣ большевики должны быть раздавлены и их власть должна быть вырвана с корнем...

Признаніе Врангеля Франціей было полной неожиданностью для остальных держав запада, не видѣвших никаких основаній для такого чреватаго весьма серьезными послѣдствіями акта. Особенно недоумѣвали и возмущались по этому поводу в Англіи, тѣм болѣе, что о признаніи Врангеля британскій кабинет оффиціально был оповѣщен лишь post factum. Между Англіей и Франціей назрѣвал даже серьезный дипломатическій конфликт.

Французскіе правящіе круги в оправданіе своего поведенія ссылались на то, что Ллойд-Джордж, несмотря на катастрофическое положеніе Польши, не мѣняет своего намѣренія достигнуть соглашенія с большевиками.

— Французское правительство, — говорили представителям печати в министерствѣ иностранных дѣл, — устало от неопредѣленности и оппортунизма англійской политики, и признало необходимым перейти к рѣшительным дѣйствіям...

Таким образом, в то время, когда Франція в лицѣ Мильерана стала на точку зрѣнія безкомпромиссной борьбы с большевиками, Англія опредѣленно стала на путь компромиссов с совѣтским правительством, и категорически высказалась против признанія Врангеля и оказанія ему какой бы то ни было помощи.

Назрѣвшій конфликт между двумя великими державами был, однако, предотвращен. В обоих вопросах (о признаніи правительства Врангеля и об отношеніи к польско - совѣтской войнѣ) каждое из правительств согласилось считать своего союзника в правѣ дѣйствовать в данном случаѣ совершенно самостоятельно. Тогда как Франція рѣшила опредѣленно поддерживать Польшу против большевиков и приложить всѣ усилія, чтобы не допустить ее до капитуляціи перед врагом, — а с другой стороны, посылать военный матеріал Врангелю, — Англія не намѣрена была прервать своих переговоров с большевиками, — переговоров, которые должны были закончиться оффиціальным признаніем совѣтскаго правительства.

Такой же конфликт возник между Франціей и Италіей, гдѣ признаніе Врангеля было встрѣчено общим неудовольствіем в самых широких и разнородных итальянских общественно-политических кругах. Всюду раздавались голоса с осужденіем французской „поспѣшности", французской „неустойчивости", а подчас и французской „некорректности" по отношенію к остальным сочленам Антанты.

В результатѣ, послѣ переговоров Мильерана с Джіолитти французское и итальянское правительства признали в этом отношеніи друг за другом свободу дѣйствій.

Итак, на путь соглашенія с большевиками и полнаго отрицанія Крыма опредѣленно вступили три великих державы: Англія, в лицѣ Ллойд-Джорджа, Италія, в лицѣ Джіолитти, и Германія в лицѣ Симонса. Франція заняла противоположную позицію.

Сохраняя нейтралитет в отношеніи участія в русской гражданской войнѣ, и, отказавшись признать Врангеля и его правительство, Америка в лицѣ Кольби выступила в августѣ мѣсяцѣ с нотой, имѣвшей и имѣющей огромное значеніе для правильнаго разрѣшенія русскаго вопроса с точки зрѣнія международной. В противоположность всѣм другим державам міра, Америка в русском вопросѣ заняла благородную, совершенно самостоятельную позицію. Она чужда была какого бы то ни было соглашательства и заигрыванія с большевиками, но в то же время не имѣла никакого касательства к захватной политикѣ расчленителей Россіи, которые под предлогом помощи бѣлым, под предлогом поддержки окраинных государственных образованій, расхищали переживавшую один из тягчайших періодов своей исторіи Россію.

В своей исторической нотѣ, проникнутой глубоким сочувствіем к демократической Россіи, вѣрой в ея великое будущее, Кольби указывал на міровое значеніе вопроса о сохраненіи единства и неприкосновенности Россіи, и на невозможность признанія когда либо Америкой большевистскаго правительства.

Что касается стран востока, то в то время, как Китай категорически отказался признавать послов Врангеля, передал большевикам зданiе русскаго посольства и консульства и взял на себя защиту русских граждан, — Японiя, всячески покровительствуя дальневосточному авантюристу атаману Семенову с его антибольшевистскими силами, тѣм самым подчеркивала, что она готова оказать, если не матерiальную, то полную моральную поддержку Крымскому правительству, которому намѣревался подчиниться атаман Семенов.

Между Крымом и Дальним Востоком, между Врангелем и Семеновым устанавливается тѣсная связь, которая облегчалась, с одной стороны, тѣм, что крымскiй диктатор и дальневосточный атаман были по существу родственными по духу людьми, а главным образом тѣм, что оба они в совокупности облегчали Японiи осуществленiе ея аггрессивных, хищнических планов на Дальнем Востокѣ. Роль связующаго звена с особенным старанiем выполнял представитель Японiи в Крыму майор Такахаси, при посредствѣ котораго Врангель в теченiи всего перiода нахожденiя своего у власти усиленно заигрывает с Страной Восходящаго Солнца.

Непосредственно послѣ признанiя Врангеля, французское правительство послало в Севастополь своего верховнаго комиссара графа де-Мартель, а также военно - морскую миссiю под общим начальством генерала Бруссо. Графу де-Мартель было также поручено всячески содѣйствовать установленiю правильных коммерческих сношенiй между Крымом и Францiей.

В Крыму торжествовали и усиленно распространяли слухи о том, что не сегодня-завтра Врангеля начнут признавать и другiя правительства.

Возвратившись из Парижа, Струве в своем публичном докладѣ на собранiи, организованном „Внѣпартiйным Совѣщанiем Общественных и Политических Дѣятелей“ с полным удовлетворенiем констатирует:

— На вооруженныя силы юга Россiи Европа стала смотрѣть другими глазами. Признанiе Францiей нашего международнаго существованiя является первым и рѣшительным шагом к утвержденiю нашего престижа. На нас теперь устремлены взгляды всего культурнаго мiра, перед которым стоит красный призрак воинствующаго большевизма. Роль, которую нам придется сыграть, граничит с ролью стража всемiрной культуры...

ГЛАВА VII.

СОГЛАШЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА.

Лѣтніе мѣсяцы борьбы с большевиками наглядно показали крымским верхам, что казаки, даже и послѣ новороссійской трагедіи, являются главной опорой всѣх антибольшевистских сил. Роль казачества в борьбѣ с большевиками была не сыграна. Наоборот, именно теперь совершенно опредѣленно выяснилось, что дальнѣйшая борьба возможна лишь при участіи в ней казаков, с помощью которых только и можно было освободить юго-восток Россіи с его однородным, зажиточным, воинственным и свободолюбивым населеніем, с его изобиліем продовольствія, угля и другими богатствами. Крестьянство энергично уклонялось от пополненія частей Крымской арміи. Стойкіе кадры свѣжих бойцов можно было получить, как думали в Крыму, лишь среди населенія казачьих областей.

Главныя надежды теперь возлагаются на казаков. На казачьем вопросѣ концентрируется общее вниманіе.

Что же представляли собою в это время казаки? В каком положеніи находились они в Крыму и каковы были их взаимоотношенія с главным командованіем?

В военном отношеніи казаки, именно донцы, являлись главной составной частью арміи генерала Врангеля, и почти всѣ военные успѣхи об'яснялись необычайной стойкостью, упорством и, вообще, высокой боеспособностью казаков, в особенности казачьей конницы.

В противоположность кубанцам, терцам и астраханцам, число которых не превышало нѣскольких тысяч, — общее количество донцов в Крыму доходило до тридцати тысяч человѣк.

Понятно, что руководящую роль в Крыму играли донцы во главѣ с атаманом Богаевским.

Представитель донского казачества Богаевскій не имѣл никакого опредѣленнаго казачьяго политическаго лица. До революціи это был „генерал свиты Его Величества". Был он и начальником штаба походнаго атамана великаго князя Бориса

Владиміровича. Придворная атмосфера наложила на него неизгладимый отпечаток и он на всю жизнь остался „царедворцем“. Участник кубанскаго похода, единомышленник Деникина. Богаевскій любил называть себя „старым добровольцем“, и, как раньше, так и теперь, дѣйствовал в полном единодушіи с главным командованіем. Врангель в лицѣ Богаевскаго имѣл дѣятельнаго помощника во всѣх своих начинаніях.

Расформированное, наполовину сокращенное донское правительство во главѣ с чиновником министерства финансов Корженевским отличалось поразительной безцвѣтностью, безличіем, пассивностью. Мало кто знал о существованіи донского правительства; им никто не интересовался. Никакой политической роли оно не играло. К тому же казачьи правительства были поставлены главным командованіем в чрезвычайно тягостныя в матеріальном и моральном отношеніи условія.

— В Крыму, — говорил мнѣ Богаевскій, — мы чувствовали себя гостями, бѣдными родственниками.

Болѣе опредѣленно охарактеризовал мнѣ положеніе казаков, в частности донцов, управляющій отдѣлом внутренних дѣл донского правительства Шапкин:

— Общее отношеніе к донцам в Крыму со стороны главнаго командованія, — говорил он, — было весьма неопредѣленное, неустойчивое, а иногда прямо провокаціонное. Особенно остро сказывалось это в вопросах финансовых. У нас в Крыму не было, как раньше, своего печатнаго станка. Средства мы получали от главнаго командованія, и правительство донское постоянно ставилось в этом отношеніи в унизительное положеніе. Издѣвательства министерства финансов превосходили всякія границы и нужно было имѣть наше терпѣніе, чтобы все это переносить. Вообще к нам относились хуже, чѣм к бѣдным родственникам. Бѣднаго родственника терпят. В лицѣ же нашем видѣли враждебную сторону, вліяніе и авторитет которой нужно было свести на нѣт... Лишь тогда, когда мы нужны были, когда, например, приходилось заключать соглашеніе, то на нѣсколько дней отношеніе к нам мѣнялось. С нами были ласковы и предупредительны. Особенно ухаживали в эти дни за атаманом...

Также скверно чувствовали себя в Крыму члены Круга, воинскія части и бѣженская донская масса. Не удивительно, что в настроеніи казачьих частей, красной нитью проходила мечта о собственной территоріи, ибо с этой мечтой связаны были надежды и чаянія в отношеніи болѣе активной, болѣе успѣшной защиты чисто казачьих интересов.

Правительство этих интересов защищать не могло, да и не проявляло в этом отношеніи достаточной активности. Что же

касается выразителя воли донского казачества, — Донского Войскового Круга, — то этот послѣдній по прежнему находился в состояніи полной деморализаціи и вплоть до осени, в сущности, ничѣм не заявлял о своем существованіи.

В результатѣ новороссійской катастрофы Круг разбился на ряд групп, из которых наибольшая группа оказалась в Константинополѣ, на островѣ Халки в количествѣ около 80 человѣк. На Лемнос попало человѣк 25. Наконец человѣк 15 — 20 находилось в Грузіи, в Тифлисѣ. Остальные жили в Крыму, главным образом, в Евпаторіи.

Когда предсѣдатель Круга Харламов пріѣхал с депутатами в Константинополь, он устроил их на французское довольствіе, а сам рѣшил выѣхать в Грузію, чтобы помочь донцам, находившимся на черноморском побережьѣ. Но, предварительно, он отправился в Крым с цѣлью оріентироваться в обстановкѣ. В Крыму, однако, правительство и атаман признали болѣе цѣлесообразной поѣздку Харламова в качествѣ представителя донского казачества в Париж. Круг, таким образом, остался без своего наиболѣе яркаго в политическом отношеніи и талантливаго представителя и руководителя.

В весенніе и лѣтніе мѣсяцы политическая работа Круга была ничтожна. Тифлисская группа, руководимая бывшим министром земледѣлія южно-русскаго правительства Агѣевым, изыскивала пути соглашенія, примиренія с большевиками, стремилась к устраненію того антагонизма, той пропасти, которая образовалась в результатѣ гражданской войны между казаками и большевиками. Эта группа первая выдвинула на очередь вопрос о реэвакуаціи бѣженцев.

Лемносская группа менѣе всего занималась общегосударственными вопросами. Дѣятельность членов Круга лемносской группы сводилась к устроенію на этом заброшенном островѣ себя самих и бѣженцев, донских казаков, в организованной ими „Лемносской станицѣ". Это об'яснялось, с одной стороны, крайней малочисленностью этой группы, с другой — условіями жизни и прежде всего полным отсутствіем какой бы то ни было связи с Крымом и информаціи. Находясь в карантинѣ, лемносскіе парламентаріи абсолютно ничего не знали о том, что творится на бѣлом свѣтѣ.

Что же касается болѣе многочисленных групп, — халкинской и крымской,—то эти осколки Круга имѣли тенденцію проявить себя в области государственной жизни, что выражалось в устройствѣ частных совѣщаній по разным государственным вопросам. Депутаты избирали призидіум, устраивали засѣданія, выносили тѣ или иныя пожеланія. Впрочем, круг интересов и вопросов, занимавших, напримѣр, халкинскую группу, был чрез-

вычайно ограничен. Вопросы общеполитическіе, вопросы борьбы с большевиками, вопросы фронта, вопросы, касавшіеся положенія казаков в Крыму — эту группу очень мало интересовали. Халкинскіе парламентаріи занимались преимущественно устроеніем собственной судьбы в смыслѣ питанія, полученія обмундированія, прочности своего пребыванія на французском пайкѣ, а также контролем и наблюденіем за дѣятельностью представителей исполнительной власти в Константинополѣ — управляющих отдѣлами донского правительства.

Контроль, впрочем, был очень своеобразный, и сводился, главным образом, к стремленію „урвать" что либо для себя из остатков войскового имущества. Достаточно сказать, что на одним из контрольных совѣщаній замѣститель предсѣдателя Круга генерал Янов предложил продать всѣ товары и деньги взять в свое вѣдѣніе, что истолковывалось в смыслѣ дѣлежа их между членами Круга.

Дѣла личнаго характера, в особенности обсужденіе вопросов о всяких субсидіях и пособіях, буквально заполняли жизнь халкинских и константинопольских парламентаріев. Депутаты томились от бездѣлья, варились, что называется, в собственном соку, занимались сведеніем личных счетов, озлобленно ругали Врангеля, атамана, правительство, одним словом всѣх и вся. Но они безсильны были что либо сдѣлать. Они боялись возвращаться в Крым, держались выжидательно, критически и скептически относясь к тому, что там дѣлается.

Правда, в Крыму не горевали по поводу отсутствія донского парламента, Врангель был доволен, что нѣт будирующаго элемента. У атамана-же с Кругом отношенія были натянутыя. Пріѣзд депутатов создавал ряд крупных осложненій, и он также был доволен, что Круга в Крыму нѣт.

Однако, к августу мѣсяцу положеніе фронта, казалось, упрочилось, и, когда с Дона стали поступать свѣдѣнія об успѣхах дессанта Назарова, о массовых возстаніях в казачьих областях, члены Круга неудержимо потянулись в Крым. Скрѣпя сердце, представители крымской власти согласились на это, хотя и продолжали чинить возвращавшимся парламентаріям всякія препоны.

Не лучше чѣм у донцов обстояло дѣло и у терцев, представленных в Крыму атаманом и членами правительства. Распылившійся во время отхода к Новороссійску Терскій Круг передал всѣ свои полномочія атаману Вдовенко. Небольшая группа терцев в количествѣ нѣскольких сот человѣк во главѣ с атаманом интернировалась в Грузіи. В Тифлисѣ терское правительство было переформировано в смыслѣ его большей демократизаціи.

Предсѣдателем терскаго правительства теперь был Букановскій, членами правительства — Долгополов, Писарев, Хутієв и Цирюльников.

Из Тифлиса генерал Вдовенко вмѣстѣ с членами правительства за исключеніем Долгополова перебрался в Крым, ибо оффиціальные круги у терцев стояли на точкѣ зрѣнія необходимости единенія всѣх антибольшевистских сил и всегда находились в наименьшей оппозиціи к главному командованію.

Терцы в Крыму были обезличены до послѣдних предѣлов и совершенно не выявляли своего казачьяго лица, своего демократическаго казачьяго начала. Они плелись гдѣ-то в хвостѣ политической жизни, не оказывая на нее никакого вліянія.

Хуже всѣх, однако, обстояло дѣло у кубанцев. В своей политической работѣ в Крыму они точно умышленно задавались цѣлью дискредитировать идею казачьей государственности, скомпрометтировать ее самым безпощадным образом.

Когда Иванис уѣзжал в первый раз из Крыма в Тифлис, гдѣ должен был получить булаву от Букретова, он назначил своим замѣстителем в Крыму бывшаго командующаго Кубанской арміей генерала Улагая, который фактически как бы являлся замѣстителем кубанскаго атамана. В Крыму в то время находилось человѣк сорок членов Кубанской Рады, принадлежавших в большинствѣ к ея правому крылу и имѣвших своим лидером члена Рады Фендрикова, всемѣрно поддерживавшаго Врангеля. В виду полной дезорганизаціи находившихся в Крыму кубанцев, Улагай по настоянію кубанских парламентаріев отдал приказ о созывѣ кубанскаго с'ѣзда, в состав котораго должны были войти члены Рады, пополненные представителями от воинских частей.

С'ѣзд собрался. Сконструировался президіум, куда вошли: Фендриков в качествѣ предсѣдателя, Курганскій и Николаев в качествѣ его товарищей.

С'ѣзд об'явил себя Кубанской Радой, что совершенно не соотвѣтствовало краевой конституціи, а затѣм, как с горечью констатировали сами кубанцы, началась „похабщина".

Когда Иванис возвратился уже в кечествѣ полномочнаго кубанскаго атамана, Рада отправила к нему делегатов, которые заявили, что считают Иваниса за капитуляцію Кубанской арміи измѣнником и предателем, и что дальше оставаться ему во главѣ войска не умѣстно, а потому Иванис должен уйти по добру, по здорову.

Иванис на это отвѣтил, что он не отвѣтственен перед импровизированной Радой, а потому никому на сдаст атаманской булавы.

Покончили на том, что Иваниса пригласили дать перед Фео-

досiйской Радой отчет в своей дѣятельности. Но на другой день Иванис неожиданно выѣхал к Врангелю на станцiю Джанкой, а в Феодосiи усиленно, при энергичном содѣйствiи суворинскаго „Вечерняго Времени“ начали муссироваться слухи о бѣгствѣ кубанскаго атамана. В результатѣ член правительства по военным дѣлам Захаров вынужден был выступить перед членами Рады и опровергнуть всѣ эти слухи.

Иванис тѣм временем, спасая свое положенiе, вопреки всѣм установившимся казачьим традицiям, обратился за поддержкой к генералу Врангелю, и сообщил ему, что признает для себя обязательным апрѣльское соглашенiе, подписанное Букретовым.

Врангель повел двойственную линiю: не отвергая Феодосiйской Рады, он в то же время не отвергал и Иваниса.

Тогда Иванис рѣшил идти на пролом. Он отправляет Врангелю письмо по поводу Феодосiйской Рады.

— Таковой Рады, — пишет он, — я признавать не могу, а потому прошу совершенно опредѣленно сказать мнѣ, каково ваше отношенiе к этой Радѣ. Если Вы ее признаете, то прошу дать мнѣ разрѣшенiе покинуть Крым, вмѣстѣ с тѣми лицами, которых я укажу.

На это письмо Врангель отвѣтил, что он не считает правомочной ту Раду, которая собралась в Феодосiи, и что он признает Иваниса атаманом Кубани.

Между тѣм, в Феодосiи бурно дебатировался вопрос об отношенiи к Иванису, и, в концѣ концов, Рада вынесла оффицiальное постановленiе о том, что она считает Иваниса за его дѣятельность на Черноморском побережьѣ, закончившуюся капитуляцiей Кубанской армiи, измѣнником и предателем. Рѣшено было выбрать новаго атамана. Выбор остановился на генералѣ Улагаѣ.

В кубанских политических кругах начинается страшная сумятица. „Фендриковская“ Рада посылает к Врангелю делегацiю по поводу выборов новаго атамана. Врангель занимает какую то неопредѣленную позицiю. Кубанцы дѣлятся на два лагеря, между которыми идет ожесточенная борьба. В концѣ концов, Улагай, напуганный скандальным оборотом дѣла, отказывается от принятiя атаманской булавы. Кончилось все это тѣм, что Рада, дискредитировав Иваниса, не имѣя болѣе кандидатов на пост атамана, вынесла постановленiе:

— Считать вопрос о выборѣ кубанскаго атамана открытым.

В то время уже шла подготовка к дессанту на Кубань, чего страстно желали всѣ казаки, и к чему энергично стремился Иванис. Кубанскiй атаман усиленно настаивал на том, чтобы на Кубань пошли только кубанскiя части, и чтобы дессантом руко-

водило лицо, назначенное по его указанію. Таким лицом Иванис считал генерала Шифнер-Маркевича. Послѣдній, дѣйствительно, был вызван в ставку, и ему было поручено дѣлать подготовительные шаги к дессантной операціи.

Все это происходило наканунѣ признанія Крымскаго правительства Франціей. Врангелю необходмо было всячески демократизировать свое политическое лицо перед заграницей и придать возможно большій авторитет своему правительству в общественных и политических кругах Крыма.

Для этой цѣли в ставкѣ рѣшено было заключить торжественное соглашеніе с представителями Дона, Терека и Кубани, тѣм болѣе, что надѣясь на освобожденіе казачьих областей, необходимо было заранѣе болѣе детально оформить взаимоотношенія главнаго командованія с казачьими правительствами.

Донской атаман Богаевскій, терскій — Вдовенко и астраханскій — Ляхов были сторонниками соглашенія с главным командованіем и не могли создать Врангелю серьезной оппозиціи. Сложнѣе обстоял вопрос с Иванисом, который, будучи в Крыму, вел двойную игру и находился в тѣсной связи с тифлисской группой членов Кубанской Рады, занявшей в отношеніи Врангеля враждебную позицію.

До послѣдняго момента атаманам ничего не говорили о готовящемся соглашеніи. Когда началось формированіе дессанта, Иванису, который находился в Севастополѣ, неожиданно предлагают немедленно выѣхать в ставку, в Джанкой, куда вызваны были и всѣ другіе атаманы.

— Я в это время был на фронтѣ и возвращался в Севастополь, — разсказывал мнѣ Богаевскій. В Джанкоѣ я зашел к Врангелю, и неожиданно там застал других атаманов. Врангель нас пригласил к себѣ и заявил:

— По политическим обстоятельствам крайне необходимо продемонстрировать перед Европой наше единеніе. То соглашеніе, которое было заключено в апрѣлѣ мѣсяцѣ, необходимо развить подробнѣе . . .

— Врангель, — сообщает Богаевскій, — очень торопил нас, и здѣсь же, прочитав свой текст соглашенія, предложил немедленно его подписать нам, атаманам и предсѣдателям правительств, чтобы тотчас же отослать этот документ в Париж.

Выслушав Врангеля, атаманы, несмотря на всю свою сговорчивость, все же категорически отказались подписать предложенный им документ и заявили, что предварительно текст соглашенія необходимо тщательно проштудировать.

Из всѣх атаманов в особенно щекотливом положеніи находился Иванис. Он боялся подписывать соглашеніе, так как знал, что в Тифлисѣ к этому отнесутся очень отрицательно.

С другой стороны, он был очень доволен, что Врангель считается с ним, как с атаманом, и, подписывая соглашеніе, он тѣм самым как бы получает оффиціальное признаніе главнаго командованія.

Иванис сдѣлал было слабую попытку уклониться от участія в соглашеніи, сославшись на то, что, мол, с ним нѣт предсѣдателя правительства. Но в отвѣт на это ставка срочно вызвала из Феодосіи члена кубанскаго правительства по внутренним дѣлам Захарова, который должен был подписать акт за предсѣдателя правительства.

Атаманам был дан суточный срок для обсужденія проекта. Начались споры и переговоры. Иванис с членом кубанскаго правительства Ледомским составили контр-проект, по которому, в отличіе от проекта ставки, Врангель признавался только главнокомандующим вооруженными силами. Проект этот защищал больше Ледомскій чѣм Иванис, и он был отклонен.

Вот здѣсь то, как разсказывают кубанцы со слов Иваниса, у атамана и возник вопрос: что дѣлать? Не подписать — нельзя, а подписать — значит закабалить себя. Иванис рѣшил покончить жизнь самоубійством.

В Севастополѣ же в это время находилась делегація „Фендриковской“ Рады, прибывшая к Врангелю по вопросу о признаніи Улагая кубанским атаманом.

Обсудив положеніе, Иванис рѣшил, что если не он, то Улагай подпишет соглашеніе, а его не выпустят из Крыма. Пожалуй лучше будет самому подписать договор.

Нужно сказать, что непосредственные участники соглашенія отмѣчают, наоборот, необычайную сговорчивость кубанскаго атамана.

— Во время обсужденія договора, — разсказывает, напр., предсѣдатель терскаго правительства Букановскій, — мы, терцы, оказались неожиданно наиболѣе лѣвыми и оппозиціонными. Иванис же, когда нѣт Врангеля, то хорохорится. При Врангелѣ же он теряет всякое самообладаніе и, кажется, впадает в панику.

Как бы то ни было, а представители казачества не нашли возможным стать в оппозицію к главному командованію.

— Когда было назначено окончательное засѣданіе с участіем Кривошеина, — сообщает Богаевскій, — мы просили его отложить разрѣшеніе вопроса до слѣдующаго дня. Кривошеин не согласился и заявил, что он получил от Врангеля категорическое приказаніе закончить все в этот же день.

4 августа 1920 года договор был подписан. Основы соглашенія заключались в слѣдующих положеніях:

1. Государственным образованіям Дона, Терека и Кубани обезпечивается полная независимость в их внутренних устройствѣ и управленіи.

2. В совѣтѣ начальников управленій при правителѣ и главнокомандующем участвуют, с правом рѣшающаго голоса по всѣм вопросам предсѣдатели правительств государственных образованій Дона, Кубани, Терека и Астрахани, или их замѣняющіе члены сих правительств.

3. Главнокомандующему присваивается полнота власти над всѣми вооруженными силами государственных образованій Дона, Кубани, Терека и Астрахани, как в оперативном отношеніи, так и по принципіальным вопросам организаціи арміи. Государственныя образованія Дона, Кубани, Терека и Астрахани обязуются производить по указанію главнокомандующаго мобилизаціи лиц не менѣе сроков и категорій, какіе устанавливаются на территоріи вооруженных сил юга Россіи.

4. Всѣ необходимыя для снабженія борющихся с большевиками вооруженных сил юга Россіи продовольственныя и иныя средства предоставляются по требованію главнокомандующаго территоріями вооруженных сил и государственными образованіями Дона, Терека, Кубани и Астрахани по особой разверсткѣ.

5. Управленіе желѣзнодорожными путями и магистральными телеграфными линіями представляется власти главнокомандующаго.

6. Соглашенія и переговоры с иностранными правительствами как в области политической, так и в области торговой осуществляются правителем и главнокомандующим. Если переговоры эти касаются интересов одного из государственных образованій Дона, Кубани, Терека и Астрахани, правитель и главнокомандующій предварительно входит в соглашеніе с подлежащим атаманом.

7. Устанавливается общая таможенная черта и единое косвенное обложеніе; отмѣняются всякія таможенныя заставы и досмотры между отдѣльными территоріями, участвующими в настоящем соглашеніи.

8. На территоріях договаривающихся сторон устанавливается единая денежная система. Эмиссіонное право осуществляется правителем и главнокомандующим. Установленіе денежной системы и распредѣленіе денежных средств, получаемых от эмиссіи, составят предмет дополнительных соглашеній. Размѣры эмиссій опредѣляются постановленіями совѣта начальников управленій при правителѣ и главнокомандующем, при непремѣнном участіи представителей государственных образованій Дона, Кубани, Терека и Астрахани, и учреждаются правителем и главнокомандующим.

По освобожденіи территорій государственных образованій Дона, Кубани, Терека и Астрахани, настоящее соглашеніе имѣет быть внесено на утвержденіе больших войсковых кругов и Краевой Рады, но пріемлет силу тотчас по его подписаніи.

9. Настоящее соглашеніе устанавливается впредь до полнаго окончанія гражданской войны.

Когда находившіеся в Тифлисѣ члены Кубанской Рады узнали о том, что этот договор подписан Иванисом, их возмущенію не было предѣлов. Предсѣдатель Краевой Рады Тимошенко выступил в мѣстных газетах со слѣдующим заявленіем:

— Договор, подписанный в Крыму 4 августа, — говорил он, — еще болѣе не пріемлем для казачьей демократіи чѣм апрѣльское соглашеніе. В частности, казачья демократія твердо убѣждена, что не барону Врангелю, душителю кубанской свободы, спасать и освобождать от большевиков не только Кубань, но и Россію. Демократія с Врангелем не пойдет...

Не ограничиваясь этим, президіум Краевой Рады (9 сент.) ставит в извѣстность иностранныя миссіи о том, что он не может признать договора, заключеннаго „исполняющим обязанности" кубанскаго войскового атамана и кубанским правительством с ген. Врангелем, стоящим во главѣ переименованной Добровольческой арміи, как противорѣчащаго кубанской конституціи и устанавливающаго военно-реакціонную диктатуру генерала Врангеля на Кубани.

Что касается самого Иваниса, то во время своего пріѣзда в Тифлис, он, по словам члена кубанскаго правительства Бѣлашева, об'яснял, что ему нужно было подписать договор, дабы Врангель выполнил свое обѣщаніе о дессантѣ на Кубань. Иванис имѣл в виду, что, оставшись у власти, он сможет разорвать этот договор в любое время, как только почувствует под собою почву. В случаѣ же отказа от соглашенія, за него сдѣлали бы это другія лица, но тогда весь аппарат власти, вся организація дессанта переходили бы в чужія руки и Кубань попадала бы в худшія условія, чѣм тѣ, в которых она очутилась лишь на бумагѣ.

Во всяком случаѣ, договор встрѣтил глубоко отрицательное отношеніе к себѣ не только среди тифлисской группы кубанцев, но и среди тѣх казачьих политических дѣятелей, которые в основу своей тактики полагали принцип единенія всѣх антибольшевистских сил, в том числѣ демократическаго казачества и консервативнаго и реакціоннаго главнаго командыванія.

Вот как охарактеризовал, например, в бесѣдѣ со мною свое отношеніе к договору лидер „линейцев" на Кубани Скобцов, который вмѣстѣ со своими единомышленниками прибыл в началѣ августа из Грузіи в Крым, вызванный оттуда оффиціальными

представителями терцев и донцов для совмѣстной работы в качествѣ наиболѣе пріемлемаго для них представителя Кубани.

— Мы ѣхали из Грузіи, — разсказывал он, — с мыслью о возможности честнаго договора с главным командованіем.

— Вы боритесь с большевиками, — мы также. Не мѣшайте нам, а при случаѣ помогите нам дѣлать наше дѣло. Силы казаков ограничены. Идти на Москву и завоевывать Россію мы не в состояніи. Но нашей силы хватит для собственнаго освобожденія. У вас есть больше средств и возможностей. Вы сноситесь с заграницей. Помогите нам. Борьба с большевиками тяжела, и в этой борьбѣ нельзя пренебрегать ни одним из союзников, а потому и необходимо идти на компромиссы. . .

— Но мы, — говорил Скобцов, — совсѣм не желали подчиниться в нашей борьбѣ руководству какого-то генерала. Вот почему нам так непріятно было заключенное соглашеніе, которое давало нам извѣстное знамя, чернило нас, а польза его для дѣла была чрезвычайно проблематична, тѣм болѣе, что и военные успѣхи Врангеля не имѣли под собой твердаго основанія. . .

Принципіальная цѣнность соглашенія заключалась лишь в том, что оно являлось попыткой заранѣе произвести разграниченіе сфер управленія и дѣятельности мѣстных и центральных правительственных органов. По существу же оно не соотвѣтствовало скромным потребностям и справедливым интересам казачества, даже по сравненію с проектом, разработанным во времена Деникина на Южно-Русской Конференціи — проектом который, кстати сказать, встрѣтил тогда отрицательное к себѣ отношеніе со стороны большинства представителей казачества.

Крымское соглашеніе, еще болѣе урѣзав права казаков, тѣм самым в меньшей степени могло их удовлетворить. Это удовлетвореніе испытывали лишь тѣ, кто стоял на точкѣ зрѣнія соглашенія во что бы то ни стало.

Договор Врангеля с представителями казачества явился результатом исключительно неблагопріятной обстановки, в которой в Крыму находились казаки. Отсутствіе своей собственной территоріи, отсутствіе организованной стойкой власти, вот что наложило самый существенный отпечаток на соглашеніе. Не на кого было опереться, некому было в полной мѣрѣ отстаивать в случаѣ необходимости чисто казачьи интересы. Не удивительно, что даже сторонники единенія с главным командованіем называли соглашеніе „похабным“, в особенности в отношеніи финансов, торговли и промышленности, гдѣ были даны всѣ преимущества правительству главнаго командованія в ущерб казачьим интересам. Даже нѣкоторые из представителей казачества, подписавших договор, признавали, что он нуждается в ко-

ренной переработкѣ и оправдывались тѣм, что соглашеніе помогло, мол, признанію Крыма Франціей.

В конечном итогѣ, соглашеніе нисколько не улучшило положенія казаков. Многочисленныя заявленія Врангеля о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла казачьих войск предназначались для внѣшняго, а не для внутренняго употребленія. Как раньше, так и теперь в ставкѣ думали только о том, как бы окончательно обезличить казачество, лишить его собственнаго политическаго лица и всецѣло подчинить главному командованію. В этом отношеніи ставка не останавливалась перед средствами. Врангель, Кривошеин, Шатилов и их помощники дѣйствовали по принципу divide et impera — раздѣляй и побѣждай.

Послѣ разгрома донского штаба с генералом Сидориным во главѣ, нужно было окончательно прикончить „гидру самостійности“ среди кубанцев, окончательно дезорганизовать их и подчинить своему вліянію. Ставка оказывает всемѣрное покровительство группѣ Фендрикова, стоявшаго во главѣ Феодосійской Рады, и поддерживавшаго главное командованіе. Оффиціально признавая Иваниса, лаская его, Врангель, Шатилов и Кривошеин всячески помогали Фендрикову, вплоть до того, что ему, как видно из оффиціальных документов, отпускали десятки милліонов рублей „на развитіе здоровой кубанской политики“, т. е. в сущности и на работу против Иваниса и, конечно, тифлисской группы кубанцев.

Тяжело и горько было честным и стойким выразителям казачьих чаяній видѣть это униженіе и развал казачества. Ясно было, что со стороны ставки шла опредѣленная игра на разложеніе казачества и Кубани в особенности. В конечном итогѣ авторитет кубанскаго атамана был окончательно подорван. Войсковые же начальники кубанских частей даже прямо его третировали. Цѣпляясь за жалкіе обломки оставшейся у него власти, не умѣя поддержать собственнаго достоинства, Иванис доходил до того, что, слѣдуя примѣру Фендрикова, забѣгал в ставку и жаловался на кубанских генералов, прося, напримѣр, генерала Шатилова оказать воздѣйствіе на генерала Бабіева, дабы тот относился к нему, Иванису, с большим почтеніем и признавал в его лицѣ атамана.

Шатилов же разсказывает об этом Фендрикову и добавляет:

Какой-же Иванис атаман послѣ этого...

Несмотря на свое тяжелое положеніе, донцы и терцы с горечью и чувством брезгливости наблюдали за развалом среди кубанцев. Они осуждали Иваниса за недостойное поведеніе, но в то же время считали, что и собравшіеся в Крыму члены Рады ведут себя по меньшей мѣрѣ безтактно, давая

крымским черносотенцам пищу для того, чтобы, захлебываясь от удовольствія, издѣваться над казачьими учрежденіями и дискредитировать идею народоправства. Особенно тяжело дѣйствовали на донцов и терцев свѣдѣнія о делегаціях Феодосійской Рады к главному командованію, о том, что эти делегаціи домогаются признанія вмѣсто Иваниса кубанским атаманом Улагая. Все это привело даже к тому, что терскій и донской атаманы сочли нужным указать Врангелю на необходимость соблюденія полнаго невмѣшательства в казачьи дѣла.

ГЛАВА VIII.

КРУШЕНІЕ ПЛАНА ПЕРЕНЕСЕНІЯ БАЗЫ В КАЗАЧЬИ ОБЛАСТИ.

Несмотря на завоеваніе Сѣверной Тавріи, для лиц, стоявших во главѣ вооруженных сил Юга Россіи, очевидно было, что на Крым можно смотрѣть только, как на убѣжище, как на осажденную крѣпость. Прочной базой для борьбы с большевиками в широком масштабѣ могли служить лишь такія территоріи, которыя, как по свойствам своего населенія, так и по матеріальным рессурсам, давали бы возможность снова придать антибольшевистскому движенію характер широкаго народнаго движенія в общероссійском масштабѣ. Необходимо было всемѣрно стремиться к тому, чтобы создать очаги вооруженной борьбы в первую очередь там, гдѣ населеніе не мирилось с совѣтским строем.

Наибольшія надежды в этом отношеніи, казалось, можно было возлагать на Украину, Дон, Сѣверный Кавказ и, в особенности на Кубань.

Почти вся лѣвобережная Украина находилась в состояніи анархическаго повстанческаго движенія. Организованная борьба с большевиками под опредѣленными политическими лозунгами велась Петлюрой на той части территоріи правобережной Украйны, которая прилегала к западной границѣ Россіи.

Использовать повстанческое движеніе, заключить военно-политическій союз с Петлюрой, и затѣм постепенно вытѣснить большевиков с Украины,—вот та цѣль, которую еще весною 1920 года поставили себѣ, повидимому, ставка и крымское правительство. Тогда Петлюра находился в силѣ, и вмѣстѣ с поляками двигался тріумфальным маршем по Украинѣ. Однако, всѣ усилія Врангеля войти в соглашеніе с Польшей и петлюровцами не давали благопріятных результатов. В частности, Петлюра весьма скептически относился к тому, что происходило в Крыму, и не придавал серьезнаго значенія попыткам Врангеля в своей политикѣ отмежеваться от Деникина. Когда под натиском большевиков поляки очистили Украину, на Петлюру в Крыму окончательно махнули рукой.

Это не помѣшало, однако, тому, что в теченіе лѣта в военных и политических кругах Крыма все время разрабатывался план перенесенія военных дѣйствій на Украйну. С этим планом усиленно носился и генерал Слащев. Его выдвигали украинскіе полковники и генералы. Находившіеся в Севастополѣ общественные и политическіе дѣятели Украины—кадеты и правые — неоднократно выступают перед Врангелем с проектами организаціи в Крыму украинскаго центра для привлеченія населенія Украины на свою сторону.

Все это, впрочем, ограничивается одними разговорами, грудами исписанной бумаги, безконечными интригами, взаимными попреками и ссорами на почвѣ борьбы за преобладающее вліяніе в Крыму между лицами, претендовавшими на то, чтобы представлять Украину. Попытки заручиться поддержкой широких масс Украины сводились пока лишь к афишированію фиктивнаго союза Врангеля с Махно.

Между тѣм, красные систематически пресѣкали всѣ попытки Врангеля вести наступленіе на сѣвер и проложить себѣ широкій путь на Украину. Большевики сами неоднократно переходили в наступленіе, и тогда крымская армія должна была напрягать всѣ свои силы и нести большія потери, чтобы выйти из тяжелаго положенія.

Становилось очевидным, что о перенесеніи военных дѣйствій на Украину пока не может быть и рѣчи. В неопредѣленном положеніи находился и вопрос о походѣ на Дон, тѣм болѣе, что о Назаровском дессантѣ не было никаких точных свѣдѣній. Слухи же о фантастических успѣхах Назарова, появлявшіеся в печати, являлись обычным пріемом ставки из мухи дѣлать слона и скрывать истинное положеніе вещей.

Главное вниманіе теперь удѣляется Кубани.

— С самаго начала,—разсказывал мнѣ Врангель,—я отрицал возможность похода на Москву при наличіи тѣх средств, которыя имѣлись в моем распоряженіи: Я боролся сперва в Сѣверной Тавріи, тщетно взывая к Европѣ, без помощи которой я не мог увеличить мою армію и развивать операціи в большом масштабѣ. Потеряв окончательно надежду на эту помощь, видя крушеніе польскаго фронта, завершеніе мирных переговоров Москвы с Литвой и Эстоніей, я обратил свои взоры на Кавказ, куда рѣшил переброситься, надѣясь найти там новые кадры для арміи из среды мѣстнаго казачества, которое не прекращало борьбы против совѣтской власти.

С Кубани, дѣйствительно, поступают все время свѣдѣнія о том, что населеніе области готово чуть ли не поголовно по первому знаку подняться против большевиков. На Кубань в Крыму возлагают большія надежды еще и потому, что кубанцы

гораздо меньше пострадали от большевиков чѣм донцы, в массѣ оставившіе свою область. С занятіем Кубани вырисовывались также радужныя перспективы в смыслѣ вывоза за границу всякаго сырья. Вмѣстѣ с Тереком, хлѣбородной Ставропольской губерніей, Черноморьем, Кубань могла составить мощную силу, с помощью которой легко было бы освободить Дон, образовать общій фронт с Крымом а затѣм, очистив Украину, двинуться на сѣвер.

Со второй половины іюля в Крыму уже шла усиленная подготовка к дессанту на Кубань, гдѣ, по свѣдѣніям, полученным в Ставкѣ, возстаніе приняло такіе размѣры, что генерал Фостиков уже с'организовал тридцатитысячную повстанческую армію, которая именуется „Арміей Возрожденія Россіи".

Правда, в развѣдывательном отдѣленіи ставки преобладало скептическое настроеніе. Там имѣлись свѣдѣнія, что большевики примѣнили на Кубани весьма осторожную, миротворческую политику. Антисовѣтскія выступленія наблюдаются лишь со стороны отдѣльных станиц и то в исключительных случаях, главным образом, под вліяніем особенно задѣвавших интересы населенія реквизиціонных мѣропріятій большевиков. В массѣ же населеніе примирилось с совѣтской властью, и идет на все, лишь бы избѣжать новых ужасов гражданской войны.

Однако, один факт существованія цѣлой повстанческой арміи доказывал, казалось, совершенно противуположное.

Что же такое представляла собою эта „армія"?

По словам организатора арміи Фостикова, в виду раненія оставшагося в Армавирѣ в період эвакуаціи с побережья армій Деникина, большевики, дѣйствительно, в первое время вели себя по отношенію к мирному населенію хорошо. Но это продолжалось до начала покосов. Большевики попытались отобрать у казаков три четверти скошенной травы. Казаки запротестовали. С этого времени началось повстанческое движеніе на Кубани.

— Я лично,—разсказывает крымским интервьюерам Фостиков,—начал работу еще в средних числах апрѣля. В моем распоряженіи находился пластунскій полк и бригада конницы. Делегаты от станиц, узнав о моем пребываніи в горах, начали стекаться ко мнѣ в большом количествѣ, упрашивая взять в свои руки об'единеніе казачьих сил. Никакой политической программы у них не было. Было стремленіе избавиться от коммунистов. Об'явив по совѣту стариков мобилизацію, мы приступили к дѣйствіям. Повстанческая армія была при этом названа „Арміей Возрожденія Россіи".

Большевики выдвинули против Фостикова 3 дивизіи в районѣ станицы Кардонникской и окружили его. Разыгрался жестокій бой. Повстанцы прорвались, ушли от большевиков, а затѣм

сами врасплох напали на одну из совѣтских дивизій, которая была уничтожена, причем повстанцам достались большіе запасы оружія и военнаго снаряженія.

— Населеніе,—разсказывает Фостиков,—узнав об этом, поднялось. Повстанцы Лабинскаго отдѣла направились ко мнѣ на соединеніе.

Несмотря на всѣ усилія, большевикам не удается ликвидировать повстанческое движеніе, центрами котораго были горные отдѣлы — Баталпашинскій, Лабинскій и Майкопскій. Между тѣм, Фостиков все время пытается вступить в связь с Крымом и с политическими дѣятелями Кубани, находившимися в Грузіи.

А в Грузіи, с момента от'ѣзда в Крым атамана и правительства, члены Кубанской рады, не вѣря в успѣх „крымской авантюры", продолжали изыскивать способы и средства для самостоятельной борьбы с большевиками. В процессѣ этой работы среди членов Рады намѣтилось два теченія: одни считали необходимым держать хотя-бы неоффиціальный контакт с находившимся в Крыму правительством и атаманом, а через них и с Врангелем. Представители другого теченія во главѣ с Тимошенко твердо стоят на своей прежней непримиримой позиціи.

В іюлѣ мѣсяцѣ в Тифлис прибыл представитель Врангеля, и обратился к тифлисской группѣ с предложеніем координировать в боевых цѣлях свою работу по организаціи освобожденіи Кубани с той работой, которая ведется в этом направленіи в Крыму.

— Для Врангеля, — говорил его делегат, — все равно, под каким флагом будет освобождена Кубань. Нужно, чтобы били большевиков и больше ничего...

— Я, — разсказывал мнѣ Тимошенко, — и мои ближайшіе единомышленники, выслушав информацію о Крымѣ, категорически отказались от совмѣстных дѣйствій, чего нельзя было сказать о других членах нашей тифлисской группы. Желая сохранить полную самостоятельность, мы не вошли в организованный к этому времени „Кубанско-Черноморскій Повстанческій Комитет". Послѣ неуспѣха в дѣлѣ организаціи кубанских общественных сил, я пытался создать самостоятельное демократическое движеніе уже не в кубанском, а в болѣе широком — сѣверно-кавказском масштабѣ. С этой цѣлью мною было созвано нѣсколько совѣщаній представителей кавказских народностей, на которых выработан был проект организаціи „Совѣта Революціонно-Демократических Организацій Народов Сѣвернаго Кавказа".

В резолюціи по поводу организаціи этого „Совѣта" говорилось о необходимости борьбы с коммунистами и монархистами, о гибельности союза с реакціей, о том, что в дальнѣйшем нужно

бороться под лозунгом: „Государственная независимость територіальных частей Сѣвернаго Кавказа“. Слѣдующим этапом в процессѣ борьбы, как указывалось в резолюціи, должен был явиться процесс конфедераціи государственных образованій Сѣвернаго Кавказа.

Однако, опредѣленных практических результатов такая работа не дала. Об'ясняется это, по словам Тимошенко, тѣм, что. в виду серьезнаго развитія повстанческаго движенія на Кубани, вся энергія большинства членов тифлисской группы кубанцев была направлена на работу в „Кубанско-Черноморском Повстанческом Комитетѣ“. Широкія задачи по освобожденію Сѣвернаго Кавказа отошли на задній план. С другой стороны, среди горцев, в виду развитія повстанческаго движенія, началось распыленіе, и намѣтилась тенденція дѣйствовать совмѣстно с Крымом откуда к тому же отпускались на повстанческое движеніе щедрыя субсидіи.

Между тѣм, хотя и с большими затрудненіями, но у повстанцев начинает постепенно налаживаться связь с Крымом и Тифлисом.

Первыя донесенія от генерала Фостикова были получены в Сухумѣ.

— Находясь в Сухумѣ в это время, — разсказывал мнѣ член Рады Бѣлашев, — я по порученію кубанскаго правительства „работал на Совдепію“. В полученном мною от Фостикова первом донесеніи говорилось о том, что ему удалось поднять против большевиков цѣлый ряд кубанских станиц, что его штаб находится в станицѣ Кордонникской Баталпашинскаго отдѣла, что повстанческое движеніе разрастается. Мои агенты достигли Фостикова и информировали его о положеніи. В іюнѣ мѣсяцѣ нами было получено от повстанцев нѣсколько прокламацій, в которых говорилось о том, что они ведут борьбу только с коммунистами за Учредительное Собраніе и, вообще, стоят на демократической платформѣ.

По порученію „Кубанско - Черноморскаго Повстанческаго Комитета“ Бѣлашев послал Фостикову пространное сообщеніе. Он оріентировал его в обстановкѣ, создавшейся в Крыму, сообщал о готовящемся дессантѣ. Мотивируя необходимость удержаться на территоріи, которая занимается повстанцами, Бѣлашев указывал, что к активным дѣйствіям Фостиков должен перейти тогда, когда будет получено распоряженіе из Крыма от атамана Иваниса. Вмѣстѣ с этим, он писал о необходимости приступить к организаціи мѣстнаго самоуправленія в занятых повстанцами станицах, обратить вниманіе на правильную организацію арміи, на борьбу с насиліями и грабежами и т. д. В заключеніе Бѣла-

шев сообщал, что он выѣзжает в Крым для доклада атаману. К Фостикову же посылает полковника Налетова.

Вообще, среди тифлисцев, в связи с повстанческим движеніем на Кубани, началось большое оживленіе. Нужно было не терять удобнаго случая провести в жизнь намѣченный план созданія собственной демократической силы, использовав для этой цѣли крымскій дессант и повстанцев на Кубани. Дѣйствуя в контактѣ с „Комитетом Спасенія Черноморья“ во главѣ с с.-р. Вороновичем, кубанцы предполагали также приспособить черноморское побережье в качествѣ базы для снабженія повстанцев.

— Я уѣхал в это время в Крым, — разсказывал мнѣ Бѣлашев, чтобы доложить обо всем атаману, но не Врангелю, с которым мы лично не считали для себя возможным сноситься, и немедленно приступить к организаціи снабженія Фостикова. Я сдѣлал доклад об этом кубанскому правительству в Феодосіи, доказывая, что повстанцам нужно, „повидимому“, придти на помощь, что движеніе носит демократическій характер и может принять очень крупные размѣры. Фостикову немедленно же было ассигновано пятьдесят милліонов рублей.

— На слѣдующій день, — разсказывает Бѣлашев, — я потребовал, чтобы Иванис ѣхал к Врангелю и ознакомил его со всѣми документами, привезенными мною от Фостикова.

Прибыв в Севастополь, Иванис отправился к Врангелю, а Бѣлашев к Болховитинову и Артифексову, как к генералам близким к ставкѣ.

По словам Бѣлашева, к этим докладам в ставкѣ отнеслись чрезвычайно легкомысленно. Помощник Врангеля и начальник штаба генерал Шатилов прямо заявил, что они сами знают, что нужно дѣлать. В ставкѣ серьезно опасались, как бы повстанческое движеніе не вылилось в формы рѣзко враждебныя Врангелю, и потому это движеніе нужно было или затушить, или взять в свои руки. В результатѣ Бѣлашеву не разрѣшили вывезти для Фостикова пятидесяти милліонов денег под тѣм предлогом, что из Крыма нельзя вывозить больше 200.000 рублей. В свою очередь ставка посылает к Фостикову полковника Мерклинга с десятью милліонами рублей. Туда же из Крыма командируются на командныя должности офицеры, которые должны были направлять повстанческое движеніе „в надлежащее русло“.

Под вліяніем свѣдѣній, полученных с Кубани, подготовка к дессанту шла ускоренным темпом. А вокруг дессанта плелась сложная интрига, велась ожесточенная закулисная борьба.

Убѣдившись в несостоятельности своих усилій замѣстить пост кубанскаго атамана генералом Улагаем, Феодосійская Рада

начала выдвигать Улагая на роль командующаго кубанским дессантом. Совершенно открыто говорилось о том, что, если дессант будет в надежных руках, то на Кубань можно не пустить всѣх оппозиціонно настроенных против главнаго командованія кубанских политических дѣятелей.

Усилія „фендриковцев" увѣнчались успѣхом. Когда Иванис подписал договор, Врангель перестает с ним заигрывать, мѣняет свою позицію и кандидат Иваниса, генерал Шифнер-Маркевич, назначается начальником дессантной дивизіи, а руководство всей операціей передается Улагаю, начальником штаба котораго назначается генерал Драценко. Чтобы гражданская власть находилась в надежных руках, чтобы удобнѣе было вести борьбу с политическими противниками главнаго командованія, из Сербіи выписывается бывшій во времена Деникина кубанским атаманом генерал Филимонов, которому и поручается организовать гражданскую власть на Кубани.

Теперь на всѣ отвѣтственные посты начинают назначаться лица, угодныя главному командованію, и проводившія точку зрѣнія руководителей Феодосійской Рады. Иванис безплодно протестует перед Врангелем, доказывая, что с таким дессантом идти нельзя, что во главѣ дессанта стоят люди, скомпрометировавшіе себя в политическом отношеніи, что толку из этого не выйдет. Однако, когда Врангель спрашивал:

— Почему Улагай для вас не пріемлем?

Иванис никаких серьезных основаній против назначенія Улагая не указывал.

Подготовка к дессанту велась весьма своеобразно. Чтобы исключить всякую возможность зарожденія оппозиціи на Кубани, от участія в работѣ по подготовкѣ дессанта главным командованіем устраняется „мало надежный" аппарат кубанской войсковой администраціи, включительно до атаманов отдѣлов и членов правительства. Руководители дессанта начали назначать новых атаманов отдѣлов и формировать отдѣльческія управленія, не считаясь с тѣм, что в Крыму находились всѣ прежніе атаманы вмѣстѣ со своими управленіями. Таким образом, к моменту отхода дессанта существовали два параллельных аппарата гражданской власти: один дѣйствовал по инструкціям Иваниса, прежній аппарат кубанскаго правительства, находившагося в Феодосіи, другой — административный аппарат который формировал генерал Филимонов, помощник Улагая по гражданской части, — аппарат, дѣйствовавшій в полном контактѣ с главным командованіем. Кромѣ того, каких-то атаманов назначал и начальник войскового штаба.

Все это создавало страшную путаницу, интриганство, мѣстничество, взаимную борьбу и подсиживаніе.

В основу всѣх новых формированій была положена опредѣленная, продуманная программа главнаго командованія в лицѣ Врангеля, Шатилова и Кривошеина. Если Кубань будет освобождена, то в худшем случаѣ в Екатеринодарѣ немедленно соберется, конечно, „благонадежная“ Краевая Рада, которая и выберет себѣ атамана Филимонова. К чему стремилось главное командованіе „в лучшем случаѣ“ — об этом подробно докладывал на сербском общеказачьем с'ѣздѣ, состоявшемся уже послѣ эвакуаціи Крыма в Бѣлградѣ в мартѣ 1921 года член кубанскаго правительства и впослѣдствіи замѣститель Иваниса, полковник Винников.

— Крымскіе правящіе круги, — говорил он, — видѣли угрозу общему благополучію и благопріятному ходу борьбы с большевиками в том, что на Кубань возвратятся и вступят в управленіе краем выборныя учрежденія и правительство. Главное командованіе на этот раз посылало на Кубань тщательно подобранных своих людей. Оно предполагало милитаризовать всю систему управленія краем, создавши Сѣверо-Кавказскій Военный Округ или военное губернаторство, во главѣ которых предполагали поставить генерала Улагая и дать ему помощниками: по гражданской части генерала Филимонова и по военной — генерала Королькова. Атаманы отдѣлов при этой системѣ упразднялись и замѣнялись районными комендантами...

Планы эти опредѣленно начинают проводиться в жизнь, и на Кубань воспрещается проѣзд тѣм кубанским политическим дѣятелям, которые не были благонадежны с точки зрѣнія главнаго командованія и руководителей дессанта. В числѣ таких „неблагонадежных“ очутился также и Иванис. Зачислены были в эту категорію и почти всѣ члены кубанскаго правительства, которым отказали в пропусках на Кубань.

Но вот наступил, наконец, и долгожданный момент отправки. Погрузка происходила в Керчи и Феодосіи. Настроеніе у рядовых казаков и бѣженцев было приподнятое. Ѣхали, вѣдь, из постылаго Крыма к себѣ домой, в родныя станицы и хутора.

Небольшой сравнительно в численном отношеніи дессант, состоявшій из кубанских казаков и юнкерских училищ, имѣл громаднѣйшіе обозы с цѣлым сонмом совершенно не нужных для такого предпріятія людей, с бѣженцами — стариками, женщинами и дѣтьми.

— Гдѣ будет произведена высадка, — разсказывал мнѣ участник дессанта генерал Науменко, — мы не знали. Одни думали, что в районѣ Анапы, другіе говорили, что на Тамани...

Вечером 31 августа ст. ст. корабли остановились „на рандеву“ в Азовском морѣ. Здѣсь соединились суда, вышедшіе из

Феодосіи и Керчи. Небольшой дессант под командой генерала Черепова с демонстративной цѣлью высаживается в районѣ Сукко, чтобы движеніем на Раевскую создать угрозу Новороссійску и оттянуть часть сил красных в этом направленіи. Высадка же главных дессантных сил была произведена 1-13 августа в районѣ Керченскаго пролива в станицѣ Приморско-Ахтарской.

Силы большевиков в этом районѣ оказались ничтожными. Высадка производилась почти безпрепятственно, хотя, благодаря нераспорядительности, гораздо медленнѣе, чѣм первоначально предполагалось. Это сыграло очень существенную роль в дальнѣйшем ходѣ дессантной операціи, успѣх которой основывался не только на общем сочувствіи населенія, но и на быстротѣ движенія в глубь Кубани дессантных частей.

Большевики, как оказалось, были начеку, и, как только поступили первыя свѣдѣнія о дессантѣ, представители совѣтской власти немедленно, с рѣдким единодушіем и энергіей, приступили к мобилизаціи своих сил, имѣя в виду не только разгромить части Крымской арміи, но и лишить их возможности обратной посадки на корабли.

В противоположность большевикам, в штабѣ Улагая, среди отвѣтственных войсковых начальников, сразу же обнаружился полный разлад. Крупныя недоразумѣнія происходили между Улагаем и начальником штаба Драценко, который был назначен на эту должность против воли Улагая. На свой страх и риск, не подчиняясь общему руководству, дѣйствовали и начальники крупных войсковых соединеній.

По словам достаточно освѣдомленных чинов штаба Врангеля, как, например, генерала Артифексова, при распредѣленіи начальников дессантнаго отряда были допущены ошибки, которыя весьма болѣзненно отразились на военных операціях. Дессант раздѣлился на три колонны под общим командованіем Улагая. Сѣверной колонной командовал генерал Бабіев. Средней колонной, состоявшей из пѣхоты, командовал генерал Казанович, который имѣл направленіе прямо на Екатеринодар. Южная колонна находилась под начальством генерала Шафнер-Маркевича.

Генералу Бабіеву, самому стремительному из всѣх, принимавших участіе в дессантѣ войсковых начальников, дана была чисто пассивная задача — овладѣть единственной в этом районѣ переправой через рѣку Кубань. Дѣйствія Бабіева первоначально были очень удачны. Он овладѣл Брыньковской переправой, а попутно перехватил цѣлый ряд приказов краснаго командованія и точно узнал, какія совѣтскія войска и в каком направленіи будут подходить на подкрѣпленіе. Пользуясь этим, он начал по частям бить подходивших большевиков. Но это

заставило его бросить Брыньковскую переправу. Бабіев пошел вперед, а противник, воспользовавшись этим, занял в тылу у Улагая, который находился между Ольгинской и Тимашевской, переправу и станицу Ольгинскую.

Улагай приказывает Бабіеву вернуться и снова занять переправу. Бабіев исполняет приказ и затѣм опять уходит дальше. Снова Улагай приказывает захватить злосчастную переправу. Бабіев посылает бригаду генерала Агоева. Переправа в третій раз занимается, а затѣм снова оставляется казаками. В третій раз большевики захватили Ольгинскую и на этот раз окончательно.

Хотя военныя операціи развивались быстрым темпом, и казаки приближались к Екатеринодару, чувствовалось, однако, что положеніе дессанта рѣзко ухудшается.

Как Врангель, так и непотредственные руководители операціи, совершенно не с'умѣли использовать антибольшевистскаго настроенія населенія и серьезнаго повстанческаго движенія. В період дессантной операціи генерал Фостиков занимал с повстанческими частями всѣ горные отдѣлы и имѣл в своем распоряженіи цѣлую армію численностью в 20 — 30 тысяч человѣк возставших казаков Майкопскаго, Лабинскаго и Баталпашинскаго отдѣлов. Это возстаніе было обречено на гибель без помощи патронами, снарядами и другими видами снабженія. Между тѣм, никакой абсолютно связи с повстанцами у дессанта не было. О высадкѣ дессанта Фостиков ничего не знал...

Населеніе занятых прибывшими из Крыма частями станиц отнеслось к дессанту в общем с пассивным сочувствіем. Это сочувствіе оно боялось проявить активно, так как сразу бросалось в глаза, что дессант — предпріятіе не серьезное, авантюристическое. Правда, в первые дни станичники встрѣчали прибывших из Крыма казаков с большим радушіем, а из камышей огромными толпами присоединялись к дессанту прятавшіеся там зеленоармейцы и мѣстные повстанцы. Но это было только на первых порах... Очень скоро представители власти, прибывшіе с дессантом, своими дѣйствіями и политикой вооружили против себя мѣстное населеніе.

В своем докладѣ на общеказачьем с'ѣздѣ Винников, выступавшій в качествѣ замѣстителя кубанскаго атамана, разбираясь в причинах неудачи, указывал на то, что представители главнаго командованія, прибывшіе на Кубань, были одержимы маніей, так называемой, „твердой власти". Безпричинно злобствовавшіе против казачества они дали простор своим чувствам при первой же встрѣчѣ с казачьими станицами и сразу измѣнили отношеніе мѣстных казаков к дессантным войскам. Злоба и месть

были положены в основу управленія. Вот нѣсколько характерных примѣров, приведенных на съѣздѣ, по которым можно составить общее представленіе об этих методах управленія.

Генерал Черепов, высадившійся со своим отрядом у станицы Анапской, созвал казаков и об'явил им:

— Ну, кончились всѣ ваши круги и рады и выборные атаманы. Довольно уже накружились и нарадовались... Пора и твердую власть установить...

Казаки выслушали рѣчь генерала Черепова хмуро. Довѣріе, покинуло их, и они начали уходить в горы. Четыреста человѣк казаков, присоединившихся к отряду в первую голову, быстро покинули его послѣ этой политической декларацiи, ближайшим результатом которой было пораженіе, которое отряд генерала Черепова понес первый.

В станицу Таманскую, которая была занята дессантом Улагая одной из первых, явился в качествѣ военнаго коменданта полковник Крыжановскій, земельный собственник Таманскаго отдѣла. Рязмахивая листком бумаги, на котором был напечатан „демократическій" закон Врангеля о землѣ, он начал кричать:

— Вот, здѣсь все написано: вот я вам покажу, гдѣ и чья земля...

Проходя мими зданія станичнаго правленія, он встѣтил старика, который не отдал ему чести и приказал выпороть его. Старик был одним из уважаемых граждан станицы....

Конечно населеніе, послѣ таких выступленій прибывших из Крыма представителей власти, стало с ужасом прятаться от них, и в станицах появились пустыя избы.

— Гдѣ твой муж? — спрашивают у бабы.

А кто-ж его знает, — отвѣчает баба. Был тут а теперь ушел...

Об'являлись мобилизаціи. Казаки являлись на сборные пункты. Их никто не принимал, не отдавал никаких распоряженій, и они снова расходились.

Запасов оружія у дессантнаго отряда не было. Присоединявшихся к арміи повстанцев-„камышатников" и мобилизованных казаков нечѣм было вооружить. Они по два и по три дня ѣздили безоружными и неорганизованными за обозами, и, извѣрившись в силу безоружнаго отряда, распылялись по домам и скрывались в камыши.

В органах гражданскаго управленія царил полный хаос. Между „филимоновскими" и „иванисовскими" атаманами отдѣлов происходили крупныя столкновенія. В станицах начинались безпорядочныя реквизиціи, учащались насилія. Вмѣсто напряженной организаціонной работы представители гражданской власти

сводили личные счеты между собою, занимали лучшіе дома, выпивали и закусывали, распѣвая кубанскій гимн:

— Ты Кубань, ты наша родина . . .

Быстро оцѣнивши обстановку и разобравшись в сущности новой власти, мѣстные аборигены порѣшили своим опытом, что эта власть не превлечет к себѣ сочувствія мѣстнаго населенія и не удержится крѣпко. От крымских частей начинают все прятать, ибо населеніе занятых станиц не хочет рисковать своим благополучіем ради временнаго пребыванія дессантнаго отряда на Кубани

— Даже, — разсказывал на с'ѣздѣ Винников, — фурманки вывозили к озерам, и топили их в водѣ на время нашего пребыванія. Скот и лошадей спасали от разграбленія, угоняя их в плавни и камыши.

В Керчи, откуда шла отправка войск на Кубань, настроеніе в первые дни дессанта было побѣдоносное, особенно послѣ того, как разнеслись слухи о том, что войска подходят к Екатеринодару, что взяты станицы Тимашевская, Гривенская.

— Казачьи отряды, — сообщает Врангель представителям иностранной печати, — посланные нами на донскую и кубанскую территоріи,. развивают стремительное наступленіе. Мѣстное казачество присоединяется к отрядам и оказывает им всякую помощь. Наш реорганизованный флот является существенной поддержкой для наших сухопутных частей и опасным врагом для большевистской флотиліи. Обладая в настоящее время контролем над Доном и Кубанью — наиболѣе хлѣбородными областями Россіи, — мы вскорѣ будем имѣть возможность вывезти значительное количество зерна и пищевых продуктов в обмѣн на манафактуру, нужда в которой у нас очень велика . . .

А в это время флот, вмѣсто того, чтобы охранять ахтарскую базу, куда-то ушел, хотя было извѣстно, что на Азовском морѣ большевики имѣют флотилію из мелко сидящих судов. Воспользовавшись отсутствіем флота, большевистская флотилія подошла к ахтарской базѣ и начала ее бомбардировать. Тревожная вѣсть быстро разносится по тылам дессанта и создает паническое настроеніе, ибо у каждаго появляется мысль, что большевики помѣшают обратный погрузкѣ.

Отрѣзанный от своей базы—Приморско-Ахтырской — Улагай переносит ее на Ачуев. Большевики, между тѣм, нажимают все сильнѣе и сильнѣе и для дессанта наступают критическіе дни.

Для всѣх становится очевидным, что дессант не нашел и не найдет активной поддержки среди мѣстнаго населенія. Все строилось в разсчетѣ на эту поддержку, на быстрое освобожденіе Кубани. Но той быстроты, которая была необходима, не оказазалось. Большевики парализовали всякую возможность к даль-

нѣйшему наступленію. Не о наступленіи теперь уж думали, а о том, чтобы благополучно уйти.

— А в это время, — разсказывал мнѣ генерал штаба Врангеля Артифексов, — большевики в Сѣверной Тавріи предприняли наступленіе со стороны Токмака и от Днѣпра со стороны Каховки. Думать о развитіи Кубанской операціи можно было только располагая резервами. Из резервов же нельзя было на кубанское направленіе взять ни одного человѣка, так как положеніе на Сѣверѣ становилось в высшей степени грозным. Послѣ всесторонняго обсужденія с болью в сердцах рѣшено было ликвидировать кубанскій дессант.

К 15-28 августа совершенно опредѣленно выяснилось, что дессант потерпѣл крах. Врангель в это время уже находилися в Керчи, куда он прибыл вмѣстѣ с Иванисом. Отсюда главнокомандующій и атаман ѣздили на Таманскій полуостров и побывали в станицѣ Таманской. В крымских газетах появились восторженныя описанія, как „в девятнадцать часов три минуты главнокомандующій встипил на землю Кубани“, как его встрѣчали колокольным звоном, как „падали на колѣни и рыдали от восторга кубанцы“ и т. д. по типу описаній царских путешествій в дореволюціоное время. В дѣйствительности все обстояло нѣсколько иначе. Достаточно сказать, что в станицѣ Таманской даже попытка Иваниса созвать станичный сбор не увѣнчалась успѣхом. Нужно было уѣзжать обратно, ибо уже началась ликвидація дессанта.

— Когда я бесѣдовал в эти дни в Керчи с Иванисом, — разсказывал мнѣ член рады, лидер линейцев, Скобцов, — то прямо указал ему, что дессант не удается в виду того развала кубанской власти, который наблюдается. Не было единства, не было политической программы. Представители власти кубанской дискредитируют себя всемѣрно. Его, Иваниса, замѣстителя кубанскаго атамана, не берут в дессант и только тогда, когда выясняется неудача операціи, тащат в Керчь. Это есть униженіе не лично Иваниса, а униженіе достоинства кубанскаго атамана, что происходит на каждом шагу.

— Самое лучшее для вас — уйти, — убѣждал Скобцов Иваниса. Передайте власть достойному человѣку по вашему выбору, человѣку с опредѣленным демократическим лицом, пользующемуся всеобщим довѣріем. Назначьте его членом правительства, исполняющим обязанности предсѣдателя правительства, а потом передайте ему власть. Есть и другой способ. Нужно созвать всѣх членов Рады, находящихся внѣ Совѣтской Россіи, пополнить их представителями воинских частей и предложить им выбрать атамана.

— Хорошо, я подумаю, — отвѣтил на все это Иванис.

Однако, на слѣдующій день Иванис заявил, что не намѣрен руководствоваться совѣтами человѣка, „который сам назвал себя в Тифлисѣ живым трупом".

На этом переговоры оборвались.

Между тѣм, ликвидація дессанта подходила к концу. 24 августа ст. ст. от Ачуева отошли послѣдніе корабли, направляясь к Керчи. С кораблей сгружали воинскія части, раненых, плѣнных, лошадей, всякую военную добычу. Настроеніе у казаков было подавленное. Всѣ чувствовали, что ставка на Кубань была бита, а вѣдь она была рѣшительной ставкой Крыма. Перспективы вырисовывались безотрадныя.

Хотя убыль убитыми и ранеными доходила в шеститысячном дессантѣ до половины общаго числа участников дессанта, однако, в численном отношеніи убыль покрывалась присоединившимися к дессанту дезертирами и плѣнными.

Эти послѣдніе производили особенно тяжелое впечатлѣніе. Голодные, раздѣтые по традиціи гражданской войны часто до нижняго бѣлья включительно, они выгружались цѣлыми толпами, свидѣтельствуя своим внѣшним видом и моральным состояніем об ужасѣ и развратѣ междуусобной борьбы. Все это была молодежь из сѣверных губерній Россіи. Их погнали на Кубань голодных, не одѣтых. Их заставили воевать неизвѣстно за что. Они совершенно индифферентно относились к политикѣ, а их заставляли убивать, самим подставлять себя под пули. Особенно печально было положеніе раненых. О раненых казаках все же, хоть плохо, но заботились. Их казаков куда то эвакуировали, размѣщали по лазаретам, по госпиталям. Их сопровождали сестры милосердія. Несчастные же красноармейцы, опираясь на костыли, брели сами не зная куда. Никто о них не заботился, и как милости нужно было ожидать, что кто-либо, наконец, сжалится и перевяжет раны . . .

Несмотря на неудачу, настроеніе кубанцев было такое, что они снова готовы были принести большія жертвы, чтобы попасть к себѣ на родину. Также были настроены и донцы. Нужно было видѣть, как на широком керченском молу цѣлыя семьи донцов, перенося всяческія невзгоды, ютились в желѣзных трубах, которыя там были разбросаны. Всѣ они ждали возможности сѣсть на корабли и ѣхать на Кубань, а оттуда двигаться к Дону. Всѣ вѣрили и ждали этого и, если бы не было такого политиканства, если бы в организаціи дессанта не было проявлено такой преступной небрежности, если было бы использовано демократическое в своем зародышѣ повстанчиское движеніе на Кубани, — руководители дессанта могли бы найти в таком настроеніи казаков могучую опору в своих начинаніях.

Дессант не удался в значительной мѣрѣ благодаря тому

что его превратили в орудіе политической борьы между главным командованіем и Феодосійской Радой — с одной стороны, между кубанским правительством, возглавляемым Иванисом, и противниками главнаго командованія — с другой.

Оффиціальныя сводки всячески замалчивали неудачу. Врангель, как и раньше в таких случаях, пытался даже превратить пораженіе чуть ли не в побѣду, доказывая в газетных интервью, что дессант был „ликвидирован только потому, что обстановка требвовала перенесенія военных операцій в Сѣверную Таврію“, что он „сам начал стягивать войска с Кубани, гдѣ численность их увеличилась в два с половиной раза“, гдѣ в станицах „к нам присоединялись всѣ, способные носить оружіе“ и т. д.

А в это время в Новороссійскѣ, как потом сообщала крымская агентура, совѣтскій комиссар, дѣлая доклад о ликвидаціи кубанскаго дессанта, начал его словами:

— Врангель высадил на Кубани четырех дураков, не объединив их общим начальством, предоставив им свободу дѣйствій. Нам не стоило больших усилій, дав им высадиться, сосредоточить затѣм свои силы, отрѣзать от баз и ликвидоровать дессант . . .

Мысль о новом дессантѣ на Кубань все же не была окончательно оставлена в Крыму, и кубанскому генералу Науменко снова было поручено заняться его подготовкой. Однако, под вліяніем все ухудшавшейся общей обстановки, проект о новом дессантѣ скоро был оставлен, и Науменко занял должность начальника первой кавалерійской дивизіи.

Неудача на Кубани болѣзненно отразилась на настроеніи находившихся в Крыму. Она показала, что активное антибольшевистское движеніе не встрѣчает сочувствія и поддержки в широких массах кубанскаго населенія. Рухнули надежды, которыя возлагались на освобожденіе Кубани, Черноморья, Терека, Ставропольской губерніи и Дона. Не оправдались и всѣ разсчеты на то, что Кубань даст огромные запасы сырья для снабженія Крыма и вывоза за границу. Наконец дессант оттянул с фронта значительныя силы пѣхоты и конницы и тѣм самым дал противнику возм жность привести свои части в порядок. Он показал, что всѣ пріемы агитаціи, пропаганды и освѣдомленія стоят ниже критики...

Итак, кубанскій дессант был ликвидирован. В это же время стало извѣстно, что полный крах потерпѣл и Назаровскій дессант на Дону. Сначала Назаров, как разсказывал мнѣ Донской атаман Богаевскій, со своими отрядами из 800 человѣк имѣл нѣкоторый успѣх. К отряду начали присоединяться не только казаки, но и крестьяне. Отряд увеличился до двух тысяч человѣк. Назаров двинулся в глубь Донской области, причем он

ставил себѣ задачей не связываться с крупными городами — Ростовом, Новочеркасском, Таганрогом. Он обошел их с сѣвера и двинулся прямо на станицу Константиновскую.

Но красные уже всполошились, мобилизовали свои силы и бросили их в погоню за Назаровым. Столкновенія с красными оказались неудачными. Под станицей Константиновской отряд был разбит на голову. Сам Назаров едва не попал в плѣн. Вмѣстѣ с пятью человѣками он спасся бѣгством. Его преслѣдовали нѣсколько дней то в конном, то в пѣшем строю. Когда Назаров перебрался через Маныч, послѣдній из его спутников утонул. Назаров едва спасся, но затѣм был арестован, и под видом дезертира, которым он себя именовал, был препровожден в станицу Константиновскую. Знакомые станичники помогли ему выбраться из плѣна, и послѣ всяческих мытарств он опять возвратился в Крым, но уже один. Весь отряд его был уничтожен большевиками.

Результатом назаровскаго дессанта на Дону был цѣлый ряд безпощадно суровых репрессій со стороны большевиков. Не только отдѣльные люди, но и цѣлыя станицы за сочувствіе Назарову подвергались разграбленію и даже уничтоженію.

— Из дессанта Назарова, — разсказывал мнѣ Богаевскій, — выяснилось, что с небольшими силами поднять Дон не возможно. Населеніе на Дону не может примириться с большевиками, но оно не в состояніи возстать, в виду отсутствія казаков. Дон обезсилѣл. Казаки мобилизованы красными и уведены с Дона, остальные же не вернулись послѣ отступленія к Новороссійску, или же находятся в Крыму. При таких условіях, в виду ненависти к большевикам населенія, в лучшем случаѣ можно было бы собрать 20 — 30 тысяч человѣк. Но эта безоружная и не снабженная, как слѣдует, масса, конечно же, не могла отличаться достаточной устойчивостью.

Судьба антибольшевистскаго движенія на югѣ Россіи была предрѣшена, ибо план перенесенія базы в казачьи области потерпѣл полное крушеніе.

ГЛАВА IX.

ПОСЛѢДНІЯ ПОПЫТКИ.

В то время, когда Врангель оперировал на Кубани, на польско-совѣтском фронтѣ происходили событія первостепенной важности. В момент кульминаціоннаго развитія успѣхов большевиков, когда со дня на день можно было ожидать паденія Варшавы, Красная армія потерпѣла грандіозное пораженіе, в силу котораго военно-политическая обстановка измѣнилась с феерической быстротой.

В концѣ іюля и в началѣ августа Красная армія неудержимо катилась вперед вслѣд за отступающими в состояніи полной дезорганизаціи польскими войсками, выдвигаясь к Варшавѣ длинным, узким языком. За этой центральной группой торопливо тянулись всѣ остальныя части совѣтской арміи. Красноармейцы стремились вперед, подчиняясь уже не стратегическим соображеніям, а желанію как можно скорѣе пойти к Варшавѣ и принять участіе в общем разграбленіи столицы польскаго государства, что было обѣщано совѣтским командованіем. Воинскія части превращались в безпорядочныя массы, выходившія из подчиненія своим начальникам. Разваливалась матеріальная часть арміи. Войска довольствовались за счет много раз ограбленнаго населенія. В арміи разросталось в огромных размѣрах дезертирство. Насильно мобилизованные казаки и крестьяне ненавидѣли войну, большевиков, готовы были воспользоваться любым случаем, чтобы сдаться в плѣн.

В Польшѣ тѣм временем под вліяніем грозной опасности нарастает національное чувство. В Варшавѣ под руководством командированнаго из Парижа генерала Вейганда спѣшно формируются партизанскія части, производится переформированіе, перегруппировка остатков польской арміи.

В полови нѣ августа польская армія заканчивает свою перегруппировку, переходит в энергичное наступленіе и выходит в тыл тѣм частям Красной арміи, которыя подтянулись к Варшавѣ. Значительная группа совѣтских войск была отрѣзана от остальных сил. Начинается паника.

Быстро и безпорядочно отходят большевики от Варшавы, бросая обозы, артиллерію, оставляя в руках противника огром-

ное количество плѣнных. Свыше 50.000 человѣк интернируются в Германіи до 70,000 человѣк сдается в плѣн.

Для большевиков наступают тяжелые дни, тѣм болѣе, что неудачи их преслѣдуют и на крымском фронтѣ, гдѣ они хотѣли, повидимому, нанести стремительный удар Крымской арміи.

В тот момент, когда на Кубани начиналась ликвидація дессанта, красные, сосредоточив свѣжія подкрѣпленія, форсировали Днѣпр в районѣ Каховки и прорвались в глубокій тыл Крымской арміи, стремясь отрѣзать ее от перешейков. Одновременно с этим, усилив свои конныя части, они ведут наступленіе от Александровска на юг с тѣм, чтобы соединиться со своей каховской группой.

Армія Врангеля очутилась в чрезвычайно тяжелом положеніи.

Оставив начальника своего штаба руководить эвакуаціей дессанта с Тамани и Ачуева, Врангель помчался в Мелитополь.

— В этот момент, — разсказывал мнѣ генерал для порученій при Врангелѣ Артифексов, — непріятельская конница находилась почти на самой желѣзной дорогѣ, верстах в шестнадцати от Мелитополя. Наш поѣзд пришел в Мелитополь тогда, когда город находился в страшной паникѣ. Всѣ думали, что уже наступила катастрофа, что армія окончательно окружена большевиками, Мелитополь отрѣзан от Крыма. Пріѣзд Врангеля поднял общее настроеніе...

Для ликвидаціи прорыва были приняты экстренныя мѣры. С лихорадочной поспѣшностью производилась перегруппировка частей. Она быстро закончилась и 30 августа (12 сентября) Крымская армія перешла в наступленіе. Оно облегчалось теперь катастрофой на польском фронтѣ. Набѣг красных был ликвидирован. Большевики отошли за Днѣпр, задержавшись на Каховском плацдармѣ, откуда, несмотря на тяжелыя потери, их никак не могли выбить.

Крымскія войска к началу сентября переформировываются. Донцы и добровольцы (корниловцы, марковцы, дроздовцы) под командой Кутепова составляют Первую армію и занимают фронт от Азовскаго моря до Днѣпра. Из остальных частей (возвратившіеся с дессанта кубанцы, регулярная конница Барбовича, бывшій Слащевскій корпус) образуется Вторая армія, которая под командой генерала Драценко занимает фронт по Днѣпру.

Конец августа и первая половина сентября, когда большевики, у которых всѣ силы были стянуты на польскій фронт, терпѣли пораженіе за пораженіем, ознаменовался весьма успѣшными для Крымской арміи боями. Благодаря удачным операціям, в особенности против совѣтских частей, дѣйствовавших в

районѣ Александровска, очищается весь район Сѣверной Тавріи до Маріуполя и Александровска. Армія Драценко в это время легко ликвидирует слабыя попытки красных переправиться на лѣвый берег Днѣпра.

Казаки и добровольцы энергично нажимают на красных, стараясь использовать наступленіе поляков. У большевиков же на крымском фронтѣ находятся ничтожныя силы. Красный фронт оказался совершенно обнаженным, образовав для крымских частей широкія раскрытыя двери, как на Екатеринослав и Харьков, так и в Сѣверо-Донецкій каменноугольный район.

Большевики почти не оказывают никакого сопротивленія. Наступательныя операціи с их стороны пока прекращаются. Они заняты теперь укомплектованіем своих частей, подвозом свѣжих сил из глубины страны и из ближайших сосѣдних армій.

Послѣ крушенія плана перенесенія базы в казачьи области, ставкѣ и крымскому правительству приходилось снова думать, если не о перенесеніи базы, то о расширеніи своей территоріи за счет Украины. Украинскій вопрос занимает теперь в Крыму центральное мѣсто.

В виду отказа Петлюры от совмѣстных дѣйствій и необходимости опереться на организованныя украинскія силы, — Врангель, Струве, Кривошеин и др. „федерируются" с Маркотуном. В началѣ сентября по оффиціальному приглашенію из Парижа в Севастополь выѣхали представители стоявшаго на платформѣ федераціи с Россіей „Украинскаго Національнаго Комитета" — предсѣдатель комитета Маркотун и члены — Могилянскій и Цитович.

Послѣ совѣщанія украинцев с Врангелем и членами крымскаго правительства выяснилось, что руководители Крыма готовы теперь окончательно отказаться от своего заигрыванія с Петлюрой и координировать свои дѣйствія с группой Маркотуна. В основу переговоров с украинцами по настояніям Врангеля должны были быть положены тѣ же принципы, на которых построено было соглашеніе с представителями казачества.

Переговоры привели к опредѣленным результатам. Украйна, послѣ освобожденія от большевиков, должна была пользоваться такими-же правами, как Дон, Терек и Кубань. Впредь до образованія украинскаго федеративнаго правительства, полномочнаго для заключенія договора с правительством юга Россіи, в Севастополѣ рѣшено было организовать временный совѣт по украинским дѣлам для территоріи Украйны, оккупируемой войсками Врангеля. В состав этого совѣта должны были войти украинскіе дѣятели, придерживавшіеся федералистической точки зрѣнія. Разработан также был и проэкт приказа о выдѣленіи

украинцев, находившихся в Крымской арміи, в отдѣльныя части.

Для приданія большей помпы этому соглашенію в Севастополѣ в началѣ октября был устроен с'ѣзд делегатов украинскаго національнаго демократическаго блока, стоящих на платформѣ федераціи с Россіей и оказанія активной помощи главному командованію в дѣлѣ освобожденія Украйны от большевиков, при непримиримом отношеніи к петлюровскому движенію, как к движенію самостійному.

Во время своего пребыванія в Севастополѣ, представители парижскаго „Украинскаго Національнаго Комитета" вели оживленные переговоры с оффиціальными представителями казачьих правительств и достигли с ними полнаго соглашенія в основных вопросах федеративнаго государственнаго строительства. И тѣ и другіе утѣшали и оправдывали себя тѣм, что, как бы ни была реакціонна и антидемократична политика Крыма,— можно будет путем энергичнаго давленія на Врангеля и Кривошеина добиться измѣненія политическаго курса.

Украинцы теперь усиленно пытаются войти в связь с атаманами повстанческих отрядов, дѣйствующих на Украйнѣ. Этого требовали не только политическія, но и стратегическія соображенія, ибо, продвигаясь на сѣвер, Крымская армія постепенно внѣдрялась в зону повстанческаго движенія.

Ставка все время, а особенно теперь, пытается завязать с повстанцами дружескія отношенія, стараясь координировать операціи регулярных частей с дѣйствіями повстанческих отрядов.

Практическіе результаты этого заигрыванія, как раньше, так и теперь, были ничтожны. Враждебное отношеніе населенія к арміи Врангеля сказывается и на повстанцах. Лишь авантюристы и провокаторы, именовавшіе себя атаманами повстанческих отрядов, охотно заключали „союзы" с Врангелем.

Первое мѣсто среди этих „батек" и „отаманов" занимал Володин, пользовавшійся особенной благосклонностью ставки в Крыму, гдѣ он представлял собою „возставшій народ".

— Я имѣл возможность близко столкнуться с Володиным, — разсказывал мнѣ бывшій тогда начальником кавалерійской дивизіи генерал Науменко. Мой раз'ѣзд был принят Володиным с большим почетом и уваженіем. Володин устроил торжественный обѣд, в котором принимали участіе и дамы, захваченныя им в Никополѣ. Во время обѣда Володин приказал выпороть одного из своих семи адьютантов. Как оказалось, эта традиція им неукоснительно соблюдается в таких парадных случаях. Угощая гостей, Володин провозгласил торжественный тост за главнокомандующаго „Русской" арміей генерала Врангеля.

— Я воюю, — говорил он, — за Вѣру, Царя и Отечество. Царя нѣт теперь. Я воюю за Вѣру и Отечество. Неукоснительно всюду и вездѣ бью жидов. Образ правленія пусть устанавливает сам народ. Я пойду с народом хоть за монархію, хоть за анархію. Кто против народа, — тот мой враг.

У Володина было человѣк 300 разнаго сброда, но он считал своими силами и многочисленные кадры дезертиров, скрывавшихся в днѣпровских плавнях и на островах, число которых, по свѣдѣніям Володина, доходило до 10.000 человѣк. Наиболѣе сильную дезертирскую группу составляла „Об'единенная Организація Дезертиров“ красных, бѣлых и, как это ни странно, дезертиров из махновских отрядов.

— При вторичном посѣщеніи Володина моим раз'ѣздом, — разсказывал Науменко, — атаман во время торжественнаго обѣда снова приказал выпороть одного из своих адьютантов. Когда Володин торжественно провозгласил тост за Врангеля и присутствовавшій здѣсь какой то „представитель Украйны“ начал протестовать, Володин приказал выпороть „дипломата“, всемѣрно подчеркивая этим свою лойяльность в отношеніи главнокомандующаго.

Таких союзников вербовал себѣ Врангель...

В результатѣ разгрома большевиков на польском фронтѣ и удачных сентябрьских операцій, Крымская армія захватывает большую территорію, которая расширяется с каждым днем все болѣе и болѣе.

На сѣверѣ занимается Александровск. Уже Синельниково в руках бѣлых. Уже конные раз'ѣзды подходят и к самому Екатеринославу. Уже торжественно сообщается о том, что союзник Врангеля Махно занял Харьков и Екатеринослав, и что не сегодня-завтра произойдет сліяніе махновских частей и лѣвофланговых частей арміи Врангеля, наступающих вдоль желѣзной дороги Александровск-Екатеринослав.

А этому соединенію в Крыму придают большое значеніе, ибо в газетах печатаются сфабрикованныя в Крыму же сводки апокрифическаго штаба Махно о том, что „батько“ с 12 по 21 сентября занял губерніи: Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и весь Донецкій бассейн.

Одновременно с этим развивается наступленіе в сѣверо-восточном направленіи, гдѣ оперируют донцы. Большевики оказывают очень слабое сопротивленіе. Казалось, что послѣ сентябрьских удач, послѣ взятія Маріуполя, Ногайска, Волновахи, Орѣхова, Гуляй-Поля, — на Дон можно идти тріумфальным маршем.

— Настроеніе у нас, — разсказывал мнѣ начальник второй донской дивизіи, — было великолѣпное. Мы быстро продвигались вперед, дѣлали смѣлые набѣги, разрушая тылы про-

тивника. Особенно удачными были дѣйствія Назаровскаго полка под командой генерала Рубашкина. Во время своего трехдневнаго рейда, он захватил Юзовку, уничтожил в этом районѣ до шестидесяти тысяч снарядов, захватил богатую добычу и присоединился затѣм к нам. Рубашкин был у Матвѣева Кургана. Наши раз'ѣзды доходили до самаго Таганрога . . .

Все это страшно воодушевляло донцов. Когда казаки вступили на родную донскую землю, среди донского казачества, как фронтового, так и тылового, царило праздничное настроеніе. С уст не сходили разговоры о том, как бы поскорѣе стать тверже на родной землѣ и распрощаться с Крымом.

В ставкѣ царило радужное настроеніе. Врангель теперь становится общепризнанным вождем бѣлых и на других фронтах. Еще лѣтом его признает „Русскій Политическій Комитет" в Варшавѣ во главѣ с Савинковым, который руководит дѣйствіями отряда генерала Булак-Балаховича. Врангелю подчиняются какіе то образовавшіеся на границах Псковской и Витебской губерній „отряды графа Палена". В виду политической „неблагонадежности" Савинкова уже идут разговоры о необходимости образовать на польском фронтѣ, так называемую, Третью армію, подчиненную исключительно Врангелю. Во второй половинѣ сентября Врангеля признает и оперировавшій на Дальнем Востокѣ крайній реакціонер, авантюрист бѣлогвардейскаго толка „вѣрноподданый Его Величества" атаман Семенов. Развиваются в это время успѣхи и у Петлюры. Поляки продолжают громить большевиков.

В Крыму торжествуют, в Крыму упиваются успѣхами . . .

— Никогда мы не были так близки к побѣдѣ, — разсказывал мнѣ Врангель, — как в это время, в період катастрофических неудач большевиков на польском фронтѣ. Если-бы в Парижѣ был принят предложенный мною через Струве и генерала Юзефовича план, Россія была бы уже освобождена от большевиков. Я предлагал, чтобы поляки, задержавшись на старых германских укрѣпленных линіях, в дальнѣйшем свои операціи распространили-бы в направленіи на Кіев. Я в это время форсировал-бы Днѣпр, соединился-бы с поляками и, пользуясь развалом Красной арміи, мы быстро пошли бы в глубь Россіи.

Поляки, однако, не были настроены так воинственно и так оптимистично, как Врангель. В разсчеты правящих кругов Польши не входила помощь Врангелю. Страна была истощена. Польскій народ требовал скорѣйшаго мира. Нужно было прекращать войну, использовав момент наибольших успѣхов, когда большевики готовы были идти на всѣ уступки, готовы были удовлетворить всѣ требованія противника.

В результатѣ, хотя военныя дѣйствія все еще продолжают-

ся, между Варшавой и Москвой начинаются мирные переговоры.

Между тѣм, продвиженіе Крымской арміи на сѣвер не на шутку встревожило большевиков. Коммунистическая пресса бьет тревогу. Правящіе круги совѣтской Россіи выбрасывают новый боевой лозунг: „Всѣ на Врангеля". Большевики безпрекословно соглашаются удовлетворить притязанія поляков, чтобы воспользоваться передышкой и немедленно, не дождавшись даже мира, начать переброску войск на крымскій фронт.

В Крыму запахло гарью. Нужно было готовиться к тому-что в скором времени красные предпримут крупныя военныя операціи и поведут рѣшительное наступленіе. При таких условіях первостепенное значеніе пріобрѣтал вопрос о ликвидаціи Каховскаго плацдарма, который давал возможность большевикам переправиться через Днѣпр, и сразу прорваться в тыл арміи к перешейкам.

Стремясь к тому, чтобы сбить красных с лѣваго берега Днѣпра, ликвидировать каховскую группу совѣтских войск и, в случаѣ удачи, расчистить себѣ путь в правобережную Украину, главное командованіе предпринимает, так называемую, Заднѣпровскую операцію.

Подготовка к операціи идет ускоренным темпом, особенно послѣ того, как начинают поступать свѣдѣнія о сосредоточеніи в районѣ Каховки больших сил красных.

Заднѣпровская операція, которая была поручена командующему Второй арміей генералу Драценко, происходила в послѣдних числах октября. Она продолжалась недѣлю и закончилась полным разгромом переправившихся за Днѣпр воинских частей Крымской арміи.

Переправа происходила в нѣскольких мѣстах между Каховкой и Александровском. Предполагалось окружить красных, находившихся в районѣ Никополя, а затѣм, дѣйствуя в тыл каховской группы большевиков, облегчить задачу, возложенную на добровольческія части генерала Витковскаго, который должен был аттаковать Каховку в лоб.

Кубанскія части генерала Бабіева переправились у Александровска и начали наступать на Никополь. То же самое дѣлал Науменко, который переправился у деревни Ушкалки. Красные, однако, успѣли своевременно уйти из мѣшка. Никополь был взят Бабіевым 28 сентября (11 октября). Туда же подошел и генерал Науменко, который был теперь подчинен Бабіеву. Красные между тѣм произвели перегруппировку и начали превосходными силами тѣснить Бабіева, который теперь двигался к станціи Апостолово. Положеніе становилось критическим.

Как раз в этот рѣшительный момент случайный снаряд убивает генерала Бабіева, который пользовался среди кубанцев огромной популярностью, которому они вѣрили беззавѣтно и с которым готовы были идти куда угодно.

— Это было 30 сентября (13 октября) возлѣ селенія Шолохово, — разсказывал мнѣ генерал Науменко. Часа в четыре дня я говорил с Бабіевым по поводу создавшагося положенія, а затѣм повернул к своим частям. Не проѣхал я и версты, как меня догоняют и сообщают о смерти Бабіева. Я повернул обратно. Когда под'ѣхал, Бабіева уже в безсознательном состояніи везли на тачанкѣ. Оказалось, что противник, замѣтив у мельницы группу всадников, открыл по ней огонь. Первый же снаряд попал под лошадь Бабіева, окруженнаго казаками и офицерами, разорвался, и, кромѣ Бабіева, переранил и перебил нѣскольких казаков и офицеров. Я вступил в командованіе кубанскими частями . . .

Смерть Бабіева тяжело отразилась на общем ходѣ операціи. Настроеніе у кубанцев, незадолго перед этим переживших тяжелую неудачу дессанта на Кубань, рѣзко понизилось. Конница „потеряла сердце". А красные съ каждымъ часомъ дѣйствовали все с большей и большей рѣшительностью. Совершенно опредѣленно теперь выяснилось, что на правом берегу Днѣпра, вопреки полученным в ставкѣ свѣдѣніям, были сосредоточены значительныя силы большевиков, которые уже переходили в общее наступленіе, стремясь к тому, чтобы окружить переправившихся со всѣх сторон.

Нечего было и думать о продолженіи дальнѣйшаго наступленія. Ясно было, что Заднѣпровская операція не удалась и необходимо было заботиться только о том, чтобы большевики не отрѣзали от единственной переправы через Днѣпр.

1-14 октября отдан был приказ об отходѣ за Днѣпр.

Войска отступали в паническом безпорядкѣ. Командиры частей растерялись, распорядительности не было никакой . . . Каждую минуту нужно было ожидать, что слѣдовавшая по пятам кавалерія противника бросится в атаку.

Дѣлается послѣдняя попытка предупредить эту аттаку. Красные и бѣлые кавалеристы выхватывают шашки и уже бросаются друг на друга, но... в послѣдній момент бѣлые не выдерживают и бросаются обратно. За ними несстся конница противника.

Жуткій момент, особенно для пѣхоты . . . Цѣлыми ротами, бросая винтовки, поднимая руки вверх, пѣхотинцы сдаются в плѣн. Большевики продолжают преслѣдовать и рубить в паникѣ бѣгущих солдат.

Днѣпровскіе плавни между Грушевкой и деревней Ушкалкой, около которой происходила переправа, тянулись верст на 25. Чрезвычайно извилистая, неровная, перерѣзанная ручьями и протоками дорога соединяла Грушевку с мѣстом переправы.

По дорогѣ этой без остановки в три ряда двигалась лента людей, лошадей, орудій и подвод. Люди неудержимо рвались к Днѣпру, бросая загнанных лошадей, поломанные экипажи, орудія, пулеметы. Конница топтала пѣхоту. Пѣхота, прорываясь к переправам, старалась оттѣснить конницу. А красные рѣзали тылы . . .

Уже вечером 1-14 октября закончилась обратная переправа через Днѣпр.

Операція была сорвана. Не имѣла успѣха и попытка генерала Витковскаго аттаковать Каховку в лоб. Красные встрѣтили его ожесточенными контр-аттаками.

В результатѣ части генерала Витковскаго понесли жесточайшія потери и вынуждены были к стремительному отступленію.

Заднѣпровская трагедія, о которой запрещено было сообщать в газетах, окончательно подорвала в войсках довѣріе к командному составу. По общему ходу дѣл всѣ чувствовали, что это была послѣдняя ставка главнаго командованія.

Эта ставка была бита. Наступившее на сѣверо - западном участкѣ фронта затишье расцѣнивалось, как затишье перед сокрушительным натиском красных.

На сѣверо-восточном участкѣ фронта, однако, положеніе казалось пока достаточно устойчивым. Донцы продолжают наносить большевикам короткіе удары, производят набѣги, совершают небольшіе рейды по тылам противника. Но и красные с каждым днем начинают проявлять все большую и большую активность. Пользуясь тѣм, что фронт состоял из отдѣльных групп войск, между которыми было свободное пространство, большевики, подобно своим противникам, разгуливают по тылам и прорываются чуть ли не до Перекопа. Предпріимчивость их доходит до таких размѣров, что в началѣ октября они едва не захватили в плѣн донского атамана с его штабом. Этот эпизод настолько характерен, что я на нем остановлюсь нѣсколько подробнѣе.

Войска в это время, как разсказывал мнѣ Богаевскій, были впереди Орѣхова около Гуляй-Поля и дѣлали набѣг на Волноваху. Пользуясь тѣм, что сплошной линіи фронта не было, одна из красных дивизій, состоявшая из кубанских казаков, проникла от Маріуполя на запад и прошла к востоку от Мелитополя, стремясь, повидимому, к тому, чтобы сдѣлать набѣг на главный центр Сѣверной Тавріи. Шли красные ночью, совершая большіе

переходы, днем же располагались в нѣмецких колоніях, выставляя охраненіе. Никто не показывался из домов на улицы до темноты. Развѣдка, в виду малочисленности крымской конницы и отсутствія телеграфной и телефонной связи, была поставлена плохо. Поэтому и не представлялось возможным открыть, гдѣ эта конница. Не могли ея открыть и летчики, так как красные днем прятались в селах.

1-14 октября Богаевскій был в Мелитополѣ в гостях у Врангеля, который праздновал годовщину своей свадьбы. Все было спокойно. Атаман предполагал доѣхать до Токмака и затѣм отправиться к командиру Донского корпуса на праздник лейб-казачьяго гвардейскаго полка. Из Мелитополя он послал в полк записку с мотоциклистом, гдѣ сообщал, что будет у лейб-казаков 14-17 октября. Мотоциклист с этой запиской попал в плѣн к красным, дѣлавшим набѣг, и этим, в значительной мѣрѣ, об'ясняются послѣдующія событія. Двигаясь на Мелитополь, красные круто повернули к сѣверу на Токмак, по дорогѣ захватили обоз лейб-казачьяго полка с запасами вина и водки, которыя везлись на праздник. Один из офицеров, находившихся в обозѣ, убѣжал от большевиков, проскакал 30 верст и по телефону предупредил Токмак об опасности. Атаман, однако, этой телефонограммы во время не получил.

2-15 октября он прибыл в Токмак, откуда рѣшил проѣхать к генералу Абрамову в штаб Донского корпуса. Из штаба сообщили, что дорога безопасна от бродивших в тылу раз'ѣздов красных. Богаевскій рѣшил, однако, переждать до утра.

На станціи, расположенной в сторонѣ от Большого Токмака, в открытом полѣ, все было спокойно.

— Около 6 часов утра, — разсказывал мнѣ Богаевскій,— я вдруг услышал выстрѣлы ружейные и пулеметные и взрыв бомб. Я сейчас же одѣлся, разбудил своих ад'ютантов, и, не зажигая огня, приказал своим 20 конвойцам выйти из вагонов.

Вышли. Стрѣльба становилась все чаще и чаще. В темнотѣ не видно было, кто наступает, но ясно было, что силы у противника значительныя. В это время к атаману подошел офицер, командир охранной роты марковцев.

Что прикажете дѣлать? -- спросил он.

— Занимайте позицію около станціи, — приказал Богаевскій и, пользуясь темнотой, отбивайтесь.

— Я рѣшил, однако, — передает атаман, — что защищаться в поѣздѣ, конечно, не возможно, а потому приказал положить вещи на автомобиль и отойти к селенію Токмак. Чтобы не было шума, автомобили катили на руках, а я пешком шел к деревнѣ. Стрѣльба разгоралась все больше и больше. На площади в деревнѣ я встрѣтил группу казаков, которая

была собрана из отставших одиночек, и под командой генерала Герасимова должна была отбиваться от красных.

— Я вошел в дом Герасимова, чтобы посмотрѣть на карту и прочесть только что поданную мнѣ телефонограмму. Зажгли свѣчу. Вдруг вокруг дома раздалась неистовая стрѣльба и крики: „ура“. Свѣчу я потушил. В темнотѣ началась страшная суматоха. Выскакиваем на двор. Возлѣ самаго дома кричат: „ура“. Всюду стрѣльба, впрочем, безрезультатная. В темнотѣ я сѣл на автомобиль, в другом помѣстились тѣ, кто был со мной. Не зажигая огней, мы двинулись по улицѣ.

— Проѣхали саженей 200 и вкатились на мост. Автомобиль с разгону занесло и ударило о перила. Кто-то из лежавших впереди своим туловищем разбил стекло, которое порѣзало голову шофферу. В это время раздались страшные крики. На правой подножкѣ, как оказалось, стоял калмыцкій генерал Бузин и мой вѣстовой, казак Исаев. Автомобиль им обоим переломил ноги. Я вылетѣл из автомобиля. За мной выскочили два ад'ютанта — есаул Воинов и войсковой старшина Фолимонов.

— В этот момент на нас налетѣли красные кубанцы, и начали рубить, кого попало. Ожесточенная стрѣльба, страшные крики, стоны, вопли . . . Всѣ сопровождавшіе меня бросились спасаться. Я оказался один с двумя офицерами, и мы свернули на боковую тропинку. Красные казаки помчались дальше на Орѣхов. Положеніе наше было отчаянное: на дворѣ темно, всюду красные, кромѣ револьверов у нас ничего нѣт. Начали пробираться на запад. В пути к нам присоединился один из конвойцев, затѣм еще 3-4 казака. Образовалась группа человѣк в девять. Мы вышли в открытое поле. Я оглянулся на станцію и увидѣл как к небу взлетают вагоны со снарядамы. Так прошли мы около 10 верст. На разсвѣтѣ попали в сосѣднее селеніе, гдѣ был лазарет одной из наших дивизій. Отсюда переѣхали в отряд летчиков. Я обрисовал им общую обстановку, и летчики бросились преслѣдовать красных, которых, как выяснилось, было до 4-х тысяч человѣк.

Приключенія донского атамана на этом закончились. Богаевскій побывал в воинских частях и благополучно возвратился в Севастополь. Это была его послѣдняя поѣздка на фронт. Наступательный порыв донских казаков был уже ликвидирован большевиками. Кратковременный період побѣдоноснаго продвиженія к Дону заканчивался. Нужно было готовиться к рѣшительным боям, так как силы красных, дѣйствовавшія против казаков, быстро увеличивались в численном отношеніи.

В тылу в это время тѣшили себя послѣдними иллюзіями в отношеніи благопріятнаго поворота в общем ходѣ военных

дѣйствій, в отношеніи характера и значенія продолжавшейся борьбы с большевиками. Но безнадежны были перспективы... Безплодны были и попытки фальсификаціи общественнаго мнѣнія. Жалки были старанія таких специфических по своему составу врангелевских и кривошеинских организацій, как например, „Внѣпартійное Совѣщаніе Общественных Дѣятелей„ с князем П. Д. Долгоруковым во главѣ.

В мертвящей скукѣ проходили публичныя собранія, устроенныя этой организаціей. Вяло и апатично произносились там сбивчивыя рѣчи на тему о національном и даже міровом значеніи того дѣла, которое дѣлается в Крыму, о заслугах Врангеля, Кривошеина и т. д. Кричали „ура“ в честь крымскаго диктатора, который часто присутствовал на этих собраніях. Крымскіе министры здѣсь даже прибѣгами к трюкам, к каким на первых порах прибѣгали и члены Совѣта Народных Комиссаров в циркѣ „Модерн“, в Петроградѣ: они выступали с публичными докладами о своей плодотворной государственной работѣ.

По существу все это было жалким очковтирательством, и наиболѣе прямолинейные министры, вродѣ министра земледѣлія Глинки, не скрывали своего отвращенія к таким выступленіям, откровенно сознаваясь, что приходится, мол, исполнять приказ Врангеля.

Послѣднія попытки дѣлают и представители казачества, чтобы осмыслить свое пребываніе в Крыму, вдохнутъ жизнь в свои вырождавшіеся, окончательно зачахшіе государственные органы.

Еще раньше, когда Врангель двинулся-было на сѣвер и казаки подходили к Дону, члены Донского Войскового Круга, находившіеся в Евпаторіи, пытаются напомнить о своем существованіи и проявить политическую активность. Евпаторійская группа быстро пополнялась тѣми депутатами, которые пріѣзжали с острова Халки, из Константинополя. Донскіе парламентаріи спѣшили в Крым, ибо в Евпаторіи их считали дезертирами, и даже поднялся вопрос о лишеніи бѣженцев депутатских полномочій.

Члены Круга были настроены весьма оппозиціонно к атаману и правительству в отношеніи их хозяйственной дѣятельности, устройства и защиты интересов бѣженцев в Крыму и за границей, а также в отношеніи общаго политическаго курса в смыслѣ недостаточнаго выявленія казачьяго лица. Депутаты считали, что казаки в Крыму имѣют достаточно крупный удѣльный вѣс, а потому нельзя оправдать слишком больших уступок главному командованію, уступок, не вызывавшихся обстановкой и необходимостью.

Недовольство соглашательской политикой атамана и пра-

вительства вылилось в форму рѣзкаго конфликта между евпаторійской группой членов Круга и генералом Богаевским. Отношенія обострились до таких предѣлов, что депутаты на своем совѣщаніи даже вынесли атаману вотум недовѣрія, и пред'явили Богаевскому ряд требованій, в том числѣ о немедленном созывѣ Круга, о реорганизаціи правительства и т. д.

Атаман считал совершенно не закономѣрными дѣйствія этой группы и ея выступленія не допустимым вмѣшательством в сферу его компетенціи и атаманских прерогатив. Тогда группа обратилась непосредственно к Врангелю, как бы с жалобой на атамана, прося его с своей стороны дать разрѣшеніе и оказать содѣйствіе к созыву Круга. Частным образом со стороны этой группы были даже предприняты болѣе рѣшительные шаги, вплоть до предложенія атаману уйти в отставку. Врангель принципіально не встрѣтил с своей стороны препятствій к созыву Донского Круга, но окончательный отвѣт обѣщал дать послѣ бесѣды с атаманом. С своей стороны, он поставил лишь одно условіе: — чтобы дѣятельность Донского Круга выражалась исключительно в разрѣшеніи вопросов чисто донских, казачьих и не касалась-бы общей политики и фронта, и чтобы засѣданія Круга были закрытыми.

Что-же касается атамана, то, ознакомившись с желаніями евпаторійскаго совѣщанія, он категорически заявил, что своей булавы никому не сдаст, и отчет даст только Войсковому Кругу на Дону. Здѣсь-же, в Крыму, принимая во вниманіе обстановку, он не находит возможным слагать полномочія. На предложеніе евпаторійской группы пріѣхать в Евпаторію и дать отчет, он отвѣтил отказом, потребовав представленія ему в письменной формѣ постановленій, касающихся возникшаго конфликта. В этом ему было отказано. Члены совѣщанія постановили, чтобы атаман пріѣхал в Евпаторію для личнаго обмѣна мнѣніями и разрѣшенія конфликта.

Атаман поѣхал. В результатѣ, послѣ переговоров и обмѣна мнѣніями, произошло примиреніе. Рѣшено было немедленно созвать Донской Войсковой Круг и реконструировать правительство.

Этим дѣло не кончилось. Каждая из сторон, видимо, почувствовала, в какой грязной тинѣ сплетен и интриг она барахтается. Всѣ начали испытывать глубокій стыд перед войском. Каждая из сторон признала свои дѣйствія не только не правильными, но и компрометирующими, тѣм болѣе, что у всѣх перед глазами были факты того разложенія, которое наблюдалось среди кубанцев и злорадства врагов идеи народнаго представительства вообще и казачьяго, в особенности.

Рѣшено было примѣнить радикальныя мѣры, чтобы уничтожить всякіе слѣды этой грязи.

— Сжечь всѣ документы по поводу конфликта, — таково было постановленіе совѣщанія.

Документы были сожжены.

Незадолго до своей послѣдней поѣздки на фронт, 3-го октября (20 сентября) атаман отдал приказ слѣдующаго содержанія:

— Президіум Войскового Круга Всевеликаго Войска Донского, на основаніи постановленія Войскового Круга от 26 февраля 1920 года и с согласія Верховнаго Главнокомандующаго Вооруженных Сил Юга Россіи, опредѣлил: прерванную в г. Екатеринодарѣ сессію Круга возобновить и назначить очередное засѣданіе Круга на 4-е октября ст. ст. 1920 г. в г. Евпаторіи.

— Объявляя о сем Всевеликому Войску Донскому, приказываю всѣм военным и гражданским начальствующим лицам Донского Войска поставить в извѣстность о таковом постановленіи президіума Круга всѣх находящихся в их районах членов Донского Войскового Круга.

У кубанцев дѣла с каждым днем шли все хуже и хуже. Феодосійская Рада не признавала Иваниса атаманом. Атаман не признавал Раду. Кубанцы интриговали, обвиняя друг друга во всѣх смертных грѣхах, забѣгая с задняго крыльца в ставку, обхаживая Врангеля, Шатилова и Кривошеина.

Эти послѣдніе принимали Иваниса и тѣх, для кого самая фамилія Иваниса была одіозной и совершенно непріемлемой. Иванис уходил в одни двери, его противники входили в другія. В разговорах с Иванисом Врангель ругал Фендрикова, Скобцова; Фендрикову он ругал Иваниса.

Так поддерживалась и питалась внутренняя рознь в средѣ кубанцев.

Сам Врангель ссылался на затруднительное положеніе ставки в запутанном кубанском вопросѣ.

— Еще тогда, когда была выдвинута на пост кубанскаго атамана кандидатура Улагая, — разсказывал он мнѣ, — Иванис явился в ставку и просил поддержать его. Я оказал ему поддержку но в то же время сказал:

— Положеніе мое затруднительно. Я не могу вас не признавать, так как вы подписали договор, как кубанскій атаман. Но, в то же время, я не могу игнорировать и тот факт, что с вами не хотят разговаривать войска. Как же выйти из этого положенія?

В отвѣт на это Иванис, по словам Врангеля, заявил, что он вполнѣ понимает сложность создавшейся обстановки. Он про-

тестует, однако, против незаконнаго избранія Улагая, так как Феодосійская Рада не имѣет законнаго кворума.

— Можно ли получить этот кворум? — спросил Врангель.

— Да, — отвѣчал Иванис, но для этого должны пріѣхать в Крым тѣ члены Рады, которые находятся в Грузіи, что возможно лишь в том случаѣ, если им будет гарантирована полная неприкосновенность.

— Я сказал Иванису, — разсказывает Врангель, — что не принадлежу к большевикам, которые сводят личные счеты. Если члены Рады пріѣдут в Крым, им будет гарантирована полная неприкосновенность...

На этом разговор закончился. Положеніе продолжало оставаться безвыходным. Нужно было, что либо дѣлать. Вот здѣсь-то по инициативѣ терцев возникает проэкт об образованіи единаго кубано-терскаго правительственнаго органа с одним выборным атаманом. Этой точки зрѣнія придерживаются и тѣ кубанцы, которые группировались вокруг добивавшагося власти Скобцова, и, относясь отрицательно к дѣятельности „фендриковской" Рады, в то же время считали, что дальнѣйшее пребываніе у власти Иваниса дискредитирует кубанское казачье войско.

В результатѣ, терско-кубанская делегація, куда вошли: Скобцов, Филимонов, Негодный и Федюшкин, — отправилась в Севастополь к терскому атаману генералу Вдовенко, чтобы сообщить ему о таком рѣшеніи. Вдовенко, однако, отнесся отрицательно к такому проэкту. Категорически запротестовал против него и Иванис...

Всѣ попытки выйти из создавшагося положенія не дали никаких результатов.

ГЛАВА X.

АГОНІЯ КРЫМА.

В началѣ октября, по случаю полугодичнаго юбилея Крыма Врангель отдал пространный приказ, в котором подводил итоги дѣятельности командованія и правительства в областях — военной, политической и международной.

В приказѣ указывалось, что за время с 25 мая по 1 октября арміей взято около 75.000 плѣнных, до 360 орудій, 30 бронеавтомобилей, 20 бронепоѣздов, около 1000 пулеметов, нѣсколько тысяч лошадей и много другой военной добычи.

Армія и флот, по словам приказа Врангеля, блестяще выполнили первую часть намѣченнаго плана и пріобрѣли любовь и уваженіе населенія.

В области политических отношеній обезпечено взаимное пониманіе и заключены братскія соглашенія между правительством юга Россіи и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

Налаживаются дружескія связи с Украйной. С Дальняго Востока откликнулся атаман Семенов, добровольно подчинившійся политическому руководству главнаго командованія, как всероссійскому.

За это же короткое время достигнуто признаніе власти правительства юга Россіи со стороны дружественной Франціи, сдѣлан первый шаг к возвращеніи Россіи в семью культурных европейских держав.

Приказ этот отдавался тогда, когда совершенно очевидно было, что, в лучшем случаѣ, крымскіе верхи могли разсчитывать на тяжелое отсиживаніе за перешейками. О том, что будет в худшем случаѣ, об этом не только говорить, но и думать боялись.

А создавшаяся в Крыму осенью 1920 года обстановка наводила на самыя грустныя размышленія.

Одушевленные признаніем крымскаго правительства Франціей, воспламененные успѣхами поляков, загипнотизированные радужными перспективами реставраціи, к Крыму отовсюду тянутся представители старой Россіи. Их всѣх принимают здѣсь с распростертыми об'ятіями. Имена ближайших сотрудников и

единомышленников Столыпина, обломков русской реакціи, переплетаются с именами Бернацкаго, Струве, Махно и Володина, Бурцева и Климовича.

Все это именуется „единым антибольшевистским фронтом".

Ни о каком таком фронтѣ в Крыму не могло быть и рѣчи, тѣм болѣе теперь, когда во всей своей неприглядности выявлялись результаты „лѣвой политики", дѣлаемой „правыми руками", результаты многомѣсячной работы по созданію такого порядка, таких условій жизни, которыя, как говорил Врангель, „потянули бы к себѣ всѣ помыслы и силы стонущаго под красным игом народа".

Безотрадны были эти порядки, невыносимо тягостны были условія жизни в Крыму. Особенно ярко бросалось это в глаза тѣм, кто, находясь под впечатлѣніем радужных оффиціальных сообщеній, пріѣзжал в Крым из-заграницы. Вот как разсказывает, например, о своем первом столкновеніи с крымской дѣйствительностью член донского правительства Васильев.

— Когда я пріѣхал в октябрѣ мѣсяцѣ из Константинополя в Севастополь, то сразу же напоролся на контр-развѣдку. Схожу с парохода и направляюсь в город. Вдруг передо мною появляется какой-то суб'ект, и предлагает мнѣ отправиться в контр-развѣдку. Несмотря на мои указанія, что я — член Донского правительства, несмотря на пред'явленные документы, — суб'ект продолжает настойчиво требовать, чтобы я пошел за ним. К счастью мимо проходил жандармскій ротмистр. Он подошел разобрать инцидент, просмотрѣл мои документы и, извинившись, отпустил меня. Позже, одна из моих знакомых, арестованная в это время контр-развѣдкой, слышала, как агенты охранки весьма сожалѣли о том, что „к Васильеву не за что было придраться".

— Меня это сразу-же страшно поразило, — добавляет Васильев. Не оставалось сомнѣній, в какое темное царство, царство произвола и насилія я попал. Каждый сыщик, не считаясь ни с чѣм, мог вас задержать, отправить в контр-развѣдку, которая по характеру своей дѣятельности мало чѣм отличалась от „чрезвычайки".

Техника политическаго сыска была доведена в Крыму до высокой степени совершенства. Не достаточно уже было того, что тыл и фронт были насыщены агентами охранки. В нѣкоторых случаях населеніе теперь оффиціально приглашается к анонимным доносам. Сами же контр-развѣдчики чувствуют себя прямо всемогущими.

Приказы Врангеля о высылкѣ в Совѣтскую Россію за разныя преступленія, главным образом политическія, об амнистіи добровольно перешедшим со стороны большевиков, на практи-

къ сводились к разстрѣлам высылаемых, к арестам и тюремному заключенію для перебѣжчиков Высылка в Совѣтскую Россію была замаскированной смертной казнью. Как пропускали через фронт, об этом можно судить по слѣдующему разговору генерала Кутепова с начальником Марковской дивизіи генералом Третьяковым в присутствіи генерала Писарева.

— Неужели вы их дѣйствительно пропускаете? — спросил генерал Кутепов.

— То есть мы их не пропускаем, а только немного отпускаем, — поправил, краснорѣчиво улыбаясь, генерал Третьяков.

— Ну, так и нужно, — одобрил Кутепов.

Тюрьмы в Крыму, как раньше, так и теперь, были переполнены на двѣ трети обвиняемыми в политических преступленіях. В значительной части это были военнослужащіе, арестованные за неосторожныя выраженія и критическое отношеніе к главному командованію. Цѣлыми мѣсяцами, в ужасающих условіях, без допросов и часто без пред'явленія обвиненій, томились в тюрьмах политическіе в ожиданіи рѣшенія своей участи.

Обыски и аресты, в особенности среди антибольшевистски настроенных рабочих, принимали характер какой-то вакханаліи. Аресты производились чаще всего под предлогом сочувствія большевикам, причем это сочувствіе выражалось, напримѣр, в том, что рабочіе жаловались на дороговизну, на невозможныя условія существованія. Профессіональные союзы ожесточенно преслѣдовались. Создалось в концѣ концов прямо невыносимое положеніе и на рабочих конференціях дебатировался вопрос об оффиціальном самоупраздненіи всѣх союзов. Мотивировалось это тѣм, что самый факт существованія рабочих организацій дает контр-развѣдкѣ постоянный богатый матеріал для вылавливанія своих жертв.

Озлобленно преслѣдовались и кооперативы, которые являлись могущественными конкуррентами крымским хищникам-спекулянтам, в числѣ которых были и лица, занимавшіе высокіе административные посты, вплоть до министерских. Крымскіе кооперативы в концѣ концов подверглись жесточайшему разгрому под тѣм предлогом, что у них существует, мол, связь с совѣтскими кооперативными организаціями.

Имуществом, судьбой и даже жизнью в Крыму распоряжались взяточники, грабители, мошенники и бандиты, об'единявшіеся в организаціи, именуемыя контр-развѣдкой.

— Я не отрицаю того, что она на три четверти состояла из преступнаго элемента, — такой отзыв о крымской контрразвѣдкѣ дал в бесѣдѣ со мной Врангель.

— Но в то же время, — говорил он, — меня возмущают несправедливые нападки на генерала Климовича. Он был только хорошим техником сыска, техником своего дѣла. Большеви-

ки, или тѣ, кто сидя в Прагѣ, (с. р. группировавшіеся вокруг „Воли Россіи"), вынес рѣшеніе „бороться с авантюрой Врангеля", только они могли придавать приглашенію Климовича политическое значеніе. Травля Климовича исходила из Праги . .

Крымскіе Климовичи и Будаговскіе вылавливали преступников. Крымскіе суды карали за преступленія.

— Я знаю эксцессы царскаго суда. Знаю, что такое красный суд. В Крыму же суд был „бѣлый" . . .

Трудно добавить что нибудь к этой краткой, но выразительной характеристикѣ крымскаго суда, сдѣланной в разговорѣ со мною извѣстным защитником по политическим дѣлам, присяжным повѣренным Кобяковым, имѣвшим возможность детально ознакомиться с „бѣлым судом" в Севастополѣ.

Если читать только приказы Врангеля, то можно, дѣйствительно, подумать, будто правосудіе и правда царили в крымских судах. Но это был только на бумагѣ.

— В дѣйствительности, — утверждают находящіеся нынѣ за границей весьма отвѣтственные чины судебнаго вѣдомства, состоявшіе на службѣ в Крыму, — всѣ гражданскіе суды играли в Крыму, ничтожную роль. Судебныя-же учрежденія военнаго вѣдомства были фактически вывѣской для публики, для общественнаго мнѣнія, но никакой существенной роли в насажденіи правосудія не играли. Такое положеніе создалось отнюдь не по винѣ представителей этих учрежденій, а единственно вслѣдствіе опредѣленнаго отношенія к ним высшаго начальства, с котораго брало примѣр и низшее, с благословенія, конечно, того же высшаго начальства.

Лучше всего в этом можно было убѣдиться на примѣрѣ военно-судных комиссій. (Наряду с корпусными и военно-полевыми судами, при каждой дивизіи и при каждом штабѣ корпуса существовала и военно-судная комиссія для борьбы с грабежами и насиліями, как на фронтѣ, так и в тылу).

Как только появились эти комиссіи на фронтѣ, всѣ начальники, начиная с командующаго арміей Кутепова, и его начальника штаба Достовалова, дружно стали на борьбу с комиссіями, заявляя открыто, что они их „не переваривают", что они „мѣшают войскам в их работѣ", что судныя комиссіи и прочая "тыловая мразь" им не нужны и т. д.

При таком отношеніи высших начальников, естественно, что работа членов комиссіи была сведена к нулю, так как им не давали средства к передвиженію, положенных по штату людей и т. д. Такіе же генералы, как начальник Корниловской дивизіи Туркул и Дроздовской — Скоблин просто не подпускали к себѣ близко членов этих комиссій.

В результатѣ, комиссіи фактически почти никого не судили,

а если и судили, то приговоры их не приводились в исполненіе. Обо всем этом было извѣстно Врангелю по донесеніям предсѣдателей комиссій и начальников судных частей всѣх корпусов.

Главную роль в Крыму и, в особенности, в арміи играли военно-полевые суды. При каждом полку, например, был военно-полевой суд, который судил воинских чинов арміи, плѣнных красноармейцев, населеніе. Его компетенція простиралась фактически на всѣ пресупленія, предусмотрѣнныя как гражданскими, так и военно-уголовными законами.

Здѣсь за всѣ преступленія выносились, главным образом, два приговора — разстрѣлять, или оправдать. Военно-полевые суды свирѣпствовали в тылу. Свирѣпствовали они и на фронтѣ и в завоеванных областях.

Людей разстрѣливали и разстрѣливали... Еще больше их разстрѣливали без суда. Генерал Кутепов прямо говорил, что „нечего заводить судебную канитель, разстрѣлять и... все“...

О независимости суда в Крыму говорить не приходится. Достаточно сказать, что по цѣлому ряду дѣл имѣлись резолюціи Врангеля, которыя связывали суд по рукам и по ногам и предрѣшали приговор.

— Передать дѣло в военно-полевой суд, — пишет, напримѣр, Врангель, — и проявить наибольшую суровость для назиданія другим.

Приказы редактируются безграмотно. На практикѣ это приводило к тому, что жизнь человѣческая ставилась ни в грош.

Неоднократно общественныя организаціи, как, напримѣр, городскія думы, протестуют против военно-полевых судов, против вакханаліи смертных приговоров. Но эти протесты на практикѣ оставались гласом вопіющаго в пустынѣ.

В то время, когда в Крыму с таким стараніем и заботливостью культивировался сыск во всѣх его родах и видах, когда за минимальныя преступленія грозили драконовскія кары, — в это же время в гражданских и военных органах управленія, среди высших чинов администраціи, совершенно безнаказанно изо дня в день происходили у всѣх на виду грандіозныя хищенія, творилась невообразимая вакханалія взяточничества, совершались подлоги и т. д. Взятки брали почти всѣ, от низших до высших. Взяткой никто не брезгал. Разница была только в цифрах: один брал меньше, другой—больше. Законным путем почти ничего нельзя было добиться. Какіе бы, напримѣр, строгіе приказы о запрещеніи вывоза ни отдавались, опытные люди обходили их без всяких рѣшительно затрудненій. Воровали всѣ. Не воровал только тот, кто уж никак не мог этого дѣлать, или был исключительным по честности человѣком.

— Взятки в Крыму давали обыкновенно непосредственно,

— разсказывал мнѣ один из крупнѣйших крымских подрядчиков. Я и раньше давал взятки, чтобы чиновники не тормозили при полученіи ассигновок, но никогда я не видѣл ничего подобнаго тому, что дѣлалось в Крыму. Я с 1900 года работаю по поставкам на армію, но с таким взяточничеством я столкнулся впервые. К примѣру сказать, в управленіи Налбандова взятки открыто брали даже начальники отдѣленій...

Правящіе круги не имѣли никакой связи с широкими массами населенія Крыма и Сѣверной Тавріи. Народ чуждался того дѣла, к которому безуспѣшно то уговорами, то безпощадными репрессіями пытались привлечь его. Воевать с большевиками в рядах бѣлых крестьянство не желает. Населеніе чуть ли не поголовно уклоняется от мобилизаціи и уходит к зеленым. Зеленоармейское движеніе развивается до таких предѣлов, что „зеленовцы" серьезно угрожают крупным пунктам, как Евпаторія, Ялта, Феодосія.

Характерной особенностью зеленоармейскаго движенія в Крыму было желаніе отдохнуть, уйти от какой бы то ни было войны.

— Довольно, надоѣло, сил больше нѣт, — говорили крестьяне.

Теперь в связи с надвигающейся катастрофой, зеленоармейщина выливается в форму желанія соблюдать нейтралитет в борьбѣ красных и бѣлых. В Крыму движеніе зеленоармейцев, в противоположность тому, что наблюдалось и наблюдается на Черноморьѣ, не имѣло идейнаго содержанія, не носило такой яркой политической окраски и не отличалось в этом отношеніи активностью. Зеленоармейцами здѣсь были, главным образом, дезертиры, не желавшіе идти на фронт и сражаться. Никаких политических и военных цѣлей они не преслѣдовали, тогда как воинственные черноморскіе зеленоармейцы воевали не только с бѣлыми, но и с красными, и являлись сторонниками широкаго народоправства.

Количество зеленоармейцев увеличивалось с каждым днем. Не помогали здѣсь ни безпощадныя репрессіи, ни конфискаціи имущества дезертиров, ни практиковавшаяся теперь система заложничества, когда вмѣсто уклонившихся по набору брали одного из родственников, а остальных отправляли в тюрьмы. В числѣ „зеленовцев", сидѣвших в тюрьмах, было много женщин и дѣвушек, ограбленных до нитки, часто изнасилованных, избитых шомполами и прикладами...

Центрами зеленоармейскаго движенія были горныя мѣстности. Горное татарское населеніе, враждебно относившееся к врангелевцам, оказывало зеленоармейцам мощную поддержку, тѣм болѣе, что мусульманскіе нравы исключали возможность

выдачи лиц, находившихъ у нихъ убѣжище. Репрессіи ожесточают „зеленовцев“. Симпатіи их склоняются на сторону большевиков, которые пользуются этим и начинают помогать повстанцам матеріально. У зеленых появляется уже свой руководитель, — адьютант бывшаго командующаго Добровольческой арміей генерала Май-Маевскаго капитан Макаров.

Борьба с зеленоармейцами не сулила ничего хорошаго, потому что они хорошо знали мѣстность и с успѣхом отражали мелкіе отряды государственной стражи, чины которой и сами были далеко не безупречны в отношеніи пополненія рядов зеленых.

Опасность усиленія зеленоармейскаго движенія дѣлается столь серьезной, что в ставкѣ по этому поводу устраиваются спеціальныя совѣщанія, причем генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующаго Коноваловым высказывается мнѣніе, что дальнѣйшее игнорированіе этого движенія угрожает самому существованію Крыма. В руководящих военных кругах уже идут разговоры о необходимости направить для борьбы с зелеными всю Вторую армію, которой теперь командовал донской генерал Абрамов, чтобы огнем и мечем пройти по горным деревням и раз навсегда ликвидировать всякія повстанческія и дезертирскія скопленія. Чтобы дальше держаться в Крыму, нужны были радикальныя мѣропріятія, ибо, помимо всего прочаго, благодаря зеленым, была теперь парализована всякая заготовка дров для желѣзных дорог и для городов. Заготовленныя же дрова уничтожались зелеными. Это угрожало теперь полным прекращеніем желѣзнодорожнаго сообщенія и катастрофическим топливным кризисом в городах.

А между тѣм, в оффиціальном освѣщеніи все обстоит великолѣпно. Всѣ высказывают полную увѣренность в успѣхѣ борьбы, проповѣдуют бодрость и спокойствіе. Однако, болѣе внимательному наблюдателю сразу же ясно было, что все это искусственно, все раздуто и внутреннее настроеніе даже представителей правящих кругов не соотвѣтствует внѣшнему его выраженію.

Казалось, что массы служилаго люда, буржуазіи, интеллигенціи были как бы воспитаны, загипнотизированы главным командованіем в желаніи обманывать не только других, но и себя радужными перспективами, говорить о том и высказывать мысли явно противоположныя тѣм, которыя каждый носил в глубинѣ своей души...

Это особенно бросалось в глаза в Севастополѣ. Город был перегружен до послѣдних предѣлов... Улицы — переполнены фланирующей публикой. Преобладают спекулянты, аферисты и... военные, в особенности гвардейцы... На лицах — оживленіе.

Всѣ чего то ищут, о чем то спрашивают. С внѣшней стороны все, как будто бы, спокойно. Но, когда присмотришься к ним поближе, прислушаешься к разговорам, отдѣльным фразам и словам, — то сразу же обнаруживаешь полную неувѣренность в успѣхѣ борьбы, неувѣренность в завтрашнем днѣ. Каждый, казалось, думал, как бы поскорѣе удрать заграницу, как бы достать заграничный паспорт, валюту. Это было лейт-мотивом всѣх разговоров и бесѣд.

На улицах Севастополя можно было встрѣтить много извѣстных генералов, бывших вождей, героев, прославленных, отмѣченных. Они производили теперь впечатлѣніе самых заурядных обывателей. Как будто-бы они и не были вождями, и не вели за собой массы, народ. Теперь они точно вылиняли, превратились в средних граждан. И среди них, как и среди остальной массы, все тѣ же разговоры — о заграницѣ, о валютѣ, о том, как бы заработать на том или другом выгодном дѣлѣ. А между тѣм все это были испытанные вожди, которые водили за собою солдат и казаков, которые жертвовали собою, не щадили и в борьбѣ за идею своей жизни. Теперь они так же, как и рядовое офицерство, толкались по улицам, вели самые праздные, самые безпринципные с точки зрѣнія великой идеи, — борьбы за возсозданіе Россіи — разговоры.

От учрежденій при самом бѣглом знакомствѣ с ними получалось грустное впечатлѣніе. Во всем проглядывала полная безсистемность, вездѣ проскальзывала полная бездѣятельность, всюду наблюдалось полное отсутствіе вѣры в свое дѣло. Невольно приходилось задумываться и сравнивать с недавним прошлым, хотя бы даже с учрежденіями Особаго Совѣщанія, Донского и Терскаго правительств. Там была извѣстная стройность, послѣдовательность. Работа велась по извѣстному плану — хорошему или дурному — другой вопрос. Здѣсь, в Крыму, этого не чувствовалось. Полная разрозненность, неопредѣленность, безпринципность, безсистемность, сквозили на каждом шагу. Создавалось впечатлѣніе ужасающаго бюрократизма, канцелярщины, чисто механической работы как бы внѣ времени и пространства...

Нерв общественной и политической жизни в Крыму — печать — был парализован. Система, которая практиковалась в отношеніи печати, развращала, деморализовала ее. Она заключалась в том, что правящіе круги путем цензуры, путем всякаго рода административных воздѣйствій, репрессій, совѣщаній — стремились вогнать печать в такое русло, чтобы при абсолютном отсутствіи элементарной свободы слова, она все же имѣла вид независимой печати. В оффиціальных кругах с этой

цѣлью все время распространялись слухи о том, что цензура в ближайшем будущем отмѣняется. Одновременно с этим, путем огромнаго количества всяких инструкцій, предписаній, распоряженій, совѣтов и предупрежденій, был установлен непреложный порядок, при котором всякая газетная строка проходила цензуру, произвол которой не знал границ.

Правящіе круги входили в самую технику печатанія газеты, причем представители власти брали на себя даже обязанности ментранпажа, дабы читатель никоим образом не мог догадаться о тѣх манипуляціях, которыя произведены над газетой. Органам печати запретили, напр., оставлять бѣлыя мѣста, помѣщать об'явленія там, гдѣ прошла цензура. Болѣе или менѣе интересныя статьи и информаціонныя замѣтки, касавшіяся отдѣльных вѣдомств, отправлялись цензурой на просмотр начальникам этих вѣдомств.

Журналистам, как в старыя времена, прямо заявляли:

— Если по какому либо вопросу не издан приказ главнокомандующаго, — значит говорить об этом несвоевременно. Если издан — лучше его никто не скажет.

Часто не разрѣшалось не только критика приказов Врангеля, но и об'ективное раз'ясненіе их. А приказы эти издавались в невѣроятном изобиліи. Не даром же в редакціях говорили, что самым дѣятельным сотрудником крымских газет был сам Врангель. И все это дѣлалось так, чтобы, повторяю, создать какую-то видимость свободной печати, к которой в дѣйствительности был примѣнен чисто большевистскій метод. Не удивительно, что печать не столько отражала жизнь, сколько извращала ее. Заграничный русскій читатель мог получить по крымским газетам маленькое понятіе о дѣйствительной обстановкѣ, не по тексту, а по об'явленіям. Для будущаго историка крымскія газеты не представляют собою никакой цѣнности.

Честная, свободная журналистика буквально задыхалась в этой атмосферѣ сплошного издѣвательства над свободным словом. Невыносимо тягостное положеніе отягощалось еще матеріальной, в частности „бумажной" зависимостью газет от правительства, к которому, таким образом, как бы поступали на службу журналисты. В Крыму окончательно выкристаллизовался тот законченный тип осважнаго журналиста, который зародился в період существованія Отдѣла Пропаганды Особаго Совѣщанія при Деникинѣ (пресловутый „Осваг"). Эта журналистика, находившаяся на откупу у правительства, играет руководящую роль. Наиболѣе видные ея представители являются одновременно и журналистами, и агентами — освѣдомителями правительственных учрежденій.

Система замалчиванія истины имѣла двѣ цѣли — скрыть от фронта и широких масс истинное положеніе вещей, и втереть очки за границей.

— Вы совершенно не учитываете обстановки, — раз'яснял Врангель журналистам. Когда вы помѣщаете в газетах мелкую замѣтку о наших непорядках, вы не учитываете того, как она воспринимается за границей. Там вѣдь все раздувается до послѣдних предѣлов.

В конечном итогѣ, чтобы окончательно обезопасить себя со стороны газет, Врангель в октябрѣ мѣсяцѣ отдает слѣдующій приказ:

— За послѣдніе дни в рядѣ органов печати появляются статьи, изобличающія агентов власти в престу ных дѣйствіях, неисполненіи моих приказов и т. д. При этом большею частью пишущіе указывают, что долг чести русских людей помогать в моем трудном дѣлѣ, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д.

— Приказом от 12-25 сентября с. г. за номером 3626 учреждена комиссія высшаго правительственнаго надзора, куда каждый обыватель имѣет право принести жалобу на любого представителя власти с полной увѣренностью, что жалоба дойдет до меня и не останется неразсмотрѣнной. Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим, дѣйствительно, помочь общему дѣлу. Огульную же критику в печати, а равно и тенденціозный подбор отдѣльных проступков того или другого агента власти об'ясняю не стремленіем мнѣ помочь, а желаніем дискредитировать власть в глазах населенія, и за такія статьи буду взыскивать, как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет.

Характерно, что в то же время Врангель не отрицал ужаснаго положенія печати, с презрѣніем отзывался о „бездарных" крымских журналистах, служивших ему „вѣрой и правдой", сваливая вину на цензоров и на то, что он никак не может отдѣлаться от наслѣдія, полученнаго им от „Освага". Он сам разсказывал мнѣ о том, как цензура вычеркнула однажды его оффиціальную рѣчь, как „слишком революціонную". Та же цензура, по его словам, забраковала замѣтку, лично составленную Кривошеиным, ссылаясь на то, что она „подрывает существующій государственный порядок" и т. д.

Грозные симптомы надвигавшейся катастрофы особенно ярко проявлялись в области финансовой. Катастрофическое паденіе курса рубля ставило Крым прямо в безвыходное положеніе. Астрономическія цифры никого уже не изумляли. Достаточно сказать, что вмѣсто копейки в Крыму мелкой размѣнной

монетой был денежный билет пятьсот рублеваго достоинства, за который было трудно купить даже фунт хлѣба.

— Для того, чтобы защищать ту территорію, — об'ясняет генерал Врангель, — которая была мною занята, мнѣ приходилось имѣть армію со всѣми тыловыми учрежденіями, лагерями военноплѣнных, военноучебными заведеніями, — всего около 300.000 человѣк. Из них на фронтѣ было тысяч пятьдесят, в военных лагерях около восьмидесяти тысяч, и около тридцати тысяч раненых. Для содержанія этой массы рессурсы страны были ничтожны. К тому же, у нас не было никаких фондов, никаких естественных богатств, которые могли бы нам облегчить заем... Все время мы существовали исключительно на вывоз хлѣба...

Финансовое положеніе Крыма было безнадежным. Уже в концѣ сентября начальник управленія финансов, профессор Бернацкій, пытался успокоить общественное мнѣніе тѣм, что „не слѣдует пугаться цифры в 250 милліардов, в которой выразился дефицит годового бюджета текущаго года“. Крымскіе финансисты теперь находились в тупикѣ, из котораго не было выхода.

Правительство в октябрѣ мѣсяцѣ прибѣгает к экстраординарной мѣрѣ. На финансовое совѣщаніе в Крым приглашаются со всѣх сторон свѣта виднѣйшіе представители русской буржуазіи, крупнѣйшіе финансисты и промышленники: Барк, Рябушинскій, Гурко, Вышнеградскій, Иванов, Денисов, Каминка, Давыдов, Третьяков, Бурышкин и др.

В Севастополѣ начинается ряд торжественных засѣданій экономическаго совѣщанія. Предполагалось, что с'ѣхавшіеся на это совѣщаніе капиталисты не только разберутся во всѣх болячках финансового положенія, поставят правильный діагноз, укажут пути и средства избавленія Крыма от финансовой разрухи, но и лично примут активное участіе в работѣ по экономическому возрожденію и оздоровленію антибольшевистской территоріи Россіи. Предполагалось также, что своими предпріятіями, капиталами они дадут возможность правительству заключить внѣшній заем.

В дѣйствительности, члены совѣщанія проявили чисто разсудочное отношеніе к моменту и разсматривали всѣ вопросы исключительно с точки зрѣнія технической. Нужно отдать им в этом отношеніи справедливость — совѣщаніе по косточкам разобрало финансовую систему и всю экономическую политику крымскаго правительства. В конечном итогѣ политика Бернацкаго на совѣщаніи была разбита в пух и прах. Такая же участь постигла и Налбандова, хотя роль его в данном случаѣ была, конечно, второстепенной и меньшаго значенія, чѣм роль Бер-

нацкаго, у котораго был уже окончательно подготовлен довольно детально разработанный план финансовой реформы путем девальваціи русскаго рубля через введеніе в обращеніе новых денежных знаков, заготовленных в Англіи еще во время Деникина. Этот план девальваціи был раскритикован и отвергнут почти единогласно.

В результатѣ Бернацкій провалился и подал в отставку. Отставка его была принципіально принята, но фактически он оставался в составѣ правительства на своем посту. Об'яснялось это, повидимому, тѣм, что из многочисленных финансовых фигур, присутствовавших на совѣщаніи, не нашлось ни одного члена его, который бы согласился замѣнить собою Бернацкаго.

Члены совѣщанія в своей совокупности производили довольно странное впечатлѣніе. Казалось, что пріѣхали не русскіе Минины, как ожидали в Крыму, а какіе то посторонніе люди, эксперты, техники. С'ѣхались, устроили консиліум, произвели экспертизу, тщательно и добросовѣстно отнеслись к анализу обстановки. С полной очевидностью выявили всю несостоятельность экономической и финансовой политики правительства. Одним словом, поставили точку над „і". Поставили и . . . только . . .

Горько были разочарованы всѣ, кто ожидал какой-нибудь вспышки не только патріотизма, но и финансоваго генія русской промышленности, ожидал, что при возвращеніи за границу русскіе капиталисты взбудоражат финансовые круги, убѣдят их в необходимости оказать Крыму поддержку, выработают способы и средства воздѣйствія на иностранныя финансовыя сферы, — одним словом, примут в той или иной формѣ дѣятельное участіе в устраненіи тягчайшаго положенія, финансоваго кризиса.

Ничего этого не было проявлено. Всѣ уѣзжали с чувством глубокой неудовлетворенности, хотя Кривошеин и Врангель благодарили от'ѣзжавших „за блестящіе результаты работ совѣщанія".

Представители старой русской буржуазіи, уклонившись от предотвращенія банкротства Крыма, к поддержкѣ котораго они на словах, как будто - бы, стремились, и призывали, — еще раз росписались в своем всероссійском банкротствѣ.

Несмотря на внѣшній казенный оптимизм, крушеніе послѣдних попыток правящих кругов Крыма закрѣпиться на новых рубежах не могло самым болѣзненным образом не отразиться на настроеніи тѣх, кто связывал свою судьбу с судьбою стана бѣлых. Безотрадныя перспективы, разочарованіе во всѣх дутых успѣхах Врангеля, озлобленіе против правящих верхов,

против занятой интригами ставки — все это создавало массовую, хотя и инертную оппозицію не только в гражданской, но и в военной средѣ, гдѣ все чаще и чаще за послѣднее время ставился вопрос о необходимости удалить Врангеля.

Все это, в связи с доносившимися из Ялты слухами о монархических демонстраціях в честь Слащева, приводило к выводу, что не только в чисто военной средѣ, но и в правых кругах быстро формируется оппозиція, тѣм болѣе опасная для ставки, что населеніе относилось к Врангелю опредѣленно отрицательно.

Представители правящих кругов с каждым днем теряли свой престиж даже в глазах тѣх, кто их раньше ревностно поддерживал. Правда, с внѣшней стороны, как будто-бы, сохранялась полная лояльность. В виду повсемѣстнаго шпіонажа, критическое отношеніе к правящим верхам чаще всего выражалось краснорѣчивым молчаніем, или жестами, или какими либо междометіями и фугурами умолчанія.

Ставка не замѣчает всего этого. Севастопольская знать занята интригами и закулисной борьбой, которыя поглощают энергію правящих верхов. Сам Врангель в бесѣдѣ со мной так характеризует ту атмосферу, которой была окутана ставка.

— Вокруг меня велось безконечное количество интриг, и все время шла борьба мелких честолюбій, с одной стороны, — крупная политическая компанія — с другой. Эту послѣднюю вели тѣ соціалисты революціонеры, базой для которых являлась Прага. Перваго рода выступленія я или совершенно игнорировал, или безпощадно давил. С представителями партіи с. р. я все время энергично боролся, предавая их военно - полевому суду, высылая их из предѣлов Крыма.

Руководящую роль в Крыму играют крайніе реакціонеры. В тѣсном союзѣ с ними находятся хищники и акулы-аферисты, которые в мутной крымской водѣ получили богатый золотой улов. Больше чѣм когда нибудь теперь пріобрѣтают вліяніе представители черносотеннаго духовенства, которые с осени начинают вести особенно яростную монархическую агитацію. Устраиваются „дни покаянія“ с трехдневным постом. Темная масса электризуется погромными проповѣдями и рѣчами Веніамина, Булгакова, Малахова, членов всяких „Національных Общин“ и т. д. Священники типа Востокова призывают к „дробленію еврейских черепов“. Усиленно распускаются слухи, что в Крым прибывает, дабы вступить на русскій престол, великій князь Михаил Александрович. Одновременно с этим ведется пропаганда в том смыслѣ, чтобы короновали „наиболѣе достойнаго“. А таким „достойным“ и является „болярин Петр“ . . .

Фронтом не интересовались. Раньше, в минувшіе годы гражданской войны и во времена Деникина, когда армія, воодушевлен-

ная идеей освобожденія Россіи и похода на Москву, терпѣла лишенія, преодолѣвала всѣ затрудненія, — тыл держал связь с фронтом, искал наилучших выходов из положенія. В тылу, в кипящем котлѣ политических страстей, выкристаллизовывались планы, методы борьбы, широкими кругами изыскивались пути и средства к осуществленію намѣченных цѣлей. Совсѣм другая картина наблюдалась в Крыму, в особенности в період агоніи. Настоящаго интереса к фронту и органической связи с ним не было и в поминѣ. Всѣ были заражены, в сущности, одной мыслью — удержит фронт противника или не удержит. На фронт смотрѣли чисто с обывательской, шкурной точки зрѣнія, думая, в сущности, только о том, как бы жить за спиной арміи и спокойно заниматься своими дѣлами.

Никакой политической жизни в Крыму не было. В этом отношеніи всюду царила полнѣйшая бездѣятельность и апатія, какая то загнанность и забитость. Находившіеся в тылу не хотѣли и не пытались заниматься политической работой. Политику дѣлал Врангель и его приближенные. Перед печатью, широкими общественными и политическими кругами стояла дилемма — или идти за главным командованіем, или молчать. Общественность была так запугана, что она не имѣла ни малѣйшаго желанія вести работу, хотя бы в подпольѣ. С точки зрѣнія главнаго командованія в Крыму в этом отношеніи царила тишь и гладь, да Божья благодать.

Лишній раз подтверждало, что Крым находится наканунѣ катастрофы и то, что дѣлалось в казачьих политических кругах.

В началѣ октября в Евпаторіи возобновилась сессія Донского Войскового Круга, которая продолжалась вплоть до эвакуаціи. Работа Круга была неблагодарная, безсистемная, безпрограммная, и не носила государственнаго характера.

Когда в Евпаторіи, послѣ продолжительнаго промежутка, собрались члены Круга, то сразу же обнаружилось, что, как бы инертно, по обывательски ни относились донскіе парламентаріи к событіям, однако, они не прошли безслѣдно и наложили свой отпечаток на общую политическую физіономію Круга, в частности, способствовали появленію новых политических теченій.

В Евпаторіи можно было наблюдать чрезвычайно любопытныя, первыя за все время существованія казачьих парламентов попытки нѣкоторых лиц, примыкавших к лѣвому крылу Круга, образовать политическую партію с опредѣленной политической программой, создать группировки не территоріальнаго характера, по округам, а по политическому признаку. Образовавшаяся в Евпаторіи такая группировка носила нѣсколько ироническое названіе „партіи большого кулака", именовавшейся затѣм „народно демократической" или „донской демократической".

Сущность политической программы этой группировки заключалась не в тѣх или иных обще-политических воззрѣніях, а в опредѣленных тактических взглядах на текущій момент в примѣненіи к казачеству. На первом мѣстѣ был поставлен вопрос о разрывѣ с главным командованіем, как с носителем реакціонной политики, принесшей казачеству так много горя, затемнявшей подлинное казачье демократическое лицо. Затѣм группа допускала возможность компромисса с большевиками, соглашенія с ними в цѣлях достиженія максимума прав для казачества, смотря по текущей обстановкѣ и по моменту, и в цѣлях дальнѣйшаго достиженія самостоятельности казачьих войск, и вхожденія их в состав русскаго государства на федеративных началах.

В состав этой группировки вошли, главным образом, молодые элементы из представителей фронтового казачества. Она олицетворяла собою крайне, лѣвое, радикальное теченіе, стоявшее на точкѣ зрѣнія необходимости самых рѣшительных мѣр в дѣлѣ разрыва с прошлым на предмет исканія новых путей, через новых людей, новыми методами и средствами, без компромиссов, без какого бы то ни было соглашательства с представителями стараго курса.

Несомнѣнно, что такое теченіе при благопріятных условіях могло-бы сыграть не малую политическую роль. Но эта группа в то время состояла, за исключеніем одного-двух человѣк, из крайне слабо развитых в политическом отношеніи элементов, не приспособленных не только к выработкѣ общей программы, но и к выроботкѣ плана работ, к практической, реальной дѣятельности. В этом была ея слабость.

Круг работал с 9/22 октября до эвакуаціи. На открытіе Круга пріѣзжал Врангель, пріѣзжали терцы, кубанцы, которые поднимали вопрос о союзѣ казачества. Но, вообще, это были бѣдныя потуги, абсолютно не обѣщавшіе никаких реальных результатов. Круг открывался при угнетенном, хотя и скрытом, самочувствіи, при полной неувѣренности в завтрашнем днѣ. Он совсѣм не походил на прежніе круги на Дону, гдѣ чувствовался мощный авторитет верховнаго органа войска, гдѣ депутаты пріѣзжали на Круг с богатым запасом энергіи и опредѣленными взглядами на тѣ или иные вопросы политическаго момента, вопросы государственнаго устроенія, гдѣ депутаты Круга знали, отдавали себѣ отчет, для чего они собрались, какіе важные государственные вопросы вызвали их к дѣятельности, гдѣ у депутатов, тѣсно связанных с избирателями, было чувство собственнаго достоинства, сознаніе своего высокаго положенія, как народных избранников, не стѣсняемых никакими внѣшними обстоятельствами. Все это создавало извѣстное торжественное настроеніе, вызываемое важностью дѣла, что чувствовалось не только самими депутатами, но и народной массой, арміей, населеніем.

Здѣсь же картина была совсѣм иная. Здѣсь наблюдались как бы потуги пріобщиться к прошлому, так сказать, остатки прошлаго величія. Остро ощущалась зависимость положенія не только в смыслѣ помѣщенія для работы, размѣщенія, питанія, но и в смыслѣ общественно-политическом. Не было накаких делегатов с фронта. Круг собирался с сознаніем своей полной оторванности от фронта, от бѣженцев. Депутаты в душѣ чувствовали, что они не имѣют никакого авторитета в глазах донцов. Послѣдніе не проявляли к своему Кругу никакого рѣшительно интереса. Закрытыя сначала засѣданія Круга сдѣлались потом открытыми для казаков. Но народу на Кругу было очень мало.

Больше всего Круг занимался вопросом о бѣженцах-донцах, и об арміи. Безсистемная, неблагодарная работа проходила под знаменем чужой территоріи, чужих приказов, чужих порядков, что лишало Круг возможности проявить свою иниціативу, довести разрѣшеніе того или иного вопроса до его реальнаго, независимаго от главнаго командованія осуществленія, тѣм болѣе, что своих матеріальных, денежных средств, а также товаров у войска уже почти не было Средства имѣлись в весьма ограниченном количествѣ. Учрежденія войска, включительно до Круга и атамана, находились на полном иждивеніи и содержаніи у главнаго командованія.

Одним словом, работа Круга фактически свелась к разговорам по поводу арміи и бѣженцев, которые не привели ни к каким реальным результатам, с другой стороны, — к заслушанію информаціонных докладов атамана и правительства в лицѣ его отдѣльных членов.

В тяжелом настроеніи возвращались из Евпаторіи в Феодосію присутствовавшие на открытіи Донского Круга делегаты Феодосійской Рады. Плохо было у донцов, но у них дѣла обстояли еще хуже, тѣм болѣе, что борьба за атаманскую булаву велась с прежним ожесточеніем в формах, дискредитирующих казачество.

Все это накладывает отпечаток глубокой неудовлетворенности на настроеніе оффиціальных представителей казачества, которые пытаются все время найти выход из своего положенія, найти оправданіе своему пребыванію в Крыму.

В октябрѣ мѣсяцѣ представители донцов, терцев и кубанцев в лицѣ стремившейся к власти группы Скобцова устраивают ряд совѣщаній, на которых опредѣленно выяснилось, что медлить с организаціей казачества нельзя. Руководители казачества своим присутствіем как бы санкціонируют все происходившее в Крыму и оказываются, таким образом, предателями казачества. Так или иначе, а создалось впечатлѣніе, что казаки

вполнѣ солидарны с Врангелем и его правительством. Между тѣм, вліяніе казаков на общій ход управленія было ничтожно.

Донцы и терцы заявили кубанцам, что они готовы выступить активно против общаго крымскаго политическаго курса ставки и правительства, но этому мѣшает рознь среди кубанцев.

— Давайте, говорили они, — будем сообща рѣшать кубанское дѣло...

Обсудив положеніе, участники совѣщанія пришли к заключенію, что необходимо собрать возможно большее количество членов Кубанской Рады, пополнив их представителями воинских частей, и рѣшенію этого собранія — Кубанской Рады — должны подчиниться всѣ кубанцы.

Иванису был поставлен вопрос: каковы же его истинныя намѣренія. Он ведет двойственную политику, и разрушает единеніе казачества в Крыму. Он работает на два фронта. Находясь в Крыму, он, как будто бы, идет рука об руку с донцами и терцами. В то же время он посылает каких то делегатов в Варшаву, заключает, по слухам, какіе то союзы с Польшей, Петлюрой...

Терскій атаман Вдовенко прямо задал Иванису вопрос:

— С нами вы идете или против нас? Ваши делегаты дѣлают одно, а вы с нами — другое... Когда-же всему этому будет конец?

Иванис, по словам Скобцова, давал уклончивые отвѣты, но, в концѣ концов, согласился созвать всѣх членов Рады, устроить совѣщаніе и организовать власть по принципу общественнаго довѣрія.

В дѣйствительности, он считал положеніе Крыма безнадежным, а потому воспользовался первым удобным случаем, чтобы неожиданно уѣхать в Тифлис, оставив своим замѣстителем в Крыму члена кубанскаго правительства Винникова.

ГЛАВА XI.

ОСТАВЛЕНІЕ СѢВЕРНОЙ ТАВРІИ.

Разгром Кубанскаго дессанта, крушеніе Заднѣпровской операціи, мирные переговоры большевиков с поляками, грозная перспектива зимовки в Крыму, тыловая разруха, — все это окончательно подрывало у фронтовиков вѣру в возможность дальнѣйшаго продолженія борьбы, создавало на фронтѣ тяжелое, пессимистическое настроеніе. Уж наступили холода. Войска были разуты и раздѣты. Этот кардинальной важности вопрос оказался не разрѣшенным. Теперь сказывались результаты тѣх грандіозных хищеній, которыя происходили все лѣто в Константинополѣ, гдѣ закупались предметы вещевого довольствія для арміи. Хотя в тылу, в Мелитополѣ, напримѣр, и находились кой-какіе запасы теплаго обмундированія, но, несмотря на усиленные просьбы войсковых начальников, это имущество не было роздано войскам, и очень скоро, как это обыкновенно практиковалось в станѣ бѣлых, оно досталось большевикам.

Приближалась зима, а войска все еще дрались босыя и в лѣтнем обмундированіи. В довершеніе всѣх бѣд, матеріальное положеніе военнослужащих становилось прямо невыносимым.

Все чаще и смѣлѣе в военных кругах раздаются голоса о том, что в Крыму не благополучно, и не благополучно именно в той области, „в которой возникла болѣзнь приведшая к гибели генерала Деникина“, что „начисляемыя прибавки к жалованью ни на йоту не ослабляют сжимающуюся на шеѣ военных петлю дороговизны“.

Получаемаго на цѣлую семью жалованья при непрерывно повышавшихся цѣнах не хватало на жизнь одного человѣка. Как же можно было существовать на это жалованье, да еще с семьей!..

— Страшны и жестоки отвѣты жизни на поставленный вопрос, — читаем мы в оффиціальном рапортѣ на имя Врангеля замѣстителя предсѣдателя Корниловскаго союза генерала Корвин-Круковскаго. В Евпаторіи застрѣлился казачій офицер, — не пережил голода и лишеній. На фронтѣ выстрѣлами из револьвера также кончают разсчеты с жизнью два боевых офицера Корниловскаго полка. Сотни раз ходили они в атаку, без

страха смотрѣли в глаза смерти. Но пришли из тыла письма от жен:

— Умираем от голода. Распродали все, что было... Единственное спасеніе — идти на улицу...

— Под тяжестью этого ужаса и позора, — продолжает предсѣдатель союза корниловцев, — сломились стальныя души героев. Во имя великой идеи, воодушевляющей нас, можно было бы и не останавливаться над приведенными трагическими эпизодами, если бы наряду с ними мы не наблюдали другого явленія, несущаго с собой гибельныя послѣдствія. В то время как, единичные идеалисты офицеры стрѣляются от голода, в ресторанах круглыя сутки можно видѣть беззаботно жуирующих сотни офицеров и военно-служащих. Спрашивается, из каких же источников получают эти счастливцы такія средства, которыя позволяют им оплачивать ресторанные счета в десятки и сотни тысяч рублей? Не нужно быть пророком, чтобы предвидѣть ясно, к чему приведет нас такое положеніе...

В силу всѣх этих причин, в силу общаго моральнаго развала, столь характернаго для Крыма, количество преступленій среди военно-служащих возросло до огромных размѣров. Становилось заурядным явленіем, что почтенные люди, георгіевскіе кавалеры, спекулировали, крали, совершали подлоги, растраты... Когда в судах читали послужные списки подсудимых, судьи и присутствовавшіе раскрывали глаза от изумленія, ибо перед ними сидѣли герои...

Главное командованіе в отношеніи помощи рядовому „чернорабочему“ офицерству ограничилось лишь организаціей всяких коммиссій, широковѣщательными приказами и пожеланіями о „необходимости скорѣйшаго проведенія мѣропріятій, долженствующих облегчить тяжелое матеріальное положеніе военных и их семейств, несущих наибольшія тяготы в безпримѣрной в исторіи борьбѣ за Родину“.

Не удивительно, что на фронтѣ, гдѣ жизнь войсковых частей и так проходила под знаком вырожденія, назрѣвала ярая ненависть к тылу, и все чаще и чаще раздавались голоса о том, что нужно „с револьверами идти в тыл и разстрѣлять всю эту сволочь“.

Идейное содержаніе войны с большевиками было исчерпано до конца. Послѣ длительной кровавой борьбы, фронтовики горьким опытом приходили к заключенію, что „бѣлые“ не нашли и не найдут поддержки в широких народных массах Россіи, что дальнѣйшая борьба безплодна. Глубокая неудовлетворенность, разочарованіе, апатія, желаніе чтобы „все это поскорѣе кончилось“ разлагали фронт в моральном отношеніи и предрѣшали

собою исход борьбы в большей мѣрѣ, чѣм всѣ остальныя причины.

Нужно добавить ко всему этому, что в войсковыя части в огромном количествѣ влиты были красноармейцы, не перевоспитанные, не профильтрованные, не надежные. Таким образом, к послѣднему акту крымской трагедіи т. е. к прорыву от Каховки на Перекоп, соотношеніе устойчиваго антибольшевистскаго элемента в частях и пополненій красноармейцами измѣнилось очень сильно не в пользу Крымской арміи, боевыя качества которой понижались с каждым днем все больше и больше.

Агонизировал тыл, агонизировал фронт. Понятно, что, когда в началѣ октября были получены свѣдѣнія о том, что поляки заключили в Ригѣ перемиріе с большевиками и начали мирные переговоры, — у всѣх в головѣ мелькнула одна и та же мысль:

— Это конец Крыму...

Правда, ставка и правительство оставались вѣрными себѣ и на этот раз, муссируя в печати и в оффиціальных заявленіях мысль о том, что Крым по прежнему находится в полной безопасности, что большевики, в виду разгрома их польскаго фронта, разложенія арміи, в виду разстройства транспорта, не смогут перебросить на южный фронт своих сил, что Перекоп неприступен, что армія с энтузіазмом будет отражать врага и т. д. Доходило до того, что даже незадолго до катастрофы из-заграницы в Крым прибывают пароходы с бѣженцами, в виду реэвакуаціи, об'явленной Врангелем.

Первое впечатлѣніе от потрясающаго сообщенія о рижском перемиріи было, как будто бы, немного сглажено в тылу. На фронтѣ, однако, завѣренія ставки и правительства не производили должнаго впечатлѣнія, так как здѣсь понимали, что красные, в сущности, вели борьбу с Крымом лишь заслонами и не предпринимали основательных, планомѣрных и серьезных наступательных операцій.

Теперь положеніе мѣнялось.

Солдаты, офицеры и казаки в один голос говорили:

— Загонят нас за перешеек, запечатают в крымской бутылкѣ...

В войсках, однако, царила увѣренность в неприступности перекопских позицій, и в том, что зимовать придется в Крыму.

Между тѣм, перемиріе, заключенное между поляками и большевиками, весьма тяжело отражается на судьбѣ отрядов бѣлых, оперировавших на сѣверо-западном фронтѣ. На этот фронт возлагали в Крыму большія надежды и там формировался уже штаб для „Третьей арміи генерала Врангеля“, которой должен был командовать генерал Юзефович и начальник

его штаба генерал Науменко. К моменту подписанія прелиминарнаго мирнаго договора русскія вооруженныя силы на территоріи Польши были сведены на двѣ арміи — генерала Булак-Булаховича и генерала Пермикина, находившіяся в подчиненіи у „Русскаго Политическаго Комитета“ в Варшавѣ, возглавляемаго Борисом Савинковым. В силу условій мирнаго договора, бѣлые должны были оставить предѣлы Польши. Армія Пермикина двинулась на юг на соединеніе с украинскими отрядами Петлюры и генерала Омельянович-Павленкова, армія же Булак-Булаховича покинула Польшу „в неизвѣстном направленіи“. В крымских и заграничных газетах появляются рекламныя сообщенія о том, что Булак-Булахович вмѣстѣ с Савинковым пошли „прямо на Москву“ ...

Ясно, однако, было, что оставленіе польской территоріи предрѣшает судьбу отрядов бѣлых, для которых наступает період ликвидаціи.

В это же время с Дальняго Востока получаются свѣдѣнія о том, что пресловутый атаман Семенов, признавшій Врангеля, доживает послѣдніе дни, и возглавляемое им антибольшевистское движеніе находится в стадіи ликвидаціи.

Повстанческое движеніе на Кубани и Черноморьѣ все время шло на убыль, и к октябрю мѣсяцу было почти окончательно ликвидировано, а остатки кубанской „Арміи Возрожденія Россіи“ под командой генерала Фостикова прибыли уже в Феодосію.

Судьба отряда Фостикова была предрѣшена разгромом Кубанскаго дессанта, так как организаторы дессанта не с'умѣли своевременно связаться с повстанцами и заручиться поддержкой живой силы на мѣстах.

— Когда на Кубань был высажен дессант Врангеля, — разсказывает Фостиков, — я не имѣл о нем никаких свѣдѣній и узнал о дессантѣ лишь тогда, когда он уходил. Не получая никаких указаній, я рѣшил идти на присоединеніе к дессанту, но пути к нему были уже отрѣзаны, и я пошел на юг...

Отряд Фостикова начинает распыляться, отчасти благодаря атаманству, сепаратным дѣйствіям начальников отдѣльных повстанческих частей, а главное благодаря тому, что окончательно выявилась реакціонная политическая физіономія солидаризировавшагося с Врангелем Фостикова и тѣх, кто вмѣстѣ с ним стал во главѣ повстанческаго движенія. Методы борьбы, управленія, характер взаимоотношеній с населеніем — одним словом, всѣ специфическія особенности бѣлогвардейщины в полной мѣрѣ были усвоены Фостиковым.

Для повстанцев теперь становилось ясным, с кѣм они имѣ-

ют дѣло и они начинают „зеленѣть“ и расходиться из отряда по домам.

Повстанческій отряд, все же, представляет собою внушительную силу.

В невѣроятно тяжелых условіях двигались повстанцы, составлявшіе остатки „арміи“ Фостикова, через перевалы, горныя тропинки, направляясь к Черноморскому побережью. Не хватало продовольствія, боевого снаряженія, артиллеріи. Царили холода, а большая часть казаков была почти не одѣта.

В критическій момент генерал Фостиков оторвался от повстанцев, и неожиданно очутился в Грузіи, в Сухумѣ. В отрядѣ его уже обвиняют в дезертирствѣ. По инерціи повстанцы все же двигаются к морю.

Только в сентябрѣ мѣсяцѣ (21 сентября) казакам в количествѣ десяти тысяч человѣк удалось спуститься к берегу Черного моря в Сочинскій округ. Они заняли Красную Поляну. Отряд казаков подошел к Адлеру и разбил красноармейскій гарнизон, который бѣжал в Сочи. Повстанцы заняли затѣм города Хосту и Сочи. Свои разсчеты командный состав строил теперь на поддержкѣ антибольшевистски настроенных черноморских крестьян. Но „зеленое“ черноморское крестьянство, с'умѣвшее еще раньше, год назад, с'организоваться и образовать единственную в своем родѣ Черноморскую Крестьянскую Республику, одинаково враждебно относившуюся и к красным, и к бѣлым, встрѣтило Фостикова, снова присоединившагося к своему отряду, весьма недоброжелательно.

— Крестьяне, — об'яснял в эти дни журналистам в Тифлисѣ замѣститель предсѣдателя „Комитета Освобожденія Черноморья“ Воронович, — видят в лицѣ Фостикова агента Врангеля и не хотят его поддерживать. В случаѣ, если Фостиков удержит за собой Сочинскій округ и обратит его в новую базу для Крыма, — неизбѣжны новыя осложненія, так как черноморское крестьянство никогда не подчинится крымской власти.

Дѣйствительно, находясь между двух огней, опасаясь репрессій и со стороны красных, и со стороны бѣлых, представители крестьянских организацій Черноморья, рѣшили ни в какія сношенія с генералом Фостиковым не вступать, и, если понадобится, говорить лишь „с выборными представителями Кубанской области, демократія которой также изнемогла в борьбѣ с большевиками“.

В Крым тѣм временем были посланы срочныя сообщенія о том, что повстанцы, не имѣя ни продовольствія, ни снаряженія, преслѣдуемые красными, прижаты к морю и находятся в безвыходном положеніи. Необходима срочная помощь посылкой судов, хлѣба и снаряженія. В Крыму забили тревогу. На побе-

режье из Крыма прiѣхал в концѣ сентября Шатилов и обѣщал доставить все необходимое.

Но, как и в момент капитуляцiи Кубанской армiи, помощь запоздала, и крымская эскадра, командиром которой был назначен не моряк, а артиллерист, пять лишних дней проболталась в морѣ. Фостиков продержался на Черноморьѣ дней десять. Красные нажимали все сильнѣе и сильнѣе. Скоро наступил трагическiй момент, когда начался отход от Хосты к Адлеру и Новому Городку, что на грузинской границѣ. Отряд очутился в тупикѣ между красными и грузинами, которые, из боязни нарушить свои отношенiя с большевиками, вынуждены были в отношенiи помощи повстанцам соблюдать величайшую осторожность.

Помощь, однако, была оказана. Шеститысячный отряд, который большевики считали окруженным, неожиданно исчез. Красные всполошились. Тѣм временем повстанцы ночными переходами, горными тропинками, по указанiю грузин-проводников, в теченiе нѣскольких дней просочились на грузинскую территорiю, и очутились в районѣ Гагр, гдѣ и интернировались. Когда подошли корабли из Крыма, между грузинами и повстанцами, во избѣжанiе нареканiй со стороны большевиков, был инсценирован бой, и кубанцы, благополучно погрузившись, поѣхали в Крым, куда и прибыли наканунѣ катастрофы, в состоянiи полной дезорганизацiи, безконечно уставшими, извѣрившимися, безоружными, изголодавшимися.

Обстановка на фронтѣ послѣ крушенiя Заднѣпровской операцiи становилась чрезвычайно напряженной. Каховскiй нарыв назрѣвал все болѣе и болѣе. Заднѣпровская операцiя выяснила, что на правом берегу Днѣпра, в районѣ Берислав-Апостолово сосредоточиваются большiя силы противника. Концентрацiя войск производится и на других участках фронта, в частности, в районѣ Александровска. Красные принимают твердое рѣшенiе покончить с Крымом и выбрасывают боевой лозунг — „Коммунисты на фронт“. Направленные против Крыма полки насыщаются коммунистами, создается ряд ударных коммунистических частей. Распустив радостно подхваченный крымской и заграничной печатью слух об измѣнѣ Буденнаго, яко бы перешедшаго на сторону украинских повстанцев, большевики маскируют этим переброску с польскаго фронта к Каховкѣ и Никополю знаменитой казачьей конницы Буденнаго.

А в заграничной печати в это время (9 окт.) появляются сенсацiонныя сообщенiя о переходѣ Махно на сторону большевиков. Появленiе этих извѣстiй произошло в тот момент, когда Врангель дошел почти до высоты Екатеринослава, и одновременно занял весьма выгодное положенiе в Донецком ка-

менно-угольном районѣ. Извѣстіе о новом перелетѣ „батьки" производит удручающее впечатлѣніе, ибо на воображаемом союзѣ Врангеля с Махно строились огромныя надежды. На самом дѣлѣ перешел на сторону большевиков не мнимый, а дѣйствительный союзник Врангеля,—авантюрист, бандит и провокатор, с которым так носились в Крыму,—атаман Володин. Газеты кратко сообщали о том, что „в Севастополѣ по приговору военно-полевого суда повѣшен бывшій офицер атаман Володин и его сообщники: полковник Янус-Черных, Скориков, Каримов, Цыганков, Абильтер, Кусимков и Саводников, а также и жена Володина — Маруся Кузина".

Всѣ они обвинялись в том, что „замыслили лишить главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи его верховной власти и измѣнить образ правленія на территоріи, занимаемой Русской Арміей".

С этой цѣлью Володин и его сообщники вошли в соглашеніе с большевиками, сговорились с предводителем большевистских отрядов в районѣ Александровска Котовым, склонили отряд к переходу на сторону большевиков и направили его с этой цѣлью в Александровск.

Измѣна была своевременно обнаружена, но это не улучшило дѣла. Фронт и тыл, воспитанные на убѣжденіи существованіи союза Врангеля и Махно, получили тяжелый моральный удар. Теперь выяснилась вся лживость сообщеній о каких то грандіозных успѣхах Махно, о его дружеском расположеніи к Врангелю. Теперь в Крыму сознали, что мысль опереться на Махно и ему подобных для проведенія какой бы то ни было политики всероссійскаго масштаба — нелѣпа.

Большевики, между тѣм, заканчивали сосредоточеніе своих сил. Эта масса войск должна была концентрическим наступленіем с востока на запад, т. е. от Днѣпра и Маріуполя „взять в клещи" армію Врангеля и, отрѣзав ее от Крыма, заставить капитулировать. Нужно было немедленно рѣшить вопрос о том, — очищать ли Сѣверную Таврію без боя, или дать здѣсь рѣшительное сраженіе.

— Когда против нас, — разсказывал мнѣ Врангель, — появились переброшенныя с сѣвера части противника, я собрал военный совѣт и поставил на разрѣшеніе вопрос, принимать ли нам бои в Сѣверной Тавріи, или же сразу отходить на перешейки. Было рѣшено дать бой в Сѣверной Тавріи и удерживать ее возможно дольше в своих руках.

Нужно добавить к этому, что на рѣшеніе дать бой в Сѣверной Тавріи оказало, повидимому, большое вліяніе желаніе Кривошеина закончить погрузку зерна в Геническѣ на предмет вывоза за границу.

Под давленіем противника и для занятія болѣе узкаго фронта в нѣсколько дней очищается громадный район сѣвернѣе Большого Токмака и восточнѣе Ногайска. Части Крымской арміи спѣшно перегруппировываются для предстоящаго рѣшительнаго боя. Штаб Первой арміи с Кутеповым во главѣ переходит в Рыково и Сѣрагозы. Штаб Второй арміи, которой послѣ Заднѣпровской операціи командовал вмѣсто Драценко генерал Абрамов, перемѣщается в Мелитополь.

Оффиціальныя сводки стараются всячески сгладить факт оставленія огромной территоріи. В печати появляется ряд успокоительных инспирированных статей в том смыслѣ, что событія на фронтѣ не дают основаній для тревоги и „подобное измѣненіе обстановки предусматривалось нашим командованіем".

Числа 12-25 октября значительныя силы большевиков начинают переправляться в районѣ Никополя. Это была Вторая конная совѣтская армія под командой Миронова. А к Каховкѣ в это время уже подошел Буденный со своей конницей. Усиливается приток и натиск красных на правом флангѣ.

Оффиціальная сводка от 15-28 октября гласила:

— На всем фронтѣ завязались упорные бои с перешедшим в наступленіе противником...

Стремительный натиск большевиков привел к тому, что части Крымской арміи стали быстро откатываться к перешейкам, стараясь в то же время сдерживать ожесточенныя аттаки противника.

— 17-30 октября, развивая чрезвычайно энергичное наступленіе, — сообщает в своем интервью с севастопольскими журналистами Врангель, — десятитысячная конница Буденнаго, подкрѣпленная двумя пѣхотными дивизіями, почти не встрѣчая сопротивленія, прошла глубоко в наш тыл на желѣзную дорогу в районѣ станціи Сальково...

Удар отличался необычайной стремительностью, и явился полной неожиданностью для Крыма. Врангель, которому было извѣстно, как большевики могут использовать Каховскій плацдарм, также оказался неподготовленным к этому натиску. Положеніе создавалось отчаянное, так как Буденный, развивая свой успѣх, пройдя вдоль Перекопа и Сѣвернаго Сиваша до Салькова, захватил Ново-Алексѣевку, и двинулся частью сил на сѣвер, по тылам Второй арміи.

Находившаяся в Джанкоѣ ставка лишена была связи с войсками. Катастрофа уже началась, но к ней, повторяю, никто не был подготовлен. Теперь нужно было во что бы то ни стало спасать армію, и дать ей возможность благополучно отойти за перешейки. Кое как устанавливается связь. Генералу Абрамову

приказано было оставить заслоны против наступающаго с сѣвера противника и бросить всѣ остальныя силы на Сальково для ликвидаціи прорвавшейся конницы красных. Кутепову также было приказано ударом в южном направленіи ликвидировать эту группу. На фронт спѣшно отправляются из Феодосіи кубанцы, прибывшіе с генералом Фостиковым. В Джанкоѣ организуются части из разных тыловых команд. Все это вмѣстѣ с офицерским донским полком было направлено в район Чонгарской переправы для ликвидаціи прорыва.

Начинается період ожесточенных боев. Крымская армія, отбиваясь от красных, пробивается к перешейкам.

В центрѣ Сѣверной Тавріи — Мелитополѣ, ничего не знали о том, что в дѣйствительности происходило на фронтѣ.

— 17-30 октября, — разсказывают находившіся в Мелитополѣ журналисты, — в городѣ было спокойно. Никто и не подозрѣвал о катастрофѣ. На слѣдующій день рано утром на вокзалѣ появились корниловцы в полном боевом снаряженіи с командным составом во главѣ.

— Мы „им" покажем прорыв, — говорили они.

Утром на станціи пронесся слух, что всѣ поѣзда на юг отмѣнены.

— Ничего подобнаго, — опровергал эти слухи начальник станціи. Сейчас перевозятся войска, а потом все будет идти нормально.

Спокойствіе наблюдалось и в оффиціальных кругах. Об эвакуаціи, как будто бы, никто и не помышлял.

— Дѣла идут великолѣпно. Большевики отбиты. Никаких основаній для паники не имѣется . . .

Между тѣм, часов в 11 утра в городѣ уже появились бѣженцы. По улицам потянулись подводы со всевозможным скарбом.

На вокзалѣ картина уже измѣнилась. Совершенно не видно штатских. Станція забита исключительно военными.

— На юг сейчас уходят послѣдніе поѣзда, — нервно отвѣчает на распросы начальник станціи.

Обстановка мѣнялась с феерической быстротой и . . . через нѣсколько часов штаб генерала Абрамова покинул Мелитополь и отошел на юг.

Это было необходимо, потому что на желѣзнодорожной линіи уже оперировали раз'ѣзды большевиков.

Тысячи подвод двигались по обѣим сторонам желѣзнодорожнаго полотна. Тачанки, пролетки, фурманки, автомобили, экипажи, — все это тянулось сплошным потоком на юг. Температура была 14-20 градусов мороза при сильнѣйшем вѣтрѣ.

Первая и Вторая арміи должны были прорваться к Саль-

кову, к Чонгарскому мосту, потому что по сложившейся стратегической обстановкѣ прорыв в районѣ Перекопа был уже не возможен.

Сальково было забито поѣздными составами. На станціи царил хаос. Чтобы пропустить бронепоѣзда и облегчить отход арміи, сортировка вагонов производилась вручную.

20 октября (2 ноября) происходит соединеніе прорвавшихся частей Первой и Второй армій. Большевикам не удалось отрѣзать всѣ войска Врангеля от перешейков, хотя армія и потерпѣла жесточайшій разгром и потеряла до 60% личнаго состава. Огромную роль сыграли во время отхода стойкія донскія части, которыя совершили в этот критическій момент исключительно трудный маневр по тылам противника и доходили до самаго Никополя, гдѣ вели бои с красной конницей, находившейся под командой донского казака, войскового старшины Миронова, и тѣм самым задержали эту конную армію. Выполнив свою задачу, донцы присоединились у Салькова к остальным частям Крымской арміи.

Хотя конница Буденнаго и была задержана и с невѣроятными усиліями оттѣснена на запад, но, послѣ маленькой передышки, подтянув свѣжія силы, большевики с удвоенной энергіей обрушились на армію Врангеля, и быстро отбросили ее в состояніи полной деморализаціи за перешейки.

Судьба Крымской арміи была предрѣшена.

—Непрерывные удары, наносимые нашей арміей в истекших боях, сопровождавшіеся уничтоженіем значительной части прорвавшейся в наш тыл конницы Буденнаго, дали арміи возможность почти без потерь отойти на укрѣпленную позицію.

Так гласила оффиціальная сводка от 21 октября (3 ноября).

В приказѣ по поводу оставленія Сѣверной Тавріи говорилось о блестящем отходѣ, о захваченных у большевиков орудіях, пулеметах и плѣнных...

— Послѣ пятимѣсячной борьбы на полях Сѣверной Тавріи, — писал Врангель, — мы вновь отошли в Крым. За эти пять мѣсяцев Русская Армія увеличилась больше, чѣм в три раза, пополнилась конями, орудіями и пулеметами. Прикрывшись укрѣпленіями, отдохнув и одѣвшись, мы будем ждать желаннаго часа, чтобы нанести врагам родины рѣшающій, послѣдній удар.

О „послѣднем рѣшающем ударѣ" в оффиціальном приказѣ говорилось совершенно серьезно...

В том же духѣ, конечно, высказывается крымская и заграничная печать, поддерживавшая Врангеля.

— Нѣт никаких основаній для пессимизма...

— Положеніе на фронтѣ слѣдует считать прочным и не внушающим серьезных опасеній . . .

— Отход южно-русских войск за Перекопскія укрѣпленія произошел совершенно благополучно . . .

— Предпринимаемыя нынѣ передвиженія являются выполненіем заранѣе обдуманнаго плана, — и т. д., и т. д. в этом родѣ.

Так вдохновенно врали военные обозрѣватели, представители „высокоавторитетных" и просто „авторитетных" военных кругов не только в Крыму, но и в Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ . . .

Доходило до того, что представитель Врангеля в Парижѣ генерал Миллер в пространной бесѣдѣ с сотрудником „Общаго Дѣла" увѣренно доказывал, что „положеніе большевистских войск по линіи Перекоп-Геническ довольно печальное".

Правда, в парижских газетах, поддерживавших Врангеля, уже проскальзывали новыя вѣянія. Критическое положеніе Крыма опредѣленно сказывается и на настроеніях правящих кругов Франціи.

— Мы сейчас поддерживаем Врангеля в его борьбѣ, — заявляют теперь отвѣтственные политическіе дѣятели журналистам. Но что же мы сможем сдѣлать, если Крым не окажется на высотѣ своей задачи? Фактическое признаніе его правительства не связывает нас с ним неразрывными узами. Если Врангель потерпит рѣшительную неудачу и будет разбит (мы надѣемся, что этого не случится), — то значит, — мы ошиблись, и нужно найти средство исправить ошибку . . .

Послѣ отхода за Перекоп, Крымская армія находилась в состояніи полной моральной и матеріальной дезорганизаціи. Не говоря уже об огромных потерях в личном составѣ, доходивших, как я уже говорил, до 60%, воинскія части, пробиваясь через кольцо красных, бросили свои обозы, покинули личный персонал лазаретов, госпитальное имущество, обозы, остались без хозяйственных органов. Нечего было и думать о какой либо планомѣрной эвакуаціи. Всѣ грандіозные склады, запасы, все, что находилось в Сѣверной Тавріи, досталось красным. Они захватили также подвижные составы, милліоны пудов заготовленнаго к вывозу за границу хлѣба . . . Моральное состояніе арміи было необычайно тяжелым . . .

Как тщательно ни скрывали правящіе круги обстановку на фронтѣ, широкія массы населенія Крыма уже опредѣленно чувствовали надвигающуюся катастрофу, хотя в то же время никто не знал, что она наступит так быстро, почти мгновенно. Населеніе Крыма сразу почувствовало себя в осажденной крѣпости, потому что, как только большевики загнали Врангеля в „крым-

скую бутылку", уже на другой день цѣны на всѣ предметы широкого потребленія сдѣлали рѣзкій скачек вверх: мясо продавали по 8.000 руб. фунт, молоко по 4.000 кварта, масло 16.000 фунт и т. д. Это производило даже на самых завзятых оптимистов крайне тягостное впечатлѣніе. Так много говорили раньше о богатствах Крыма и Тавріи, откуда хлѣб все время вывозили за границу и . . . так скоро почувствовался недостаток в этом продуктѣ, вывозные запасы котораго исчислялись до шестидесяти милліонов пудов и на складах, оставленных противнику, до пяти милліонов пудов.

Участь Крыма была предрѣшена.

Особенно остро ощущалось это в казачьей средѣ и не только в Крыму, но и в Тифлисѣ, гдѣ, спустя четыре дня послѣ оставленія Сѣверной Тавріи (24 октября), в связи с прибытіем из Крыма Иваниса, состоялось частное совѣщаніе членов Кубанской Рады. На этом совѣщаніи Иванис ообщил, что Крым находится наканунѣ полной катастрофы, что необходимо приступить к организаціи собственных сил, и что отнынѣ базой должна явиться Грузія. Сам он возвратится в Крым и будет принимать мѣры, чтобы возможно большее количество кубанцев транспортировать в Грузію.

На этом совѣщаніи была вынесена резолюція, в которой тифлисцы пытались окончательно намѣтить новые пути для казачества. В резолюціи говорилось о независимости Кубани, о том, что между главным командованіем и Кубанью всегда существовали договорныя отношенія. В резолюціи указывалось, что всѣ попытки представителей Кубани провести в жизнь демократическую политику, опирающуюся на волю народа, встрѣчали противодѣйствіе со стороны реакціонных сил, возглавляемых Деникиным.

На смѣну Деникину пришел Врангель. Политика Врангеля является продолженіем реакціонной политики Деникина, не встрѣчавшей поддержки со стороны угнетеннаго большевиками русскаго народа. Не подлежит сомнѣнію, что Врангель, несмотря на энергичную поддержку французскаго правительства, потерпит крах. Вмѣстѣ с тѣм, совѣтская власть является властью антинародной, диктатурой коммунистической партіи и, благодаря этому, власть большевиков обречена на гибель,. Для народа одинаково не пріемлемы, как олигархическая диктатура коммунистов, так и Крым с Врангелем во главѣ, опирающимся на реакціонные и бюрократическіе круги дореволюціонной Россіи, несущіе странѣ мрачную реакцію.

Обѣ эти реальныя силы — коммунистическая Москва и реакціонный Крым — в процессѣ дальнѣйшей гражданской войны, как не выражающія воли народа, не пользующіяся его со-

чувствіем, и поддержкой, близки к своему неизбѣжному концу, развалу и гибели, Россія вновь погрузится в море анархіи и безправія.

Исходя из этих соображеній, совѣщаніе членов Рады выносит рѣшеніе о необходимости вести борьбу всѣми имѣющимися в их распоряженіи силами и средствами с новыми попытками развить повстанческое движеніе на Кубани, обрекающее кубанскій народ, в виду отсутствія матеріальных и технических средств к борьбѣ, только на физическое истребленіе. Необходимо признать участіе в гражданской войнѣ на сторонѣ той или другой из борющихся сил, — большевиков, или реакціи, — заданія или стремленія которых абсолютно противорѣчат истинным демократическим идеалам Кубани, безцѣльным и вредным. Всѣ силы и средства употребить на внутреннюю организацію Кубани, дабы в момент наступленія анархіи организованно выступить на защиту идеалов кубанской демократіи . . .

ГЛАВА XII.

КРЫМСКАЯ КАТАСТРОФА.

Отбросив армію Врангеля за перешейки, и закупорив „крымскую бутылку“, большевики теперь спѣшно стягивали к Перекопу свѣжія части, подвозили артиллерію и готовились к тому, чтобы буквально одним ударом покончить с Крымом.

Огромныя воинскія массы арміи Врангеля были сосредоточены теперь сѣвернѣе Джанкоя в малолюдном районѣ перешейков. В свирѣпые морозы ночевать приходилось под открытым небом. Голодные, плохо одѣтые офицеры и солдаты могли согрѣться только около костров, если с большим трудом удавалось раздобыть топливо.

В этот критическій момент в умах и сердцах бойцов с особенной остротой ставился вопрос о цѣлях и смыслѣ дальнѣйшей явно безнадежной борьбы. Пусто было в душѣ, не было идеи, которая могла бы создать героическій энтузіазм, одухотворить офицеров, солдат, казаков вѣрой в святую правоту дѣла, во имя котораго можно самоотверженно жертвовать своей жизнью. Если раньше казаки рвались к себѣ на родину, а добровольцы в массѣ воевали, как хорошіе профессіоналы, больше по инерціи и безвыходности своего положенія, чѣм по идейным побужденіям, то теперь исчезали и эти послѣдніе стимулы борьбы, под руководством начальников, утративших довѣріе своих подчиненных.

В довершеніе всѣх бѣд, как теперь выяснилось, перешейки были укрѣплены лишь на бумагѣ. Нужно сказать, что природныя преимущества были на сторонѣ Крыма. Сама природа создала из Крыма крѣпость с двумя выходами из нея — Чонгарским мостом и Перекопским перешейком. Первый представлял из себя чрезвычайно узкое дефиле, — полотно желѣзной дороги на протяженіи 2-3$^1/_2$ верст. Второй — есть ничто иное, как то же дефиле, хотя и болѣе широкое, мѣстами достигающее семи верст. Но при оборонѣ проходимость его для противника значительно сокращалась в виду того, что перешеек тянулся на 15-20 верст. Таким образом, аттакующія части как бы втягиваются в бутылку, теряя с продвиженіем вперед связь с главными силами и свободу маневрированія.

Что касается моря, то Врангель был там полным хозяином и мог всегда пресѣчь всѣ дессантныя попытки противника на крымском побережьѣ.

В теченіе многих мѣсяцев правящими кругами Крыма в русской и заграничной печати внѣдрялась мысль и распространялись сообщенія о неприступности Перекопа, усиленно создавалось убѣжденіе в том, что для взятія Крыма „нужно пройти тридцать верст природных укрѣпленій, переплетенных к тому же проволокой, залитых бетоном, начиненных минами, усовершенствованных по образцу верденских укрѣпленій французскими инженерами“ и т. д.

В дѣйствительности эти прославленныя, разрекламированныя, как неприступныя, укрѣпленія были ниже всякой критики. Теперь выяснилось, что многомѣсячныя фортификаціонныя работы, на которыя были затрачены огромныя средства, велись с преступной небрежностью при несомнѣнном попустительствѣ командных верхов.

Постройкой укрѣпленій и всей обороной руководил генерал Юзефович. Его смѣнил затѣм генерал Макѣев, который был начальником работ по укрѣпленію Перекопскаго перешейка.

Еще в іюлѣ мѣсяцѣ Макѣев в обширном рапортѣ на имя помощника Врангеля Шатилова докладывал, что чуть ли не всѣ капитальныя работы по укрѣпленію Перекопа производятся лишь на бумагѣ, так как строительные матеріалы поступают в аптекарских дозах, что он и доказывал цифровыми данными.

Послѣдующіе рапорты были написаны генералом Макѣевым в том же духѣ.

Осенью, как сообщают офицеры ставки, был послан на рекогносцировку перекопских позицій и осмотр построенных укрѣпленій генеральнаго штаба полковник Золотарев. Об'ѣхав позиціи, он пришел в ужас и представил по начальству доклад, гдѣ удостовѣрял, что никаких укрѣпленій сдѣлано не было.

— Вѣдь это же ужас, нужно бороться с ложью о перекопских укрѣпленіях, — говорили офицеры генеральнаго штаба, выслушав Золотарева.

— Я сдѣлал все, что мог, — отвѣтил Золотарев. Я написал правду и свой доклад представил Шатилову. Что будет дальше, я не знаю . . .

Шатилов доклад положил под сукно . . .

Наканунѣ катастрофы назначенный начальником приднѣпровскаго укрѣпленнаго района генерал Зембржицкій пріѣхал к генералу Макѣеву и попросил у него для себя план для обороны.

Макѣев сдѣлал удивленное лицо и отвѣтил, что, собствен-

но говоря, плана обороны никакого нѣт, а что „у него есть только одна схема, но и та нужна ему самому“.

Эти укрѣплонія, по словам лиц, их защищавших, состояли из мелких, небрежно вырытых, полуразвалившихся теперь окопов. Мѣстами, кое гдѣ была напутана проволока. Кое гдѣ валялись кучи приготовленных для укрѣпленій матеріалов. То, что было построено, никѣм не охранялось. Окрестные жители свободно растаскивали на домашнія потребности „козырьки“ окопов, блиндажи, вытаскивали колья, расхищали проволоку.

Не удивительно, что когда на Перекоп и Чонгар пришли войска, они застали эти позиціи в самом хаотическом состояніи.

Что касается артиллеріи, то не приходилось разсчитывать на пресловутыя „восемнадцать тяжелых батарей, которыя должны были воспрепятствовать большевикам поставить хоть одну свою батарею ближе, чѣм на 14 верст“. Все это, как оказалось, было чистѣйшей ложью. Тяжелыя позиціонныя батареи почти не принимали участія в оборонѣ, так как, помимо других деффектов, батареи не имѣли пристрѣленных данных, наблюдательных пунктов, налаженной связи. Тяжесть боя выпала на долю легких полевых орудій, пришедших на перешейки вмѣстѣ с войсками...

На позиціях в свирѣпые холода войска находились под открытым небом. Землянок не было. Всѣ фермы, экономіи, деревушки, были уничтожены строителями перекопских позицій то на дрова, то „по стратегическим соображеніям“.

Только теперь выяснились и дефекты природных укрѣпленій. На Сивашском заливѣ, напр., который на картѣ представляется в видѣ моря от Перекопа до Чувашскаго полуострова простиралось болото, через которое, зная дорогу, можно было провезти даже артиллерію, что облегчалось к тому же морозом.

Оборону же этого отвѣтственнаго пункта возложили на прибывших с Черноморья кубанцев, входивших в отряд генерала Фостикова, изголодавшихся, измученных людей, которые не успѣли даже передохнуть послѣ многомѣсячной тяжелой борьбы с большевиками в горах Кавказа.

В таком положеніи очутилась армія, когда наступили рѣшительные бои. Находившійся в состояніи полнаго развала тыл не мог оказать фронту ни моральной, ни матеріальной поддержки. В довершеніе всѣх бѣд желѣзнодорожное сообщеніе было окончательно дезорганизовано.

— Командующій Второй арміей генерал Абрамов, — разсказывали мнѣ чины его штаба, — с 23 по 25 октября не мог выѣхать из Севастополя в Симферополь, потому что не было

ни одного здороваго паровоза, не было топлива. Благодаря тѣм же причинам, сам Врангель едва мог прибыть на совѣщаніе с командующими арміями, которое было назначено на станціи Джанкой на 27 октября.

Внѣшних признаков катастрофы в это время, как будто бы, не было. О том, что на фронтѣ далеко не благополучно, на это указывало пока лишь массовое легальное и нелегальное дезертирство. Симферополь в эти дни, например, прямо поражал своим распущенным видом. Город до послѣдних предѣлов был переполнен строевыми и тыловыми офицерами и казался огромным военным лагерем. Частных жителей на улицах почти не было видно. В массѣ всѣ эти офицеры и солдаты под разными благовидными и не благовидными предлогами оставили фронт, и, чувствуя, что назрѣвают грозныя событія, отсиживались здѣсь, несмотря на драконовскіе приказы.

Войска в это время перегруппировывались и переформировывались. Оборона Крыма была возложена на командующаго Первой арміей Кутепова.

Короткая передышка, которая наступила вслѣд за отходом в Крым, продолжалась всего нѣсколько дней. Уже в понедѣльник 26 октября (6 ноября) в газетах появляется лаконичная, но много говорящая уму и сердцу сводка о начавшихся боях на Перекопѣ. На слѣдующій день в наиболѣе освѣдомленном из тыловых пунктов, в Севастополѣ, уже носятся слухи о жестоких аттаках красных и о возможной эвакуаціи. В среду в газетах можно было читать слѣдующую оффиціальную сводку.

— В Перекопском районѣ на наших главных позиціях упорные бои продолжаются. Противник вводит в дѣло новыя подкрѣпленія и ведет настойчивыя аттаки. В районѣ Карповой Балки красными взята наша первая линія окопов. На остальных участках—без перемѣн...

Фронт в это время находился в отчаянном положеніи. Сосредоточив силы, красные повели рѣшительное наступленіе, стремясь к тому, чтобы одним мощным ударом покончить с Крымом. Этот удар совпал с годовщиной трехлѣтія Совѣтской Республики. Коммунистическіе полки, „огненныя дивизіи“, латышскіе полки, ударныя колонны — словом, отборныя силы красных с небывалым ожесточеніем и рѣшимостью бросились штурмовать послѣдній оплот Крыма.

Главный удар противника совпал с моментом перегруппировки частей Крымской арміи, которую предпринял Кутепов, разсчитывая на пассивность большевиков. Конечно, это не могло не отразиться самым тяжелым образом на общем ходѣ военных дѣйствій, ибо в самый критическій період измотанныя, де-

зорганизованныя войска оказались застигнутыми врасплох и многія части не могли быть введены в дѣйствіе.

Начиная с понедѣльника (26 октября — 8 ноября) красная артиллерія вела сильный орудійный огонь. Дезорганизованная во время отхода из Сѣверной Тавріи артиллерія защитников Крыма скоро замолчала. Крымскія войска окончательно падали духом, начинали распыляться, переходить на сторону противника...

Аттакуя с фронта, красные в ночь с понедѣльника на вторник переправляются вброд через Сиваш, сбивают недавно прибывших с Черноморья плохо воруженных, дезорганизованных кубанцев, занимавших Чувашскій полуостров, и выходят в глубокій тыл перекопской группы войск, расположенной на первой укрѣпленной позиціи у Армянскаго Базара. Кутепов отходит с Перекопских позицій на вторую укрѣпленную линію между Перекопом и Юшунью. С невѣроятным трудом части пробивают себѣ дорогу в тыл, оставляя вмѣстѣ с первой укрѣпленной полосой свою артиллерію и неся большія потери в личном составѣ.

Аттаки не прекращаются. Красные подавляют стоим упорством и численностью.

— А у нас, — разсказывал мнѣ командир Донского корпуса Калинин, — благодаря неудачным перегруппировкам и распоряженіям, в самый отвѣтственный момент на позиціях было не болѣе трети всѣх войск, причем остальные находились в прогульном состояніи. Мороз свирѣпствовал, а смѣны частям не было. Люди коченѣли. Ими начинала овладѣвать апатія и полное безразличіе к дальнѣйшему ходу событій...

Тыловой удар красных окончательно подорвал моральную стойкость бойцов, для которых становилось очевидным, что „неприступныя позиціи“ очень доступны для противника. Трудно было теперь доказать, что главныя укрѣпленія у Юшуни находились в надежных руках. Наоборот, удача окрылила большевиков и сразу же показала, что никаких неприступных укрѣпленій на Перекопѣ не имѣется.

Исход борьбы казался предрѣшенным, что сознавали в верхах команднаго состава. В ставкѣ начинают спѣшно готовиться к предстоящей эвакуаціи.

— Эта подготовка, — разсказывал мнѣ Врангель, — началась еще раньше. С момента заключенія перемирія между поляками и большевиками, хотя и было рѣшено продолжать борьбу во что бы то ни стало возможно дольше, я понял, что участь наша предрѣшена. В виду этого, я начал готовиться к отходу и эвакуаціи, поставив своей задачей не допустить уничтоженія арміи. Всѣ приготовленія дѣлались под предлогом подготовки к дессанту для соединенія с украинцами, и, кромѣ генера-

ла Шатилова и двух командующих арміями, никто не был посвящен в секрет. Предвидя неизбѣжный исход, я все же надѣялся использовать укрѣпленія Перекопа, задержаться здѣсь продолжительное время...

Надеждам этим не суждено было осуществиться. Армія распылялась и таяла с каждым часом. Тыл наполнялся дезертирами. Не сегодня-завтра можно было ожидать открытаго выступленія зеленоармейцев.

— Тогда, — разсказывал мнѣ Артифексов, генерал для порученій при Врангелѣ, — мы рѣшили уходить из Крыма, и Кутепову приказано было продержаться еще дней шесть. К этому моменту уже разработан был весь план эвакуаціи. Учитывая новороссійскую катастрофу, когда все было сосредоточено в одном пунктѣ, рѣшено было эвакуироваться разсредоточено, использовав для погрузки не только Севастополь, но также Евпаторію, Ялту, Феодосію и Керчь.

Фронтовики в это время дѣлали послѣднія усилія, чтобы задержать противника на второй линіи, куда был брошен лучшій конный корпус генерала Барбовича и Донской корпус Калинина.

— Числа 27 октября, — разсказывал мнѣ Калинин, — я прибыл, как мнѣ было приказано, в район Карповой Балки. Это было в тот момент, когда на Барбовича было произведено ночное нападеніе, и он принужден был оставить Карпову Балку. Энергичной контр-аттакой ему удалось, все-же, выбить из нея противника. Однако, пѣхота, которая занимала позиціи впереди Карповой Балки и к западу от нея, под вліяніем этого налета снялась и ушла. Позиціи остались за красными. Я подошел в это время и подчинился Барбовичу, которому была теперь ввѣрена группа войск, защищавших Крым. В этот момент пріѣхал Кутепов. Находились мы тогда южнѣе Карповой Балки.

— Было рѣшено перейти в контр-наступленіе с тѣм, чтобы, во первых, очистить Чувашскій полуостров, и затѣм выйти во фланг и тыл частям красных, дѣйствовавшим против Корниловской дивизіи в направленіи на Юшунь, чтобы облегчить ея положеніе.

— К вечеру, однако, мы принуждены были отойти на предпослѣднюю укрѣпленную линію. Положеніе становилось настолько серьезным, что мнѣ пришлось занимать позиціи спѣшенными частями первой конной дивизіи, ибо пѣхота была в очень скверном состояніи. Грозным симптомом был переход на сторону противника цѣлых частей — двух кубанских полков, двух батальонов Дроздовской дивизіи. Послѣднее обстоятельство так подѣйствовало на генерала Туркула, начальника этой дивизіи,

что он заболѣл нервным разстройством, сдал командованіе и уѣхал в тыл.

Аттаки противника еще сдерживались, но становилось очевидным, что дѣлу—конец, так как красные уже овладѣли и послѣдней Юшуньской укрѣпленной позиціей. Подведенные из резерва корниловцы заняли было Юшунь, но обходом в тыл красные снова выбили их оттуда.

Послѣдняя укрѣпленная полоса, — Юшуньскія укрѣпленія, — была сдана 29 октября (11 ноября). Ночью красные прорвались также и на Чонгарскій полуостров.

— О сдачѣ Юшуни, — разсказывал Калинин, — я узнал от Барбовича, с которым стоял рядом. От него же узнал, что, прорвав укрѣпленныя линіи, красные бросили нам в тыл свою конницу.

— Когда я уходил от Барбовича, спустился летчик и передал пакет от главнокомандующаго с директивой:

— Приказываю грузиться на корабли.

Барбович мнѣ не сказал об этой директивѣ, и я продолжал участвовать в бою. Подойдя к Юшуни, я увидѣл большую колонну красной конницы, которая, выдвинув заслоны против нас, продолжала двигаться в южном направленіи по симферопольскому шоссе. К этому времени подошел ко мнѣ и Барбович...

Было ясно, что все кончилось...

Штабы арміи Первой и Второй направились к конечным пунктам эвакуаціи — в Севастополь и Керчь. Вечером 29 октября (11 ноября) штаб Абрамова из Симферополя прибыл в Джанкой, гдѣ находился штаб Кутепова. В штабѣ послѣдняго наблюдалась полная растерянность, сознаніе полной обреченности. На станціи царил хаос. Всѣ пути были забиты поѣздами. Офицеры, солдаты, бѣженцы, метались, бросались из одной стороны в другую. С фронта поступали свѣдѣнія о том, что всѣ укрѣпленныя позиціи оставлены, что широкая волна красных безпрепятственно вливается в горло крымской бутылки. Начинался хаос, развал и анархія. Уже брошен был в массы лозунг — „спасайся кто может". Уже говорили о предательствѣ со стороны высшаго командованія. Уже открыто раздавались возгласы озлобленных солдат и офицеров:

— Генералы спасают свою шкуру. Армію сдают большевикам. Нашими головами хотят купить себѣ спасеніе...

Армія распылялась. Ненависть фронта к тылу, преломившись через призму хулиганства и звѣринаго инстинкта самосохраненія, прорвалась здѣсь с необычайной остротой. Всѣ бросились к поѣздам, отходившим на Севастополь. Штатских выталкивали из вагонов.

— Опять буржуи спасаются, а нам погибать, — слышались крики.

— Довольно... Насмотрѣлись раньше... Опять чемоданы, подушки везут... Ребята, выбрасывай их вон. Гони эту сволочь.

— Опять пароходов не хватит...

— Нѣт, теперь мы всѣх „их" сами в воду покидаем...

Стоны, вопли, плачь...

Подножки, крыши вагонов, платформы, буфера, площадки, — все было заполнено сплошной сѣрой массой. С револьверами в руках гнали от поѣздов штатских. Как звѣри, дрались за мѣста между собою... Всѣм казалось, что вот-вот появятся большевики. У всѣх была одна мысль, одно желаніе: поскорѣе попасть в порт, чтобы первым сѣсть на корабль.

Чтобы выиграть время для эвакуаціи частей, находившихся на фронтѣ, было приказано быстрыми переходами оторваться от противника, отдѣлившись от него дистанціей в два перехода, и затѣм, таким же ускоренным маршем слѣдовать к мѣстам погрузки. Добровольческія части Кутепова начали отходить в Севастополь, конницѣ Барбовича приказано было грузиться в Ялтѣ, кубанцам — в Феодосіи, донцам — в Керчи.

Я, — разсказывал мнѣ Калинин, — рѣшил отступать с своими донцами вмѣстѣ с Барбовичем, потому что, в виду больших потерь и утечек, которыя доходили до 50%, у него от всего корпуса осталось шашек пятьсот. У меня же казачьей конницы было до четырех с лишним тысяч. Учитывая также слабость частей, отправленных на Севастополь, мы рѣшили отходить на Ялту, чтобы, сдерживая противника в районѣ Сарабузы — Симферополь, дать возможность грузиться в Севастополѣ, а самим через Бахчисарай двинуться на Ялту, гдѣ держаться на горах до тѣх пор, пока не будут поданы суда для погрузки частей Барбовича. О нашем планѣ мы сообщили в ставку.

Узнав об этом самостоятельном рѣшеніи, Врангель был возмущен до глубины души.

Как разсказывал мнѣ донской атаман Богаевскій, Врангель явился к нему и заявил:

— Ваш донской корпус прямо рѣжет меня.

— В чем дѣло.

— Я отдал донцам распоряженіе идти на Керчь. Вдруг я получаю извѣстіе о том, что донцы направляются на Севастополь и Ялту. Поймите, какой ужас будет, когда сюда явится такая масса войск, для которых не хватит судов. Это будет хуже новороссійской катастрофы. Я прошу вас дать телеграм-

му в Донской корпус, и в самой рѣшительной и категорической формѣ требовать исполненія моего приказа.

Богаевскій послал такую телеграмму. В свою очередь, Врангел категорически запретил измѣнять директиву, возлагая вину на Калинина, если части не будут погружены.

— С большой грустью, — разсказывает Калинин, — разставались мы е Барбовичем. На прощанье мы дали друг другу торжественное обѣщаніе, что в отношеніи посадки Барбович в Ялтѣ будет заботиться не только о своих солдатах, но и о донцах, а я в Керчи позабочусь о его солдатах.

Что же происходило в это время в тылу?

До послѣдняго момента тыл был загипнотизирован лживыми сообщеніями ставки. Нужно было прямо поражаться тому безстыдству, с которым оффиціальные круги извращали обстановку. Никогда еще в станѣ бѣлых не было такой беззастѣнчивой рекламы. Никогда еще с такой смѣлостью не вводили в заблужденіе русскаго и европейскаго общественнаго мнѣнія. Даже в тот момент, когда началась катастрофа не только крымскія газеты, но и вся европейская пресса, почти всѣ заграничныя русскія газеты, кромѣ пражской „Воли Россіи", восхваляли Врангеля за его успѣхи. Лесть и ложь прикрывали собою развал фронта и дезорганизацію тыла.

Болѣе чѣм характерно, что даже в четверг 29 октября (11 ноября) в Симферополѣ ничего не знали о том, что катастрофа уже наступила. Правда, наканунѣ извѣстія с фронта говорили о яростных аттаках противника уже на Юшунскія позиціи. В городѣ заговорили было о том, что создается критическое положеніе. Однако, вечером в четверг начальник гарнизона заявил журналистам, что положеніе на фронтѣ серьезное, но что приняты всѣ мѣры и что нѣт никаких основаній к тому, чтобы опасаться за судьбу Симферополя.

А на вокзалѣ в это время уже готовились к отправкѣ послѣдніе поѣзда. Когда в 12 часов ночи журналисты направились к таврическому губернатору, Ладыженскому, то оказалось, что эвакуація у губернатора уже идет полным темпом.

Свѣдѣнія о катастрофѣ быстро разнеслись по городу. Город панически эвакуировался. Цѣлую ночь по улицам Симферополя тянулись грузовики, подводы, конные и пѣшіе люди. Представители администраціи, интеллигенціи и буржуазіи бросали на произвол судьбы квартиры, имущество, и присоединялись к панической лавинѣ бѣженцев, сплошной массой двигавшейся к югу. Всюду можно было наблюдать душураздирающія картины. В госпиталях стояли стон и плач. Больные и раненые шли пѣшком к вокзалам. Цѣпляясь за стѣнки, шатаясь от слабости,

двигались тифозные. Калѣки ползли по землѣ, умоляя Христом Богом помочь им выбраться из города.

В пятницу вечером из Симферополя отошел поѣзд Кутепова и послѣдніе поѣзда. В городѣ уже шла ожесточенная перестрѣлка, которую подняли зеленоармейцы и выпущенные из тюрьмы уголовные . . .

Лавина бѣженцев и воинских частей неудержимым потоком катилась в Севастополь.

А там о катастрофѣ на фронтѣ узнали лишь тогда, когда бои шли уж на послѣдней укрѣпленной линіи. Тревога, наблюдалась уже с момента отхода за Перекоп, с 20 числа октября. Но все же в массѣ, воспитанной на прежних сообщеніях, о неприступности Перекопа, знающей, что у Врангеля много войск на узком перешейкѣ и вспоминающей прошлогоднюю защиту Крыма генералом Слащевым, в общем, преобладало убѣжденіе, что на перешейкѣ произойдет задержка на долгое время, а быть может, скоро войска снова выйдут в Сѣверную Таврію.

Таково было настроеніе и в учрежденіях главнаго командованія. Характерно, что еще наканунѣ дня, когда был отдан оффиціальный приказ об эвакуаціи, в министерствах правительства Врангеля велись разговоры, строились планы дѣлового и фактическаго характера. Особенно бросалось это в глаза в отдѣлѣ торговли и промышленности, гдѣ министр Налбандов вел оживленные переговоры с промышленниками по поводу различных коммерческих комбинацій и предпріятій. А на другой день не оставалось никаких сомнѣній в гибели дѣла. Тот же Налбандов, к которому, по его приглашнію, явились коммерсанты для заключенія сдѣлок, растерянно пожал плечами и, сдѣлав жест в сторону висящей карты, заявил:

— Какіе бы то ни было дѣловые разговоры сейчас совершенно исключаются. На фронтѣ совсѣм плохо . . .

В таком же положеніи полнѣйшей неосвѣдомленности находились не только члены казачьих правительств, но и атаманы, которые не знали об истинном положеніи на фронтѣ и о предстоящей эвакуаціи до момента фактическаго ея об'явленія.

— Дня за два до этого, — разсказывал мнѣ член донского правительства Васильев, — я шел себѣ беззаботно на вокзал в поѣзд к атаману. По дорогѣ встрѣтился с помощником начальника военно-санитарнаго управленія Каклюгиным. Он отозвал меня в сторону и говорит:

— Со вчерашняго дня у нас в санитарном вѣдомствѣ идет подготовка к эвакуаціи. Дѣлается это под предлогом перегруппировки лазаретов...

А по городу в это время уже ползли зловѣщіе слухи, сна-

чала слабые и едва уловимые, потом все болѣе и болѣе настойчивые о начавшейся эвакуаціи. Во вторник 27 октября (9 ноября) тревога в городѣ нарастает. С фронта поступают свѣдѣнія о жестоких аттаках красных. Глухо говорят о большом прорывѣ, о полном разложеніи арміи, о том, что с часу на час нужно ожидать оффиціальнаго об'явленія эвакуаціи. На улицах началась суматоха. Уже к пристаням потянулись толпы людей. В магазинах с лихорадочной торопливостью упаковывали товары. Платили бѣшеныя деньги за то, чтобы увезти грузы из Севастополя. Всѣ бросились к размѣнным конторам искать валюты. На базарах исчезли продукты. За то, что можно было достать, платили астрономическія цифры...

Вечером в среду 22 октября (10 ноября) отдан был приказ об эвакуаціи.

— Русскіе люди! — пишет в своем приказѣ Врангель, — оставшаяся одна в борьбѣ с насильниками Русская Армія ведет неравный бой, защищая послѣдній клочек русской земли, гдѣ существуют право и правда.

— В сознаніи лежащей на мнѣ отвѣтственности, я обязан заблаговременно предвидѣть всѣ случайности.

— По моему приказанію уже приступлено к эвакуаціи и посадкѣ на суда в портах Крыма всѣх тѣх, кто́ раздѣлял с Арміей ея крестный путь: военно-служащих, чинов гражданскаго вѣдомства с их семьями и тѣх отдѣльных лиц, которым могла бы грозить гибель в случаѣ прихода врага.

— Армія прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ея эвакуаціи суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанію. Для выполненія долга перед Арміей и населеніем сдѣлано все, что в предѣлах сил человѣческих.

— Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности.

— Другой земли, кромѣ Крыма, у нас нѣт. Нѣт и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всѣх о том, что их ожидает.

— Да ниспошлет Господь всѣм силы и разум одолѣть и пережить русское лихолѣтіе.

С анологичным предупрежденіем в тот же день выступило и крымское правительство, заявляя, что:

— Правительство Юга Россіи считает своим долгом предупредить всѣх о тѣх тяжких испытаніях и лишеніях, кои ожидают выѣзжающих из предѣлов Россіи. Недостаток тоннажа приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбѣжно длительное пребываніе на рейдѣ и в морѣ. Кромѣ того, совершенно неизвѣстна дальнѣйшая судьба от'ѣзжающих, так как

ни одна из иностранных держав не дала своего согласія на принятіе эвакуируемых.

— Правительство Юга Россіи не имѣет никаких средств на оказаніе какой бы то ни было помощи — как в пути, так и в дальнѣйшем.

— Все это заставляет правительство совѣтывать всѣм тѣм, му не угрожает непосредственной опасности от насилій врага, оставаться в Крыму.

Эти предупрежденія, конечно, не дошли до фронта в виду плохой связи. Не были освѣдомлены об этом и отъѣзжавшіе, так как в послѣдніе дни газеты или не выходили, или выходили в ограниченном количествѣ экземпляров. К тому же, какое значеніе могли имѣть такого рода заявленія для представителей аристократіи, бюрократіи, буржуазіи, интеллигенціи, служащих безчисленных учрежденій и т. д. Всѣ эти люди были связаны с арміей. В теченіе долгаго времени съѣзжались они в Крым, как послѣдній оплот бѣлых. Остаться и не уѣзжать для каждаго из этих лиц было равносильно смертному приговору.

29 октября (11 ноября) в Севастополѣ всѣ улицы и набережная были запружены людскими массами. Со всѣх сторон в Севастополь прибывали новыя и новыя толпы бѣженцев, офицеров и солдат. Ѣхали на подводах, шли пѣшком. За подводы платили милліоны. До Севастополя поѣзда не доходили, так как лавина бѣженцев катилась по полотну желѣзной дороги, втягивалась и закупоривала многочисленные туннели. На дорогѣ валялись испорченные автомобили, брошенныя повозки, телѣги, бродили лошади. Здѣсь же шныряли мородеры и грабители... За городом были разставлены заставы, которыя не позволяли подводам продвигаться в Севастополь и загружать улицы...

Толпы бѣженцев со всѣм своим скарбом в теченіи трех суток стояли вдоль бухты сплошной массой, терпѣливо ожидая погрузки, боясь отлучиться от пристани, чтобы не пропустить очереди.

Врангель со своим штабом и всѣми учрежденіями во избѣжаніе всяких случайностей переѣхал в гостинницу Киста, которая была расположена на Графской пристани.

В городѣ начинался погром, пожары. Горѣл грандіозный склад Американскаго Краснаго Креста на мельницѣ Радоконаки и склад интендантскаго имущества. Ночью зарево страшнаго пожара озаряло город. По улицам проходили автомобили, телѣги... Казалось, все населеніе переполненнаго Севастополя бросилось к пристаням. Казалось, что весь город ѣдет...

Власть в городѣ переходила в руки городского самоуправленія. В виду начавшихся грабежей и погромов, к Врангелю в

гостинницу Киста явилась 31 октября (13 ноября) думская делегація, указывая на необходимость образованія городской самообороны.

— Я не допущу этого ни в коем случаѣ, — отвѣтил Врангель, — так как этим могут воспользоваться большевики, чтобы помѣшат эвакуаціи.

Однако, рабочіе уже с'организовали отряды для самообороны, и уже самостоятельно начали борьбу с погромами и грабежами.

По ходатайству делегаціи были освобождены из тюрем политическіе заключенные. Однако, для многих освобожденіе пришло слишком поздно, так как в дни эвакуаціи не мало политических было разстрѣляно охранявшими тюрьмы офицерами и юнкерами, считавших всѣх политических большевиками.

Никаких точных свѣдѣній о фронтѣ не было. Никто не знал, гдѣ Красная армія, гдѣ идут бои, и идут ли они. Носились слухи о мирных переговорах. Дѣйствительно, большевики в послѣдній момент предлагали Врангелю капитулировать, указывая на безцѣльность дальнѣйшаго сопротивленія и обѣщая амнистію сложившим оружіе.

Врангель отклонил эти предложенія.

—Когда в момент окончательной погрузки была принята радіотелеграмма с предложеніем капитулировать, — разсказывал он мнѣ, — я приказал снять аппараты...

В субботу Севастополь совершенно измѣнил свой внѣшній вид. Эвакуировавшіеся в массѣ уже погрузились на пароходы. Больше мѣст не было. На улицах Севастополя царила зловѣщая тишина. Оживленіе наблюдалось лишь в районѣ вокзала, куда вливался бѣженскій поток. На самом вокзалѣ — ни души. Зеркальные поѣзда... Около них — груды винтовок, пулеметы, брошенные второпях чемоданы... Жители попрятались ... Они переживали страшные часы. Проходя по Нахимовскому проспекту, можно было видѣть массу битаго стекла. Разбитыя окна магазинов напоминали о погромѣ. Из окон выглядывали пугливыя лица. Иногда, торопливо втянув голову в плечи, через улицу перебѣгал мѣстный абориген. На базарѣ — нѣсколько раскрытых ларьков. Десяток яиц стоит 75.000 рублей. Вокруг Нахимовской площади и гостинницы Киста стояли наряды юнкеров. На каждую улицу смотрѣли жерла пулеметов. Без разрѣшенія дежурнаго офицера на площадь никого не пропускали. Получившіе в послѣдній момент разрѣшеніе на погрузку направлялись в Килен-Бухту, гдѣ грузились дроздовцы и корниловцы. Дорога к бухтѣ была усѣяна патронами, револьверами, тачанками без хозяев. Здѣсь толпились не успѣвшіе погрузиться. Они метались в па-

никѣ и переживали кошмарные часы, переходя от надежды на спасеніе к полному упадку духа.

Часа в два дня на Нахимовской площади, вѣрный себѣ в соблюденіи декорума, Врангель дѣлал послѣдній смотр юнкерам. Смотр кончился. Врангель ушел. Публикѣ заявили, что больше мѣст для погрузки нѣт. На пристанях—густая толпа... Немногим счастливцам еще удается погрузиться на американскія и французскія военныя суда...

1-13 ноября Врангель на крейсерѣ „Генерал Корнилов" вышел на рейд. Послѣдній тоннаж был послан в Артиллерійскую бухту, гдѣ скопилось много частей, которыя не успѣли сѣсть на пароходы.

Наконец и послѣдній пароход отчаливает от пристани. На набережной — густая толпа. Стоны, вопли... Многіе тут же стрѣляются, бросаются в воду, стараясь вплавь добраться до пароходов...

На встрѣчу приближавшимся к городу красным уже выѣзжали с бѣлым флагом представители городского самоуправленія.

Корабли направлялись к берегам Босфора, куда рѣшено было эвакуироваться, о чем генерал Врангель увѣдомил представителя Франціи графа де-Мартель лишь в послѣдній момент, наканунѣ выѣзда, 31 октября (13 ноября), послав ему письмо слѣдующаго содержанія:

— Господин Верховный Коммиссар! В момент, когда обстоятельства принуждают меня оставить Крым, я считаю себя обязанным учесть возможность дальнѣйшаго употребленія моей арміи, хотя бы на одном из участков, занятых еще русскими силами, признавшими мое главенство. Сохраняя за собою право использовать эти силы в зависимости от той возможности, которая будет мнѣ представлена для возобновленія борьбы на родной землѣ, с одной стороны, с другой,—учитывая, что Франція, — единственная из держав, признавшая Правительство Юга Россіи и обѣщавшая ему свою поддержку моральную и матеріальную, — я отдаю мою армію, флот и всѣх тѣх, кто ушел со мною, под ея покровительство. Вслѣдствіе этого я отдал приказаніе русскому военному флоту и коммерческим кораблям при входѣ в Константинополь поднять на фок-мачтах французскій флаг. Я заявляю, что корабли могут быть приняты в обезпеченіе платежей, которые падут на Францію, и расходов, связанных с принятіем ей обязательств в отношеніи эвакуируемых воинских частей и населенія.

Что же происходило в это время в Евпаторіи, Феодосіи, Ялтѣ и Керчи, гдѣ также, как и в Севастополѣ, шла погрузка на корабли?

— 28 октября, — разсказывал мнѣ управляющій отдѣлом внутренних дѣл, член донского правительства Шапкин, — в Евпаторіи у нас происходило засѣданіе Круга. О фронтѣ мы ничего не знали и об эвакуаціи не подозрѣвали. Как всегда, мы собрались на засѣданіе Круга. Иду и я туда. Вдруг ко мнѣ подбѣгает один из генералов членов Круга и говорит:

— Слышали, что назначена эвакуація?

— Бог с вами, что вы такое говорите...

— Да, я серьезно говорю. У начальника гарнизона уже имѣется приказаніе о составленіи списков эвакуируемых...

— Этого быть не может, — возразил Шапкин.

— Даю вам честное слово. Об этом уже оффиціально говорят.

— Я, — разсказывал Шапкин, — встрѣтил предсѣдателя правительства генерала Апостолова, и члена правительства Свѣтозарова и сообщил им, что вон, мол, какая исторія получается. Порѣшили, чтобы Апостолов пошел к начальнику гарнизона и выяснил это дѣло. Сами же пошли на засѣданіе Круга Там никто ничего не знает. Предсѣдательствует генерал Янов. Идет большая закулисная работа, чтобы „свалить“ правительство...

Переговорив с начальником гарнизона, Апостолов пришел на Круг и сообщил членам правительства, что все это правда: эвакуація, дѣйствительно, об'явлена.

Между тѣм, члены Круга уже поняли по встревоженным лицам министров, что произошло что то экстраординарное. Стали спрашивать:

— В чем дѣло? Что такое?

Апостолов переговорил с Яновым, который в паникѣ открыл засѣданіе.

Предсѣдатель правительства сообщил членам Круга потрясающую новость, заявил, что он будет говорить с атаманом по проводу, и что он указал начальнику гарнизона на необходимость эвакуировать донское правительство и Круг.

Донской атаман в это время в Севастополѣ и сам безпокоился о судьбѣ Круга и зашел к Врангелю, чтобы узнать, какія мѣры приняты. Врангель сказал Богаевскому, что всѣм начальникам гарнизона даны точныя инструкціи, и они знают, как поступить в каждом отдѣльном случаѣ.

— Я был спокоен, — разсказывал Богаевскій, зная, что судов есть достаточно, а потому заботился больше о тѣх, кто прибывал в Севастополь.

Вдруг 28 октября меня вызывает из Евпаторіи Апостолов и спрашивает спокойным тоном:

— Какія свѣдѣнія с фронта?

— В это время картина была уже ясна. Ясно было, что наступил конец Крыму. Когда я сообщил об обстановкѣ, Апостолов спросил, какія сдѣланы распоряженія по поводу эвакуаціи. Я был крайне поражен, когда узнал, что начальник гарнизона, находясь в 80 верстах от конницы противника, не дѣлает никаких распоряженій. Я тогда Апостолову сообщил послѣднія свѣдѣнія и сказал, что нужно торопиться. В Евпаторію будет послан лишній корабль. Но, если не хватит мѣст, то пусть члены Круга, как здоровые мужчины, предоставят мѣста женщинам и дѣтям, а сами идут в Севастополь пѣшком.

В концѣ концов, члены Круга погрузились в Евпаторіи на пароход Елпидифор. Благополучно отошли от Евпаторіи и другіе пароходы.

В Феодосіи перед катастрофой было все спокойно. Правда, город находился под опасеніем постоянных нападеній зеленых, которые особенно смѣло оперировали в лѣсной и горной частях Феодосійскаго уѣзда. Зеленые находились совсѣм близко от города и против них были высланы юнкера и офицеры офицерскаго резервнаго баталіона.

Катастрофа наступила совершенно неожиданно. За день до эвакуаціи члены кубанскаго правительства были всецѣло погружены в хлопоты по организаціи благотворительнаго вечера в пользу кубанцев. Главным организатором был управляющій военным отдѣлом кубанскаго правительства, генерал Гулыга.

Вечер этот, по словам разсказывавшаго мнѣ об этом Скобцова, был позором для Кубани. Гнѣвное возмущеніе поднималось в сердцах кубанских патріотов, когда они читали „нищенскую“ афишу, в которой генерал Гулыга, заявлял, что „всякое пожертвованіе будет приниматься с благодарностью“, когда узнавали о том, что богатые кубанскіе армяне в присутствіи замѣстителя кубанскаго атамана Винникова, по правую руку, котораго сидѣли начальник уѣзда и начальник гарнизона, платили в пользу кубанцев крупныя суммы за поцѣлуи приглашенных дам, за шампанское, которое лилось рѣкой, когда на самом вечерѣ кубанским атаманом читался приказ о зачисленіи этих армян в кубанскіе казаки.

На этом же вечерѣ произошло побоище, в котором принимал участіе и министр финансов кубанскаго правительства Гаврик. Он сидѣл за одним столом с полковником Куликом, который в пьяном видѣ позволил себѣ нѣсколько замѣчаній по адресу одной из дам.

Гаврик попытался урезонить Кулика. Но послѣдній, как разсказывают очевидцы, „начал бить Гаврика по лысинѣ“.

Публика, бросилась к дерущимся, и Гаврик не нашел ничего

лучшаго, как заявить собравшимся, что, мол, между ними происходит „политическое недоразумѣніе“.

— Это у нас на политической почвѣ, — об'яснял он гостям.

Кулик же в это время пытался избить генерала Ходкевича, который хотѣл его урезонить и увести из залы.

На другой день послѣ этого вечера был получен приказ о том что „на погрузку Феодосіи дается 72 часа“. Он буквально ошеломил всѣх своей неожиданностью.

Управляющій военным отдѣлом Гулыга бросился на провод и послал в Севастополь слѣдующую телеграмму:

— Прошу под Кубанскій корпус выслать пять кораблей. В противном случаѣ офицеры будут сброшены с кораблей и погибнут лучшіе люди Кубани...

Отвѣт на эту телеграмму не был получен.

В ночь на 31 октября (13 ноября) в Феодосіи было об'явлено осадное положеніе. В порту уже шла погрузка. Населеніе узнало об этом, когда корабли были уже почти заполнены военно-служащими и военными учрежденіями. Улицы были затоплены подводами. Всюду царил хаос и сумятица. Все хлынуло к военной базѣ, на пристань.

Для кубанцев на рейдѣ стояло два парохода „Дон“ и „Владимір“. На каждый из этих пароходов были назначены войсковым правительством коменданты. На пароходы грузились тыловыя части, бѣженцы, войсковой штаб, правительство. Грузились до 4-х часов дня. Кубанцев-фронтовиков в городѣ еще не было. В 4 часа дня в город пріѣхал генерал Фостиков, командир Кубанскаго корпуса, назначенный начальником обороны феодосійскаго района. Он прибыл на транспорт „Дон“ и в очень рѣзкой формѣ заявил:

— Вон всѣ с парохода...

Вслѣд за этим Фостиков смѣнил комендантов, назначенных войсковым штабом, и назначил своих.

— В первую очередь,—заявил Фостиков,—должны быть погружены войсковыя части. Я никому не позволю грузиться, пока не будут погружены мои казаки.

Настроен Фостиков был весьма нервно. Он увидѣл кубанскаго „военмина“ Гулыгу и крикнул ему:

— Это вы член правительства по военным дѣлам? Пожалуйте сюда...

Гулыга подошел к Фостикову и взял под козырек.

— Всѣх вон,—повторил свой приказ Фостиков.

Началась паническая разгрузка. Часть воинских учрежденій сошла добровольно. Другим сообщили ложную вѣсть об обратном взятіи Перекопа. „Штатских“ перестали пускать на мол.

Пароходы стояли в ожиданіи частей не погруженными. На утро, в воскресенье под предсѣдательством Фостикова состоялось совѣщаніе, на котором был выработан новый план погрузки. С фронта уже прибыли в значительном количествѣ войска, тѣсным кольцом окружившія единственный вход в ограду порта. В городѣ было уже свыше десяти тысяч войск, обозы, хозяйственныя и тыловыя части. Все это грузилось вмѣстѣ с кубанскими учрежденіями, Радой и бѣженцами на „Владимір". На „Дон" погружались исключительно части Фостикова. Улицы, площади, были запружены войсками и обозами. Три параллельных пути, ведущих к порту, были закрыты даже для пѣшеходов.

Войска сначала смирно ожидали погрузки, думая, что находящіяся в порту суда смогут вмѣстить всѣх.

О противникѣ были самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія.

Когда началась погрузка на „Владимір", то выяснилось, что пароход не может принять болѣе пяти тысяч человѣк. Нужно же было посадить свыше десяти тысяч. Морское начальство запротестовало против такой невѣроятной перегрузки, предупреждая, что пароход может перевернуться.

Но с этими предупрежденіями никто не считался. Да и что было дѣлать?..

К вечеру, когда погрузка была уже закончена, к Феодосіи подошли части терско-астраханской дивизіи под командой генерала Агоева. Они пришли в полном безпорядкѣ, отдѣльными бандами и стали требовать погрузки.

Страшная картина творилась на пристани. Озлобленной руганью и проклятіями осыпали оставшіеся сидѣвших на кораблях. Яростно ругали командный состав.

— Головы позакрутили нам, а теперь „тикаете" вмѣстѣ с вашим Врангелем...

Фостиков не появлялся и сидѣл на кораблѣ...

Жуткую и грозную картину представлял собою феодосійскій порт в послѣдніе часы эвакуаціи вечером 31 октября (13 ноября). Электрическая станція еще работала. Тусклый свѣт освѣщал ужасныя сцены, точно выхваченныя из дантовскаго „Ада".

На пристани скопились тысячи обезумѣвших людей, не имѣвших возможности погрузиться на корабли. Вдоль всей проволочной ограды военнаго порта тянулись, казалось, несмѣтныя толпы военных, все еще надѣявшихся на погрузку. Вмѣстѣ с нескончаемыми лентами повозок и лошадей, они запрудили всѣ прилегающія к центру улицы и прекратили всякое движеніе. Все это переплелось в одну сплошную компактную массу и точно замерло в страшном тяготѣніи к центральным воротам

порта, гдѣ крики, гул и шум достигали своего апогея. В военном порту—нервная погрузка, высадка штатских и тыловиков, выкидываніе вещей с борта... А в то же время в трех верстах от Феодосіи, на станціи Сарыголь начали взрывать склады со снарядами. Все озарилось страшным кровавым заревом с одной стороны пристани, с другой показалось зловѣщее зарево от подожженных складов и стоящих на путях вагонов с сѣном. Стало свѣтло, как днем. Французскій крейсер быстро отходил из порта, приняв взрывы снарядов за начало боевых дѣйствій.

Толпы бѣженцев умоляли французов принять их на борт. Крики зависти и проклятія неслись вслѣд быстро уходившему кораблю с пристани, не попавшей в сферу военнаго порта, гдѣ скопились тысячи гражданских лиц, не имѣвших возможности пробиться сквозь тройной ряд очередей, и питавших все же луч надежды на погрузку. Тут же—несмѣтное количество вещей, товаров, багажа, растаскиваемых всѣми желающими...

Зловѣщее зарево разгоралось... Оставшіеся в городѣ жители попрятались в своих квартирах и комнатах. Главная улица города—Итальянская,—огласилась треском от взламываемых дверей магазинов: это воинскія части приступили к грабежам...

А в военном порту бушевала темная, озвѣрѣвшая масса людей, требуя немедленной погрузки на переполненные до послѣдних предѣлов пароходы. Несмотря на это, рѣшено было взять на „Владимір" еще 400 человѣк. Когда спустили трап, толпа заревѣла и бросилась на пароход. Началась давка. Люди стали сталкивать друг друга в воду. Трап затрещал. Комендант парохода приказал поднять трап и заявил, что больше ни одного человѣка он не примет.

— В таком случаѣ, я остаюсь с казаками, — заявил ему начальник терско-астраханской дивизіи Агоев.

По адресу сидѣвших на пароходѣ неслись с пристани яростныя ругательства и проклятія.

— Вы все равно не уѣдете.

— Стрѣлять будем...

— Давай сюда батарею. Подкатывай ее... Пропадать, так всѣм пропадать...

— Выбрасывай всѣх баб...

— Офицерья и бабья понатаскали, а нас бросаете, нас не хотите брать...

— Спекулянтов в море...

Можно себѣ представить, что переживали в этот момент находившіеся на пароходѣ, гражданскіе бѣженцы и женщины в особенности. Момент был критическій.

Туши огни,—раздалась команда с парохода.

— Руби канаты...

Пароход стал отчаливать.

Толпа заревѣла. Гул проклятій повис в воздухѣ. Свисты, гам, рев...

— Уходят, проклятые...

— Давай сюда орудіе. Артиллеристов на пристань...

Не взирая на это, было все же отдано распоряженіе выходить на рейд.

Как ни был перегружен пароход, Фостиков приказал подвозить на „Владиміра" людей на катерах. „Дон" же был погружен нормально и там не было никакой давки. В концѣ-концов, вмѣсто максимальной цифры пяти тысяч человѣк, „Владимір" погрузил 11,800 человѣк.

Погрузка закончилась. Корабли уходили в море, оставив в Феодосіи тысячи людей на произвол судьбы. Из иностранных судов на французском крейсерѣ уѣхало человѣк 150 богатых армян. Нѣсколько человѣк уѣхало на американском миноносцѣ и на огромном пустом американском пароходѣ „Фараби".

Ночью же прибывшія в Феодосію части, видя, что погрузка закончилась, присоединились к громилам и приступили к поголовному грабежу магазинов и складов, а затѣм направились походным порядком на Керчь. Утром в Феодосіи появились кавалерійскіе раз'ѣзды зеленых, оказавшіеся предвѣстниками красной кавалеріи, занявшей Феодосію к 10 часам в воскресенье 1—14 ноября.

В сосѣдней Ялтѣ все еще было спокойно. В момент отхода послѣдних судов из Феодосіи, Ялта оставалась такой же тихой и прелестной, как всегда. Во всѣх домах горѣли огни. Видно, ни один из ялтинцев не сидѣл без работы по... спѣшному припрятыванію вещей.

2—14 ноября, как раз в день основанія Добровольческой арміи, к Ялтѣ подошел крейсер „Корнилов", на котором ѣхал Врангель. Он сам имѣл возможность убѣдиться, что погрузка в Ялтѣ идет в полном порядкѣ.

Позже всѣх эвакуировалась Керчь, куда отходили донцы.

Отход совершился без давленія со стороны противника, который, повидимому, был озадачен столь быстрым отступленіем и опасался ловушки. К тому же конныя части красных были сильно измотаны, тогда как крымская конница не жалѣла лошадей, стремясь как можно скорѣе добраться до мѣст посадки.

— Дойдя до Сарабуз,—разсказывал мнѣ Калинин,—я повернул на Керчь. Часть же донцов отходила самостоятельно по линіи Джанкой-Керчь. Я предполагал в случаѣ сильнаго нажима противника задержать его на Ак-Манайских высотах, гдѣ

приказал сосредоточиться отходившей самостоятельно третьей донской дивизіи и ожидать подхода моего коннаго корпуса. Противник в это время наступал по двум направленіям на Симферополь — со стороны Юшуни и со стороны Джанкоя. Частью сил большевики двигались на Ак-Манайскія позиціи.

В тот момент, когда Калини разстался с Барбовичем, Симферополь был занят зелеными. Хотя их выбили терцы и астраханцы, однако, город был разграблен до тла.

Пройдя Карасубазар и переночевав в 25 верстах от Симферополя, донцы, ведя арріергардные бои с зелеными, направились по шоссе к Феодосіи. Дорога размокла. Настроеніе у всѣх было нервное, приподнятое. Лошадей не жалѣли и двигались по сто верст в сутки.

— Феодосію, — разсказывал Калинин, — я нашел в состояніи полной анархіи. В городѣ распоряжался уже военно-революціонный комитет. Посадка уже закончилась. За неимѣніем кораблей, очень много кубанцев не могли погрузиться и находились в Феодосіи, не зная, что дѣлать. Я предложил им слѣдовать со мною в Керчь.

„Ликвидировав“ феодосійскій военно-революціонный комитет, состоявшій из четырнадцати человѣк мѣстных коммунистов, казаки двинулись к Керчи, так как в Феодосіи каждую минуту могли появиться красные.

1 — 14 ноября вечером донцы и кубанцы подошли к Ак-Манаю. Сюда уже подходили большевики — и потому дорога была каждая минута.

— Я разсчитал, — сообщает Калинин, — что, если буду драться с насѣдавшим противником, то опоздаю к погрузкѣ, тѣм болѣе, что получил свѣдѣнія о высадкѣ краснаго дессанта в районѣ сѣвернѣе Керчи. Без отдыха я пошел на Керчь и 3 — 16 вечером туда прибыл. Генерал Абрамов передал мнѣ всю полноту военной и гражданской власти.

В городѣ шел погром. Уже с'организовался военно-революціонный комитет. Мѣстные большевики уже захватили крѣпость, и гарнизон тут же выбирал себѣ, по их указанію, коменданта.

По словам Калинина, он также, как и в Феодосіи, „ликвидировал“ керченскій военно-революціонный комитет, прекратил погром, занял плацдарм для посадки, а затѣм, высадив с пароходов „тылы“, приступил к погрузкѣ своих частей.

К вечеру посадка была закончена, причем, как утверждает замѣститель кубанскаго атамана Винников, в Феодосіи и Керчи до 3.000 кубанских казаков остались на милость побѣдителей.

— Я не знал, добавляет Калинин, — что от'ѣзд носил добровольный характер. Если бы мнѣ сказали увозить только тѣх,

кто дѣйствительно должен был бы спасаться, — я погрузил бы не болѣе трети казаков. Я, командир Донского корпуса, не знал приказа Врангеля и такового приказа не видѣл. В виду этого, выѣхали всѣ, до красноармейцев, находившихся в наших рядах, включительно...

ГЛАВА XIII.

НА БЕРЕГАХ БОСФОРА.

Начиная с 10 ноября в Константинополѣ стали циркулировать упорные слухи о том, что в Крыму не благополучно. Слухи ширились, росли, создавая среди огромной массы русских бѣженцев тревожное, напряженное настроеніе. Всѣ чувствовали себя кровно связанными с Крымом, почти у всѣх были там или отцы, или братья, или мужья, или родственники. Всѣм врѣзалась в память кошмарная новороссійская эвакуація. Толпы народа тянулись во двор русскаго посольства и к витринѣ крымскаго „Бюро Русской Печати", гдѣ вывѣшивались послѣднія информаціонныя сводки. Оффиціальные бюллетени, однако, не давали никакой пищи для тревоги, отмѣчая, как и раньше, что, мол, в Крыму все обстоит благополучно. Впервые к этим сообщеніям относились критически, потому что, помимо слухов, источником тревоги был такой знаменательный факт, как экстренный вызов судов из Константинополя в порты Крыма. Об'ясненія представителей оффиціальных кругов, что суда вызваны „на предмет разгрузки Крыма" никого не удовлетворяли.

Тревога росла с каждым часом. Из уст в уста передавали о том, что фронт прорван, что в Крыму начинается катастрофа и.т.д.

Представители Врангеля и крымскаго правительства категорически опровергали эти слухи.

Когда 12 ноября я разговаривал по этому поводу с генералом фон - Дрейером, который только что пріѣхал из Крыма, и направлялся по порученію Врангеля в Берлин, то на мои вопросы он категорически заявил:

— Всѣ эти слухи ни на чем не основаны. Все время я находился в ставкѣ. Много раз я говорил с Врангелем, Кривошеиным, с высшими военными начальниками. Врангель мнѣ многократно заявлял, что Крым ни в коем случаѣ сдан не будет. Я достаточно опытен, я знаю обстановку, в своем прогнозѣ не ошибаюсь. Голову даю на отсѣченіе, что Крым не будет оставлен. Перекопскія укрѣпленія? По словам Врангеля, они не приступны....

На слѣдующій день утром я столкнулся с Дрейером во

дворѣ русскаго посольства. Растерянный и потрясенный он заявил мнѣ:

— В Крыму произошла катастрофа. Фронт прорван. Подробностей не знаю. Знаю только, что ночью прибыл сюда Кривошеин и вечером, говорят, ожидают Врангеля. Сейчас пойду к Кривошеину и точно узнаю, что там произошло.

Встрѣчаю начальника „Бюро Печати" полковника Хитрово.

— Мы сами ничего не знаем, кромѣ того, что сообщил Кривошеин, — отвѣтил он на мои разспросы.

— А что же он вам сообщил?

— Вот только что отпечатанный бюллетень. Читайте...

В краткой бесѣдѣ с представителем „Бюро Печати" Кривошеин сообщил о жестоких аттаках противника, о том, что „долго выдерживать такую борьбу непосильно никому".

— По приказанію генерала Врангеля, - говорил Кривошеин, — приступлено к эвакуаціи из Крыма раненых, женщин и дѣтей. Вѣроятна полная эвакуація... Я прошу печать бросить всему культурному міру горячій призыв к чувству гуманности, к человѣческой совѣсти каждаго, с просьбой о немедленной помощи погибающим людям, раненым, женщинам, дѣтям...

Таким образом, первым русским бѣженцем в Константинополѣ явился одіозный Кривошеин. Это вызвало среди русских глубокое возмущеніе, так как всѣ считали, что уж кто — кто, а предсѣдатель правительства со своими ближайшими приближенными, со своим сыном офицером, не имѣл права первым оставлять Крыма, да еще в самый критическій момент. Кривошеин куда-то ѣздил, с кѣм то о чем то совѣщался, но на него уж никто не обращал никакого вниманія. Гнилой правительственный аппарат разсыпался в один момент, и помощь эвакуируемым могли оказать только общественныя организаціи.

А из Крыма уж начинали прибывать первые корабли. Уже спѣшно готовили лазареты для пріема больных и раненых. Двор русскаго посольства был битком набит публикой. Куда ни посмотришь, — вездѣ оживленныя группы. Всѣ обсуждают крымскія событія, жадно подхватывают каждое новое сообщеніе, комментируют его, расширяют и углубляют... Особенно волнуются тѣ, у кого в Крыму остались родные и знакомые.

Вот рыдает какая то дама. Ожесточенно ругает крымское правительство старый полковник. С безвыходной тоской в глазах стоит в углу сѣдой старик в штатском, ожидающій пріѣзда своего сына.

— Господи, какой ужас, какой кошмар они там переживают.

— Не могу понять, не могу уяснить себѣ, как это все произошло...

— Нѣт, довольно. Кончилось царство генералов. Довольно этого кошмара...

— Господа! мы переживаем новый историческій этап. Можно сказать, на грани исторіи находимся...

— Слышали: Слащев — вмѣсто Врангеля...

— Ерунда... Врангель сам назначил Слащева.

— Говорят, что в послѣдній момент переворот произошел.

— Так и нужно было ожидать.

— Да что вы здѣсь панику разводите! Эвакуація проходит в образцовом порядкѣ.

— Ну, батенька, здѣсь похуже будет, чѣм в Новороссійскѣ... В Новороссійскѣ отступали, а в Севастополь бѣгут.

— За то в Крыму много портов и много судов.

Такіе разговоры слышались среди русских, в тоскливом нетерпѣніи бродивших по посольскому двору.

С грохотом и шумом, преграждая узкую Перу, во двор русскаго посольства прибывают один за другим грузовые автомобили с больными и ранеными. Они подкатывают к широкому под'ѣзду главнаго зданія посольства, и здѣсь начинают разгружаться. Умолкают оживленные разговоры. Всѣ жадно начинают всматриваться в первых людей, прибывших из агонизирующаго Крыма.

Шатаясь и спотыкаясь, сползают с автомобилей солдаты и офицеры. Изможденныя лица, оборванныя, запачканныя, грязныя шинели, истоптанные ботинки, грязные сапоги, из которых торчат истлѣвшія портянки. Безконечная апатія, безвыходная тоска в глазах, смертельная усталость в каждом жестѣ, в каждом движеніи...

А во двор прибывают новыя партіи автомобилей.

В мохнатых папахах и фуражках на открытой площадкѣ сидят калмыки и солдаты. У многих забинтованы головы и руки. Грязныя окровавленныя повязки сползают с ран.

Прибывших обступают со всѣх сторон и начинают жадно распрашивать о том, что произошло в Крыму.

А в это время к берегам Босфора из всѣх портов Крыма медленно тащились друг за другом переполненные до послѣдних предѣлов корабли. Из Крыма уходил в чужеземныя воды весь Черноморскій флот. Неисправныя суда тащились на буксирах.

Из иностранных кораблей в эвакуаціи принимали участіе лишь нѣсколько французских судов и американскіе миноносцы. Англійскіе и итальянскіе пароходы, посланные в Крым для эвакуаціи раненых и женщин, вернулись обратно в Константинополь, в виду полученнаго ими от своих властей приказа...

На кораблях творилось нѣчто невообразимое. Люди стояли

вплотную прижавшись друг к другу, цѣплялись за реи, сидѣли на ступеньках лѣстниц, наполняли угольныя ямы. Не было воды, не было продовольствія. Стоны, вопли и проклятія сыпались на головы тѣх, кого эта масса считала виновниками своих страданій...

Особенно тяжело пришлось бѣженцам и войскам, выѣхавшим из Феодосіи и Керчи.

— Условія путешествія, — разсказывал мнѣ командир Донского корпуса генерал Калинин, — были кошмарны. Керченская эскадра состояла из тридцати вымпелов, включая и мелкія суда. Нам не повезло, как выѣхавшим раньше из других портов. Дул норд-ост. Начались аваріи. Пришлось разгрузиться в морѣ и бросить десять судов. Пересадку мы производили в двадцати верстах от Феодосіи, которая была уже занята красными. Продовольственные запасы, которые мы захватили с собой, кончились на третій день. Три дня затѣм казаки пили морскую воду и ѣли селедки. От этого начались массовыя желудочныя заболѣванія. У дверей уборных стояли безконечныя очереди. Всѣ трюмы были загажены. А тут еще и мученія от морской болѣзни... До Константинополя мы ѣхали недѣлю и пришли туда позже всѣх, когда керченскую эскадру считали погибшей...

Но и тѣм, кто выѣхал из других портов, несмотря на хорошую погоду, было не легче.

Не было хлѣба, не было воды. Задыхались от тѣсноты. Замерзали от холода. Нѣкоторые, не выдержав кошмарных условій путешествія, сходили с ума и бросались в море. Озлобленные, измученные, терявшіе человѣческій облик, люди превращались в звѣрей. Каждый начинал думать только о себѣ.

Гнѣвное возмущеніе, яростная ненависть закипали в сердцах этих людей, когда они наблюдали за гнусным поведеніем верхняго по соціальному положенію слоя пассажиров с генералитетом во главѣ.

— Начальство устроилось с комфортом, — разсказывали эвакуируемые. Откуда только понабралось столько всякаго начальства. Размѣстились, конечно, в каютах. Был у них хлѣб, были консервы, галеты... была и водка. Пьянствовали. В пьяном видѣ скандалили. Заставляли играть оркестры в то время, когда сидѣвшіе в трюмах и испражнявшіеся под себя люди реагировали на это градом отборной, свирѣпой ругани. Устраивали на кораблях военно-полевые суды и даже... приводили смертные приговоры в исполненіе... О, проклятые...

Но вот, послѣ всѣх этих мученій, вдали показались туманные берега Босфора. Всѣ оживились. Радость, однако, была преждевременной. В теченіе многих дней переполненные пароходы стояли на рейдѣ, ибо союзныя власти в Константинополѣ

разрѣшили съѣзжать на берег лишь в исключительных случаях.

Огромная эскадра из 126 вымпелов находилась в ужасном положенiи.

Помню этот прохладный ноябрьскiй день 18 ноября, когда на катерѣ Добровольнаго флота я объѣзжал корабли, расположенные у берегов Моды между Константинополем и Принцевыми островами. Вдали, в туманѣ, широким полукругом вырисовывалась причудливая панорама Стамбула. Впереди — темныя громады судов, сплошь покрытых людскими массами. Здѣсь было все, что осталось от антибольшевистской Россiи. Это был послѣднiй стан бѣлых... Здѣсь, на Босфорѣ, подводился итог трехлѣтней гражданской войны...

Потрясающая по своему жуткому трагизму картина.

Объѣзжаем корабли. Куда ни посмотришь, всюду, тѣсно прижавшись друг к другу, грязные, замученные, голодные люди. Стоят вплотную, сидят друг подлѣ друга; изогнувшись, не имѣя возможности выпрямиться, выглядывают из под лавок. А что же дѣлается в трюмах?

Вот пароход с корниловцами, дроздовцами, марковцами. Это — цвѣт армiи, ея гвардiя.

— Хлѣба, ради Бога хлѣба...

— Мы умираем с голоду.

Бросают в катер записки.

Читаю: „Дайте за ноган хлѣба“, „Отдам за хлѣб часы и кольцо“, „Пять дней не ѣл. Помогите“.

Из катера выгружают хлѣб. Тысячи голодных глаз впиваются в эти хлѣбы.

Сверху спускают веревку, к которой привязывается мѣшок с хлѣбом. Офицер с нижней палубы пытается выхватить один хлѣб. Сверху раздается дикiй рев. Вниз летят жестянки от консервов. Кровь заливает разсѣченное лицо офицера...

На всѣх пароходах — та же картина, а вѣдь эскадра стоит на рейдѣ четвертый день... Ныряют вокруг лодки хищников мародеров. За пищу люди отдают и золото, и серебро, и свои, и казенныя вещи...

На пароходах уже начинаются эпидемическiя болѣзни. Мертвыя тѣла ежедневно сбрасывают с кораблей в море. Учащаются самоубiйства. Появляются сумасшедшiе...

Заботу о бѣженцах взяли на себя французскiя власти. Но интендантство французское оказалось не в силах справиться со своей задачей, и в первый день, когда на рейдѣ было около сорока тысяч бѣженцев, французы могли предоставить им всего лишь 8000 хлѣбов.

В дѣло вмѣшался Земскiй Союз, который объединил дѣя-

тельность других общественных организацій, и проявил в смыслѣ заботы об эвакуируемых максимальную энергію.

Самое теплое и самое дружеское вниманіе проявляли и турки. Напряженная, горячая работа кипѣла и в Американском Красном Крестѣ. Представители Англіи, Италіи, Греціи и других держав, почти совершенно уклонились от участія в организаціи помощи бѣжавшим из Россіи.

Константинополь измѣнился в эти дни до неузнаваемости. Шли дожди, дул холодный вѣтер. На Перѣ и в Стамбулѣ — холодно, сыро, грязно... Толпы русских бродят по городу. Никто ничего не знает. Ни у кого нельзя добиться никакого толку. Валюты нѣт. Крымскія деньги теряют всякую цѣну. Милліон котируется по лирѣ, т. е. деньги расцѣниваются дешевле бумаги, на которой онѣ напечатаны. На улицах и базарах продаются за безцѣнок послѣднія вещи, вывезенныя из Крыма. Настроеніе ужасное. Позади — мрачный крымскій період, кошмарная эвакуація. Сейчас — полная безпомощность, безпріютность, голодовка в городѣ, который задыхается от товаров, и изобилія продовольственных запасов. В будущем — никакого просвѣта, никаких перспектив...

Находясь в таком состояніи, рядовой бѣженец, всякими правдами и неправдами проскользнувшій с корабля в Константинополь, на каждом шагу в русских правительственных учрежденіях наталкивается на своих старых крымских титулованных и не титулованных знакомых, у которых сразу же появляется и стол и дом. Эти графы, князья, бароны, эти сенаторы опереточнаго крымскаго сената, старые гвардейцы, бюрократы, их прихлебатели и, конечно, кадры бережно вывезенных из Крыма контр-развѣдчиков, безпрепятственно сходят с пароходов, концентрируются в зданіи русскаго посольства, устраиваются в каких то никому не нужных комиссіях, распоряжаются, командуют, распредѣляют, безпрепятственно уѣзжают, получая, благодаря деньгам, связям и протекціям, визы. Здѣсь в Константинополѣ с первых дней эвакуаціи особенно рельефно выявляется вся мерзость, вся гнусность тѣх представителей старой Россіи, которые послѣ февральской революціи были выброшенны за борт русской жизни, и теперь оказались в рядах эмигрантов.

— Неужели же и здѣсь, в Константинополѣ, будет продолжаться то, что и раньше? — с омерзѣніем говорили в рядовой бѣженской массѣ. В концѣ концов, как ни относиться к большевикам, а нужно придти к заключенію, что они оказали русскому народу огромную услугу: выбросили, выплеснули заграницу весь этот сор, всю эту гниль...

В правительственных кругах наблюдался полный развал. Врангель расформировывает управленія и учрежденія крымскаго

правительства, оставляя начальника штаба, командующаго флотом, завѣдующаго бѣженской частью и завѣдующаго финансовой частью. Он пишет затѣм благодарственный приказ Кривошеину, который немедленно улетучивается вмѣстѣ с министром финансов Бернацким в Париж. Вмѣсто правительства из нѣскольких человѣк создается „дѣловой орган“, задачей котораго является забота об эвакуируемых и ликвидація вывезеннаго из Крыма имущества.

А это имущество с каким то свирѣпым безстыдством расхищалось, продавалось, разворовывалось, при непосредственном участіи тѣх лиц, которые еще так недавно были вдохновителями и руководителями борьбы...

Брошенный, всѣми забытый Донской Войсковой Круг, находившійся на пароходѣ „Елпидифор“, тщетно пытается напомнить о своем существованіи. Не имѣя разрѣшенія на то, чтобы с'ѣхать на берег, члены Круга пытались вести парламентскую работу на пароходѣ. Они выносят вотум недовѣрія своему сбѣжавшему в паникѣ предсѣдателю, вѣрнѣе замѣстителю предсѣдателя Харламова, генералу Янову, избирают вмѣсто него Гнилорыбова, обращаются с воззваніем к Америкѣ с просьбой принять казаков в Соединенные Штаты, обѣщают раздѣлить судьбу арміи и бѣженцев...

Ревниво заботившійся о том, чтобы казаки не ушли из подчиненія главному командованію и из арміи, не стали бы превращаться в бѣженцев, Врангель начинает опасаться дальнѣйших выступленій Круга. Нажимаются тайныя пружины и... „Елпидифор“ неожиданно для донских парламентаріев отправляется в Бургас, гдѣ их высаживают и помѣщают в медвѣжьем углу Болгаріи — Месемвріи. Там, совершенно оторванные и изолированные от Константинополя, члены Круга варятся в собственном соку, грызут друг друга и тщетно взывают к оставшимся в Константинополѣ атаману, так как донское правительство вскорѣ по пріѣздѣ в Константинополь было расформировано (на своем посту остался лишь предсѣдатель правительства генерал Апостолов).

О малочисленных терцах с атаманом Вдовенко и предсѣдателем правительства Букановским ничего не слышно.

Энергично за то стараются напомнить о своем существованіи кубанцы. Находясь на константинопольском рейдѣ в полной неизвѣстности о своей дальнѣйшей судьбѣ, представители кубанцев усиленно добиваются выясненія основного вопроса — куда везут казаков? Распоряжался кубанцами в это время командир Кубанскаго корпуса генерал Фостиков. Для переговоров с ним на „Владимірѣ“ избрали делегацію, куда вошли: замѣститель кубанскаго атамана Винников, Курганскій, Скобцов и

Попов. Делегатам, однако, не давали лодки, и они смогли переговорить с Фостиковым, когда он сам с „Дона“ прiѣхал на „Владимiр“.

— У меня есть распоряженiе Врангеля, — рѣзко заявил Фостиков, — считать всѣх выѣхавших из Крыма или военными чинами, или гражданскими бѣженцами. Ни правительства кубанскаго, ни Рады уже не существует...

Кубанцы послѣ этого стали добиваться свиданiя с Врангелем. Однако, послѣднiй отказался принять прiѣхавших на крейсер „Генерал Корнилов“ кубанских делегатов — Винникова, Гулыгу и Попова.

Однако, вслѣд за этим сам Врангель прибыл на кубанскiй пароход. Винников пригласил Врангеля в каюту, гдѣ по словам Скобцова, произошла слѣдующая сцена.

Держа руки по швам, замѣститель кубанскаго атамана на вытяжку стоял перед Врангелем и говорил:

— Я, ваше превосходительство—офицер старой школы. Я окончил Николаевское кавалерiйское училище и знаю, что если имѣется распоряженiе начальства, то нужно его исполнять. Но, нам хотѣлось бы узнать, куда нас повезут, и как мы будем существовать в дальнѣйшем?

Врангель на это отвѣчал выкриками в том родѣ, что не время теперь заниматься политикой, что он расформировал свое правительство, и что этому примѣру должны послѣдовать казаки.

Тогда присутствовавшiй во время этой сцены Скобцов указал главнокомандующему, что при такой постановкѣ вопроса для кубанцев создается весьма тягостное положенiе, ибо, вопреки соглашенiю с казаками, Врангель не считает даже для себя обязательным сноситься с представителями кубанской власти.

— Признаете вы сейчас севастопольское соглашенiе, или нѣт? — спросил Скобцов.

— Конечно признаю, — смутился Врангель. — Во всяком случаѣ, в дальнѣйшем я буду по военным дѣлам сноситься с кубанцами через командира их корпуса генерала Фостикова, а по гражданским и политическим дѣлам—через вашего атамана. Но, я считаю, что не время теперь заниматься праздными разговорами...

Врангель уѣхал. На кубанцев эта сцена, происходившая публично, произвела удручающее впечатлѣнiе.

Многодневная стоянка на константинопольском рейдѣ приходила к концу. Пароходы постепенно начинали развозить своих пассажиров в тѣ пункты, которые были предназначены для высадки. Бѣженцы размѣщались частью на Принцевых островах,

частью в Сербіи, Болгаріи и в незначительном количествѣ в Греціи и Румыніи.

Что касается арміи, то 20,000 донцов были размѣщены в лагерях на Чаталджѣ, недалеко от Константинополя, добровольческія части числом до 25.000 — на Галлиполійском полуостровѣ, и свыше 15.000 кубанцев повезли на остров Лемнос. Военныя суда были отправлены в Бизерту-порт на сѣверо-африканском побережьѣ.

Попытка размѣстить армію или хотя бы часть ея в Юго-Славіи, направив ее туда через Катарро, встрѣтила энергичное противодѣйствіе со стороны Италіи, усматривавшей в этой перевозкѣ непосредственную для себя угрозу со стороны Франціи и Югославянскаго правительства.

Содержаніе огромной массы бѣженцев и арміи, размѣщенных на берегах Босфора, приняло на себя французское правительство, которому помогали в этом отношеніи международныя благотворительныя организаціи, в особенности Американскій Красный Крест. Остальныя державы умыли руки, предоставив французам одним справляться со своей нелегкой задачей.

Правда, французы поставили дѣло сразу на коммерческую ногу. Для возмѣщенія своих расходов они получили от главнаго командованія не только коммерческій и военный Черноморскій флот, но также наложили руку и на то имущество огромной цѣнности, которое было вывезено из Крыма: — зерно, сахар, табак, чай, обмундированіе, мануфактура, шерсть, автомобили, авіаціонное имущество и т. д.

—Запасы, вывезенные из Крыма были так велики,—разсказывал мнѣ Врангель, — что я-бы полгода смог содержать на них армію, если бы все это не было взято у меня французами. Что касается флота, то у меня имѣется цѣлая переписка, из которой видно, что французы хотѣли взять суда в собственность. Я горячо протестовал против этого, и суда поступили к французам только для эксплоатаціи, в обезпеченіе понесенных расходов.

Горько пришлось русским на чужбинѣ.

Условія жизни в лагерях, особенно на первых порах, были невыносимо тягостными. В холодные ноябрьскіе дождливые дни люди помѣщались под открытым небом, в лучшем случаѣ в скотных сараях, землянках, палатках. Не было топлива, кормили впроголодь. К тому же многіе интенданты и командиры частей воровали из скудных пайков. Среди грязных, полуодѣтых, измученных людей начинаются массовыя эпидемическія заболѣванія. Вслѣдствіе отсутствія госпиталей больные массами лежали вмѣстѣ со здоровыми. Выѣзд из лагерей в виду переполненія русскими бѣженцами Константинополя был строжай-

ше запрещен. Отношенія с французами начинали обостряться. То и дѣло вспыхивали столкновенія, особенно между донскими казаками и чернокожими сенегальцами, которые охраняли лагери в Чаталджѣ. Были случаи, когда озлобленные казаки с голыми руками бросались и буквально душили чернокожих, которые пытались обращаться с ними, как с военноплѣнными, с чѣм казаки никак не хотѣли примириться.

В лагерях царили голод, болѣзни, уныніе, отчаяніе, смерть и . . . ненависть . . .

— Если будет и дальше так продолжаться, — говорили в лагерях, — мы всѣ сдѣлаемся большевиками . . .

При таких условіях неудивительно, что внѣ связи с главным командовеніем казачьи войсковые начальники во главѣ с Калининым начинают носиться с проектом переброски казаков на Дальній Восток к атаману Семенову.

— Все равно нам нѣт выхода, — говорили они. В лагерях жить не возможно. В Америку казаки не поѣдут, да и смысла нѣт. Лучше уѣдем на Дальній Восток. Слухи о ликвидаціи атамана Саменова не вѣрны . . . Пріѣдем туда с помощью японцев, и начнем колонизировать Дальній Восток, как в свое время это дѣлали казаки в Сибири . . .

Эти мысли инспирировались майором Такахаси, представителем покровительствовавшей авантюристу Семенову Японіи при ставкѣ Врангеля и представителем атамана Семенова, товаварищем прокурора Покровским, братом извѣстнаго на югѣ Россіи генерала Покровскаго. Конечно, из этих проектов втянуть казаков в новую „семеновскую“ авантюру ничего не получилось и старанія Такахаси и Покровскаго не вышли из стадіи разговоров и всяких темных закулисных комбинацій.

Но даже и в этих самых тяжелых условіях стала постепенно налаживаться какая то новая, странная, похожая на кошмарный сон, жизнь не только чисто физическая, но и политическая. В то время, когда добровольцы на Галлиполи продолжают концентрироваться вокруг главнаго командованія, казаки, при всем их критическом отношеніи к своим правительственным органам, употребляют всѣ усилія чтобы сохранить свою государственность, символы мѣстной казачьей власти. Это можно было наблюдать у донцов, у терцев. В уродливой формѣ это наблюдается и у кубанцев.

В концѣ ноября кубанцы высадились послѣ многодневнаго пребыванія на пароходах на островѣ Лемносѣ. Первыя впечатлѣнія от этого „острова смерти“ были удручающими. Высадка происходила 24 ноября. Дул холодный вѣтер. Сердито вздымались и пѣнились, с шумом разбиваясь о берег, волны. Сгущались сумерки. Голая песчаная коса, на которую выгружались

казаки, производила впечатлѣніе полной необитаемости. Настроеніе у казаков было ужасное . . .

Выгрузили сначала инженерную роту, которая стала устраивать палатки, затѣм стали выгружаться и казаки.

Члены Кубанской Рады и правительства переговорили с представителем французскаго командованія на Лемносѣ генералом Бруссо и услышали от него пріятную для себя новость, о том, что Врангеля и вообще главное командованіе можно считать ликвидированными, и что французы будут непосредственно сноситься с казаками. К сожалѣнію, это не оправдалось . . .

По прибытіи на остров Лемнос, кубанскіе казаки были раздѣлены на двѣ неравныя группы. Не способные к ношенію оружія и гражданскіе лица были отправлены в Сербію — всего около 3-4.000 душ. Из остальных были сформированы двѣ дивизіи под общим начальством генерала Фостикова.

Кое как устраивались казаки. Условія жизни на Лемносѣ в первое время были не человѣческія. Холодно было. Все время дул пронизывающій вѣтер. Кормили плохо. Часто не было хлѣба. За топливом приходилось ходить в безконечную даль. Не хватало палаток, в которых помѣщалось по 12 человѣк. Казаки лежали на скалах, под открытым небом. Оборвались, обносились, буквально заѣдались вшами. Начались массовыя заболѣванія сыпным тифом. Каждодневно жестокая болѣзнь уносила 10-12 человѣк, и постепенно Лемнос превращался в кубанское кладбище . . .

Органы кубанской власти находились в полной прострации. От кубанскаго правительства осталось только одно названіе. Замѣститель войскового атамама Винников не пользовался никаким авторитетом. Как с атаманом, с ним теперь не считались совершенно.

Этого не отрицал и сам Винников, который спустя нѣсколько мѣсяцев в своем коротком докладѣ на общеказачьем съѣздѣ в Бѣлградѣ так охарактеризовал создавшееся на Лемносѣ положеніе.

— Главнокомандующій назначил высшим представителем своей власти на Лемносѣ генерала Фостикова. Фостиков вел себя чрезвычайно легкомысленно, попустительствовал грабежам и насиліям. Произвол творился днем и ночью. В казачьей средѣ росло недовольство, шел глухой ропот против этой разнузданности, были всѣ признаки приближавшагося бунта. Я нѣсколько раз обращал вниманіе генерала Фостикова на недопустимость его поведенія. Фостиков повел против меня, как замѣстителя кубанскаго атамана, не достойную интригу. Меня то требовали к отвѣту перед особой комиссіей, учрежденной при содѣйствіи генерала Фостикова, то держали под арестом. Должен

отмѣтить при этом, что всѣ эти оскорбительныя дѣйствія носили глубоко личный, легкомысленный характер, и не имѣли никакого отношенія к принципіальным политическим и общественным вопросам . . .

При такой обстановкѣ Врангель 10 декабря прибыл на Лемнос и сдѣлал смотр кубанцам. Фостиков к этому параду старательно готовился, и показал Врангелю и лицам, его сопровождавшим, парадную сторону. Лемносская дѣйствительность ему показана не была. Общее впечатлѣніе от смотра все же было угнетающее.

Врангель держал себя, как будто-бы, ничего не случилось, и внушал казакам, что не сегодня-завтра они снова поѣдут в Россію, гдѣ большевики доживают послѣдніе дни.

Во время смотра, как разсказывает замѣститель кубанскаго атамана Винников, разыгралась слѣдующая безобразная сцена.

Винников сказал Врангелю, что желает сдѣлать ему доклад.

— О чем? — спросил Врангель.

— О положеніи на Лемносѣ и кубанских дѣлах, — отвѣтил Винников.

— Я все знаю. Мнѣ обо всем доложено. Кромѣ того, я во внутреннюю жизнь Кубани не вмѣшиваюсь, — заявил Врангель.

Все — таки вам необходимо меня выслушать, — настаивал Винников.

— Хорошо, подождите меня у пристани . . .

По словам Винникова он ждал Врангеля на пристани три часа. Врангель обѣдал у Фостикова и возратился на пристань в нетрезвом состояніи.

— В чем дѣло?

Винников начал докладывать о состояніи казаков на Ломносѣ, о крайне предосудительном поведеніи Фостикова, назначеннаго главнокомандующим, указывая, что это повлечет за собою грозныя послѣдствія: или будет бунт против командованія, или всякая идейность борьбы окончательно вывѣтрится, и казаки массами потянутся домой.

Генерал Врангель, по словам Винникова, вдруг побагровѣл, затопал ногами и закричал на него:

- Вы сами не на мѣстѣ . . . Вы — каторжник . . . Имѣйте в виду, что я предам вас суду! . . У меня расправа короткая: вот — и туда . . .

При этом Врангель хлопнул себя по бедру, гдѣ был на черкескѣ револьвер, и указал рукой на небо.

— Я увидѣл, — закончил Винииков эту часть своего до-

клада, — что главнокомандующій находится в „нездоровом состояніи, а потому повернулся и ушел...

Отсутствіе власти и порядка болѣзненно сознавалось казаками. Не было в Константинополѣ представителя Кубани, который защищал - бы интересы войска. Об Иванисѣ, который все еще находился в Тифлисѣ, не поступало никаких свѣдѣній.

На Лемносѣ начались разговоры о том, что дальше так жить нельзя, что нужно найти выход из создавшагося положенія.

Как разсказывал мнѣ Скобцов, игравшій теперь руководящую роль среди кубанцев, наслушавшись всѣх этих разговоров, Фостиков попытался созвать совѣщаніе из находившихся на Лемносѣ членов Рады и начальников воинских частей. Из этого ничего, однако, не вышло. Тогда члены Рады по своей инициативѣ собрались на совѣщаніе и предложили своим делегатам — Скобцову, Попову, Спѣсивцеву и Русанову — уговориться с Винниковым, как с замѣстителем атамана, и придти к какому либо опредѣленному рѣшенію.

В результатѣ члены кубанскаго правительства in corpore подали Винникову заявленіе о своем уходѣ в отставку. Рѣшено было из наличных членов Рады, пополненных представителями воинских частей, составить Лемносскую Раду и выбрать новаго атамана. Фостиков, сам мечтавшій об атаманской булавѣ, не препятствовал выборам от воинских частей, стремясь лишь к тому, чтобы в Раду в возможно большем числѣ попали его сторонники.

Вечером 17 декабря в двух палатках, соединенных в одну большую, состоялось открытіе сессіи Лемносской Рады.

На поставленный вопрос, чѣм считает себя собраніе, послышались возгласы:

— Кубанской Краевой Радой.

Предсѣдателем Лемносской Рады был избран Скобцов, товарищами предсѣдателя — Курганскій и полковник Романцов.

Рѣшено было в первую голову избрать новаго атамана. Выбор пал на генерала Науменко, который был походным атаманом Кубани еще во времена Деникина. Он получил 52 голоса. Другой кандидат Попов получил 48 голосов. Один голос был подан за Фостикова. В Сербію, гдѣ Науменко находился на положеніи рядового бѣженца, были посланы срочныя телеграммы. Для защиты интересов кубанцев в Константинополѣ, гдѣ находились атаманы Дона и Терека, выѣхала делегація „Кубанской Рады" во главѣ со Скобцовым.

Посланная в Константинополь делегація должна была разрѣшить вопрос о признаніи ганерала Науменко, что и удалось им сдѣлать без особых затрудненій. Донской атаман Богаевскій

и терскій атаман Вдовенко выразил свое полное удовлетвореніе по поводу того, что кубанцы наконец „нашли себя". Не протестовал против выборов и Врангель, тѣм болѣе, что он и генерал Науменко были старые, боевые товарищи.

Прибыв из Сербіи, Н уменко занял пост „кубанскаго войскового атамана", и первым же приказом (11 января) назначил Скобцова предсѣдателем „кубанскаго краевого правительста".

В этом-же приказѣ Науменко об'яснил причины, почему он согласился принять атаманскую булаву, хотя в Тифлисѣ находился Иванис, считавшійся законным замѣстителем сложившаго свои полномочія кубанскаго атамана Букретова.

В приказѣ говорилось о том, что „игрой несчастнаго случая в силу свободнаго толкованія основного закона кубанскаго" во главѣ войска стало лицо (Иванис), назначенное атаманом (Букретовым), малодушно отказавшимся от выполненія своего долга. Начался долгій період безславнаго и погубнаго хватанія за обломки власти лица, народом на то не поставленнаго. Сама атаманская власть начала терять свое высокое значеніе и моральную силу. Указывая, что в наиболѣе тяжелый момент крымской катастрофы Иванис уѣхал в Грузію, ссылаясь на невыносимо тягостное положеніе казаков на Лемносѣ и на то, что казаки не могли найти отвѣтов на мучившіе их вопросы от „не полномочных и совершенно не проявлявших необходимой дѣятельности представителей власти", — Науменко приходит к заключенію, что другого выхода, кромѣ реорганизаціи правительственнаго аппарата не было. Сам он будет считать себя кубанским атаманом вплоть до того времени, когда казаки достойным образом возвратятся на Кубань и изберут новаго атамана.

Избраніе Науменко и назначеніе им на пост предсѣдателя кубанскаго правительства Скобцова вызвало страшную сумятицу в кубанских политических кругах. Наиболѣе вліятельная демократическая группа кубанцев, возглавляемая Бычом, квалифицировала дѣятельность Науменко и Скобцова, как государственное преступленіе. Находившійся в Тифлисѣ Иванис и переѣхавшій в Сербію Винников продолжали по прежнему считать себя — один атаманом, другой—замѣстителем атамана. В средѣ зарубежных кубанцев появилось т. о. нѣсколько атаманов, правительств, не признававших друг друга и обвинявших друг друга во всѣх смертных грѣхах. Скобцев и Науменко, получив власть, вѣрнѣе, призрак власти, не хотѣли, не смотря ни на что, разставаться с нею, и продолжали на берегах Босфора играть роль „кубанскаго правительства", имѣвшаго своей резиденціей Константинополь.

В Константинополѣ в это время положеніе русских не улучшилось, а ухудшилось. Голодные, оборванные, безпріютные

люди слонялись по улицам интернаціональнаго города, переполненнаго отбросами всего міра в тщетных поисках работы и пристанища. Но о какой работѣ можно было говорить в Константинополѣ в момент мірового промышленнаго кризиса. Одна за другой лопались крупнѣйшія фирмы, выбрасывая на улицу новые кадры безработных. Город, лишенный собственной промышленности и являвшійся грандіозным товарным распредѣлительным пунктом между востоком и западом, буквально задыхался от товаров, которые некуда было сбывать, ибо главный район сбыта—Россія—перестала служить необ'ятным товарным рынком. На константинопольском рейдѣ стояло в ожиданіи фрахтов до тысячи судов. Мертвое затишье царило в конторах Галаты, этого константинопольскаго Сити. Понятно, что положеніе стотысячной русской массы русских, выброшенных в такой острый момент на берега Босфора, казалось трагически безвыходным.

Тяжело было в матеріальном отношеніи, но еще хуже было в отношеніи моральном. С паденіем Крыма исчезла идея, смысл существованія. Всѣ бѣжавшіе из Крыма оказались в каком то тупикѣ. Утрачена была вѣра в свое дѣло, во имя котораго было пролито столько крови. Впереди — мрак и пустота, полное отсутствіе планов и перспектив. Большевики оказались побѣдителями на всѣх фронтах гражданской войны. Они два раза сталкивали в море Вооруженныя Силы Юга Россіи. Что же дальше? Продолжать ли вооруженную борьбу, надѣясь на интервенцію и помощь союзников? Капитулировать ли перед большевиками морально? Отмежеваться ли от всякой борьбы, оставшись до лучших времен за границей и, забившись в какую либо щель, выждать дальнѣйшаго хода событій? Или же, наконец, занимая по прежнему непримиримую позицію в отношеніи большевиков, продолжать с ними борьбу новыми методами, силами и средствами, раз навсегда покончив с всякой бѣлогвардейщиной?

Всѣ эти мысли обуревали умы и сердца и создавали невыносимо тягостное настроеніе.

А из лагерей под вліяніем тяжелых условій жизни, под вліяніем глубокаго идейнаго кризиса, начинается сильная тяга на волю. Особенно наблюдается это среди казаков. Люди ищут выхода. Без виз и паспорта они тянутся на сѣвер, в Болгарію, нанимаются к кемалистам, распыляются по турецким деревням, записываются во французскіе иностранные легіоны. Утечка наблюдается в огромных размѣрах. Особенно усиливается тяга среди донцов из Чаталджинских лагерей, когда французы рѣшили, во избѣжаніе всяких осложненій, перевезти казаков на изолированный о. Лемнос. Казаки и офицеры категорически высказываются против перевозки. Отношенія с францу-

зами обостряются до послѣдних предѣлов, и выливаются в извѣстный чаталджинскій инцидент, о котором так разсказывал донской атаман Богаевскій:

— Когда было сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ донцов из Чаталджи на Лемнос, я и терскій атаман Вдовенко отправились по этому поводу к командиру оккупаціоннаго корпуса в Константинополѣ генералу Шарпи. Мы просили его, чтобы этого не дѣлали, доказывая, что казаки уже устроились, что ѣхать на Лемнос они не желают, Но Шарпи, который сначала был очень с нами любезен, когда зашла рѣчь о переѣздѣ, встал и самым категорическим тоном заявил:

— Это вопрос окончательно рѣшенный, и обсуждать его я не нахожу нужным. Я обязуюсь исполнить то распоряженіе, которое получил свыше.

Письменная просьба Врангеля также не подѣйствовала на французов.

Тогда Богаевскій на свой страх и риск послал в Париж своему представителю генералу Сычеву телеграмму с просьбой доложить французскому военному министру и ходатайствовать о том, чтобы казаков не отправляли на Лемнос. Перевозка назначена была на 12 января. Через нѣсколько дней пришел отвѣт от Сычева, что начальник штаба Фоша генерал Вейганд отнесся к ходатайству сочувственно, и представителям французского командованія в Константинополѣ была послана телеграмма слѣдующаго содержанія:

— Принять всѣ мѣры, чтобы аннулировать перевозку донских казаков на Лемнос...

— Но, — разсказывает Богаевскій, — из этого ничего не вышло. Казаки были перевезены. Должен сказать, что перед этим я был в Чаталджѣ и, выступая с рѣчами перед казаками, говорил им, что не заставляю ѣхать на Лемнос, хотя всѣ разсказы о невыносимо тяжелой жизни на Лемносѣ не соотвѣтствуют дѣйствительности.

— Во всяком случаѣ, — говорил я, — если французы отдадут приказ и вы его не исполните, то, хотя оружіе против вас едва-ли употребят, но вас станут морить голодом (что и оказалось впослѣдствіи)...

Чаталджинцы к этому отнеслись в общем спокойно, хотя среди нѣкоторой части офицеров и казаков, с ужасом помышлявших о жизни на Лемносѣ, началось глухое броженіе. Бѣгство из лагерей усилилось Казаки пачками уходили куда глаза глядят, направляясь в Болгарію, в Румынію, скрываясь в Константинополѣ, гдѣ шла форменная охота на тѣх, кто не имѣл документов. Французскіе жандармы вмѣстѣ с контр-развѣдчиками и

русскими офицерами из аристократов, владѣвших языками, провѣряли паспорта, ловили и отправляли не имѣвших виз на жительство в арестные дома.

Между тѣм, в Чаталджѣ началась посадка на поѣзда и отправка к морю на корабли. Посадка организована была плохо. Голодные, полураздѣтые, измученные под холодным зимним дождем казаки безконечно долго ожидали своей очереди около вокзала. Настроеніе у всѣх было страшно подавленное. В сердцах наростало озлобленіе.

Для наблюденія за посадкой была назначена рота чернокожих французских солдат. Было уже темно. Чернокожим было приказано отдѣлить уѣзжавших от провожавших. По разсказам очевидцев, чернокожіе начали наводить порядок, употребляя в нѣкоторых случаях приклады. Другіе утверждали, что один из сенегальцев хотѣл отнять у казака нѣмецкій штык, который счел оружіем. Во время этой возни винтовка выстрѣлила.

По каким причинам, — но выстрѣл раздался. Дикій рев раз'яренной, наэлектризованной толпы был отвѣтом на этот выстрѣл. У казаков откуда то появились винтовки. В темнотѣ послышалась команда:

— Назаровцы, на правый фланг...

— Калединцы, в атаку...

— Ура, ура, ура...

Затрещали ружейные выстрѣлы. Стрѣляли французы, стрѣляли казаки. Французы, видя перед собой огромную, раз'яренную толпу, которая сразу повела форменное наступленіе, бросились бѣжать вдоль шоссе, залегли и открыли огонь, послав за подкрѣпленіями. Казаки отвѣчали. С большим трудом удалось командирам казачьих частей прекратить перестрѣлку. Им самим пришлось плохо, так как раньше они уговаривали казаков не ѣхать на Лемнос, а в послѣдній момент стали доказывать обратное. Нѣкоторые генералы и офицеры вынуждены были сами бѣжать из лагерей.

Послѣ короткой перестрѣлки, казаки вернулись в лагерь, выставив сторожевое охраненіе. Французы же пролежали в цѣпи до утра. В результатѣ с обѣих сторон оказались убитые и раненые.

Однако, положеніе казаков было безвыходное, и на слѣдующій день, потребовав, чтобы не было никакого французскаго конвоя, казаки стали грузиться для отправки на Лемнос.

Послѣ Чаталджинскаго инцидента, отношеніе французов к казакам значительно ухудшилось. Представители Франціи даже перестали отвѣчать на письма донского атамана. Понадобилось больше мѣсяца, чтобы казачьи атаманы могли добиться мѣста на пароходѣ для поѣздки на остров Лемнос.

А генерал Врангель вмѣстѣ с представителями оффиціальных и оффиціозных кругов Крыма, вмѣстѣ с тѣми, кто все еще никак не мог осмыслить происшедшей катастрофы и отдѣлаться от крымской психологіи, продолжает с необычайным упорством цѣпляться за призрак власти.

— Я отдаю армію, флот и населеніе под покровительство Франціи, признавшей міровое значеніе нашей борьбы, — заявляет иностранным журналистам Врангель. Хотя со времени эвакуаціи Крыма я фактически и перестал быть правителем Юга Россіи, но идея русской законной власти существует, и я по прежнему олицетворяю ее. С оставленіем Крыма я фактически перестал быть правителем Юга Россіи, и естественно, что этот термин сам собою отпал. Но из этого не слѣдует дѣлать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым. За ненадобностью названіе упразднено, но идея осталась полностью. Принцип, на котором была построена власть и армія, не уничтожен фактом оставленія Крыма. Как и раньше, я остаюсь главою власти. При мнѣ остается упрощенный правительственный аппарат. Всѣ наши заграничныя дипломатическія установленія продолжают функціонировать.

— Моя армія состоит из 70.000 дисциплинированных бойцов. Она готова к выполненію своей міровой задачи по борьбѣ с большевизмом. Флот — на рейдѣ в полной боевой готовности выйти по назначенію. Я твердо вѣрю, что союзники, принимая во вниманіе красную опасность, поймут важность сохраненія арміи, и не станут превращать ее в простую массу бѣженцев.

Эти очередные лозунги встрѣчаются с большим сочувствіем со стороны крымских и константинопольских к. д., в мѣстных общественных организаціях — в Земском Союзѣ, Союзѣ Городов, Красном Крестѣ, в торгово—промышленных кругах, в союзѣ земельных собственников, среди правых и вообще среди тѣх осколков русской буржуазіи, аристократіи и бюрократіи, которые тѣсно были связаны с Крымом и теперь очутились на берегах Босфора.

Всѣ они настроены очень воинственно. Совершенно не считаясь с настроеніями ни арміи, ни бѣженской массы, не имѣя в своей средѣ ни одного представителя казачества, еще в то время, когда разгромленная, развалившаяся армія и жалкіе остатки флота стояли на Босфорѣ, — константинопольскія и крымскія организаціи по инціативѣ сателлитов Врангеля в родѣ начальника канцеляріи Кривошеина Тхоржевскаго, выпускают декларацію, в которой заявляют, что они „видят в лицѣ Врангеля, как и прежде, главу русскаго правительства, преемственнаго носителя власти, об'единяющей русскія силы, борю-

щіяся против большевизма, во имя правды, культуры и русской государственности".

Особая делегація от этих общественных и политических дѣятелей привѣтствует прибывшаго в Константинополь Врангеля. Быстро организуется „Политическій Об'единеннный Комитет" во главѣ с к. д. Юреневым. На своем знамени „ПОК" пишет: „Вооруженная борьба с большевиками не прекратилась", „Русская Армія с генералом Врангелем сохраняется", „Генерал Врангель является носителем идеи русской государственности".

Снова начинается старая, безконечно постылая крымская исторія. Снова на сцѣнѣ появляются официальныя заявленія и деклараціи на тему, что, мол, эвакуація прошла в образцовом порядкѣ, что армія и флот в блестящем состояніи и. т. д. в этом родѣ. По сравненію с Крымом разница была только в том отношеніи, что там отвѣтственность за возмутительную ложь падала на ставку. Теперь эту отвѣтственность с Врангелем дѣлил „Политическій Об'единенный Комитет", выступавшій в печати со спеціальными деклараціями в развитіе и дополненіе приказов главнокомандующаго.

А лживость этих приказов превосходила всѣ границы:

— Общее сочувствіе всѣх слоев населенія Крыма в послѣдніе дни нашего пребыванія там, — писал, например, Врангель, — ярко подчеркнуло правильность взятаго Правительством Юга Россіи направленія... Армія и флот не допускают мысли о возможности прекращенія борьбы и. т. д. и. т. д....

Все это печаталось за подписью Врангеля, все это подхватывалось й распространялось идеологами бѣлогвардейщины, которые по прежнему старались втирать очки всѣм и вся.

Свои надежды бѣлогвардейцы строят на том, что, мол, не сегодня—завтра союзники вынуждены будут вести вооруженную борьбу с большевиками, которые поведут наступленіе на Польшу, на Румынію, на Индію и. т. д. Они надѣются и на внутренній развал совѣтской власти. Они всячески раздувают успѣхи антибольшевистской „арміи" пресловутаго „батьки" генерала от погромов Балаховича.

Но, вмѣсто войны с большевиками, державы запада, за исключеніем Франціи, уже конкуррировали друг с другом, стремясь заключить с большевиками всякія соглашенія, получить в первую очередь концессіи, сырье, золото и. т. д. Военных операцій большевики не предпринимали. Что же касается западнаго фронта, то всѣ надежды, возлагаемыя на этот фронт, оказались эфемерными.

Ликвидировав южно—русскую армію, большевики с необычайной быстротой набросились на западный фронт. Главный свой удар они направили на петлюровскія украинскія части

под командой генерала Омельянович - Павленко. дѣйствовавшія, совмѣстно с „арміей" генерала Пермикина. Эта послѣдняя „армія", как я упоминал уже,подчинялась Б. Савинкову и „Русскому Политическому Комитету" в Варшавѣ. Савинков заключил соглашеніе с Петлюрой на основѣ признанія государственной независимости украинской народной республики. Но соглашеніе это не спасло украинцев от разоруженія и интернированія на польской территоріи. То же самое произошло в концѣ ноября и с частями генерала Пермикина. То же самое произошло и с частями Балаховича.

С Дальнаго Востока в это время поступили свѣдѣнія о ликвидаціи антибольшевистских сил, возглавляемых атаманом Семеновым.

Сопротивленіе бѣлых было окончательно сломлено, и сами они оказались выброшенными за границу.

Участь послѣдняго стана бѣлых на берегах Босфора была предрѣшена.

Наступал період длительной ликвидаціи остатков Вооруженных Сил Юга Россіи.

ГЛАВА XIV.

ПЕРЕОЦѢНКА ЦѢННОСТЕЙ И ИСХОД ИЗЪ СТАНА БѢЛЫХ.

Паденіе Крыма, окончательная ликвидація бѣлых на территоріи Россіи, наложили глубокій отпечаток на идеологію широких масс русских бѣженцев и эмигрантов. В то время, как руководящіе константинопольскіе круги во главѣ с „Комитетом Политическаго Об'единенія" и „Общим Дѣлом" в Парижѣ употребляют всѣ силы, чтобы создать иллюзію продолженія вооруженной борьбы между бѣлыми и красными,—в это время весьма сложный внутренній процесс переоцѣнки цѣнностей, который уже давно наблюдался в станѣ бѣлых, начинает выкристаллизовываться, выливаться в конкретныя очертанія новой политической идеологіи.

По существу своему эта переоцѣнка цѣнностей, которая происходит всюду, куда докатились волны русских бѣженцев, на первых порах начинает выявляться в видѣ идейнаго исхода из стана бѣлых.

Выступленія константинопольских дѣятелей были, если не причиной, то поводом к тому, что руководящіе круги русской „бѣлой" эмиграціи раскололись на два лагеря, между которыми начинается ожесточенная борьба. Уже в первые дни послѣ паденія Крыма в потивуположность „Общему Дѣлу" в Парижской газетѣ „Послѣднія Новости", до крымской катастрофы принципіально поддерживавшей Врангеля, печатается ряд статей, которыя опредѣленно свидѣтельствуют об огромном идейном сдвигѣ, происходившем в массѣ либеральной и радикальной русской эмиграціи. В отличіе от врангелевцев эта эмиграція выставляет на своем знамени новые лозунги и базируется на новых позиціях.

— Власть генералов да подчинится власти демократіи.

— Пора извлечь поученіе из тяжелых уроков прошлаго. Нельзя безконечно проливать кровь, если это приводит только к укрѣпленію большевиков. За каждым из генералов остались тысячи безвѣстных могил и страшно, что мы не знаем, как отвѣтить живым и мертвым, за что они погибли...

— Погиб не только „послѣдній генерал". Погибла послѣдняя надежда на былую Россію. Старой Россіи нѣт. Она умерла,

— Военная диктатура фатально превращалась в центр об'единенія реакціонных сил. Сила же—только в демократіи, которая не пошла за крымскими дѣятелями.

Что же такое представлял из себя с этой точки зрѣнія Крым, гдѣ лѣвую политику дѣлали правыми руками.

— Никогда,—отвѣчают теперь „Послѣднія Новости",—он не представлял собою русской демократіи, даже в самом расширенном, даже в самом надпартійном смыслѣ этого слова. Развѣ во имя демократіи работало крымское правительство Врангеля? Кривошеин и Глинка могли ли они по чистой совѣсти провести план утвержденія за крестьянами захваченной послѣдними земли? Мог ли Струве, идеологически обосновавшій антисемизм, и так обостривщій и запутавшій украинскій вопрос без задней мысли осуществить федеративное начало в Россіи? Мог ли Климович ввести разумный порядок и создать честную полицію, когда с молодых лѣт он мыслил Россію, как об'ект для охраннаго отдѣленія?

— Единый антибольшевистскій фронт должен образоваться не по классовому принципу, как того хотят большевики и правые, а по принципу политическому—признанію мартовской революціи; не пріемлющіе ея должны быть сняты с политических счетов и сметены без остатка.

Выступленіе в парижской печати лидера к. д. Милюкова с аналогичными заявленіями окончательно закрѣпило этот поворот. Представитель партіи, которая вдохновляла и неуклонно поддерживала всѣх военных диктаторов — Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля—поставил точки над „і" и назвал вещи своими именами.

Он отказывается видѣть в послѣдовательном пораженіи трех антибольшевистских армій—Колчака, Деникина и Врангеля—случайность, трижды повторявшуюся. Механическія об'ясненія этих пораженій его не удовлетворяют. Есть, значит, какой то основной порок в самой системѣ гражданской войны, как она организовывалась и велась до сих пор. Порок этот—отсутствіе настоящей внутренней связи между группами, руководившими борьбой и народными массами. Основная задача момента—возстановить единство либеральных, демократических сил Россіи. Во имя этой цѣли надо оказаться от иллюзіи, что вооруженная борьба с большевиками может продолжаться с Лемноса, Чаталджи и Галлиполи.

— Отдѣльные элементы той вооруженной силы, которая вывезена из Крыма,—говорил Милюков,—быть может, и примут участіе в продолженіи борьбы. Но едва-ли это будет так скоро и в такой формѣ, как это сгоряча представляется старым вождям прежней арміи. Надо признать, что международная об-

становка вовсе не такова, каковой она представлялась в Крыму, и что внѣ русской территоріи сохраненіе русской арміи, как тыловой, чрезвычайно затруднительно, если только она не хочет превратиться в армію кондотьеров, что было-бы недостойно ея...

В конечном итогѣ Милюков приходит к выводу, что к старому нѣт возврата ни в каких формах, что нужно отмежеваться от тѣх, кто старыми способами ищет путей к старому, от тѣх групп и теченій, которыя связаны с пережитыми катастрофами. К борьбѣ должны быть привлечены новыя силы, до сих пор державшіяся в сторонѣ, или намѣренно устранявшіяся.

Путь русских либеральных демократов параллелен пути соціалистов, стоящих на государственной точкѣ зрѣнія. Моральную поддержку в борьбѣ с большевиками может получить от Европы и Америки только об'единенная русская демократія, вышедшая из мартовской революціи.

Выступая с подобным сообщеніем в газетах, Милюков явился выразителем мнѣнія значительной части парижской группы членов партіи Народной Свободы (Милюков, Винавер, Коновалов, Харламов и др.), окончательно выкристаллизовавшагося и зафиксированнаго в особой „запискѣ“, принятой послѣ Крымской катастрофы (21 декабря). Эта „записка“ заключала в себѣ основы, так называемой, „новой тактики“, вокруг которой в станѣ бѣлых разгорѣлась ожесточенная полемика.

Основы „новой тактики“ сводились к тому, что період вооруженной борьбы с большевиками в тѣх формах, в которых она велась Деникиным, Колчаком, Врангелем и др., закончился.

Первой чертой новаго плана борьбы должно быть отдѣленіе военных сил и их командованія от того политическаго сопровожденія, с которым они неизбѣжно являлись. Политическая власть должна быть отдѣлена от военной, и должна быть передана какому либо органу гражданской власти, имѣющему общественную санкцію.

Второй чертой „новой тактики“ должно явиться разрѣшеніе в опредѣленном смыслѣ теперь же, т. е. до Учредительнаго Собранія, ряда основных вопросов внутренней политики: вопроса аграрнаго, національнаго, о формѣ государственности. Учредительное Собраніе может принять или отвергнуть предлагаемыя рѣшенія. Но надо теперь же занять опредѣленное мѣсто, чтобы страна знала, куда хотят ее вести. Оставлять открытыми эти вопросы—значит не столько уважать права народа, сколько отрицать данныя жизнью рѣшенія. Аграрный вопрос должен быть разрѣшен в интересах крестьянства. Требованія отдѣлившихся от Совѣтской Россіи народностей должны быть удовлетворены. Форма правленія в Россіи должна быть

республиканская. В Россіи должна быть проведена программа глубокой экономической и соціальной реконструкціи.

По мнѣнію представителей парижских к. д. необходимость такой политики сознается даже и правыми элементами, которые, однако, настаивают на том, что она должна дѣлаться „лѣвыми руками“. Но, принцип „дѣлать лѣвую политику правыми руками“ на примѣрѣ Крыма показал в полной мѣрѣ свою несостоятельность...

Такой огромный сдвиг в рядах виднѣйших представителей либеральных теченій весьма усиливает позицію соціалистов-революціонеров, которые, как я уже говорил, еще в 1919 году, на девятом с'ѣздѣ партіи, в період борьбы совѣтской власти с Колчаком, Деникиным и Юденичем, выдвинули лозунг: „Ни Ленин, ни Колчак“, и поставили своей цѣлью созданіе „третьей силы“. Еще тогда в своей резолюціи с.-р. заявляли, что в тупикѣ, в который заведена Россія, „двѣ основныя силы борются друг с другом, взаимно друг друга питая: большевизм и реставрація“.

— Большевизм, — говорилось в резолюціи с. р., — всей своей политикой создает в гущѣ населенія стихійную тягу к реакціи. Эту тягу используют то демагогическіе авантюристы в родѣ Григорьева и Махно, то сознательные сторонники возврата к старому режиму, в родѣ Колчака и Деникина.

— Соціально-политическая же реставрація возвратом помѣщиков и торжеством военщины, которую несут с собой успѣхи реакціонеров, послѣ недолгаго медоваго мѣсяца, когда их встрѣчают, как освободителей, неизбѣжно ведет за собою рецидивы большевизма.

— В этом безысходном заколдованом кругу бьется все время Россія...

С. р. считали, что „из этого заколдованнаго круга Россію может вывести только третья сила, равно чуждая и большевизму, и реставраціи. Стать такой силой, способной вырвать судьбу Россіи из рук как большевистской диктатуры, так и военной реставраціи, может только трудовая демократія Россіи, сознавшая себя именно, как демократія“.

Стоя на точкѣ зрѣнія непримиримой борьбы с болшевиками, с. р. еще тогда отказались от союзнической интервенціи, и заявили, что „в средѣ партіи нѣт теченія, которое бы искало опоры для внутренняго возрожденія страны внѣ ея собственных матеріальных, духовных и соціальных рессурсов“.

Всѣ эти положенія служили неизмѣнным основаніем для практической работы с. р. в теченіе послѣдних лѣт.

Теперь событія, как будто-бы, оправдывали прогноз с. р.,

и вліяніе их в политических, общественных кругах, в бѣженских массах, возрастает с каждым днем. С. р. непримиримо враждебно настроены в отношеніи тѣх кругов, которые поддерживают главное командованіе, и в своем органѣ — пражской газетѣ „Воля Россіи“ — вступают в яростную полемику с „Общим Дѣлом“, как с оффиціозом Врангеля, как с выразителем діаметрально противоположной точки зрѣнія.

Тактика парижской группы к. д. в отношеніи очередных практических задач приближается к тактикѣ с. р. Константинопольскіе же и берлинскіе к. д. непреклонно остаются на старых позиціях, в частности продолжают всемѣрно поддерживать главное командованіе. В этом отношеніи они об'единяются с умѣренно-правым флангом русской общественности, с консервативными кругами. К „Общему Дѣлу“ теперь присоединяется и орган берлинских к. д. „Руль“. Политическая линія парижских к. д. выражается газетой „Послѣднія Новости“ и идет параллельно путям, намѣчаемым „Волей Россіи“. Особое мѣсто занимают большевики справа — монархисты реставраторы, группирующіеся вокруг журнальчиков типа барлинскаго „Двуглаваго Орла“ и „Луча Свѣта“ с Марковым, Римским - Корсаковым и другими бывшими членами „Союза Русскаго Народа“ во главѣ. Они начинают теперь снимать личины, называть вещи своими именами, и отказываться от всяких компромиссных лозунгов, которыми они до сих пор, находясь в станѣ бѣлых, прикрывали свои реставраціонныя вожделѣнія.

В пылу этой борьбы ставка и тѣ круги, на которые она опирается, пропускают мимо ушей предупрежденіе французов о том, что с 1 января они прекращают содержаніе бѣженцев и арміи. О возможности расформированія арміи, о необходимости заблаговременнаго ея разселенія никто серьезно не думает.

Правда, в смыслѣ урегулированія матеріальнаго вопроса кое что дѣлается... С момента оставленія Крыма и расформированія правительства, в Константинополѣ возникает вопрос о созданіи общественно - политической организаціи, которая, идя на поводу у главнаго командованія, взяла бы в свои руки всю работу по обезпеченію арміи и бѣженцев. Эта организація должна была управлять и русским государственным имуществом, и средствами, находящимися за границей. В ея распоряженіе должны были поступать всѣ суммы, ассигнуемыя на эвакуированных русских иностранными государствами. В конечном итогѣ, предполагалось создать под флагом общественности орган правительственнаго характера, отвѣтственный только перед будущим общероссійским правительством.

Представители Врангеля в Парижѣ — Бернацкій, Струве и работавшій за кулисами Кривошеин — энергично взялись за

созданіе такого „Русскаго Дѣлового Комитета". Однако, моральная изоляція главнаго командованія уже дает весьма опредѣленные результаты.

Представители Врангеля должны были договориться с промышленниками. Послѣдніе, как ожидалось, представят комитету большія средства, что вмѣстѣ с остатком правительственных сумм даст в руки главнаго командованія и поддерживавших его политических групп главный нерв власти — крупныя денежныя суммы.

Всѣ эти планы не получили реальнаго осуществленія. Промышленники перессорились между собою, обвиняя друг друга в корыстных намѣреніях, в стремленіи набить карманы при реализаціи русскаго имущества. К тому же выяснилось, что они желают помочь дѣлу только путем ликвидаціи вывезенных цѣнностей. Самая идея бюрократичесскаго комитета, в особенности, когда выяснилось, что представители Врангеля желают играть в нем руководящую роль, была встрѣчена с предубѣжденіем. „Дѣловой комитет", куда вошли: в качествѣ предсѣдателя Бернацкій, и членов—Каминка (от банковской группы) и граф Бобринскій (от торгово-промышленнаго союза), — распался в момент своего зарожденія, тѣм болѣе, что французское правительство отказалось имѣть с этим комитетом какія бы то ни было сношенія.

Ставка врангелевцев в Парижѣ была бита. Вопрос о помощи бѣженцам могли разрѣшить только демократическія общественныя организаціи, которыя самостоятельно работали в этом направленіи с момента катастрофы.

Работа эта приносила уже опредѣленные результаты. Представители главнаго командованія быстро убѣдились в том, что ни о какой конкуренціи с общественностью не может быть и рѣчи.

В результатѣ они сами обратились к князю Львову, как к представителю общественных организацій с просьбой помочь им. Рѣшено было признать безрезультатными всѣ попытки Бернацкаго, Струве, Кривошеина и др. создать правительственный „Дѣловой Комитет", и вмѣсто него организовать чисто общественный комитет во главѣ с князем Львовым. В конечном итогѣ эта идея реализовалась в парижском Земско-Городском Комитетѣ, вокруг котораго об'единились всѣ существующія организаціи Земскаго и Городского Союзов.

Но перед русскими общественно - политическими кругами стояла гораздо болѣе сложная и отвѣтственная проблема. В виду того, что Крымское правительство оказалось ликвидированным, необходимо было создать какой нибудь достаточно ав-

торитетный орган для защиты и представительства общерусских интересов заграницей.

Вокруг этого вопроса разгорается ожесточенная борьба. Непосредственно послѣ паденія Крыма как в Константинополѣ, так и в Парижѣ идут усиленные разговоры на тему о созданіи „Національнаго Русскаго Собранія", „Національнаго Русскаго Комитета".

Идея созданія „Національнаго Комитета", достаточно авторитетнаго, чтобы представлять русское общественное мнѣніе за границей, была выдвинута парижской группой партіи Народной Свободы. Эта организація должна была быть самостоятельной и не зависимой, а не совѣщательной и вспомогательной при учрежденіях и лицах, „традиціонно связанных с закончившимся нынѣ періодом борьбы".

Представители главнаго командованія и тѣ, кто с ним солидаризировался, сразу разобрались в сущности проэктируемаго комитета.

Ревниво оберегая свою призрачную власть, Врангель никак не может примириться с тѣм, что его забыли, отодвинули куда то в сторону. Ему не понятно, как это в Парижѣ, без его участія, создается какое то собраніе, комитет, который будет представлять собою антибольшевистскую Россію.

Этому нужно положить конец.

И вот бывшій диктатор приказывает своим подчиненным „принять надлежащія мѣры", а сам посылает Струве телеграмму с многозначительным предостереженіем.

— Русская армія, — пишет он, — ни в каком отношеніи не может быть в зависимости от „Національнаго Комитета".

В бесѣдѣ-же с константинопольскими журналистами, Врангель заявил:

— Мысль об организаціи такого собранія я всецѣло привѣтствую, поскольку рѣчь идет об об'единеніи русских общественных кругов, желающих „мнѣ" помочь и оказать „мнѣ" поддержку в „моей" работѣ. Ни о каких законодательных функціях такого образованія не может быть и рѣчи в силу сложившихся обстоятельств.

Однако, тревога оказалась преждевременной, так как мысль об организаціи „Національнаго Собранія", „Національнаго Комитета", — не встрѣтила общаго сочувствія и уступила мѣсто другим проектам. Во врангелевских кругах тѣм временем работа идет в другом направленіи. По иниціативѣ Гучкова в Парижѣ устраиваются собранія бывших членов Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Однако, попытка оживить дѣятельность представителей правых кругов этим способом успѣха не имѣла уже по одному тому, что сторонники „новой тактики"

выдающіеся русскіе парламентаріи, отказались принять участіе в фальсификаціи общественнаго мнѣнія. Тѣм не менѣе, послѣ долгих и сложных переговоров, в Парижѣ из числа бывших членов Государственной Думы и Государственнаго Совѣта по выборам, в декабрѣ мѣсяцѣ, создается „Парламентскій Комитет". Такіе же комитеты организуются в Константинополѣ и Берлинѣ. Представляя собою старую цензовую Россію, парламентскіе комитеты оффиціально ставят себѣ слѣдующія двѣ основных задачи: освѣдомлять заграничные парламенты и правительства о том, что происходит в Россіи, и стремиться к установленію в Россіи государственнаго и правового порядка на началах народнаго представительства. В дѣйствительности, комитеты энергично поддерживают Врангеля, считая это главной своей задачей, и вмѣстѣ с тѣм отстаивают необходимость вмѣшательства иностранцев в русскія дѣла, их всемѣрную помощь антибольшевистским силам, т. е. Врангелю, вплоть до помощи арміей.

Никакого вліянія на массу русских, находившихся за границей, в частности на берегах Босфора, эти комитеты не имѣли и попытка осколков старой цензовой Россіи напомнить о своем существованіи проходит не замѣченной. Все вниманіе широких общественно-политических кругов и вообще русской эмиграціи сосредоточивается на попыткѣ представителей противоположной точки зрѣнія созвать совѣщаніе членов Учредительнаго Собранія. Иниціатива в этом отношеніи принадлежала парижским с.-р. в лицѣ Керенскаго, Авксентьева и Минора, выступившим с соотвѣтствующей деклараціей. Эта декларація нашла сочувственный отклик у парижских к. д., которые в лицѣ Милюкова, Винавера и Коновалова, благодаря принятой ими „новой тактикѣ", могли совмѣстно с с.-р. принять участіе в созданіи органа авторитетнаго общественнаго представительства Россіи за границей. И тѣ и другіе, в виду партійных разслоеній, избѣгали поднимать вопрос о коалиціи, и рѣшили попытаться найти пока общій язык, сдѣлать лишь попытку к взаимному тактическому сговору путем созыва совѣщанія членов Учредительнаго Собранія.

Вопрос о созывѣ такого совѣщанія сразу вытѣснил всѣ другіе вопросы, стоявшіе на очереди. По времени это совпало с образованіем парламентских комитетов, идея которых этим самым была окончательно подорвана.

Совѣщаніе членов Учредительнаго Собранія происходило в Парижѣ 8 - 21 января и ярко показало, какую огромную эволюцію продѣлали за истекшее время политическія партіи в своей идеологіи и тактикѣ в процессѣ борьбы за возрожденіе Россіи. На этом совѣщаніи выяснилось, какую радикальную позицію

заняли парижскіе к. д. во главѣ с Милюковым. И либералы, и соціалисты в борьбѣ с большевиками готовы были идти теперь рука об руку лишь с тѣми, кто отвергает военную диктатуру, иноземное вмѣшательство в русскія дѣла, кто стоит за созданіе россійской федеративной демократической республики, за передачу всей земли трудящимся, за прогрессивное соціальное законодательство, за проведеніе в жизнь принципов мартовской революціи. Вмѣсто внѣшних фронтов в дальнѣйшем центр тяжести борьбы с совѣтской властью должен быть перенесен в Россію.

Совѣщаніе членов Учредительнаго Собранія не присваивало себѣ никаких правительственных функцій, и ставило своей задачей изысканіе способов защиты интересов Россіи за границей, каковая задача была затѣм возложена на „Исполнительную Комиссію", выдѣленную из состава „учредиловцев".

В резолюціях совѣщанія членов Учредительнаго Собранія был окончательно зафиксирован тот политическій сдвиг, который произошел за границей в бѣженских массах, в военных и в общественно-политических кругах послѣ крымской катастрофы в концѣ 1920 и в началѣ 1921 года.

Теперь общественные круги и правительства западных держав, в особенности французское, были поставлены перед новым фактом — об'единенным мнѣніем наиболѣе отвѣтственных и вліятельных политических дѣятелей из среды партіи с.-р. и к. д. На трибунѣ совѣщанія „учредиловцев" рѣзко и опредѣленно, с полным единодушіем было указано на преступную политику Антанты в отношеніи Россіи, на тот страшный вред, который приносят русскому народу поддержка военной диктатуры, интервенція и блокада.

Как в русских, так и в иностранных, в особенности французских кругах, с острым интересом слѣдили за работой „учредиловцев", которые теперь могли с удовлетвореніем констатировать, что:

— Послѣ работ парижскаго совѣщанія членов Учредительнаго Собранія практически не возможна больше интервенція и сейчас нѣт такой политической партіи в Россіи, которая согласилась бы ее поддерживать. Немыслимо также, чтобы впредь генералы выдавали себя за освободителей Россіи, и были поддержаны какой нибудь демократической партіей.

Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія, особенно послѣ того, как выяснилось, что французсіе оффиціальные круги весьма внимательно прислушиваются и считаются с мнѣніем учредиловцев, — вызывает взрыв ярости и негодованія в кругах, поддерживавших главное командованіе и армію.

Ожесточенно нападает на учредиловцев „Общее Дѣло".

— Соглашеніе, — заявляет „Общее Дѣло", которое создалось (между к. д. и с.-р.) на совѣщаніи членов Учредительнаго Собранія, куплено цѣной пожертвованія арміей, то есть отреченія от нея. Плану учредиловцев, раскалывающему русское общество на два непримиримых лагеря, мы противопоставляем образованіе „Національнаго Комитета", который должен быть поддержан всѣми русскими гражданами...

„Общее Дѣло" энергично доказывает, что нужно во что бы то ни стало сохранить крымскую армію и генерала Врангеля.

Но и сам Врангель, сознавая опасность, в своих печатных выступленіях, в своих рѣчах и бесѣдах старается всячески дискредитировать учредиловцев и за неимѣніем кого бы то ни было — противопоставляет им... „Константинопольскій Парламентскій Комитет".

Отождествляя, как врагов своих и „Русской Арміи", Милюкова, Керенскаго, Минора, Чернова, — Врангель заявляет, что он не может признать за тѣми, кто вел тайную или явную борьбу против русской арміи, „кто играл в руку Ленина", — права говорить от имени русскаго народа.

Об'ѣзжая лагери в Галлиполи и на Лемносѣ Врангель выступает перед войсками в качествѣ митинговаго оратора и ругает послѣдними словами предателей „которые как шакалы собрались в Парижѣ и стали говорить, что русской арміи нѣт, а есть только толпы бѣженцев...

— Россія здѣсь, среди вас, — восклицает он. Уже идут к нам русскіе люди и об'единяются вокруг вас и меня. Не та дрянь, что собралась в Парижѣ, а настоящіе честные люди. Я привез вам из Константинополя привѣт избранников земли русской, когда Россія была еще велика и могуча, — от членов Государственной Думы всѣх составов и выборных членов Государственнаго Совѣта. Всѣ они шлют вам привѣт и собираются вокруг нас...

А в это время не только в бѣженских и эмигрантских массах, но и в высших военных кругах новыя настроенія выливаются в форму глубокой ненависти и отвращенія к тому, что возглавляло собою стан бѣлых.

Да иначе и не могло быть в Константинополѣ и на берегах Босфора, гдѣ на глазах стотысячной массы русских происходил процесс уже не разложенія, а смраднаго гніенія того, что осталось от старой Россіи. Здѣсь, гдѣ оффиціальные круги не имѣли возможности втирать очки так, как это дѣлалось в Крыму, гдѣ не было за исключеніем „Общаго Дѣла" газет, которые замалчивали и пріукрашивали-бы мрачную дѣйствительность,—в полной

мѣрѣ выявилась реакціонная и реставраціонная сущность тѣх, кто хотѣл возсоздавать Россію. Они продолжали еще лепетать что-то невнятное о націонализмѣ, о великой Россіи, о своем патріотизмѣ,—и здѣсь же, на глазах того „народа", которым они считали вывезенных из Крыма, с невѣроятным цинизмом обдѣлывали свои гнусныя, шкурныя дѣлишки. В константинопольских кафе и притонах оптом и в розницу распродавали казенное имущество, вплоть до судов несчастнаго Черноморскаго флота. На глазах у всѣх хищники, именовавшіе себя русскими патріотами, яростно поддерживавшіе Врангеля и „Русскую Армію", обкрадывали эту армію и вывезенный „народ". Куда-то исчезали грандіозныя суммы. Вакханалія взяточничества и казнокрадства разыгрывается вокруг ликвидаціи вывезеннаго из Крыма имущества, чѣм вѣдала особая ликвидаціонная комиссія. Чувствуя в душѣ, что послѣдній „стан бѣлых" разваливается, тѣ, кто играл руководящую роль в этом станѣ, энергично запасались валютой, а затѣм, получив, благодаря деньгам и связям визы, улетучивались на запад. Цинизм в этом отношеніи превосходил всѣ границы. Достаточно было потолкаться возлѣ консульскаго суда, поговорить с одним, двумя адвокатами, чтобы услышать о гнуснѣйших продѣлках, о взяточничествѣ и мошенничествѣ тѣх лиц, которым ввѣрены были судьбы десятков тысяч человѣк и которые под флагом любви к Россіи, под покровом идейности, самоотверженнаго патріотизма, и здѣсь продолжали спекулировать жизнями, торговать кровью несчастных, обманутых и брошенных на произвол судьбы людей. Если-бы из гроба встали первые вожди антибольшевистской арміи, они с ужасом отшатнулись бы от тѣх, кто нынѣ завершал их дѣло, кто прикрывался до сих пор их именами...

Не удивительно, что в бѣженских кругах с каждым днем наростало озлобленіе против того, что называлось „ставкой". И это явленіе наблюдалось не только в низах. Даже генералы, игравшіе весьма видную роль в теченіе послѣдних лѣт на югѣ Россіи, и тѣ заявляли:

— Чѣм скорѣе кончится этот процесс гніенія, тѣм будет лучше для общаго дѣла. Нужно „добивать" Врангеля, — вот задача момента.

Это добиваніе генералами друг друга на практикѣ выливалось в форму выступленій чисто личнаго характера, что производило отталкивающее впечатлѣніе.

Особенно типична в этом отношеніи была потасовка, которая разыгралась между Врангелем и Слащевым.

Очутившись не у дѣл и, по его выраженію, „без піастров" в Константинополѣ, Слащев со своими приближенными откры-

то выступает против главнаго командованія. Он требует от Врангеля денег на основаніи тѣх обязательств, которыя, как пишет Слащев в своем рапортѣ Врангелю, „вы взяли на себя, принимая должность главнокомандующаго".

— На основаніи изложеннаго доношу, — пишет Слащев, — 1) голодаю, 2) голодают офицеры и солдаты, 3) спрашивают у меня — за что...

Не получив отвѣта на свой рапорт, он письменно протестует против того, что „Политическій Об'единенный Комитет" выступает на поддержку „виновника потери нашей земли".

Врангель не остается в долгу и предает Слащева спеціально организованному суду, который, по словам Слащева, составлен был из неоднократно ошельмованных им, Слащевым, лиц. Суд лишает Слащева мундира и исключает со службы. Этим дѣло не заканчивается. Слащев ударяется в сферу всяких разоблаченій, издает отдѣльной брошюрой свои рапорты Врангелю, хвалебныя вырѣзки из газет и прочій матеріал, который, по мнѣнію автора, должен был, повидимому, дискредитировать Врангеля, Шатилова, Коновалова и др. и возвести на пьедестал его. Слащева. В своем послѣднем письмѣ Врангелю он критикует незаконный суд и задает в концѣ вопрос главнокомандующему:

— Обсудим, — пишет он в отвѣт на то мѣсто приказа о Слащевѣ, гдѣ говорилось о поступкѣ „недостойном русскаго человѣка", — кто русскій человѣк: тот ли, кто с горстью людей удержал Крым, дал пріют бѣжавшим из Новороссійска, и сдал управленіе старшему назначенному начальнику, или тот, который провозгласил Крым неприступной крѣпостью, имѣл почти равныя противнику силы, и со своими приближенными, несмотря на мои предупрежденія о преступности их дѣйствій, довел войска до эвакуаціи в Константинополь.

Выпуском своей брошюры под претенціозным заголовком — „Требую суда общества и гласности" — Слащев, впрочем, достиг не тѣх результатов, каких ожидал.

— Пусть поѣдают друг другу, как пауки в банкѣ, — такую злорадную оцѣнку получила брошюра среди русских „низов".

Факт потасовки двух виднѣйших генералов не прошел, однако, безслѣдно в военных кругах, гдѣ все чаще и чаще начинают вспоминать Деникина, а группа видных генералов даже посылает ему не то в Англію, не то в Бельгію демонстративную привѣтственную телеграмму, как „единственному честному человѣку".

В политических кругах Константинополя в декабрѣ и январѣ царит большое оживленіе. Каждый день рождаются и тут же умирают новыя организаціи. Кадеты, по иниціативѣ кн. Долгорукаго, создают „Народное Братство Освобожденія Россіи"; орга-

низуется „Украинскій Національный Комитет“; какой то комитет пытаются создать бѣлоруссы, при содѣйствіи ставки подтасовывается общественное мнѣніе горских народностей и т. д. и т. д. Все это, в конечном итогѣ, являлось ничѣм иным, как фальсификацией общественнаго мнѣнія на предмет поддержки Врангеля и созданія иллюзіи продолженія вооруженной борьбы с большевиками с помощью иностраннаго вмѣшательства в русскія дѣла. Всѣ эти организаціи носят опредѣленно ультра-буржуазную окраску. Соціалисты в Константинополѣ, несмотря на благодарную почву, не проявляют никакой активности...

Результаты такой политической работы были ничтожны. Да оно и понятно, ибо всѣ эти комитеты были оторваны от массы.

Бѣженская масса пытается самостоятельно найти выход из создавшагося положенія. Настроеніе этой массы в зимніе мѣсяцы было крайне неопредѣленное, неустойчивое. Одни приходили к заключенію о необходимости устраиваться за границей, если не на всю жизнь то, во всяком случаѣ, на очень продолжительное время. У них начинается тяга подальше от берегов Босфора куда нибудь в Америку, в Бразилію.

— Куда угодно, хоть к черту на кулички, только не оставаться в Константинополѣ, и не возвращаться в Россію...

Осуществить это желаніе было не возможно, так как всѣ государства закрыли для русских свои границы, и Константинополь, въ сущности. являлся огромным концентраціонным лагерем.

В средѣ других, главным образом людей с опредѣленным политическим міровоззрѣніем, наблюдался переход из аморфной массы бѣженцев на положеніе политических эмигрантов.

— Мы лишь помѣнялись ролями с большевиками,—говорили представители этой категоріи. Смысл нашего пребыванія за границей тот же, что смысл пребыванія за границей при царском правительствѣ соціалистических партій. Нужно только или держаться поближе к Россіи, или жить в больших политических центрах Запада, работая на Россію, которая не здѣсь, а „там“.

В массѣ, однако, эвакуировавшіеся из Крыма начинали капитулировать перед большевиками. Среди них наблюдается огромная тяга в Россію и выбрасывается лозунг: „Реэвакуація“. В психологическом отношеніи это было очень сложное явленіе. Одни капитулировали перед большевиками идейно, горячо доказывая, что „равнодѣйствующая“ пройдет не между красными и бѣлыми, а „третья Россія“ выкристаллизуется из Россіи большевистской. Так создавалась Франція, во время великой революціи эволюціонировавшая от Конвента к Наполеону.

Другіе указывали на то, что, внѣ всякой зависимости от отношенія к большевикам, нужно возвращаться в Россію, и работать над созданіем русских цѣнностей. Это—долг каждаго русскаго человѣка.

Наконец, тяга в Россію наблюдалась в особенности среди тѣх, кто, не задаваясь никакими политическими вопросами, просто жаждал вырваться из тяжкой заграничной обстановки в еще болѣе, быть может, тяжелую, но свою, родную, домашнюю обстановку, к покинутым семьям и хозяйствам.

Среди различных направленій политической мысли на берегах Босфора особенно обращали на себя вниманіе тѣ политическія теченія, которыя выкристаллизовались теперь среди казаков и впервые, можно сказать, со времени мартовской революціи, выливались в форму опредѣленной общеказачьей политической идеологіи. С этим особенно приходилось считаться теперь правящим кругам, ибо, если можно было говорить об арміи и народѣ, уѣхавшими из Крыма, то конечно, только казачья масса являлась частью этого народа, и только на казаках базировалась армія. Все остальное состояло из аристократов, бюрократов, представителей буржуазіи, служилой и не служилой интеллигенціи, офицерства, генералитета и т. д. Мужика, крестьянина, не было в этой массѣ. Оправданіем эвакуаціи являлось участіе в ней казаков...

Крымская катастрофа наложила на казаков глубокій отпечаток. Казачья политическая мысль лихорадочно работала над изысканіем выхода из создавшагося положенія. Атаманы, правительства, окончательно выродившіеся остатки казачьих парламентов, являлись лишь плохо сохранившимися символами, реликвіями казачьей государственности. Они не могли повести за собой казаков, указать новые пути, чтобы выйти из тупика, в котором очутились они на берегах Босфора.

Среди казаков совершенно самостоятельно и внѣ зависимости от общерусских политических теченій начинается напряженная политическая работа, происходит переоцѣнка цѣнностей, оформливаются новые лозунги.

В результатѣ переговоров между донцами, терцами, кубанцами, горцами, калмыками, в Константинополѣ еще в декабрѣ мѣсяцѣ сорганизовался „Союз Возрожденія Казачества". Иниціаторами этой организаціи явились, главным образом, радикально настроенные политическіе дѣятели Дона, Терека и Кубани, чутко учитывающіе настроеніе казачьих масс. У всѣх этих дѣятелей был большой практическій опыт государственнаго строительства на Дону, Кубани и Терекѣ в кровавой атмосферѣ гражданской войны, когда за каждую ошибку приходилось расплачиваться

потоками крови. Теперь во взглядах на создавшееся положеніе сходились люди, которых раньше раздѣляли крупныя политическія разногласія.

Руководящую роль в „Союзѣ Возрожденія Казачества“ играли представители Дона, Кубани и Терека в лицѣ бывших членов казачьих правительств, президіумов мѣстных парламентов, кооператоров и вообще политических дѣятелей с радикальным и в нѣкоторой части соціалистическим міровозрѣніем (Уланов, Дудаков, Фальчиков, Бѣлашев, Шапкин, Васильев—донец, Булацель, Васильев—терец, Аспидов, Дю-Шайля и др.)

За короткое время существованія Союза вполнѣ опредѣленно выяснилось, что проводимая им политическая линія всецѣло соотвѣтствует взглядам большинства уроженцев казачьих земель не только в Турціи, но в Сербіи, Болгаріи, Чехіи и т. д., гдѣ совершенно самостоятельно возникали одна за другой об'единенныя казачьи организаціи с аналогичной программой, тактикой и идеологіей.

В чем же заключались основныя положенія казачьей идеологіи, как она выразилась в организаціях типа „Союза Возрожденія Казачества“.

Три года донцы, терцы, кубанцы вмѣстѣ со своими близкими сосѣдями (калмыками, горцами) вели небывалую по своим размѣрам и напряженію всѣх сил борьбу с Совѣтской Россіей.

— Эта страшная борьба, — говорилось в об'яснительной запискѣ к программѣ Союза, — дважды кончалась катастрофической неудачей. В результатѣ получилось слѣдующее: многіе десятки тысяч казаков, ничтожные остатки калмыцкаго народа, и многіе тысячи прочих русских людей, нищими, больными и унизительно безправными выброшены за границу.

Каково же общее положеніе казачества и тѣх, кто шел с ними заодно?

— Оно обезкровлено. Все наиболѣе в нем сильное, здоровое, истреблено, и выброшено за границу. Почти полностью уничтожен калмыцкій народ на Дону.

— Под гнетом и рабством совѣтской власти катастрофически гибнут всѣ правовыя, культурно-экономическія начинанія казачества.

— Нищета, рабство, безпросвѣтная тьма, неисчислимое горе, страданія искони свободолюбиваго казачества царят у него на родинѣ.

— Вот плод трехлѣтней борьбы его с большевиками.

— В чем же главнѣйшія причины такого исхода борьбы?

— Борьба с Совѣтской властью велась под лозунгом „Единая недѣлимая Россія“. Главный метод борьбы, — оружіе, наступленіе извнѣ Совѣтской Россіи.

— Главное командованіе, общепризнанный вождь антибольшевистских сил было проникнуто духом единоличной военной диктатуры при непомѣрном преобладаніи во внѣшней и внутренней политикѣ военнаго вліянія, при изобиліи темных, безотвѣтственных и закулисных вліяній.

— Вокруг главнаго командованія собралась вся реакціонная клика бывших руководителей царской Россіи, русскаго юнкерства и буржуазіи. Вокруг Деникина и, в особенности, Врангеля сконцентрировались также и отшатнувшіеся от собственных завѣтов в період мартовской революціи представители либеральной буржуазіи и интеллигенціи.

— Всѣ они, как раньше, так и теперь, даже послѣ крымской катастрофы, мечтали о возстановленіи безвозвратно прошедшаго, были слишком чужды подлинным чаяніям русскаго народа, трудящихся масс и казачества.

— Сотрудничество по своей политической природѣ подлинно демократическаго казачества с главным командованіем и его органами было неестественно, нравственно нездорово и политически уродливо.

Это сотрудничество в глазах русской демократіи и всего міра искажало подлинную сущность политическаго лица казачества, и обрекло общую борьбу с большевиками на безплодіе и неудачу; оно же придавало большевикам личину защитников бщенародных интересов, интересов трудящихся против реакюнеров и врагов народа.

— Факт двух катастроф и их результаты налицо.

— О чем же они говорят?

— Идея единоличной военной диктатуры изжита безповоротно.

— Лозунги: „Единая, недѣлимая Россія“, „на Москву“, для казачества перестали быть достаточными импульсами в борьбѣ с большевиками. Мало того: эти лозунги ничего не говорят казачеству о его правах на автономное, свободное существованіе. Ничего не говорят, ничего не обѣщают . . .

Какой же вывод дѣлают из всего этого представители казачества?

— С большевиками необходимо бороться до конца. Будущая Россія мыслится лишь, как демократическая федеративная республика. Путь строительства этого государства не может быть таким, каким до сего времени представляло его главное командованіе и всѣ политическіе круги, шедшіе с ним.

— Путь этот может и должен идти только от свободных,

государственно и экономически окрѣпших периферій к центру. Лишь крѣпкія морально, здровыя политически, проникнутыя демократическим духом казачьи республики-штаты создадут серьезное страхованіе от рецидива большевизма и монархизма, и только в свободных казачьих и подобных им, об'единенных в федеративную связь республиках, родившихся на территоріи бывшей Россійской Имперіи, нынѣшніе большевики справа и слѣва найдут несокрушимый барьер. В своей справедливой борьбѣ за улучшеніе условій труда и жизни только в демократическом казачествѣ рабочіе и крестьянство найдут себѣ надежнѣйших и вѣрных соратников.

Ясно, конечно, что при таких взглядах представители казачества энергично настаивали перед своими правительствами и атаманами на необходимости безповоротнаго разрыва с главным командованіем.

— Нам, — говорили они, — нужно рѣзко отмежеваться от Врангеля и тѣх, кто его поддерживает. Ничего общаго со старой, прогнившей Россіей. Ничего общаго с тѣми, кто три с половиной года губил дѣло борьбы с большевиками, и сотрудничество с которыми привело нас на берега Босфора... Ничего общаго с тѣми, кто на протяженіи трехлѣтней борьбы с большевиками был оплотом реакціи, кто бросил казачество на путь авантюры, кто был чужд и враждебен демократическому духу его. Среди друзей и сотрудников казачества не найдут мѣста тѣ, кто не перестанет носиться с идеей единоличной военной диктатуры, вдохновлять и защищать очередное главное командованіе, и своеобразную „русскую государственность".

Такова была идеологія „Союза Возрожденія Казачества" в примѣненіи к недалекому прошлому.

Врангелевскіе круги, в свою очередь, относились к казакам недоброжелательно и даже прямо враждебно, что, конечно, дает свои результаты.

— Даже казачьи атаманы, народ покладистый и покорный, — пишет бывшій член донского правительства Васильев в Сербію генералу Сидорину, — и тѣ охладѣли значительно к своему недавнему кумиру, а все же сказать рѣшительное слово, отряхнуть его прах от ног казачества у них смѣлости не хватает. Казалось бы, — дальше тянуть союз с Врангелем некуда; казалось бы, дальше оставаться в унизительном положеніи безправія и паріев нельзя. А все еще тянут, пресмыкаются перед пустым мѣстом. Врангель дошел до того, что сдѣлал выговор и замѣчаніе нашему араману Богаевскому по поводу того, что этот послѣдній дерзнул, минуя Врангеля, обратиться с воззваніем к американскому правительству о помощи казачеству, и послал депешу французскому правительству о том, чтобы прі-

остановлена была отправка казачьих частей с Чаталджи на Лемнос. На этой почвѣ произошел конфликт. Атаманы всѣ ѣздили к Врангелю об'ясняться. Кончилось, конечно, примиреніем . . .

Атаманы Дона, Кубани и Терека сами склонялись все больше и больше к мысли о необходимости разрыва с Врангелем, но по своей нерѣшительности медлили, тѣм болѣе, что Врангель пугал их тяжелым положеніем, в котором очутятся казаки, в случаѣ разрыва. Атаманы сомнѣвались в том, что их признает правительство Франціи и других держав. Не было у них и своих денежных средств. Наиболѣе богатое — Донское правительство — свой металлическій запас — серебро — сдало на храненіе на итальянскій крейсер еще лѣтом. Теперь итальянцы отказались выдать серебро, ссылаясь на то, что они не знают, кто является истинным хозяином его — правительство Дона, или правительство Совѣтской Россіи.

В концѣ концов атаманы пришли к компромиссному рѣшенію и 14 января заключили между собою соглашеніе о том, что казачьи атаманы по всѣм вопросам, политическим, финансовым и экономическим, по вопросам внѣшних сношеній и военным будут дѣйствовать об'единенно. Во главѣ казачества стал, таким образом, „Об'единенный Совѣт Дона, Кубани и Терека" из атаманов и предсѣдателей правительств.

По своему значенію этот договор является, в сущности, актом разрыва с главным командованіем и расторженіем севастопольскаго соглашенія от 4 августа 1920 года.

— Мы теперь признаем Врангеля, — говорил мнѣ донской атаман Богаевскій, — только, как главнокомандующаго всѣми Вооруженными Силами Юга Россіи, в том числѣ и наших казачьих частей.

— Мы представляем ему в этом отношеніи огромныя права и, не вмѣшиваясь в стратегическія распоряженія, требуем, однако, участія в обсужденіи военных операцій в подготовительный період.

Конечно, Врангель рвал и метал. Он не хотѣл выпускать казаков из своих рук. Его представители, в родѣ Палеолога в Сербіи, энергично настаивали перед сербским правительством, чтобы оно ни в коем случаѣ не удовлетворяло ходатайств представителей казачества о перевозкѣ казаков из военных лагерей в Сербію. Конечно, эти старанія не проходили безслѣдно, и весьма замедляли разрѣшеніе вопроса о разселеніи кадров бывшей арміи.

В концѣ декабря в Константинополь из Тифлиса прибыл Иванис. Он категорически отказался признать Науменко и заявил, что считает только себя законным атаманом Кубани. Однако, в константинопольских казачьих политических кругах, за

исключеніем членов „Союза Возрожденія Казачества“, считавшим Иваниса единственным законным представителем Кубани, а также среди атаманов, Иванис не нашел большого сочувствія. Он рѣшил тогда дѣйствовать за свой страх и риск.

Не встрѣтив поддержки у Врангеля, Иванис посылает ему оффиціальное заявленіе о том, что он считает расторгнутыми всѣ соглашенія с главным командованіем, и кубанских казаков, как простых бѣженцев, отдает под покровительство Франціи. Сам-же отправляется в большое путешествіе по славянским странам, мотивируя это необходимостью ходатайствовать о разселеніи казаков.

Из стана бѣлых уходили элементы демократическіе. Уходили элементы в той или иной мѣрѣ связанные с демократіей. Из под покрова чуждых наслоеній теперь уже для всѣх без исключеній обнаруживалось то, что составляло истинную сущность стана бѣлых.

Реакціонеры и реставраторы снимают маски, поднимают забрала. Они тоже уходят из стана бѣлых, открыто выступая в качествѣ сторонников реакціи и реставраціи.

Врангель все еще цѣпляется за власть, все еще претендует на роль носителя государственнаго начала. Но массовый уход из стана бѣлых ставил теперь оффиціальные и оффиціозные круги главнаго командованія в положеніе полной изоляціи. Даже дипломатическіе представители и тѣ уже начинали отмежевываться и открещиваться от главнаго командованія и отказывать в выдачѣ находившихся в их распоряженіи денежных средств, что в февралѣ мѣсяцѣ в Парижѣ вылилось в форму независимой „коллегіи послов“. Можно было заранѣе предсказать, что от Врангеля отмежуется, как это и случилось впослѣдствіи, даже и константинопольская общественность в лицѣ лучших своих представителей.

Вокруг главнаго командованія и того, что продолжало именоваться „арміей Врангеля“ создавалось безвоздушное пространство. Всѣ усилія вдохнуть жизнь, вспрыснуть живительный элексир в разлагающееся мертвое тѣло, оставались безрезультатными.

Было ясно, что независимо от внѣшних технических причин, приближается послѣдній этап четырехлѣтней гражданской войны — ликвидація, распыленіе остатков Вооруженных Сил Юга Россіи.

ГЛАВА XV.

НАКАНУНѢ ЛИКВИДАЦІИ.

С самаго начала эвакуаціи Крымской арміи между союзными государствами начались усиленные переговоры о судьбѣ войск генерала Врангеля. Так или иначе, но вопрос о размѣщеніи арміи был разрѣшен, и теперь ребром стал вопрос о дальнѣйшей утилизаціи Вооруженных Сил Юга Россіи.

Русскіе общественные и политическіе круги из стана бѣлых поддерживавшіе армію и Врангеля, продолжали стоять на той точкѣ зрѣнія, что Антанта в скором времени лицом к лицу столкнется с „красной опасностью", что борьба с большевизмом начнется теперь в міровом масштабѣ, и что тогда Врангель со своими войсками займет один из участков на фронтѣ. Возможно, — что в самой Россіи обстановка измѣнится, и тогда не исключена и дессантная операція.

Врангель рѣшил бороться, что называется, до конца.

— Если нам удастся сохранить армію еще два-три мѣсяца, — говорил он в бесѣдѣ со мной 10 февраля, — то, несмотря на всѣ попытки нѣкоторых из держав запада, настаивающих на уничтоженіи арміи, — мы выйдем тогда из безвыходнаго, казалось-бы, положенія. Я не сомнѣваюсь, что в самом ближайшем времени Европа станет во весь рост лицом к лицу с большевистской опасностью, и сама тогда оцѣнит значеніе семидесятитысячной арміи, воодушевленной желаніем возобновить борьбу. При тѣх затрудненіях, которыя связаны с производством мобилизацій утомленных войной западно-европейских народов, Европа вынуждена будет прибѣгнуть к моей арміи.

В силу этих соображеній представители командованія употребляют всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать превращенію военно-служащих в гражданских бѣженцев. Эта точка зрѣнія встрѣчает рѣзкое противодѣйствіе французов, которые, помимо всяких других соображеній, желают возможно скорѣе прекратить свои расходы на содержаніе лагерей, примѣняя радикальныя мѣры к разселенію эвакуированных. Еще 14 января командир оккупаціоннаго корпуса в Константинополѣ генерал Шарпи отдает французским комендантам лагерей секретный приказ, в котором указывает, что „одной из главнѣйших задач

в настоящее время является возможно скорѣйшая эвакуація на постоянное мѣсто жительства русских бѣженцев, как гражданских, так и военных, которые пожелали бы вернуться на родину или на какое либо постоянное мѣсто жительства".

Рекомендуя ряд мѣропріятій к разселенію эвакуируемых (отправленіе на родину украинцев, латышей, эстонцев и др., отправленіе желающих в Совѣтскую Россію, содѣйствіе к разселенію в Балканскія страны), Шарпи пишет:

— Существует опасеніе, что при примѣненіи вышеупомянутых мѣр придется встрѣтиться с тѣм положеніем, что Русское Командованіе могло бы до сих пор все же желать не производить демобилизаціи арміи, каковая мысль могла-бы побудить Русское Командованіе задерживать в рядах арміи путем убѣжденій, интриг, и даже путем насилій лиц чисто русскаго происхожденія, или других національностей, желающих покинуть армію в цѣлях направленія на постоянное мѣсто жительства. С этой точки зрѣнія надлежит считаться лишь в той мѣрѣ, чтобы рѣзко ей не противиться. Дѣйствительно, необходимо, чтобы Русское Командованіе сохранило извѣстный авторитет для того, чтобы помочь нам поддерживать порядок и дисциплину, но при условіи, конечно, чтобы этот авторитет не препятствовал нам при разселеніи бѣженцев.

В началѣ февраля французскія военныя власти без всяких предварительных переговоров с генералом Врангелем об'явили в лагерях, что желающіе могут записываться в особый список, а они затѣм будут отправлены на родину, в Совѣтскую Россію. Главное командованіе и атаманы приняли самыя энергичныя мѣры к тому, чтобы парализовать это распоряженіе, тѣм болѣе, что в Россію выразило желаніе ѣхать весьма большое количество лиц.

Достаточно сказать, что, как мнѣ разсказывал Богаевскій, на одном Лемносѣ записалось свыше четырех тысяч кубанцев и около трех тысяч донцов.

Генералы Говоров и Фостиков энергично отговаривали своих донцов и кубанцев от возвращенія в Россію, доказывая, что там они очутятся в ужаснѣйшем положеніи.

В десятых числах февраля на Лемнос из Константинополя прибыли атаманы Дона, Кубани и Терека и представитель Врангеля генерал Артифексов.

— Всѣ мы, — разсказывал мнѣ донской атаман, — самым рѣшительным образом возстали против этой записи. В своих рѣчах мы указали, что на родинѣ их ждет ужасная жизнь, что большевики немедленно мобилизуют казаков, поставят их в строй и направят на польскій, или на кавказскій фронты. Результаты были весьма благопріятные. На другой день три чет-

верти кубанцев просили вычеркнуть их фамиліи из списков реэвакуируемых. Когда я уѣзжал, то при мнѣ выписалось столько, что число желавших возвращаться донцов не превышало шестисот человѣк.

Как бы то ни было, а в конечном итогѣ на турецкій пароход „Решид-Паша" из разных лагерей было собрано французами до трех с половиной тысяч бѣженцев и строевых казаков, которые рѣшили возвратиться домой. Без всяких предварительных переговоров с большевиками, без всякик гарантій неприкосновенности, реэвакуируемые были отправлены в Новороссійск, и там переданы в руки большевикам. Вмѣстѣ с ними было отправлено и не мало врангелевских контр-развѣдчиков, что было, повидимому, хорошо извѣстно большевикам, и что послужило для большевиков одним из лишних поводов к репрессіям против реэвакуируемых.

Долго не возвращался „Решид-Паша". В лагерях энергично боролись с реэвакуаціонным настроеніем, подвергая всяким репрессіям „неблагонадежных". Их выселяли из палаток, ставили в худшія условія питанія, подвергали своего рода остракизму и даже создавали из них своеобразные дисциплинарные батальоны.

Особенно тяжело приходилось „неблагонадежным" на Галлиполи.

Вот что пишет по поводу образованія такого батальона в своем оффиціальном докладѣ один из уполномоченных главнаго комитета Всероссійскаго Земскаго Союза в Константинополѣ:

— . . . Из всѣх частей на Галлиполи были составлены команды и погружены на пароход „Артемида". Нагрузилось свыше 1200 человѣк. Среди них в большинствѣ были или категорійные (т. е. больные или раненые) или тѣ, кто подходил под понятіе „нежелательный элемент". Были также женщины и дѣти. Главным мотивом у них было желаніе отдѣлаться тѣм или иным путем от военной жизни и сдѣлаться гражданскими лицами. Путешествіе оказалось неудачным. В Константинополѣ французское командованіе не разрѣшило разгрузиться, и пароход был возвращен в Галлиполи, гдѣ опять таки французское командованіе приказало разгрузиться и сформировать новый лагерь в предѣлах военных лагерей. Генерал Витковскій, временно командовавшій вмѣсто Кутепова галлиполійскими частями, издал приказ, по которому генералу Кочкину (бывшему командиру дисциплинарнаго баталіона) вмѣнялось в обязанность, „назначив себѣ в помощь двадцать энергичных кавалерійских офицеров", разбить на территоріи военных лагерей новый ла-

герь, и всѣх бѣженцев свести в сводно - бѣженскій батальон, установив в этом батальонѣ строжайшую военную дисциплину...

Бѣженскіе батальоны отличались от воинских частей только тѣм, что бѣженцев лишали всякой выдачи обмундированія, денег и т. д. В батальонах больных и искалѣченных людей заставляли заниматься изученіем военной мудрости, подвергали их всевозможным гоненіям, насмѣшкам и придиркам. Понятно, что, зная о таком положеніи в бѣженских батальонах, большинство предпочитало оставаться в воинских частях, не возбуждая вопроса о своем переходѣ на положеніе бѣженцев и выжидая времени и случая...

В сущности арміи, как таковой, уже не было. От арміи остались одни развалины. Массы людей, механически соединенных друг с другом, и поставленных в невозможность распыленія, сохраняли еще внѣшнюю военную организацію, отдавали честь, парадировали. Но эти люди уже прониклись мыслью, что им нечего больше дѣлать, что надо уходить и устраиваться, жить самостоятельно.

Терпѣніе людей истощалось. И это понятно, ибо в лагерях царил каторжный режим, военно-полевые суды, установленные приказами Врангеля, разстрѣлы, произвол и безправіе.

Ужасы разсказывали тѣ, кто на собственном опытѣ испытал прелести этого режима, побывал в военных тюрьмах, устроенных в трюмах кораблей, кто пытался бѣжать на волю и был задержан.

Кормили плохо. Интенданты и штабы воровали буквально на глазах. На каждом шагу приходилось наталкиваться на факты вопіющих издѣвательств не только над солдатами, но и над офицерами. Чувствовали себя хорошо в лагерях лишь профессіональные кондотьеры, которые отсиживались в ожиданіи очередной авантюры. Остальные неудержимо тянулись на волю, но... на волѣ ожидала голодная смерть. К тому же, чтобы выбраться из лагерей, пройти через кордоны иностранной жандарменіи, врангелевской охраны, куда вербовались юнкера, поставленные в хорошіе условія жизни, нужно было все поставить на карту.

И все же, не только с Чаталджи и Галлиполи, но даже с острова Лемноса, преодолѣвая невѣроятныя трудности, уходили казаки, уходили солдаты, уходили офицеры...

А ставка, выразительница ея мнѣній газета Бурцева „Общее Дѣло“ и организаціи в родѣ „Константинопольскаго Парламентскаго Комитета“ не уставая твердили о необходимости сохраненія „Русской Арміи“—„одушевленной великой идеей и

с беззавѣтным восторгом по одному мановенію своего обожаемаго вождя генерала Врангеля, готовой возобновить борьбу с большевиками“.

Правда, были и среди константинопольских дѣятелей люди, которые, повидимому, искренно заблуждались и всецѣло подпадали под вліяніе специфической информаціи о состояніи изолированных в лагерах воинских частей, составленной во „врангелевских“ тонах. К таким людям, несомнѣнно, нужно отнести и нѣкоторых из константинопольских к.-д. возглавляемых Юреневым. Но в массѣ политическим и общественным дѣятелям из „Парламентскаго Комитета“ и „Об'единеннаго Политическаго Комитета“ равно, как, повидимому, и членам редакціи парижскаго „Общаго Дѣла“ были совершенно безразличны тѣ политическія и моральныя настроенія, мысли и чувства, которыя переживали люди, входившіе в состав арміи Врангеля послѣ крымской эвакуаціи.

Они, правда, этого особенно не скрывали. Когда мнѣ приходилось бесѣдовать на эту тему с представителями „Политическаго Об'единеннаго Комитета“ то члены „Пока“ цинично заявляли:

— Вы говорите о настроеніи... Это совершенно не играет никакой роли. Сегодня одно настроеніе, завтра другое. Смотришь... солнышко пригрѣет, кормить станут лучше... обмундируют, ну и настроеніе измѣнится. Вспомните, что было послѣ Новороссійска. А потом ничего... обтерпѣлось и... все как рукой сняло...

И конечно, тысячу раз права была редакція пражской газеты „Воля Россіи“, а затѣм и солидаризировавшаяся с ней, хотя и болѣе сдержанная газета парижских к.-д. „учредиловцев“ „Послѣднія Новости“ когда отказывалась поддерживать тѣх „неразборчивых сторонников диктатуры и какой угодно интервенціи, для которых остатки врангелевской арміи были просто пушечным мясом, которое можно еще бросить в огонь гражданской войны, предпринять с ними очередную авантюру“.

Неудивительно, что на берегах Босфора находила живѣйшій отклик кампанія, которую особенно энергично вели „Воля Россіи“ и „Послѣднія Новости“, добиваясь раскрѣпощенія арміи барона Врангеля и превращенія всѣх бывших военно-служащих в гражданских лиц.

— Может ли быть дальше терпимо это вопіющее нарушеніе элементарнѣйших прав русских граждан?—спрашивала, например, „Воля Россіи“. По какому праву и во имя чего может генерал Врангель распоряжаться судьбами и жизнью тѣх, кто вынужден был оставить Россію и оказался за ея предѣлами в положеніи простых бѣженцев?

Все это, однако, не оказывало никакого дѣйствія на ставку и тѣх, кто ее поддерживал.

Врангель не допускает даже и мысли о расформированіи арміи. Муссируя всячески среди своих подчиненных и в лагерях ту мысль, что союзники, и Францiя, в частности, стоят на аналогичной точкѣ зрѣнія, ставка доходит до того, что в Константинополѣ в мѣстной газетѣ „Presse du Soir" печатает слѣдующее увѣдомленіе „От Штаба Главнокомандующаго Русской Арміей":

— 11 января получено сообщеніе из Парижа о том, что Палата Депутатов вотировала закон об ассигнованіи французским правительством 100 милліонов франков на содержаніе русских бѣженцев из Крыма, в том числѣ и Русской Арміи, что вмѣстѣ с взятым французскими властями с прибывших из Крыма пароходов грузом, а также с представленным в распоряженіе французскаго правительства „en gage" тоннажем обезпечивает содержаніе арміи и бѣженцев болѣе чѣм на полгода.

На русских бѣженцев было дѣйствительно ассигновано сто милліонов франков. Об арміи же, как таковой, не было и рѣчи.

В дѣйствительности вопрос об арміи разрѣшался в совершенно опредѣленном смыслѣ.

Не только Англія, давно вступившая на путь соглашенія с большевиками, но и другія державы—всѣ онѣ сдѣлали из крымской катастрофы совершенно опредѣленный вывод, а именно,— что ставка на бѣлых бита, что, как реальная и моральная сила, бѣлые сброшены со счетов Россіи. Эту точку зрѣнія поддерживали и соціалистическія теченія на Западѣ, вліятельныя рабочія партіи.

Как бы то ни было, а Англія и Италія самым рѣшительным образом высказались за разоруженіе остатков арміи и превращеніе ея воинских чинов в бѣженцев. Эта точка зрѣнія не встрѣтила серьезных возраженій и со стороны Франціи, представители которой пришли к совершенно опредѣленному заключенію, что всѣ планы и проекты по поводу утилизаціи арміи ни теперь, ни в ближайшем будущем нельзя осуществить.

Для нас нѣт арміи Врангеля,—говорили уже послѣ крымской катастрофы отвѣтственные представители французскаго правительства. Мы потеряли вѣру в антибольшевистскія арміи. Если армія не могла или не хотѣла защищать „прекрасно укрѣпленныя позиціи" на Перекопѣ, то как же вы хотите, чтобы мы повѣрили в возобновленіе новаго успѣшнаго фронта при помощи той же арміи.

Вопрос о судьбѣ воинских частей весьма осложнялся и тѣм, что общее положеніе на Балканах, в Турціи и на берегах

Босфора все время было необычайно острым и напряженным. Турція была оккупирована иностранными войсками. Хозяевами в Константинополѣ были французы, англичане, итальянцы, греки. Это привело к тому, что в Турціи с момента прекращенія войны, разросталось могучее націоналистическое движеніе, возглавляемое Кемаль-Пашой. Базой турецким націоналистам являлось Анатолійское побережье. В Ангорѣ засѣдал турецкій парламент. Султан и турецкое правительство в Константинополѣ фактически находились в плѣну у союзников. Всѣ симпатіи турок, всѣ их помыслы, стремились к Ангорѣ, к кемалистам. В сущности, сам султан и турецкое правительство в Константинополѣ сочувствовали движенію Кемаль-паши. Усилія союзников при помощи греческих войск подавить движеніе кемалистов не имѣли никаких результатов, кромѣ разраставшейся ненависти турок к грекам и союзникам. Константинополь в момент крымской катастрофы являлся пороховой бочкой, гдѣ от малѣйшей искры мог произойти грандіозный взрыв.

Появленіе многотысячной арміи на берегах Босфора и такой же массы бѣженцв невѣроятно осложнило обшее положеніе. Присутствіе иностранных вооруженных сил вызывало у союзников самыя серьезныя опасенія, тѣм болѣе,что при высадкѣ с кораблей разоруженіе было произведено лишь частично: значительное количество подлежащаго сдачѣ оружія было всякими правдами и неправдами скрыто и осталось в распоряженіи казаков и, в особенности, добровольцев. Такого рода опасенія подкрѣплялись взаимной симпатіей русских и турок и тѣм фактом, что, под вліяніем невыносимо тяжелых условій жизни в лагерях, среди поставленных в безвыходное положеніе офицеров, солдат, казаков, наблюдалась опредѣленная тяга к кемалистам. Вербовщики Кемаль—паши находили среди русских благодарный матеріал.

Эти соображенія также заставляли французское правительство непосредственно послѣ крымской катастрофы усваивать ту точку зрѣнія, что армія не существует а есть только бѣженцы.

На неоднократные запросы соціалистических депутатов членами правительства даются отвѣты именно в этом смыслѣ. В частности на письменный запрос коммунистическаго депутата Кашена, сдѣланный в началѣ января по поводу того, прекращена-ли окончательно авантюра Врангеля и будут-ли его войска использованы Франціей против русской революціи,—французскій министр иностранных дѣл отвѣтил:

— Фактическое правительство, образованное генералом Врангелем на части русской территоріи, перестало существовать по оставленіи им занимаемой территоріи. Остатки арміи, эвакуированные из Крыма, были разоружены. Они не считаются бо-

лѣе военными частями и составляют лишь собраніе людей, которым из человѣколюбія оказали пріют и помощь. . .

Однако, на практикѣ такое рѣшеніе встрѣчало непреодолимыя затрудненія. Бросить на произвол судьбы стотысячную массу русских нельзя было. Содержать на свой счет, по мнѣнію французов, было крайне убыточно, несмотря на передачу им уже не в качествѣ залога, а в полное распоряженіе русскаго Черноморскаго флота и всѣх огромных запасов Крымской арміи. К тому - же на это не было соотвѣтствующих кредитов. Приходилось искать выхода в разселеніи русских в других странах. Но только незначительная часть бѣженцев была принята балканскими государствами и, главным образом, Сербіей. Дальнѣйшее разселеніе пріостановилось. Свободнаго выѣзда из Константинополя не было, так как всѣ державы закрыли для русских свои границы. Разрѣшеніе вопроса о разселеніи затягивалось на неопредѣленное время. Политика же представителей Франціи в Константинополѣ могло поддержать в рядовой плохо освѣдомленной массѣ военных и гражданских бѣженцев убѣжденіе, что Франція и послѣ крымской катастрофы не измѣнила своего отношенія к главному командованію.

В ставкѣ, однако, знали об истинном положеніи вещей. Еще в декабрѣ мѣсяцѣ Франція предупреждает главное командованіе что матеріальная помощь, которую французское правительство оказывало „руководствуясь гуманитарными соображеніями, в виду повелительных бюджетных соображеній может продолжаться лишь короткое время.“ Первое января было сроком, назначенным первоначально для прекращенія помощи. Этот срок был перенесен на первое февраля, чтобы, как оффиціально мотивировали французы, „дать возможность солдатам, истощенным утомительным отступленіем, возстановить свои силы, а командному составу принять в согласіи с французским правительством предварительныя мѣры к их распыленію.“

На должность верховнаго комиссара Франціи на Ближнем Востокѣ в это время назначается генерал Пелле. Французское правительство возлагает на него совершенно опредѣленное порученіе—ликвидировать армію Врангеля.

Немедленно по прибытіи в Константинополь Пелле увѣдомил дипломатическаго представителя Врангеля Нератова о том, что кредит в сто милліонов франков, разрѣшенный французским парламентом, не только истощен, но даже перерасходован и поэтому в отношеніи разселенія нельзя терять ни минуты.

—Я настаивал на этом,—указывал впослѣдствіи Пелле,—много раз устно и письменно перед генералом Врангелем.

Всѣ переговоры Пелле с главным командованіем ставка хранила в строжайшей тайнѣ, желая выиграть как можно боль-

ше времени и возлагая надежды на перемѣну общей обстановки. Не удивительно, что работа спеціальнаго Эмиграціоннаго Совѣта, с'организованнаго при ставкѣ для планомѣрнаго разселенія десятков тысяч русских бѣженцев не дает никакого результата.

Бывшій член донского правительства Шапкин, знакомившійся с дѣятельностью Эмиграціоннаго Совѣта по порученію Общеказачьяго сельско-хозяйственнаго Союза, охарактеризовав мнѣ безплодную работу этого учрежденія, прибавил:

— Трудно передать ту безотрадную картину, которую представляет собою работа Эмиграціоннаго Совѣта — учрежденія по своему значенію важнѣйшаго для русских людей за границей. Дѣятельность этой организаціи является образцом дѣятельности всѣх вообще бывших и сущих учрежденій главнаго командованія, гдѣ крайняя бездарность и тупоуміе переплетаются с преступностью и безпредѣльным самомнѣніем, гдѣ при побѣдах фронта создавался полный развал тыла и предопредѣлялся трагическій исход всей борьбы. Становится понятным, что никто ничего не знает об Эмиграціонном Совѣтѣ, никто им не интересуется, ибо нечего там знать и никому он не нужен кромѣ тѣх, кто сидит в нем...

Вопрос о разселеніи всячески замедляется.

Когда Бразилія выразила желаніе принять значительное количество русских земледѣльцев, в ход пускается весь агитаціонный аппарат ставки, чтобы воспрепятствовать переселенію в Бразилію, которая рисуется, как страна, гдѣ русскіе попадут в положеніе бѣлых рабов. Правы-ли, не правы-ли были агитаторы,— другой вопрос, но результат агитаціи был опредѣленный: в Бразилію согласились ѣхать немногіе. Да и тѣ оставались в Константинополѣ в безконечном ожиданіи отпраки, для ускоренія которой принимались лишь типично бюрократическія мѣры.

Не имѣя от Врангеля точных свѣдѣній о планах и позиціи, занятой в отношеніи арміи французским правительством, атаманы Дона, Кубани и Терека отправляются 25 февраля к верховному комиссару Пелле, чтобы в личном разговорѣ выяснить интересующіе их вопросы, в частности вопрос о судьбѣ арміи, двѣ трети которой составляли казаки.

— Как смотрит французское правительство и, в частности, сам комиссар на способы ликвидаціи большевиков? — задали вопрос казаки.

— Французское правительство и я лично, считаем, что большевизм при полной изоляціи его неминуемо изживет самого себя. Но это потребует продолжительнаго времени.

— Будет ли французское правительство поддерживать мо-

рально и матеріально, в частности, живой силой антибольшевистскія силы не желающія мириться с большевиками и активно борющіяся против них.

— В моральной и матеріальной помощи антибольшевистским силам, — отвѣчал Пелле, — французское правительство не отказывает, но оно не может дать для этого свои вооруженныя силы. Утомленный великой войной французскій народ не желает проливать свою кровь и воевать с большевиками. Я не вѣрю по этой же причинѣ в возможность серьезной общей интервенціи европейских держав, которая к тому же может пробудить патріотизм русских, сплотив их против иностраннаго вмѣшательства.

— В какой мѣрѣ и в каком направленіи казаки могут разсчитывать на помощь Франціи и союзников? Могут ли казаки получить в данный момент денежную поддержку, поддержку матеріальную всѣми средствами в случаѣ неизбѣжности борьбы с большевиками за освобожденіе казачьих областей, а также разсчитывать на поддержку авторитетом великих держав стремленія к независимости казаков от Совѣтской Россіи?

Всѣ эти вопросы, видимо, поставили Пелле в весьма затруднительное положеніе.

— Что касается денежной помощи казакам, — заявил комиссар, — то по этому поводу я не имѣю инструкцій от своего правительства. Думаю в то же время, что, если казаки сами начнут вооруженную борьбу с большевиками, Франція окажет им матеріальную поддержку. Россія, однако, должна освободиться своими, русскими силами, а не иноземными войсками.

Вслѣд за этим Пелле сообщил атаманам о тѣх мѣропріятіях и сношеніях с иностранными державами, которыя сдѣланы французским правительством для разселенія и устройства русских бѣженцев.

— Чѣм вызвано распоряженіе перевозить казаков в Совѣтскую Россію? — спросили представители казаков.

— Исключительно желаніем оказать помощь тѣм русским гражданам, (безразлично — казаки они, или нѣт), которые пожелали бы на свой страх и риск, без всяких гарантій, отправиться в Совѣтскую Россію. Никаких других цѣлей этим не преслѣдовалось. Вообще, по моему мнѣнію, весьма большое количество русских, находящихся за границей, не боясь репрессій, могло-бы возвратиться в Россію.

— Какая из политических группировок русских эмигрантов в Западной Европѣ, не пріемлющих большевизма, встрѣчает большее довѣріе со стороны французскаго парламента? Группа ли генерала Врангеля с организаціями правительственнаго типа,

создавшаяся из прежних россійских органов за границей? Группа ли членов Учредительнаго Собранія? Группа ли дѣловых организацій общественных сил помощи русским бѣженцам (Красный Крест, Всероссійскій Земскій и Городской Союзы и др.)? Группа-ли Бориса Савинкова и „Политическаго Комитета“ на Западѣ Россіи?

— Франція, — заявил Пелле, — готова оказать моральную и матеріальную поддержку всѣм антибольшевистским организаціям, к каким-бы партіям онѣ ни принадлежали. Я прибыл сюда с опредѣленным заявленіем своего правительства, которое уже сообщено россійскому дипломатическому представителю Нератову, что оно не признает никакого русскаго правительства за границей. Не признавая также и совѣтскаго правительства, оно не может считать правомочным преемником бывшаго русскаго правительства какую либо организацію, которая присвоила-бы себѣ это званіе внѣ русской территоріи. Этим, однако, не исключаются чисто дѣловыя сношенія с правительственной организаціей при генералѣ Врангелѣ. Что касается группы Савинкова, то я не знаком с ея организаціей и дѣятельностью. Общественныя-же организаціи, насколько мнѣ извѣстно, не играют никакой политической роли.

Общій вывод, который сдѣлали атаманы из продолжительнаго обмѣна мнѣніями с представителем Франціи сводился к тому, что Пелле прибыл в Константинополь с опредѣленным указаніем своего правительства—способствовать скорѣйшей ликвидаціи вопроса об арміи и бѣженцах. Армія не признается, как военная сила, и ея военная организація сохраняется только, как средство для поддержанія порядка и дисциплины среди нѣскольких десятков тысяч людей, временно оставшихся без работы.

Таким образом, хотя французское правительство оффиціально извѣстило Врангеля еще 30 ноября о том, что с момента оставленія Крыма оно считает южно-русское правительство несуществующим, однако, лишь с пріѣздом Пелле вопрос о ликвидаціи был поставлен чисто практически.

Но даже и эти выступленія Пелле были встрѣчены в оффиціальных и оффиціозных кругах главнаго командованія с большим недовѣріем.

— Пелле только подголосок, — говорили в этих кругах. Мы имѣем здѣсь дѣло только с интригами Ллойд-Джорджа, который хочет угодить большевикам и который нажимает на Францію, обѣщая поддержку в ея спорѣ с Германіей по поводу убытков, причиненных войной, но требуя взамѣн этого ликвидаціи врангелевской арміи. Точки зрѣнія мѣняются под вліяніем обстановки. Посмотрите, какія сейчас событія развертываются в Грузіи. С часу на час можно ожидать, что она будет окон-

чательно ликвидирована большевиками. А вѣдь это рѣзко задѣвает интересы Англіи... Большевики не успокаиваются. Все время можно ожидать, что начнется снова война с поляками. А это коренным образом затрагивает интересы Франціи, Германіи и ряда окраинных государственных образованій — Эстоніи, Латвіи. Все это может заставить французское правительство значительно измѣнить свой взгляд на положеніе русских антибольшевистских сил и дать новыя инструкціи своему представителю в Константинополѣ.

Прежняя политика в отношеніи арміи продолжалась в полной мѣрѣ. Ставка, „Политическій Об'единенный Комитет", „Парламентскій Комитет" в Константинополѣ и „Общее Дѣло" вмѣстѣ с парижским „Парламентским Комитетом" — все еще пытаются провести в жизнь намѣченный послѣ крымской катастрофы план. В основѣ этого плана лежит мысль о том, что армія с Врангелем во главѣ, имѣя прочную общественную политическую базу, получают признаніе иностранцев, представляют и олицетворяют собой заграницей истинную, антибольшевистскую Россію со всѣми проистекающими и вытекающими из этого послѣдствіями.

Центральное мѣсто все время занимает вопрос об изысканіи мѣр „против распыленія врангелевских сил". Так или иначе, а нужно было парализовать то впечатлѣніе, которое было создано совѣщаніем членов Учредительнаго Собранія, фактическим разрывом казачества с главным командованіем, поставить французам преграду в самостоятельной отправкѣ желающих в Совѣтскую Россію и т. д.

— Под вліяніем всѣх этих причин, — разсказывал мнѣ предсѣдатель константинопольскаго „Политическаго Об'единеннаго Комитета" Юренев, — считая также, что, в конечном итогѣ, „учредиловцы" провалились, и что французы по прежнему ищут, кто-бы мог представить собою Россію, — еще в концѣ января мы поставили на обсужденіе этот послѣдній вопрос, а также вопрос о том, в какой формѣ декларировать нашу поддержку Вооруженных Сил Юга Россіи.

Рѣшено было не упускать удобный момент для образованія новаго антибольшевистскаго фронта и органа его, дѣйствующих совмѣстно с арміей и главнокомандующим. Попытка эта, помнѣнію участников совѣщанія, облегчалась отсутствіем конкурирующих проектов и очевидной необходимостью созданія такого фронта и органа.

Работа эта происходила в тѣсном контактѣ со ставкой.

29 января по иниціативѣ Врангеля состоялось совѣщаніе, в котором принимали участіе преимущественно правые элементы. В совѣщаніи участвовали: Пильц, Ильин, Шатилов, Са-

вич, Львов, Алексинскій, гр. Мусин-Пушкин, Лашкевич, Чебышев, кн. Долгоруков, Юренев, Тесленко, Савицкій.

Врангель заявил членам совѣщанія, что для укрѣпленія арміи и возможности продолженія борьбы необходима декларація общественной поддержки, обращенной к нему и арміи.

В результатѣ трехчасового обсужденія рѣшено было собраться на слѣдующій день отдѣльно без Врангеля, установить точку зрѣнія, и затѣм вновь обсудить ее с Врангелем.

Начались засѣданія, совѣщанія. В конечном итогѣ выяснилось, что точка зрѣнія Врангеля с его приближенными в родѣ Шатилова, Н. Львова, гр. Мусин-Пушкина, Пильца и др. коренным образом расходится с точкой зрѣнія даже представителей ультра - умѣренной и благонамѣренной константинопольской общественности, сгруппировавшейся вокруг „Политическаго Об'единеннаго Комитета". В то время, когда Врангель хотѣл создать при себѣ лишь совѣщательный орган, а сам—по прежнему оставаться не только главнокомандующим, но и правителем, — представители общественности стояли совершенно на другой позиціи. Они считали, что общественные дѣятели должны быть призваны к участію в правленіи с рѣшающим голосом по всѣм гражданским вопросам управленія, дипломатических сношеній и т. д., т. е. отстаивали необходимость созданія своего рода законодательнаго органа. Характерно, что в противоположность врангелевцам, Юренев и его сторонники считали, что в создаваемый новый антибольшевистскій фронт не должны входить многочисленныя группы эмиграціи Константинополя и Балкан, состоящія из бывших администраторов и дѣятелей стараго режима с ярко правой окраской.

— Чтобы возсоздать Россію, — говорил мнѣ Юренев, — необходимо строиться по Россіи, а не по русской эмиграціи. Для нас безразлично, будет-ли соотвѣтствовать наша политическая линія настроеніям и симпатіям русской эмиграціи. Нам важно лишь учесть то настроеніе, которое царит в Россіи.

Правые-же строили свои планы на эмиграціи, разсчитывая на ея консервативность и реакціонность. Они настаивали даже на плебисцитѣ среди бѣженцев.

Как-бы то ни было, а послѣ длительных переговоров выяснилось, что соглашеніе между Врангелем и представителями константинопольской общественности, в виду принципіальных разногласій по вопросу о характерѣ высшаго органа гражданскаго управленія, не может быть достигнуто.

Пятаго февраля „Политическій Об'единенный Комитет" зафиксировал в особой резолюціи свою точку зрѣнія в противоположность точкѣ зрѣнія парижских общественных групп, примкнувших к совѣщанію членов Учредительнаго Собранія. В

этой резолюціи говорилось: о необходимости сохраненія и всемѣрной поддержки арміи с ея главнокомандующим для продолженія борьбы с большевиками за возсозданіе Россіи на новых началах, кои, мол, послѣ сверженія власти большевиков, будут установлены свободным волеиз'явленіем всего народа. Политическій Об'единенный Комитет указывал, что при создавшейся обстановкѣ представляется необходимым реформировать органы, вѣдающіе вопросами политическаго и гражданскаго управленія, путем привлеченія в них для осуществленія означеннаго управленія совмѣстно с главнокомандующим представителей казачества, главнѣйших политических и національных теченій и общественных организацій, раздѣляющих указанную платформу. Одновременно „Политическій Об'единенный Комитет" поручил своему бюро выяснить и предпринять практическіе шаги к проведенію в жизнь означеннаго предположенія, когда это окажется по обстановкѣ возможным и цѣлесообразным.

Для агитаціи и поддержки Врангеля в Париж спѣшно выѣзжает Н. Львов. Миссія его однако, ни к чему не привела ибо, по словам Львова, „он перестал понимать настроенія парижской эмиграціи, и не нашел общаго языка с прежними своими друзьями".

Как бы то ни было, а Врангель твердо продолжал стоять на точкѣ зрѣнія военной диктатуры. Свои разногласія с константинопольской общественностью в бесѣдѣ со мною он охарактеризовал в слѣдующих выраженіях:

— Из поддерживающих меня общественных и политических дѣятелей одни всецѣло предоставляют себя в „наше" распоряженіе, без всяких оговорок. Другіе хотят раздѣлить со мною власть. Я за власть не цѣпляюсь. Но, пройдя через горнило бѣдствій, потоки крови, через Временное Правительство, комитеты, всякія „особыя совѣщанія", придя к единоличной власти, без которой не возможно вести борьбу, — хотят теперь снова повторить тяжелыя ошибки прошлаго. Я не могу отнестись легкомысленно к этому факту. Передавать армію в руки каких-то комитетов я не имѣю нравственнаго права перед этой арміей и на это я никогда не пойду. Ежели русскіе люди будут имѣть так мало патріотизма, что потребуют этого и откажут мнѣ в помощи, — я предпочитаю пойти на самоубійство в смыслѣ уничтоженія арміи. Мы должны всемѣрно охранять то знамя, которое вынесли. Развѣ может даже идти рѣчь о том, чтобы Русская Армія находилась в зависимости от комитетов, выдвинутых совѣщаніем учредиловцев, в рядах котораго находятся Милюков, Керенскій, Минор и присные, именно тѣ, которые уничтожили, опозорили Русскую Армію, кто, несмотря на всѣ уроки, до сего времени продолжает вести против нея борь-

бу, кто, заявляя об охранѣ русских интересов, в то же время настаивает перед западно-европейскими державами, чтобы армія была уничтожена...

Идея созданія общественно-политической базы для Врангеля как бы замерла.

— Мы упустили благопріятный момент, констатирует Юренев.

Очутившись в „оппозиціи его величества" „Пок" испытывает большія опасенія, как бы ставка не стала противупоставлять одну общественность другой: „Парламенскій Комитет" с преобладаніем правых, безоговорочно поддерживавшій Врангеля, — „Политическому Об'единенному Комитету".

— Это нас так безпокоило, — разсказывает Юренев, — что я сговорился с предсѣдателем „Парламентскаго Комитета" П. Алексинским о том, что всѣ дѣла будем мы разсматривать совмѣстно...

Шли дни, тяжелые сумеречные дни на берегах Босфора в разлагающемся станѣ бѣлых. С каждым днем ухудшалось положеніе русских. В грязной константинопольской клоакѣ люди влачили жалкое существованіе в отчаянной ежедневной борьбѣ за кусок хлѣба. Все время идут дожди. На улицах грязно, в деревянных, продуваемых насквозь вѣтром бараках и палатках холодно, сыро, неуютно... Всѣ нервничают, грызут друг друга, озлобленно ругают всѣх и вся...

Армія разлагалась. Из лагерей все время идет большая утечка. Люди шли на голод, на муки безрадостнаго, безпріютнаго существованія. На улицах Константинополя — ужасное унизительное зрѣлище. Русскіе офицеры, солдаты, оборванные, расхлябанные, но в формѣ—торгуют своим послѣдним достояніем. Мимо с брезгливой миной проходят спекулянты, альфонсы, аферисты...

Тяжелая константинопольская зима подходила, однако, к концу. Повѣяло весной. Прояснилось небо и яркое южное солнце горячими по лѣтнему лучами прорѣзало томную синеву неба.

Первая половина марта ознаменовалась событіями первостепенной важности.

В момент, казалось бы, кульминаціоннаго торжества большевиков, только что раздавивших Грузію, и со дня на день ожидавших подписанія торговаго договора с Англіей, что знаменовало собою, как будто бы, фактическое признаніе совѣтскаго правительства, в этот момент в Россіи начинаются грандіозныя возстанія. Заколебалась Россійская Соціалистическая Совѣтская Республика. Вниманіе всего міра сосредоточивается на Кронштадтѣ, который как бы возглавил собою бурный протест против совѣтскаго

режима. Загремѣли выстрѣлы с кронштадтских фортов. Газеты запестрѣли аншлагами „Дни возстанія", „Событія в Россіи", „Борьба за освобожденіе", и, наконец, изо дня в день цѣлыя газетныя полосы пошли под заголовком: „Революція в Россіи".

Встрепенулись и на Босфорѣ. Дрожащими от волненія руками разворачивали русскіе газетные листы.

Оживилась и ставка.

— Вот он, долгожданный момент. Общественность кочевряжится. Теперь можно обойтись и без нея...

Врангель обращается к русским людям с призывом сплотиться вокруг него.

Константинопольская общественность заволновалась. Снова начались засѣданія, совѣщанія. Обѣ стороны, учитывая кронштадтское возстаніе, шли теперь на компромисс, и усиленно вырабатывали основы, на которых при Врангелѣ должен был сконструироваться, так называемый, „Русскій Совѣт".

Особенно много усилій прилагается к тому, чтобы заставить Земскій и Городской Союзы делегировать в „Русскій Совѣт" своих представителей, дабы тѣм самым парализовать дѣятельность парижскаго комитета земско-городского об'единенія во главѣ с князем Львовым.

Несмотря на все свое желаніе поддержать Врангеля, в общественных организаціях начинается отрезвленіе и они, ссылаясь на свою аполитичность, отказались послать своих представителей в „Русскій Совѣт".

— Это саботаж, — возмущался Врангель, указывая, что в таком случаѣ он призовет персонально дѣятелей из состава этих организацій.

Создавался острый момент, из котораго, как будто-бы, не было выхода.

А в это время закулисная работа братев Алексинских, Мусиных-Пушкиных, Пильцев, Шульгиных и других помощников Врангеля уже приносила опредѣленные результаты.

Когда обсуждалось в окончательном видѣ положеніе о „Русском Совѣтѣ", то не только „Парламентскій Комитет", но и „Политическій Об'единенный Комитет", за исключеніем своего предсѣдателя Юренева, признали, что „Русскій Совѣт" должен быть совѣщательным органом.

Таким образом, Врангель мог торжествовать побѣду. Уже изготовлен был соотвѣтствующій приказ о „Русском Совѣтѣ". Но, вслѣд за этим, в „Политическом Об'единенном Комитетѣ" наступает отрезвленіе. Юренев пишет Врангелю письмо, в котором прямо заявляет:

— Если вы опубликуете такой приказ, то погубите все дѣло об'единенія общественности с командованіем...

На Юренева всѣ правые члены „Парламентскаго Комитета“ обрушились с градом упреков.

Как бы то ни было, а Врангель не рѣшился опубликовать приказ. Положеніе о „Русском Совѣтѣ“ было переработано и принята компромиссная точка зрѣнія, весьма, впрочем удобная для Врангеля.

„Русскій Совѣт“, таким образом, должен был состоять из членов по избранію общественных организацій, представителей казачества, горских народов, которые составляют двѣ трети общаго числа членов Совѣта и остальных членов по приглашенію и назначенію Врангеля. Послѣдній являлся предсѣдателем „Русскаго Совѣта“. Врангель мог распустить Совѣт и назначить перевыборы, если при вторичном разсмотрѣніи не утвержденнаго им постановленія оно было-бы принято большинством двух третей присутствовавших членов.

Первый и второй параграфы „Положенія“ гласили:

— Преемственная русская власть осуществляется главнокомандующим Русской арміей в единеніи с общественными силами, борющимися против большевизма, и об'единенными в „Русском Совѣтѣ“.

— Главнокомандующій совмѣстно с Русским Совѣтом осуществляет политическія задачи, гражданское управленіе, сохраненіе всѣх сил и средств, необходимых для возсозданія будущей Россіи, защиту прав и интересов русских граждан на чужбинѣ и завѣдываніе финансами.

Вопросы военнаго управленія вѣдѣнію Русскаго Совѣта не подлежали.

12 марта, в то время, когда всѣ были поглощены событіями, которыя разростались в Россіи, в частности возстаніем кронштадтцев, Врангель спеціальным приказом опубликовывает „Положеніе о Русском Совѣтѣ“.

Впечатлѣніе от этого приказа было угнетающее.

— Господи, да когда же все это кончится, — с тоской и отвращеніем восклицали русскіе бѣженцы.

— Да неужели же они и теперь не хотят сходить со сцены?..

— Нашли время . . . Привѣтственную телеграмму Врангель послал в Кронштадт генералу Козловскому. Правительство новое формирует. В дессант собирается . . . И как не понять, что он губит дѣло кронштадтцев, губит дѣло русское, губит одной своей маркой!..

Лучшей помощи большевикам, как вмѣшательство Врангеля с его „преемственной властью“ и „Русским Совѣтом“, нельзя и придумать . . .

— Ничего из этого не выйдет... Пусть тѣшатся послѣдніе дни. Мертвые погребают своих мертвецов...

В таких репликах отражалось настроеніе русских масс на берегах Босфора...

„Русскій Совѣт" был обречен на смерть с момента своего зарожденія. Самый сильный удар Врангелю и константинопольской общественности в этом отношеніи нанесли казаки.

Атаманы правительства Дона, Кубани и Терека категорически отказались дать своих представителей в „Русскій Совѣт", соглашаясь войти в него лишь в том случаѣ, если Врангель останется только главнокомандующим, не болѣе, и если казакам дадут треть всѣх мѣст, так как казаки составляют $^2/_3$ „Русской Арміи".

Еще болѣе рѣзко высказался против „Русскаго Совѣта" „Союз Возрожденія Казачества", оказывавшій в этом отношеніи большое давленіе на казачьи органы власти.

В своем меморандумѣ атаманам члены центральнаго комитета: Уланов, В. Т. Васильев, Дудаков, Шапкин и Булацель указывали, что, помимо нарушенія основных законов, принятых на Дону, Терекѣ и Кубани, „Русскій Совѣт" вмѣсто предполагаемаго об'единенія русских сил, даст только новый повод к смутам, ибо авторитет его не будет признан не только тѣми силами, которыя создают в настоящее время антибольшевистское движеніе внутри Россіи, но даже и русскими эмигрантскими кругами. Больше того: предполагаемый состав и условія образованія „Русскаго Совѣта" обезпечивают ему открытую борьбу со стороны нынѣшних руководителей антибольшевистскаго движенія в Россіи.

— Для казачества же, — говорилось в меморандумѣ, — вхожденіе в Совѣт снова даст связь с опредѣленными группами и теченіями, политическіе идеалы которых совершенно не совпадают с его желаніями, и которыя уже однажды привели к краху противубольшевистскаго движенія.

— Имя генерала Врангеля, проводившаго политику попранія казачьих конституцій, обезпечивает всему движенію, возглавленному им, крайнюю враждебность со стороны населенія казачьих земель.

В том же духѣ, как и казаки, высказались по поводу новаго предпріятія ставки и в парижских кругах. Рѣзко отказались войти в Совѣт по приглашенію Врангеля такія лица, как Чайковскій. С радостью вошли туда лишь члены Парламентскаго Комитета в Константинополѣ.

С „Русским Совѣтом" получилось не только весьма конфузная исторія. Этот акт фальсификаціи общественнаго мнѣнія,

завершавшій собою продолжительную политическую работу ставки и константинопольской общественности, явился началом конца четырехлѣтней эпопеи — гражданской войны на Югѣ Россіи. Он совпал с началом окончательнаго распыленія „арміи“, ибо через два дня послѣ этого приказа, т. е. 14 марта, комиссар Франціи генерал Пелле прислал Врангелю слѣдующее заявленіе:

— Честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, что мое правительство, будучи информировано администраціей возвратившагося в Константинополь парохода „Решид-Паша“ о выполненіи перевозки в Новороссійск первой партіи русских бѣженцев, — телеграфно предписало мнѣ принять совмѣстно с морскими и военными властями всѣ необходимыя мѣры к составленію новых партій и отправкѣ их (согласно полученных указаній) в Одессу.

— Что касается отправок в Бразилію, то вышеуказанная телеграмма упоминает, что правительство Бразиліи в этом вопросѣ поставило необходимым условіем предназначать к отправкѣ только земледѣльцев и сельскохозяйственных рабочих. Эмигрирующіеся в Бразилію сохраняют русское подданство. Им будут обезпечены средства к существованію с момента прибытія. Но рѣшеніе вернуться в Россію для тѣх, кто этого пожелает, является наиболѣе легким и быстро осуществимым. Во всяком случаѣ, при всяком положеніи вещей, вы должны считаться с тѣм фактом, что правительство республики к своему большому сожалѣнію, будет вынуждено в ближейшее время прекратить безплатное снабженіе русских бѣженцев продуктами продовольствія. Слѣдовательно, бѣженцы должны быть предупреждены, что у них имѣется выбор между слѣдующими рѣшеніями:

— Вернуться в Россію.

— Эмигрировать в Бразилію или Перу [либо во Францію] на условіях, которыя ранѣе Вам сообщены: — найти себѣ работу для того, чтобы обезпечить себя средствами сущесвованія.

— Я буду весьма обязан Вашему Превосходительству за сообщеніе о тѣх мѣрах, которыя Вы предпримете, как слѣдствіе настоящаго сообщенія.

— Я полагаю, что точныя указанія, которыя содержатся в этом сообщеніи, возлагают на Вас необходимость измѣнить тѣ мдтоды, которые примѣнялись до сих пор. Было-бы невозможно расчитывать на быстрый роспуск арміи, — на необходимость чего указывает правительство республики, — если бы немедленно не были приняты мѣры для ознакомленія всѣх военных бѣженцев об условіях, которыя им поставлены, и особенно об облегченіях, которыя предложены тѣм из них, которые сдѣлают заявленія о возвращеніи в Россію. Обо всѣх этих условіях дол-

жно быть сдѣлано широкое оповѣщеніе. Равным образом, необходимо для достиженія указанной цѣли, чтобы военныя власти отказались отговаривать солдат от возвращенія в Россію и даже от эмиграціи в Америку.

— Я хорошо понимаю, насколько тяжело может быть Вашему Превосходительству и доблестным солдатам, которые за Вами слѣдовали до сих пор, — положить конец борьбѣ, вѣрность которой с их стороны заслуживала бы лучшей участи. Но чувство гуманности, равно как и требованіе государственнаго порядка, диктуют нам необходимость оградить бѣженцев от неожиданности, которыя была бы для них еще болѣе катастрофичной.

Примите, господин генерал, увѣренія в моем глубоком уваженіи. Пелле.

ГЛАВА XVI.

РАСПЫЛЕНІЕ ОСТАТКОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССІИ.

До французскаго ультиматума главное командованіе существовало, как бы внѣ времени и пространства, совершенно игнорируя тот факт, что крымская катастрофа завершила собою цѣлый историческій этап, что в умах и сердцах противников большевизма произошел огромный сдвиг, что роль главнаго командованія уже сыграна безповоротно.

Вмѣсто того, чтобы отбросить воинственные замыслы, стать ближе к дѣйствительности, приложить всѣ заботы к тому, чтобы разселить военных и гражданскх бѣженцев и поставить их на собственный производительный труд, — главное командованіе, примѣняя всѣ усилія к сохраненію арміи, тѣшило себя призрачными, ни на чем не основанными надеждами на возобновленіе вооруженной борьбы против совѣтской власти в Россіи под командованіем генерала Врангеля, сознательно и преднамѣренно вводило в заблужденіе на этот счет казаков и солдат, увлекая их несбыточными обѣщаніями скорой высадки десанта и возврата домой.

Не удивительно, что международныя гуманитарныя организаціи в родѣ Американскаго Краснаго Креста, весьма охотно приходившія на помощь бѣженцам, не могли дѣлать того - же в отношеніи арміи, которая, как писалось и говорилось от ея имени, готова была изо дня в день выступить в поход и открыть военныя дѣйствія.

Ультимативное по своему содержанію выступленіе представителя Франціи во врангелевских кругах произвело впечатлѣніе грома среди яснаго неба.

Ему просто не повѣрили в первый момент: так оно мало вязалось с тѣми надеждами, которыя возлагались на событія в Россіи, на возможность новаго военнаго выступленія Врангеля, на формированіе „Русскаго Совѣта".

Когда я встрѣтил на улицѣ Константинополя одного из виднѣйших чинов штаба Врангеля, то, в отвѣт на мой вопрос о французском ультиматумѣ, он только весело улыбнулся:

— Чепуха все это... Ни в Совдепію, ни в Бразилію нас не отправят...

— Почему?

— Перевозка в Бразилію французам обойдется дороже, чѣм год содержанія нас в лагерях. Что касается Совдепіи, то мы туда не поѣдем... Или же пусть нам дадут отобранное оружіе и снаряженіе, высадят нас гдѣ нибудь на побережьѣ Чернаго моря и мы начнем воевать...

В дѣйствительности же, положеніе создавалось прямо катастрофическое, так как французскій ультиматум явился результатом твердаго и безповоротнаго рѣшенія Франціи разрубить Гордіев узел, завязавшійся на берегах Босфора. Помимо всяких других соображеній, не малую роль здѣсь играло и давленіе Англіи, которая в эти дни подписывала торговый договор с представителем Совѣтской Россіи Красиным, энергично настаивавшим на ликвидаціи остатков Вооруженных Сил Юга Россіи.

Теперь французы в Константинополѣ занимают опредѣленно враждебную позицію в отношеніи главнаго командованія. Попытки врангелевских кругов с'организовать „Русскій Совѣт" и какое-то новое общерусское правительство разсматриваются ими, как безполезная и вредная политическая игра, которой нужно положить конец. Уже французская цензура не пропускает в печать даже информаціонных свѣдѣній о „Русском Совѣтѣ", и впервые разрѣшает печатаніе критических статей по поводу главнаго командованія.

— Можете „ударить" по Врангелю, — милостиво разрѣшают редакторам константинопольских газет французскіе цензора.

В Константинополѣ начинают, наконец, понимать всю серьезность создавшагося положенія.

Врангель пишет Пелле пространное письмо.

— Вполнѣ оцѣнивая, — говорит он, — все благородство французскаго правительства, благодаря которому моя армія нашла пріют, кров и пропитаніе на чужбинѣ, отлично понимая, насколько тяжелым бременем расходы по содержанію арміи ложатся на бюджет Франціи, я по собственному почину принимаю всѣ мѣры, чтобы уменьшить расход разселеніем офицеров, солдат и бѣженцев на территоріи других государств Европы.

Сообщая о том, что им начаты переговоры о разселеніи с Венгріей, Сербіей и Греціей, Врангель указывает, что он и военные начальники не могут и не в силах уговорить военных и гражданских бѣженцев ѣхать в Бразилію и в Перу, а тѣм болѣе в Совѣтскую Россію, гдѣ возвращающихся пропускают через „чрезвычайки".

— Я не сомнѣваюсь, пишет Врангель, — в том, что пер-

вое правительство, взявшее в Россіи в свои руки власть послѣ крушенія большевиков, не замедлит с благодарностью и исключительной признательностью вернуть Франціи содержаніе эвакуированных из Крыма.

— Если же правительство Франціи почему либо через нѣкоторое время все-же откажется нести затраты по содержанію арміи и бѣженцев и будет настаивать на дальнѣйшем распыленіи их, или отправкѣ в Совдепію, то я убѣдительно прошу в таком случаѣ перевезти всю армію вмѣстѣ со мною, и высадить в одном из пуктов побережья Чернаго моря, по соглашенію моему с французским морским штабом.

— В таком случаѣ, чтобы такой шаг был достаточно обезпечен, я прошу дать арміи возожность защищаться с оружіем в руках, а для этого вернуть в мое распоряженіе все оружіе и всѣ боевые припасы, вывезенные из Крыма, ибо, как вам извѣстно, часть винтовок, пулеметов и припасов без моего вѣдома была распоряженіем штаба Оккупаціоннаго Корпуса отправлена в Грузію.

Конечно, предложеніе Врангеля о дессантѣ в Совѣтскую Россію было категорически отклонено. Пелле заявил, что „для Франціи представляется совершенно невозможным отправить в Россію русскую вооруженную армію, так как это категорически противорѣчило бы принятой Франціей политикѣ воздерживаться в дальнѣйшем от всякаго вмѣшательства в дѣла Россіи“.

Тревожные дни настали на берегах Босфора.

Уже забыли о возстаніях в Совѣтской Россіи, забыли о только что ликвидированном (18 марта) возстаніи кронштадтцев. В политических и общественных организаціях шли безконечныя засѣданія, гдѣ обсуждалось создавшееся положеніе. Ультимативное требованіе представителей французскаго правительства немедленно ѣхать или в Совѣтскую Россію, или в Бризилію, вызвали у всѣх, включая и сторонников распыленія арміи, чувство глубокаго возмущенія. Острое возбужденіе, которое ежеминутно могло вылиться в цѣлый ряд кровавых эксцессов, царило и в лагерях, в особенности на Галлиполи, гдѣ главную массу корпуса Кутепова составляли офицеры и юнкера.

Французы, между тѣм, изыскивали корректные способы к тому, чтобы окончательно обезвредить представителей главнаго командованія.

22 марта к Врангелю прибыл на яхту „Лукулл“ французскій адмирал де-Бон.

Выразив свое сожалѣніе, он предложил Врангелю выход из создавшагося положенія.

— В чем же заключается этот выход? — заинтересовался Врангель.

В отвѣт на это де-Бен посовѣтовал Врангелю сложить званіе главнокомандующаго, что облегчит французам задачу распыленія арміи.

— Я не сложу с себя званіе главнокомандующаго, — отвѣтил Врангель, — ибо этим не разрѣшается вопрос об участи войск и бѣженцев, и все дѣло отдается в руки тѣх, кто заинтересован лишь в том, чтобы свалить обузу с своих плеч. Я буду оставаться на своем посту до той поры, пока не удалят меня силой, и буду употреблять все свое вліяніе для того, чтобы задержать русских от гибельнаго шага — переселенія в Бразилію, или возвращенія в Совдепію.

Этим разговор закончился. Как результат этого, в Константинополѣ начали циркулировать упорные слухи о предстоящей „мученической кончинѣ" главнаго командованія, т. е. об арестѣ Врангеля французами.

— Это наилучшій выход для Врангеля, — говорили в бѣженских массах. Французы сдѣлают большую глупость, если станут на этот путь...

Французы, однако, отказались от мѣр репрессивнаго воздѣйствія на главное командованіе и рѣшили ожидать новых инструкцій из Парижа.

Представители константинопольской общественности всецѣло одобрили позицію, занятую Врангелем во время его бесѣды с де-Боном.

В тот же день „Об'единенный Комитет Россійскаго Общества Краснаго Креста, Всероссійскаго Земскаго и Городского Союзов" обратился через своего предсѣдателя Юренева к представителю Франціи с письмом, в котором во имя гуманности и человѣколюбія просил об отмѣнѣ ультиматума, в крайнем случаѣ об отсрочкѣ его.

— Я должен незамедлительно увѣдомить вас, — писал в отвѣт Пелле, — что не может быть и рѣчи об отмѣнѣ, или даже об откладываніи мѣр, назначенных правительством республики для скораго разселенія русских войск, расположенных в окресностях Константинополя.

Ссылаясь на то, что русское командованіе уже было подготовлено к этому, и что рѣшеніе французскаго правительства не застает его врасплох, Пелле сообщает, что французское правительство обращалось в это время ко всѣм правительствам Европы и Америки, увѣдомляло их о шаткости положенія русских бѣженцев и просило оказать помощь или открыть свои границы. Пелле умалчивает о том, что великія державы воздержались от помощи эвакуированным. Он пишет только о Бразиліи.

Указывая, что пренебрегать предложеніем Бразильскаго пра-

вительства принять значительное количество бѣженцев не слѣдует, и что опасенія, будто русскіе попадут в положеніе „бѣлых рабов“, не основательны, — со слов адмирала де-Бон Пелле сообщает по поводу возвращенія в Совѣтскую Россію, что „три тысячи солдат и казаков, выгруженных в Новороссійскѣ по их просьбѣ, не были тронуты своими соотечественниками“.

— Русскіе, — заканчивает представитель Франціи, — не могут болѣе вести в лагерях жизнь солдат. Они должны разсѣяться и работать на удовлетвореніе своих нужд. Пожелают ли они эмигрировать, или вернуться на родину, — французскія власти позаботятся о представленіи им транспортных средств. Мы должны об'единить наши силы, чтобы указать им их долг...

Положеніе для главнаго командованія и поддерживавших его организацій создавалось безвыходное.

В Парижѣ в эти дни идет такая же сумятица. Русская колонія с глубочайшим негодованіем узнала о французском ультиматумѣ. Началась яростная компанія в защиту Врангеля и арміи.

„Общее Дѣло“ и „Послѣднія Новости“, как выразители двух противуположных точек зрѣнія, посвящают этому вопросу цѣлыя газетныя страницы.

— И ты, Брут, — с негодованіем восклицает Бурцев по адресу французскаго правительства, посылая в то же время привѣт „Русской Арміи“, и еще раз пытаясь доказать, что „для борьбы с большевиками, опасными также для Россіи, как и для Франціи, для будущих отношеній Франціи с Россіей, французы должны стремиться к тому, чтобы русская армія близ Константинополя была сохранена, как армія, как боевая единица, с ея вождями, с ея дисциплиной, с ея вооруженіем, с ея боевой готовностью“.

Еще раз „Общее Дѣло“ напоминает о заслугах Врангеля, о спасеніи Польши от большевиков. Еще раз ссылается на интриги Англіи и Ллойд-Джорджа, дѣйствующаго по указанію представителя „Совнаркома“ Красина.

„Послѣднія Новости“ с Милюковым во главѣ, являясь выразителем противуположнаго теченія зарубежной русской общественности, ушедшей из стана бѣлых, энергично поддерживают свою точку зрѣнія, доказывая необходимость ликвидаціи арміи, которая вытекает из факта крымской катастрофы и эвакуаціи на берега Босфора. Однако, форма ликвидаціи арміи непріемлема и для виднѣйших представителей парижских к. д., которые указывают в своей резолюціи, что „французское правительство предлагает слишком стотысячному русскому населенію рѣшиться в теченіи десяти дней на одно из двух: либо возвратиться в большевист-

скую Россію, либо переселиться в Бразилію. Ни один русскій человѣк не может без содроганія думать об этих перспективах"...

Выход сторонники этой точки зрѣнія усматривали в том, чтобы, при содѣйствіи русской общественности и путем устройства международной организаціи, найти приложеніе производительному труду и разселить эвакуированных на новых мѣстах.

Медвѣжью услугу, поэтому, по мнѣнію „Послѣдних Новостей", оказывают арміи тѣ, кто совѣтует Врангелю „держаться стойко" и не принимать предложеній французскаго правительства. Они продолжают политику, которая сдѣлала положеніе безвыходным, и тѣм самым признают, что не забота о людях, а спасеніе во что бы то ни стало обанкротившейся идеи руководит тѣми, кто так много кричал о спасеніи арміи.

— Мы, — писали „Послѣднія Новости", — отрицаем возможность освободить Россію примѣнявшимися до сих пор методами, а за их сохраненіе стоит именно генерал Врангель и поддерживающій его „Константинопольскій Парламентскій Комитет". Но мы не отрицаем того, что для возстановленія Россіи понадобится армія, что для будущей русской арміи могут пригодиться и тѣ элементы, которые входят в состав эвакуированных Врангелем частей.

Как бы то ни было, а бурный протест русских общественных организацій, встрѣтившій сочувствіе во французских политических и общественных сферах, заставил правительство Франціи стать на ту точку зрѣнія, что заявленіе Пелле Врангелю не имѣло характера ультиматума и не означало прекращенія продовольствія именно 1 апрѣля.

В газетѣ „Le Temps" появляется оффиціальное раз'ясненіе, в котором указывается, что повелительная финансовая необходимость заставляет Францію прекратить свою гуманитарную помощь. Вслѣдствіе этого бѣженцы получили предупрежденіе, что они свободны в своих передвиженіях для отысканія при помощи благотворительных учрежденій, в частности русскаго Союза Земств и Городов, средств существованія. Но французское правительство облегчит как возвращеніе в Россію тѣм, кто хочет вернуться на родину, так и от'ѣзд в Бразилію тѣм, кто будет склонен принять предложенія штата Сан-Паоло.

В том же смыслѣ высказался в бесѣдѣ с кн. Львовым, предсѣдателем парижскаго Земско-Городского Комитета, секретарь французскаго президента Мильерана Пти.

— Требованіе французскаго правительства, — говорил он, — не представляет собою чего-либо новаго и является желанием распутать положеніе. Попытки найти выход путем переговоров с Врангелем не увѣнчались успѣхом, так как Врангель не вполнѣ понимает свое положеніе и усложняет его игрою в ка-

кое то правительство. Французы не намѣрены прибѣгать к насильной высылкѣ в Совѣтскую Россію. Они хотят только указать, что нужны срочныя мѣры к уменьшенію количества эвакуированных, находящихся на их иждивеніи...

В результатѣ, в концѣ марта французское правительство телеграфно извѣстило генерала Пелле, что довольствованіе крымских бѣженцев продлено еще на один мѣсяц, до 1 мая.

— Вмѣстѣ с тѣм, — как писал предсѣдатель совѣта министров Бріан предсѣдателю Земско-Городского Комитета князю Львову, — нужно имѣть ввиду, что содержаніе на иностранной территоріи арміи является недопустимым с международной точки зрѣнія. Поэтому необходим ея роспуск. Он разсѣет предубѣжденія нѣкоторых иностранных держав, которыя, конечно, не откажут в своей помощи, если она будет испрашиваться просто для частных лиц, находящихся в нуждѣ.

— Французское правительство, солидарное в этом отношеніи с правительством Соединенных Штатов, продолжает думать, что лучшим выходом из положенія было-бы обратное возвращеніе в Россію. Вмѣстѣ с вами французское правительство полагает, что вопрос об отправкѣ на родину может возникнуть лишь в отношеніи тѣх, которые свободно выскажут соотвѣтствующее желаніе, согласятся вернуться на родину на собственный риск и страх...

Французы энергично теперь настаивают на том, чтобы разселеніе было произведено, как можно скорѣе. Медлить было нельзя. В Парижѣ и в Константинополѣ усиленно разрабатывается план разселенія, и ведутся переговоры с балканскими странами, куда выѣзжают: Шатилов, донской и кубанскій атаманы и предсѣдатель главнаго комитета Земскаго Союза в Константинополѣ Хрипунов. Одновременно с этим Врангель обращается к Лигѣ Націй, а равно и к иностранным правительствам и народам с призывом облегчить положеніе солдат русской арміи. В противуположность всѣм парижским организаціям, ставшим на чисто гуманитарную точку зрѣнія, Врангель даже теперь все еще продолжает убѣждать „правительства и народы“, что необходимо сохранить дасциплинированные элементы, эвакуированные из Крыма, для продолженія борьбы с большевизмом и для охраны порядка в Россіи, „когда большевизм рухнет и его неминуемо смѣнит эра хаоса и полной анархіи.“

А в это время французы уже приступили к распыленію остатков Вооруженных Сил Юга Россіи и, в первую очередь, казаков.

24 марта представители французскаго командованія отдают распоряженіе о перевозкѣ донцов, остававшихся в Чаталджинских лагерях, на остров Лемнос. На турецкій пароход „Решид-

Паша“ было погружено до трех тысяч казаков. Характерно, что нѣкоторые из французских солдат, присутствовавших при погрузкѣ, высказывали свое удивленіе казакам, указывая на то, что раньше, когда грузиться было можно, они устраивали бунты и не хотѣли ѣхать на Лемнос, а теперь, когда ѣхать нельзя, казаки не проявляют никакого протеста.

— Почему же нельзя туда ѣхать?

— Да потому что вас отправят в Россію, к большевикам.

Это говорили втихомолку, и казаки на эти предупрежденія не обращали никакого вниманія.

Дѣйствительно, на пароходѣ, во время пути на Лемнос, французы начали агитировать за возвращеніе в Совѣтскую Россію.

— Казаков, — как писал по этому поводу Врангель Пелле, — убѣждали не вѣрить своему командному составу, не вѣрить офицерам, которые их обманывают и скрывают горькую правду...

Когда пароход прибыл к Лемносу, казакам об'явили что „Решид Паша“ пойдет прямо отсюда в Совѣтскую Россію. Кто не хочет туда ѣхать, тот должен сойти с парохода.

— Но, — предупреждали французы, — вы должны имѣть в виду, что, по распоряженію французскаго правительства, содержаніе русских на наш счет прекращается. Если не найдете себѣ работы на островѣ, то вам грозит смерть. Лучше всего возвращаться в Россію.

Казаки заволновались. Стали шумно обсуждать положеніе Всѣм хотѣлось на родину, никому не хотѣлось тянуть жалкаго существованія на чужбинѣ. Но... что ждет там, на родинѣ... Мобилизація, разстрѣл, „чрезвычайка“. Никто об этом вѣдь ничего точно не знает...

А с парохода уже шла разгрузка не желавших возвращаться домой. Сгрузилось не менѣе половины всѣх, пріѣхавших на Лемнос. Остальные рѣшили возвращаться домой. Нѣкоторые из оставшихся, однако, заколебались и просили спустить их на берег. Но было уже поздно. Французы отказались исполнить их просьбу.

На борту парохода разыгралось нѣсколько тяжелых сцен. Отдѣльные казаки бросались в море и вплавь достигали берега. Тогда „Решид—Паша“ был отведен от берега на рейд.

А в это время, 25 марта, начальник гарнизона на островѣ Лемносѣ, генерал Бруссо, бывшій в Крыму начальником французской военной миссіи при Врангелѣ, оффиціально за N 1545 сообщил командирам кубанскаго и донского корпусов, что генерал Шарпи, командующій Оккупаціонным Корпусом в Константи-

нополѣ, поставил его в извѣстность о прекращеніи в ближайшем будущем французским правительством всяких кредитов на содержаніе русских бѣженцев. Шарпи сообщил затѣм Бруссо, что французское правительство не намѣрено также поддерживать и даже допустить новыя дѣйствія арміи Врангеля против Совѣтской власти.

— Генералу Врангелю, — писал Бруссо, — сообщено, что при этих условіях бѣженцы должны выбирать один из трех слѣдующих выходов: или возвратиться в Совѣтскую Россію, или отправиться в Бразилію, или самим обезпечить свое существованіе.

Указав, что теперь не должно быть разницы между гражданскими и военными бѣженцами, сославшись на то, что прибывшіе в Новороссійск с первым пароходом были приняты хорошо и что „условія существованія в Бразиліи, повидимому, хороши", Бруссо предлагает выяснить число людей, желающих ѣхать в Совѣтскую Россію и в Бразилію. Вмѣстѣ с этим он предупреждает о необходимости предоставить всѣм свободу мнѣній.

На слѣдующій день он сообщил командирам корпусов — Фостикову и Абрамову—о тѣх мѣрах, какія будут приняты, чтобы обезпечить полное безпристрастіе и свободу мнѣній при опросѣ, который должен был быть произведен в этот же день.

— Французскіе офицеры, — писал Бруссо, — спросят людей, извѣстен ли им приказ N 1545, опровергнут распространившіеся уже ложные слухи, касающіеся напримѣр, продовольственной помощи Америки и напомнят людям о том, что они сами свободны выразить свое мнѣніе . . .

Вмѣстѣ с этим Бруссо сообщал о тѣх мѣрах, которыя должны быть приняты для охраны.

Приказ Бруссо был выполнен в точности. Французскіе офицеры приступили к опросу выстроившихся в боевом порядкѣ казаков. Хотя казаки и были безоружны, но, наученные горьким опытом Чаталджи, французы приняли ряд мѣр на случай осложненій. Наготовѣ стояли французскіе караулы. Миноносец и вооруженные катера по очереди крейсировали возлѣ тѣх участков, гдѣ происходила сортировка казаков.

Во избѣжаніе всякаго противодѣйствія и, в особенности, агитаціи командного состава, офицерам приказано было выйти из рядов и стать спиной к казакам.

А французы начали обходить ряды войск и производить опрос казаков: желают ли они возвратиться в Россію, или оставаться на островѣ при наличіи прекращенія прокормленія. Как наканунѣ, так и теперь, они говорили о том, что офицеры об-

манывают казаков несбыточными надеждами. Им, офицерам, быть может, и дѣйствительно нельзя ѣхать. В случаѣ прекращенія питанія офицеры, конечно, устроятся. Их накормят. Казаки же будут брошены на произвол судьбы, так как ни одна держава их кормить не станет. Нужно возвращаться в Россію, тѣм болѣе, что большевики хорошо принимают реэвакуируемых.

Сначала казаки сильно колебались, и отказывались выходить из рядов. Вышло всего нѣсколько десятков человѣк. Но, когда оставшіеся казаки увидѣли в числѣ отъѣзжавших своих станичников, у них возникли опасенія: как бы большевики, узнав от прибывших о тѣх, кто не пожелал возвратиться, не стали бы преслѣдовать членов их семейств, и не запретили бы оставшимся надолго возвращенія на родину.

Казаки теперь уже массами выходили из рядов. Желавших уѣхать нашлось свыше семи тысяч. Унизительная для командного состава процедура опроса закончилась. Быстро шла погрузка на пароходы „Решид-Паша" и „Дон", которые и направились через Константинополь в Одессу.

Полученныя из Лемноса сообщенія о массовой отправкѣ казаков в Совѣтскую Россію, об агитаціи, о моральном давленіи, буквально ошеломили всѣх, находившихся в Константинополѣ.

Однако, обсудив положеніе, константинопольскія организаціи воздержались от всяких протестов, так как к французам нельзя было придраться, ибо не было никаких внѣшних фактов, свидѣтельствовавших о физическом насиліи. Когда на засѣданіи „Политическаго Об'единеннаго Комитета" был поставлен вопрос о том, чтобы просить Пелле разрѣшить желающим сойти на берег с „Решида-Паши" и „Дона", то такое предложеніе не встрѣтило сочувствія. Об'яснялось это опасеніями, что уѣзжавшіе в Совѣтскую Россію уже примирились с своей участью, и возможно, что не найдется ни одного человѣка, который пожелал бы сойти на берег. Предложеніе было отвергнуто.

По поводу лемносской реэвакуаціи Врангель написал Пелле пространное письмо, гдѣ описывал обстановку опроса и погрузки и доказывал, что воинскія части такими способами быстро разлагаются, что отправляемым в Россію грозят репрессіи, что, наоборот, событія в Россіи диктуют необходимость сохраненія арміи, что этим вгоняется клин между французским и русским народом и т. д.

Представители казачьей общественности в лицѣ „Союза Возрожденія Казачества" сдѣлали нѣсколько иные выводы из лемноских событій.

В своем меморандумѣ казачьим правительствам от 3 апрѣля центральный комитет Союза, высказав глубокое негодованіе по

поводу печальных событій на Лемносѣ, оцѣнивает эти событія, как результат не столько утраты чувства гуманности и справедливости у союзников, сколько политики главнаго командованія и казачьих правительств.

Политику главнаго командованія и реакціонных константинопольских общественных и политических организацій поддерживали и казачьи правительства, которыя, не смотря на формальную эмансипацію, продолжая по прежнему занимать зависимое и подчиненное положеніе по отношенію к главному командованію, „не проявляли никакой самостоятельности и рѣшительности по огражденію интересов казачества в настоящем и по обезпеченію их в будущем".

— Французское командованіе, — читаем мы в меморандумѣ, — повидимому, учтя такое положеніе казачьих правительств, направило удар по линіи наименьшаго сопротивленія, и, в первую очередь, насильственно реэвакуировало казаков.

— Только теперь главное командованіе и с ним поддерживающія его константинопольскія общественныя и политическія организаціи и казачьи правительства поняли трагизм положенія русских и гибельность своей политики.

— Только теперь они посылают своих представителей в балканскія государства с цѣлью выяснить возможность переселенія туда остатков арміи.

— И только теперь они выработали обращеніе к народам об оказаніи помощи в дѣлѣ устроенія арміи и бѣженцев.

— Центральный Комитет „Союза Возрожденія Казачества" предвидит, что и в данном случаѣ, если казачьи правительства окончательно и безповоротно не порвут с главным командованіем и не предпримут самостоятельных мѣр, казаки будут забыты, как это неоднократно имѣло мѣсто в прошлом...

Несмотря, однако, на всю трагичность создавшагося положенія, „константинопольское дѣйство" завершается своим логическим концом.

5 апрѣля (25 марта ст. ст.), в день годовщины вступленія Врангеля на пост главнокомандующаго, в Константинополѣ, в зданіи Русскаго Посольства состоялось открытіе „Русскаго Совѣта", несмотря на то, что оффиціальные представители казачества отказались прислать туда своих депутатов.

Сам Врангель предсѣдательствовал на первом засѣданіи „Русскаго Совѣта".

Запах тлѣнія догнивающей старой Россіи носился над собраніем.

На развалинах стана бѣлых послѣдніе из могильщиков антибольшевистскаго движенія завершали свою разрушительную, тлетворную работу.

В зданіи Русскаго Посольства собрались ничему не научившіеся люди, тѣшившіе себя миражем уже ускользнувшей от них власти.

Врангель, Кутепов, Фостиков, граф Уваров, Пильц, Лашкевич, Скоропадскій, Савицкій, Шульгин, Алексинскіе, и др. — всѣм им нужно было хоть что-нибудь создать на мѣстѣ образовавшейся пустоты, еще раз втереть очки, если не другим, то хоть самим себѣ.

Казенныя, безконечно опошленныя, утратившія всякое живое содержаніе рѣчи, звонкія, пустыя и лживыя слова...

Снова на сценѣ наш старый крымскій знакомый — епископ Веніамин. Снова старья, знакомыя фразы...

— Ты — центр. И что бы ни говорили твои враги и недруги, ты являешься об'единителем русских сил, — обращается он к Врангелю.

И вспоминается, как ровно год тому назад, на Нахимовской площади тот же Веніамин восклицал, обращаясь к Врангелю:

— Ты Петр, и на этом камнѣ и т. д.

Мертвые хоронили теперь своих мертвецов.

— Кому это нужно? — казалось, задавали себѣ вопросы и сами присутствовавшіе.

Лишь в рѣчи Шульгина сорвалось мѣткое, правдивое слово, когда он охарактеризовав создавшееся положеніе, сравнил его с разбитой вазой, но нашел, что его мысль лучше выражается по украински словами: „разгепана макитра".

Эти летучія слова в примѣненіи к „Русскому Совѣту" пошли гулять по Константинополю.

Впрочем, об этой организаціи в широких бѣженских массах почти не говорили, и работами ея никто не интересовался, тѣм болѣе, что полным темпом шло распыленіе остатков Вооруженных Сил Юга Россіи.

Открытіе „Русскаго Совѣта", главной цѣлью котораго являлось „закрѣпленіе существованія Русской арміи, как таковой, а также сохраненіе идеи государственной власти, на эту армію опирающейся", послужило окончательным толчком к тому, что 17 апрѣля 1921 года французское правительство опубликовало слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

— Генерал Врангель образовал в Константинополѣ своего рода русское правительство и претендует сохранить на положеніи арміи вывезенныя им из Крыма войска.

— Он оказывает сопротивленіе всѣм мѣрам, которыя военныя французскія власти принимают для того, чтобы прекратить расходы, взятые на себя правительством республики, с гуманитар-

нымъ желаніемъ не дать умереть крымским бѣженцам от голода и нищеты. Он не только не понимает, что мѣры эти внушены заботой о подлинных интересах бѣженцев, но оказывает постоянное давленіе на своих бывших солдат, чтобы внушить им не слѣдовать нашим совѣтам. В своих заявленіях он выставляет Францію, как не интересующуюся больше судьбой Россіи, и доходит даже до обвиненія нас в том, что мы выдаем большевикам казаков, вынужденных вопреки своей волѣ вернуться в Россію.

— Такое отношеніе не допустимо. Франція имѣла право разсчитывать на лучшее признаніе значительных финансовых жертв, которыя ей пришлось уже принести для облегченія участи бѣженцев.

— Совершенно неожиданно, не будучи предупреждена, и без того, чтобы с ней посовѣтовались, она оказалась перед наличностью факта массоваго бѣгства солдат и бѣженцев из Крыма. Одна из всѣх націй міра, без колебаній, из чувства человѣчности и из чувства вѣрности Россіи, она, несмотря на всѣ громадныя трудности задачи, организовала помощь, потребовавшуюся исходом 135.000 человѣк. Она израсходовала, таким образом, свыше двухсот милліонов, из которых едва лишь четверть была покрыта пароходами и товарами, принадлежавшими бывшему южнорусскому правительству и данными ей в залог.

— Но, французское правительство в согласіи с державами опредѣленно признало и без всяких обиняков настаивало на том, что вывезенные бѣженцы не составляют больше арміи, и что помощь им оказывалась лишь временно и из гуманитарных соображеній. Точно также, едва лишь южнорусское правительство покинуло Крым, мы перестали признавать его существованіе и раньше, впрочем, признавая его лишь в качествѣ фактически существующаго правительства.

—Нѣт кредитов на обезпеченіе нужд организованной русской арміи в районѣ Константинополя. Существованіе такой арміи на оттоманской территоріи противорѣчило бы международному праву и представляло бы опасность для мира и спокойствія Константинополя и его окрестностей, охраняемых союзной оккупаціей в трудных условіях. Является, впрочем, иллюзіей полагать, что можно успѣшно бороться с большевизмом вооруженной силой, русской или иностранной, имѣющей свою базу внѣ Россіи, и особенно при помощи войск, которыя в момент своей наибольшей организованности в Крыму, на родной землѣ, не смогли защитить ее от совѣтскаго нападенія.

—В виду позиціи, занятой генералом Врангелем и его генеральным штабом, лежащая на нас международная отвѣтственность заставляет нас избавить крымских бѣженцев от его лич-

наго вліянія, порицаемаго, впрочем, всѣми серьезными русскими элементами. Не прибѣгая ни к какому насилію по отношенію к нему и русским офицерам, необходимо прервать их связь с русскими солдатами, нашедшими убѣжище в лагерях Галлиполи и Лемноса.

—Большевистская радіотелеграмма от 7 апрѣля обѣщает амнистію солдатам, казакам, мобилизованным крестьянам и мелким чиновникам, входящим в состав врангелевской арміи и желающим возвратиться в Совѣтскую Россію. Мы не беремся гарантировать выполненіе этого обѣщанія. Пусть бѣженцы сами оцѣнят его и опредѣлят свое поведеніе. Мы должны лишь раз'яснить им тѣ мѣры, которыя могут избавить их от нежелательнаго воздѣйствія на них их начальников. В то же время необходимо указать им, что Франція не может продолжать до безконечности снабжать их продовольствіем, даже при условіи максимальнаго сокращенія лагерных пайков.

—На эвакуированных не было и не будет оказано никакого давленія в смыслѣ принужденія их возвратиться на родину.

—Им представляется полная свобода выбора—либо эмигрировать в Бразилію (гдѣ штатом Сан-Паоло предоставлено великодушное гостепріимство 20 тысячам земледѣльцев с оплатой путевых расходов), либо добывать средства к существованію в сосѣдних странах. Не слѣдует забывать, что в настоящее время около милліона русских бѣженцев проживает в Польшѣ, гдѣ они сами зарабатывают себѣ пропитаніе. Почему какой нибудь десяток тысяч русских не мог бы поступить точно также в Турціи, или в балканских странах?

—Всѣ русскіе, находящіеся в лагерях, должны знать, что армія Врангеля больше не существует, что их бывшіе начальники не имѣют больше права отдавать им приказанія, что они совершенно свободны в своих рѣшеніях, и что продовольствованіе в лагерях впредь продолжаться не может.

—Франція, которая помогала им в теченіе пяти мѣсяцев цѣною больших затрудненій и тяжелых жертв, пришла к предѣлу возможностей в этом отношеніи. Сохранив существованіе бѣженцев, Франція дает им теперь возможность поддерживать его собственными средствами.

Этот акт французскаго правительства явился кульминаціонным пунктом, завершеніем, можно сказать, босфорской эпопеи главнаго командованія.

Правда, період длительных переговоров с Сербіей и Болгаріей о разселеніи остатков Вооруженных Сил Юга Россіи (Бразилія отказалась принять русских бѣженцев и шумиха, поднятая вокруг этого вопроса, как выяснилось, была в значительной

мѣрѣ основана на недоразумѣніи) затянулся на нѣсколько мѣсяцев. В теченіе этого времени измученные морально, изнуренные физически люди, только мечтали о покоѣ, об отдыхѣ. Они могли лишь лелѣять мысль о том, чтобы освободиться из под опеки главнаго командованія и „Русскаго Совѣта“. Арміи, воинских частей, как таковых, давно уже не было. Люди хотѣли забыть всякую военщину, стать обыкновенными частными людьми, и жить своим производительным трудом в Болгаріи ли, в Сербіи ли, в Африкѣ, в Турціи, — гдѣ? безразлично.

Только бы вырваться на волю, только бы дышать свободным воздухом, а не смрадной атмосферой военных лагерей. Только бы не видѣть „обожаемых вождей“... Только бы не слышать их фамилій. Только бы... не думать, не вспоминать обо всем том, что привело их на берега Босфора.

Этих людей все еще не пускают. Держат всѣми силами всѣми средствами, несмотря на приказы, распоряженія...

Но, всему приходит конец, и постепенно остатки Вооруженных Сил Юга Россіи частью распыляются на положеніи рядовых бѣженцев, главным образом, в Сербіи, Болгаріи, частью просачиваются на запад, в Чехо-Словакію, в Польшу, в балтійскія государственныя образованія, частью, наконец, возвращаются в Совѣтскую Россію.

Что касается послѣдних руководителей стана бѣлых, то даже и послѣ акта французскаго правительства от 17 апрѣля, Врангель со своими приближенными, единомышленниками и пресловутым „Русским Совѣтом“, с тѣм, что обыкновенно сопровождало главное командованіе, никак не хотят сойти со сцены. Всѣ они от времени до времени еще напоминают о своем существованіи, шумят, интригуют, назойливо липнут к русским бѣженцам и, вообще, никак не могут примириться с фактом своей ликвидаціи.

От времени до времени „Русскій Совѣт“ выступает с „государственными актами“, в родѣ майскаго акта о разрывѣ с атаманами и правительствами Дона, Кубани и Терека с тѣм, чтобы говорить с казаками „через головы их оффиціальных представителей“. Подобные демагогическіе, заимствованные у большевиков пріемы, равносильны были, правда, уже запоздавшему акту самоубійства, также, как шумныя собранія, вродѣ іюньскаго „Національнаго С'ѣзда“, устроеннаго политической группой „Общаго Дѣла“ с Бурцевым во главѣ, как всевозможныя новыя выступленія Врангеля, лишній раз напоминали о том, что четырехлѣтняя война между красными и бѣлыми закончилась, и в исторіи борьбы за возрожденіе Россіи наступил новый період.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

10 февраля 1921 года, в бесѣдѣ со мной на яхтѣ „Лукулл“ в Константинополѣ, генерал Врангель так охарактеризовал значеніе крымскаго періода борьбы с большевиками.

— В Крыму происходила гальванизація трупа. Все, что там дѣлалось, было лишь искусственным поддержаніем жизни умирающаго организма. Но, ежели бы внѣшнія условія оказались болѣе благопріятными, этот организм мог бы окончательно возродиться. Нужно было вспрыскивать живительную сыворотку. „Сыворотка“ — это деньги и матеріальное снабженіе. Помощь запада явилась бы той сывороткой, которая могла бы спасти все...

— Восьмимѣсячная наша борьба, — говорил генерал Врангель, — принесла колоссальные результаты, ибо она сохранила честь русскаго имени. Ежели бы мы кончили борьбу весной, когда ушел Деникин, мы кончили бы ее с позором, раздираемые внутренними междуусобіями, ненавидимые населеніем, утратившими воинскій облик... Мы ушли-бы утратившими русскую честь... Сейчас мы ушли, вынужденные к тому силой, но мы гордо вынесли наше знамя. Мы спасли общее положеніе...

Эта характеристика, данная лицом, стоявшим во главѣ Крыма, завершает собою все то, что описано в этой книгѣ. Она не расходится в основной своей мысли с точкой зрѣнія автора, изложенной в предисловіи.

Как мы видѣли из содержанія этой книги, генерал Врангель замѣчательно вѣрно опредѣлил сущность того періода борьбы с большевиками, который наступил послѣ Новороссійской катастрофы. Да, это было ничто иное, как „гальванизація трупа“. Мертвый организм нельзя было оживить „сывороткой“ в каком бы количествѣ она не вспрыскивалась.

Того, что, по заявленію Врангеля, спасло общее положеніе, в дѣйствительности не было.

Мы знаем, к каким „колоссальным результатам“ привел восьмимѣсячный період борьбы с больш виками. Мы видѣли, как „охранялась часть русскаго имени“. Уяснив себѣ характер борьбы с большевиками в Крыму, можно отвѣтить на вопрос, нужна ли она была. Мы видѣли, каково было при Врангелѣ

внутреннее положеніе в станѣ бѣлых, как создавался единый антибольшевистскій фронт, как себя чувствовало населеніе, все что вырождился воинскій облик арміи и как вообще „спасалось общее положеніе“.

Итоги налицо. Мучительный процесс вырожденія, агоніи и ликвидаціи стана бѣлых закончился.

Тяжелый переходный період, который мы переживаем сейчас, является періодом переоцѣнки цѣнностей, разслоенія антибольшевистских сил, и концентраціи их вокруг демократических и антидемократических центров. Такое разслоеніе, вѣрнѣе отмежеваніе демократіи от всего ей чуждаго и враждебнаго, является результатом тяжких уроков, которые дала ей русская революція, кровавая гражданская война и, главным образом, трагическая эпопея стана бѣлых.

Этот стан состоял из двух органически враждебных другу другу сил, вступивших в противоестественное сотрудничество благодаря тому, что создавшаяся обстановка и общій ход событій толкали их на совмѣстную борьбу с большевиками, тогда как конечныя цѣли борьбы не имѣли между собой ничего общаго.

Руководящая роль в совмѣстной борьбѣ принадлежала представителям старой дореволюціонной Россіи, истинная природа которых, внутреннее существо, обнаруживались лишь в процессѣ сотрудничества, когда тѣ, кто с оружіем в руках вел борьбу с большевиками, осознавали себя и становились уже совершенно опредѣленно по ту или другую сторону исторической грани — мартовской революціи.

Для представителей старой, реакціонной и реставраціонной Россіи Великая Революція со всѣми ея завоеваніями была органически не пріемлема, тогда как для демократических сил, принявших активное участіе в вооруженной борьбѣ с большевиками, революція являлась основаніем, фундаментом, на котором должна была строиться новая Россія.

Каждая из этих сил самостоятельно вступила в борьбу с большевиками, но, на первых же порах, убѣдившись в своей слабости, реакціонеры, реставраторы и тѣ, кто, будучи органически связан со старой царской Россіей, еще не осознал себя в этом отношеніи, — всѣ они начали упорно стремиться к тому, чтобы приблизиться к демократіи и увеличить за ея счет силы реакціи. В свою очередь, демократическія массы народныя, вступая в революцію, не были организованы в политическом отношеніи, не имѣли своих испытанных вождей и лишь в процессѣ революціи, в процессѣ гражданской войны начали постепенно осознавать себя, стремиться к выработкѣ и реализаціи конкрет-

ных форм, отвѣчающих требованіям государственнаго строительства новой Россіи.

Противоестественное сотрудничество, явившееся результатом неорганизованности демократіи, привело к искаженію истинной природы здороваго по своему существу антибольшевистскаго демократическаго движенія в его наиболѣе активных проявленіях. Этот союз парализовал развитіе враждебнаго большевикам движенія во всероссійском масштабѣ. Он привел к образованію стана бѣлых с его своеобразной военно-гражданской конструкціей в формѣ генеральской диктатуры и ея неизбѣжнаго реакціоннаго антуража.

В этом состояніи стан бѣлых, в виду наличія в нем демократических сил, просуществовал значительный промежуток времени, в теченіе котораго, под вліяніем тяжелаго опыта, изживались иллюзіи противоестественнаго соглашательства. Представители демократіи — одни раньше, другіе позже — стали разбираться в истинной сущности того, что скрывалось под понятіем главнаго командованія. Руководствуясь больше инстинктом, чѣм разумом, разбирались в этом и широкія демократическія массы, как находившіяся в станѣ бѣлых, так и внѣ его.

И по мѣрѣ того, как развивался общій ход событій, все еще недостаточно осознавшая себя, не сплоченная, не с'организованнная в однородную среду демократія начинает отмежевываться от главнаго командованія, на первых порах идейно, а потом физически уходит из стана бѣлых. Это разслоеніе, происходившее внутри стана бѣлых, сопровождалось ожесточенной борьбой между представителями демократіи и тѣми группами и теченіями, которыя возглавлялись главным командованіем.

Реакціонеры разлагали демократическій фронт и наоборот...

В таком состояніи, раздираемый внутренними междуусобіями, стан бѣлых не мог быть устойчивым, и военный разгром лишь завершил собою ликвидацію того, что при самом своем зарожденіи было обречено на гибель.

Исход демократических элементов из стана бѣлых начался еще тогда, когда, напримѣр, на югѣ Россіи добровольцы и казаки под командой Деникина побѣдоносно продвигались к Москвѣ. Тогда большевики, казалось, находились на краю гибели.

Событія, однако, развертывались с головокружительной быстротой. Приходилось уже пожинать плоды противоестественнаго сотрудничества. Развал тыла, фронта, катастрофическій отход от Орла до Новороссійска... Момент для самостоятельной организаціи демократических сил был упущен.

Демократія очутилась между молотом и наковальней, стала

пред трагической дилемой — страшным физическим разгромом со стороны большевиков или продолженіем противоестественнаго сотрудничества с представителями старой Россіи, стремившимися к діаметрально противоположным цѣлям. Приходилось выбирать то зло, которое при создавшихся обстоятельствах казалось наименьшим.

Попытки найти третій выход в родѣ разраставшагося движенія зеленых казались заранѣе обреченными на неудачу, и в силу цѣлаго ряда условій зеленоармейщина не могла принять характера широкаго народнаго движенія.

Скорѣе подсознательный, чѣм сознательный массовый процесс исхода из стана бѣлых завершился Новороссійском.

В теченіе всего крымскаго періода демократическіе элементы участвовали в борьбѣ лишь постольку, поскольку они вынуждены были к этому внѣшней обстановкой, безвыходностью положенія. Атмосфера изоляціи, которая образовалась вокруг антибольшевистскаго движенія, возглавляемаго главным командованіем, привела к вырожденію стана бѣлых. Морально, идейно, здѣсь оставались лишь реакціонеры, все еще старавшіеся скрыть свое истинное существо и даже разыгрывать из себя демократов.

Стан бѣлых теперь становился станом черных, и лишь, повторяю, безвыходность положенія оправдывала дальнѣйшее в нем пребываніе демократических элементов.

Но, только послѣ длительной агоніи, послѣ крымской катастрофы, когда остатки Вооруженных Сил Юга Россіи с десятками тысяч бѣженцев очутились на берегах Босфора, когда ликвидированы были послѣднія развѣтвленія стана бѣлых на востокѣ и на западѣ, когда окончательно были изжиты послѣднія иллюзіи соглашательства, — тогда наступил період сознательной переоцѣнки цѣнностей и окончательный массовый идейный и чисто физическій исход из стана бѣлых, гдѣ оставались лишь реакціонеры, авантюристы, кондотьеры, или несчастные измученные люди, которые находились в положеніи бѣлых рабов.

Ясно было, однако, что в таком видѣ стан бѣлых терял всякую свою цѣнность для черных, тѣм болѣе, что об'ективныя условія вели к распыленію того, что являлось для них „пушечным мясом", матеріалом для очередной авантюры.

И вот, параллельно исходу демократических элементов развивается процесс массоваго исхода из стана бѣлых элементов, органически враждебных демократіи. Тѣсная, жестокая для них демократическая маска, которую они пытались, хотя и неудачно, натягивать на себя в теченіи нѣскольких лѣт, начинает сбра-

сываться. Реакціонеры отказываются от всяких компромиссных лозунгов, которыми они до сих пор прикрывали свои затаенныя вожделѣнія.

И сейчас параллельно созданію демократическаго, республиканскаго фронта идет концентрація реакціонных сил, создается антидемократическій, черный монархическій фронт.

В этом заключается наиболѣе характерная особенность того переходнаго періода, который переживала и переживает вся огромная масса русских, находящаяся за рубежом Россіи, в період ликвидаціи и послѣ ликвидаціи стана бѣлых.

Оглавленіе.

Типографія „Грюнхут“ в Прагѣ.